

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВОЕДЕНИЕ В СТРАНАХ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – IX

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВОЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – IX

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
с участием ведущих российских и зарубежных ученых*

Улан-Удэ, 27-30 июня 2018 г.

*Улан-Удэ
2018*

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Buryat State University
Laboratory of Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region
The Supreme Court of the Republic of Buryatia
The Arbitration court of the republic of Buryatia
The Administration and the head of the government of the republic of Buryatia
Ministry of Sports and Youth Policy of the Republic of Buryatia
The association of lawyers of Mongolia
Mongolian state University
Association of comparative law of China
Institute of Comparative law under the political-legal University of China

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION — IX

*Proceedings of the annual International youth scientific
and practical conference with the participation of leading
Russian and foreign scientists*

(Ulan-Ude, 27–30 June, 2018)

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Бурятский государственный университет
Лаборатория сравнительного правоведения в странах АТР
Верховный суд Республики Бурятия
Арбитражный суд Республики Бурятия
Администрация главы и правительства Республики Бурятия
Министерство спорта и молодежной политики Республики Бурятия
Ассоциация юристов Монголии
Монгольский государственный университет
Ассоциация сравнительного правоведения Китая
Институт сравнительного правоведения
при политико-юридическом университете Китая

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА — IX

Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
с участием ведущих российских и зарубежных ученых

(Улан-Удэ, 27-30 июня 2018 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2018

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (59:94)
С 75

Ответственный редактор
Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

К. А. Будаев, канд. юр. наук, доц.; *О. В. Хышиктувев*, канд. юр. наук, проф. БГУ;
Е. А. Мурзина, канд. юр. наук, доц.; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук;
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.;
Ю. В. Хармаев, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук

Текст печатается в авторской редакции

С 75 **Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — IX** : материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции с участием ведущих российских и зарубежных ученых (г. Улан-Удэ, 27–30 июня 2018 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. 260 с.

В настоящий сборник уже традиционно вошли статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для ученых, студенческой молодежи и аспирантов, преподавателей вузов, юристов-правоприменителей, а также для широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и правом стран АТР, международным сотрудничеством в различных сферах общественных отношений.

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region—IX: Proceedings of the annual International youth scientific and practical conference with the participation of leading Russian and foreign scientists (Ulan-Ude, 27–30 June, 2018) / sci. ed. Yu. P. Garmaev. Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department, 2018. 260 p.

The collection traditionally presents the articles of young scientists, postgraduates, candidates for a mas-ter’s degree, students of Russian, Chinese and Mongolian universities on topical theoretical and practical problems of comparative law in the countries of the Asia-Pacific region.

The collection is intended for scientists, students and graduate students, university professors, law enforce-ment officials, as well as for a wide range of readers who are of interest in comparative law and Pacific Rim law, international cooperation in various spheres of public relations.

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (59:94)

© Бурятский госуниверситет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в глобальной расстановке сил произошли значительные изменения. Одно из них заключается в том, что развитие мировой экономики и торговли все в большей степени зависит от положения дел в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), для которого в настоящее время характерны динамичное развитие интеграционных процессов и расширение экономического сотрудничества. За последние годы взаимоотношения России и других стран АТР получили серьезное развитие и даже, пожалуй, качественный скачок. Взаимодействие стран региона, которое с начала XXI в. приобрело характер стратегического партнерства, охватывает различные сферы: политику, экономику, науку, образование и др.

Ярким примером такого партнерства стала очередная ежегодная международная молодежная научно-практическая конференция с участием ведущих российских и зарубежных ученых, проводимая Бурятским государственным университетом уже на протяжении более 10 лет. Миссия конференции направлена, прежде всего, на укрепление международного правового сотрудничества между государствами, научными сообществами и молодежью России, стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), других стран по трём основным направлениям: установление и развитие деловых контактов с другими учеными, вузами, научно-исследовательскими организациями, центрами сравнительно-правовых исследований; содействие сотрудничеству России с другими странами АТР, иными государствами в судебной и правоохранительной, правозащитной сфере; эволюция компаративистики в направлении развития дидактики, качества подготовки будущих юристов в странах АТР.

Необходимо отметить, что предыдущее аналогичное научное мероприятие (2017 г.) было проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-03-14155). Это подняло конференцию на качественно новый уровень, за что от всей души благодарим грантодателя!

Молодежная конференция этого года прошла в тесной взаимосвязи с еще двумя не менее значимыми и представительными научными форумами, которые позволили значительно усилить количественный и качественный состав участников всех мероприятий. Речь идет о Международной летней Байкальской юридической школе¹, прошедшей в БГУ и на оз. Байкал с 28 июня по 3 июля 2018 г., а также о VII Международной научно-практической конференции «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения», участие в которой традиционно принимают широко известные ученые в области компаративистики стран АТР. Гости и участники всех упомянутых международных мероприятий имели возможность познакомиться, пообщаться и обменяться мнениями в течение нескольких дней, чего ранее организаторы молодежной конференции не могли обеспечить по ряду объективных причин.

Нынешнюю молодежную конференцию мы позиционировали как проводимую с участием ведущих российских и зарубежных ученых — криминалистов, поскольку гостями молодежного форума стали все спикеры международной летней школы — 11 докторов юридических наук, профессоров: В. Я. Колдин, Б. Я. Гаврилов, Л. В. Бертовский, Л. Г. Шапиро, Д. А. Степаненко, А. С. Степаненко, С. И. Давыдов, Д. В. Ким, Н. Ю. Лебедев, Ван Чжи Хуа (КНР) и Н. Гантулга (Монголия). У молодых ученых была возможность не только послушать интересные доклады, дискутировать по поводу актуальных тем исследований, но и лично пообщаться с уважаемыми профессорами.

В конференции 2018 г. приняли участие 133 исследователя из пяти стран (Китай, Монголия, Республика Беларусь и Россия, Донецкая народная Республика) и 19 городов (Барнаул, Владивосток, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Иркутск, Краснодар, Красноярск, Минск, Москва, Новосибирск, Пекин, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Улан-Батор, Улан-Удэ, Хабаровск, Чита).

Теперь традиционно несколько слов о том, как была проведена конференция. На торжественном открытии международного молодежного научного форума с приветственным словом выступили: Балданов Тубдэн-лама, пресс-секретарь Буддийской традиционной сангхи России, преподаватель Буддийского университета «Даши Чойнхорлин»; Мошкин Николай Ильич, ректор

¹ Международная летняя Байкальская юридическая школа [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bsu.ru/news/19567/> (дата обращения: 15.08.2018).

БГУ, д-р техн. наук, профессор; Вячеслав Викторович Хахинов, проректор по научно-исследовательской работе БГУ, д-р хим. наук, доцент; Ганболд Цагаан, вице-консул Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ, д-р наук (PhD), полковник пограничных войск Монголии; Наваан Гантулга, начальник Института исполнения судебных решений Университета правоохранительной службы при Министерстве юстиции Монголии, д-р наук (PhD), доцент; Ван Чжи Хуа, генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения КНР, председатель Научно-исследовательского института сравнительного правоведения Политико-юридического университета КНР, д-р юр. наук, профессор; Альбина Александровна Кириллова, председатель Верховного суда Республики Бурятия, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент; Вячеслав Анатольевич Дамдинцурунов, министр спорта и молодежной политики Республики Бурятия; Валентин Яковлевич Колдин, профессор кафедры криминалистики МГУ, заслуженный профессор МГУ, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РСФСР, д-р юр. наук, профессор; Лидия Леонидовна Ветлужская, директор Института Конфуция БГУ, канд. ист. наук, доцент; Алексей Александрович Кочетов, заместитель начальника УФСИН России по Республике Бурятия, полковник внутренней службы; Эльвира Львовна Раднаева, декан юридического факультета БГУ, канд. юр. наук, доцент.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из Монголии, Китая и России, после чего конференция продолжила свою работу в пяти секциях:

Секция № 1: «Конституционно-правовые и административно-правовые институты стран АТР: сравнительно-правовой аспект». Ведущим секции выступил заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Бурятия, канд. юр. наук, профессор БГУ К. А. Будаев. В рабочий президиум секции, которому было поручено заслушать и оценить доклады молодых ученых, вошли: зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Ю. Г. Хамнуев; ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ, канд. юр. наук Е. С. Алексеева; ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ А. Г. Тышкенова; ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ С. В. Дагангаров; магистр юриспруденции, ассистент кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ О. А. Гатаулина; ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ Ж. А. Васильева.

Секция № 2: «Международное право и международные отношения». Ведущим секции выступил зав. кафедрой международного права ЮФ БГУ, заслуженный юрист Российской Федерации, канд. юр. наук, профессор БГУ О. В. Хышиктуев. В рабочий президиум секции вошли: доцент кафедры международного права ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Б. С. Семенов; ст. преподаватель кафедры международного права ЮФ БГУ, канд. юр. наук Е. О. Мадаев; ст. преподаватель кафедры международного права ЮФ БГУ, канд. ист. наук, доцент Н. С. Баранова; ст. преподаватель кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ М. Д. Цыбикова; ассистент кафедры международного права ЮФ БГУ С.Ю. Колмаков.

Секция № 3: «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР». Ведущими секции выступили зав. кафедрой гражданского права и процесса ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент Е. А. Мурзина и доцент кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. юр. наук С. В. Доржиева. В рабочий президиум секции вошли: профессор кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, д-р юр. наук, профессор А. И. Хаснутдинов; доцент кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. биол. наук Р. А. Балдаева; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. юр. наук О. С. Намсараева; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Д. К. Миронова; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ М. М. Налетова; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Т. А. Чмелева; преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ К. В. Вологодина.

Секция № 4: «Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР». Ведущими секции выступили зав. кафедрой уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Э. Л. Раднаева и профессор кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, заслуженный юрист РФ, д-р юр. наук, профессор А. Л. Репецкая. В рабочий президиум секции вошли: доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент С. К. Бураева; доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, за-

служенный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук Т. И. Эрхитуева; доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ А. Н. Мяханова; ст. преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ Н. С. Маркова; начальник отделения следственной части Следственного управления МВД по Республике Бурятия, подполковник юстиции В. С. Войтович.

Секция № 5: «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР». Ведущими секции выступили профессор кафедры криминалистики МГУ, заслуженный профессор МГУ, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РСФСР, д-р юр. наук, профессор В. Я. Колдин, зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, д-р юр. наук, профессор Ю. П. Гармаев и ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета БГУ, канд. юр. наук К. С. Латыпова. В рабочий президиум секции вошли: заведующая кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д-р юр. наук, профессор Л. Г. Шапиро; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета дружбы народов, д-р юр. наук, профессор Л. В. Бертовский; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, канд. психол. Наук В. М. Мельников; ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ Л. П. Гомбоева; заместитель начальника контрольно-методического отдела Следственного управления МВД по Республике Бурятия, подполковник юстиции А. А. Бабинов.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами, благодарственными письмами и призами — комплектами редких изданий юридической литературы.

Мы гордимся молодыми учеными, показавшими глубокие знания в области сравнительного правоведения в странах АТР, блестящие навыки публичных выступлений! Вот они — надежда и гордость компаративистики:

Лучшие доклады в пленарном заседании

Диплом 1 степени — Трефилов Александр Анатольевич

Диплом 2 степени — Ламуев Буянто Борисович

Диплом 3 степени — Суворова Анна Александровна

Лучшие доклады в научной секции 1

Диплом 1 степени — Баиров Сергей Александрович

Диплом 2 степени — Антонов Александр Игоревич

Диплом 3 степени — Чимитдоржиева Виктория Жаргаловна

Лучшие доклады в научной секции 2

Диплом 1 степени — Балаганская Анастасия Сергеевна

Диплом 2 степени — Норбоева Туяна Владимировна

Диплом 3 степени — Цыриторова Сарана Тумэновна

Лучшие доклады в научной секции 3

Диплом 1 степени — Скляров Евгений Юрьевич

Диплом 2 степени — Ласточкина Анастасия Андреевна

Диплом 3 степени — Савельева Татьяна Александровна

Лучшие доклады в научной секции 4

Диплом 1 степени — Сверкунов Сергей Петрович

Диплом 2 степени — Чимитдоржиева Гэрэлма Тумэновна

Диплом 3 степени — Линхоева Елена Михайловна

Лучшие доклады в научной секции 5

Диплом 1 степени — Лукьянова Лариса Александровна

Диплом 2 степени — Бохач Денис Евгеньевич

Диплом 3 степени — Дондупова Жаргалма Баировна

Благодарственные письма Верховного суда Республики Бурятия получили:

- Шагдаров Тимур Намжалович
- Лукьянова Лариса Александровна
- Тугдумова Саяна Солбоновна, Антонов Константин Николаевич
- Петрова Анастасия Сергеевна
- Балданова Екатерина Эдуардовна, Амгаланова Дарима Аюшеевна
- Васильева Виктория Васильевна, Пыхтина Светлана Георгиевна
- Пинигин Виктор Алексеевич

Благодарственные письма Адвокатской палаты Республики Бурятия получили:

- Суворова Анна Александровна
- Дальхеев Андрей Аркадьевич
- Косарев Олег Николаевич
- Немчинова Дарья Александровна, Гребенщикова Елена Петровна
- Цыденов Доржо Баирович

Благодарственные письма Следственного управления СК РФ по РБ получили:

- Бахаев Андрей Николаевич, Шатаева Аграфена Алсаевна
- Новикова Юлия Игоревна
- Чимитдоржиева Гэрэлма Тумэновна
- Линник Сергей Александрович
- Гаврилов Борис Яковлевич

Благодарственные письма Управления по вопросам миграции получили:

- Галецкая Галина Сергеевна
- Цыриторова Сарана Тумэновна

- Чимитдоржиева Виктория Жаргаловна
- Балаганская Анастасия Сергеевна

Благодарственные письма МВД по РБ получили:

- Трефилов Александр Анатольевич
- Ламуев Буянто Борисович
- Васильев Борис Игоревич
- Балданова Екатерина Эдуардовна, Калашникова Виктория Ильинична, Буторин Игорь Витальевич
- Антонов Константин Николаевич
- Непомнящих Надежда Владимировна

Благодарственные письма Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ получили:

- Лян Миньянь
- Норбоева Туяна Владимировна
- Эпова Алена Владимировна
- Непомнящих Надежда Владимировна

Каждому участнику конференции был вручен сертификат, подтверждающий участие в конференции.

В рамках работы молодежного научного форума перед началом конференции были организованы мастер-классы: 25 июня 2018 г. руководителем оргкомитета д-ром юр. наук, профессором Ю. П. Гармаевым проведена встреча на тему: «Методика публичных выступлений на конференциях»; 27 и 29 июня 2018 г. были организованы круглые столы на темы: «Защита прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии» и «Антикриминальное просвещение в мировой практике и участие юридических вузов, студенческой молодежи в его реализации» с участием делегаций из Китая и Монголии, а также представителей профильных служб и ведомств России (Управление по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия и др.).

Традиционно интересной и разнообразной была и культурная программа конференции. Для участников и гостей были организованы экскурсии по г. Улан-Удэ, посещение Иволгинского дацана (буддийский храм — центр традиционной буддийской сангхи (общины) России) и дацана «Ринпоче Багша» в г. Улан-Удэ, а также выезд на оз. Байкал (пос. Горячинск) 29–30 июня 2018 г.

Мы надеемся, что в дальнейшем конференция продолжит объединять молодых ученых, активизировать научную мысль в направлении поиска решений актуальных проблем сравнительного правоведения.

Организаторы конференции выражают особую признательность Верховному суду Республики Бурятия, Арбитражному суду Республики Бурятия, Администрации главы и правительства Республики Бурятия, Министерству спорта и молодежной политики Республики Бурятия, Ассоциации юристов Монголии, Монгольскому государственному университету, Ассоциации сравнительного правоведения Китая, Институту сравнительного правоведения при политико-юридическом университете Китая и всем, кто помог в организации и проведении конференции!

Выход в свет настоящего издания был бы невозможен без труда многих десятков людей, отдавших немало сил для успешного проведения международной конференции и сопутствующих международных форумов. Спасибо за поддержку, уважаемые коллеги!

Заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР
Бурятского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Юрий Петрович Гармаев

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Неуплата налогов в КНР и Российской Федерации

© *А. И. Антонов*

студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: alexander.antonov1243@mail.ru

В статье рассматриваются нормативные правовые акты в Китайской Народной Республике и Российской Федерации, а также рассмотрена ответственность за неуплату налогов в сравниваемых государствах. Сделаны выводы о возможном уменьшении неуплаты налогов и налоговой ответственности в сравниваемых государствах. Приведены примеры неуплаты налогов и размеры наказания в случае неуплаты налогов. Проанализированы государственные органы, которые занимаются расследование данной категории дел. Целью работы является изучение нормативных актов, вид ответственности и наказание в сфере регулирования налоговых правоотношений. В работе применены также общенаучные и специальные методы исследования (аналогия, анализ, синтез, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: неуплата налога, налоговые преступления, налоговая ответственность, налоги, штрафы.

В настоящее время не существует государства, у которого бы не было законно установленных налогов, все потому, что именно благодаря налогам, государство поддерживает функционирование: образования, полиции, здравоохранения и так далее.

Более того, в некоторых странах существует даже конституционная обязанность по уплате налогов, так, например, в статье 57 Конституции России, указано, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы [1], также как и в Конституции Китая, есть аналогичная статья 56, которая также обязывает граждан Китайской Народной Республики уплачивать налоги [2]. Соответственно, если нарушить установленную обязанность, то государство потеряет доход, который так необходим для государства. И в этом смысле, так или иначе наступит юридическая ответственность.

Юридическая ответственность в теории государства и права подразделяется на уголовную, гражданскую, административную, материальную и дисциплинарную.

В нашем случае за неуплату налогов по российскому законодательству предусмотрена налоговая ответственность, которая распространяется на всех налогоплательщиков, и основана на статьях Налогового Кодекса Российской Федерации (далее НК РФ). Административная ответственность — данный вид ответственности, может быть назначен на должностных лиц, и в некоторых случаях на граждан, основан на статьях Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ). Уголовная ответственность может назначаться в отношении, как физических лиц, так и юридических лиц, и основан данный вид ответственности на статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ).

Ответственность за подобные правонарушения в Китае предусмотрена, также Уголовным кодексом Китайской Народной Республики (далее УК КНР), а также отдельным Законом КНР «Об управлении сбором налогов» от 4 сентября 1992 г. Физические и юридические лица не всегда знают, какую ответственность за неуплату налогов они будут нести в случае нарушения законодательства. Раскроем этот вопрос несколько подробнее.

Итак, УК РФ предусматривает различные виды ответственности за неуплату налогов (штрафы от ста до пятисот тысяч рублей; арест (может длиться до полугода); работы принудительного характера (от года до трех лет); лишение свободы (срок может достигать трех лет, но в зависимости от размеров задолженности).

Ответственности за неуплату налогов посвящена целая глава 22 УК РФ — преступления в сфере экономической деятельности. Так, например, статья 198 УК РФ — уклонение от уплаты

налогов и (или) сборов с физического лица, где предусмотрена ответственность в виде назначения штрафа в размере от ста до трехсот тысяч рублей. В статье 199 УК РФ — уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, наказывается аналогично штрафом, что и у физических лиц от ста до трехсот тысяч рублей, если только оно не совершено группой лиц по предварительному сговору, или в особо крупном размере, где штраф уже составляет от двухсот до пятисот тысяч рублей. Существуют в УК РФ и другие составы преступлений, а именно 199.1 УК РФ неисполнение обязанности налогового агента, и 199.2 УК РФ сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов [3].

Теперь, что касается УК КНР. Уголовная ответственность за преступления в сфере налогообложения предусмотрена главой 6 УК КНР — преступления против порядка сбора налогов. Так, статья 201 УК КНР — Фальсификация, подделка, сокрытие, самовольное уничтожение налогоплательщиком бухгалтерских книг, расчетных документов, включение в бухгалтерскую книгу дополнительных статей расходов, не включение в нее или уменьшение количества статей доходов, отказ от декларирования после получения уведомления налоговых органов и т.д. Статья 202 УК КНР — отказ от уплаты налогов с применением методов насилия и угроз. Статья 203 УК КНР — сокрытие имущества налогоплательщиком, имеющим задолженность по уплате налогов. Статья 204 УК КНР — незаконный возврат государственной экспортной пошлины. Статья 205 УК КНР — неправомерная выписка специальной квитанции об уплате налога на добавленную стоимость или иных квитанций, на основании которых производится возврат экспортной пошлины. Статья 206 УК КНР — подделка или продажа поддельных специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость. Статья 207 УК КНР — незаконная продажа специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость. Статья 208 УК КНР — незаконная покупка специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость. Статья 209 УК КНР подделка, самовольное изготовление иных квитанций, могущих быть использованными для незаконного возврата экспортной пошлины. Статья 210 — хищение специальных квитанций. По поводу ответственности по УК КНР, то он предусматривает следующие виды ответственности: надзор, краткосрочный арест, срочное лишение свободы, бессрочное лишение свободы, одновременно применяются штраф или конфискация имущества. Ранее в КНР был такой вид наказания как смертная казнь за неуплату налогов, однако на сегодняшний день данный вид наказания не применяется [4].

Таким образом, сравнивая Уголовную ответственность за неуплату налогов в России и Китайской Народной Республике, то следует отметить, что в УК КНР больше составов преступлений в сравнении с УК РФ. Также в России ответственность за неуплату налогов несколько мягче, чем в КНР. Так, неуплата налогов в КНР, могла повлечь уголовную ответственность в виде смертной казни (на сегодня не применяется), однако в России ответственность может быть назначена в виде штрафа. Субъектами ответственности в сравниваемых государствах может быть любое лицо обеих стран.

Теперь сравним административную ответственность в КНР и РФ. По поводу административной ответственности в КНР, следует сказать, что в Китае имеется различный состав нормативных правовых актов, которые регламентируют привлечение к административной ответственности за нарушение налогового законодательства. Во-первых это Закон КНР от 4 сентября 1992 г. «Об управлении сбором налогов» (в ред. от 28 апреля 2001 г.) (далее — Закон об управлении сбором налогов [5], в котором прописано как происходит налоговая регистрация, как осуществляется сбор налога и конечно же юридическая ответственность за неуплату налогов. Во-вторых это Инструкции от 15 октября 2002 г. «Об управлении взиманием налогов» (далее — Инструкция). Также, следует руководствоваться Законом КНР от 17 марта 1996 г. «Об административном наказании» (далее — Закон об административном наказании).

В Законе об управлении сбором налогов и Инструкции КНР, четко прописана обязанность налоговых органов вернуть конфискованный доход в государственное казначейство. В соответствии со ст. 65 «Закона об управлении сбором» для сбора сумм налогов, неустоек и штрафов налоговые органы могут арестовать, опечатать или выставить на аукцион для продажи неделимое имущество налогоплательщика, налогового агента или лица, обеспечивающего уплату налога. Такие меры применяются, если другого имущества недостаточно для принудительного исполнения обязательств. Статья 99 закрепляет обязанность налоговых органов выписывать налогопла-

тельщику, налоговому агенту и другим лицам свидетельства при наложении штрафов или конфискации имущества.

В Законе об управлении взиманием налогов чаще всего в качестве наказания говорится о штрафе. В случае, если налогоплательщик не может уплатить налог в течение названного в предыдущем параграфе периода, и сборщик налогов не может передать налог в течение названного в предыдущем параграфе периода, то налоговые власти, помимо того, что приказывают ему уплатить налог, могут наложить также пеню на просроченный платеж в размере 2% в день.

Максимальная сумма штрафа, что есть в Законе об управлении сбором налогов, были найдены за не предоставление налоговой декларации и не прохождение формальностей, касающихся постановления на налоговый учет, регистрации изменений или аннулирования в отведенный для этого период времени, составляет десять тысяч юаней. На сегодняшний день по курсу ЦБ РФ на 20.06.2018, один юань равен 9 рублям 65 копеек, что равняется почти 100 000 тысячам рублей, что говорит о строгой ответственности за неуплату налогов, чем предусматривает КоАП РФ.

Самые распространенные административные правонарушения в сфере налогообложения это — нарушение сроков постановки на учет в налоговый орган (ст. 15.3 КоАП РФ), за что предусмотрен штраф от пятисот до тысячи рублей. Также нарушение сроков отчетности (то есть, подачи декларации) в Инспекцию Федеральной налоговой службы (ст. 15.5 КоАП РФ), за это правонарушение предусмотрен штраф в размере от трехсот до пятисот рублей. Отказ в предоставлении документов, необходимых сотрудникам Инспекции Федеральной налоговой службы для осуществления контроля за своевременностью и правильностью исчисления и уплаты налогов — за это предусмотрен штраф для должностных лиц в размере от трехсот до пятисот рублей (в отношении должностного лица госоргана — до тысячи рублей). Кроме того, в части 1 ст. 15.6 КоАП РФ отдельно предусмотрен штраф и для физических лиц, в том числе и предпринимателей — от ста до пятисот рублей. Аналогично и в КНР все те же административные правонарушения являются наиболее распространенными.

Напомним, что Административный штраф является денежным взысканием, выражается в рублях и устанавливается для граждан в размере, не более пяти тысяч рублей; для должностных лиц — пятидесяти б], однако максимальная сумма штрафа, что есть в Законе об управлении сбором налогов, составляет десять тысяч юаней, почти 100 000 тысяч рублей, что говорит о строгой ответственности за неуплату налогов.

Проводя анализ нормативно-правовых актов, которые устанавливают ответственность за неуплату налогов в КНР и России, можно сделать следующий вывод, о том, что даже сравнив уголовную и административную ответственность в этих государствах, выходит одна закономерность, что в КНР более жестко наказывают, тех, кто не уплачивает налог в пользу государства, в сравнении с Российским законодательством. Проводить анализ других видов ответственности, на наш взгляд, не имеет значения.

Интересный факт, что к неплательщикам налогов в России относятся несколько снисходительнее, исходя из выше приведенных норм законов сравниваемых государств, но это наводит на мысль, что оказывает положительный результат, на уплату налога в целом положительно на уплату налогов, на примере статьи 198 УК РФ (уклонение от уплаты налогов), известно, что начиная с середины девяностых годов в России было зарегистрировано, что-то около семи ста или даже восьми ста преступлений по уклонению от уплаты налогов. Начиная с двухтысячных годов дел по такой статье зарегистрировано свыше шести тысяч дел. В последние годы число зарегистрированных преступлений все также заметно растет и достигает уже свыше девяти тысяч зарегистрированных преступлений по статье 198 УК РФ, что говорит либо о хорошей работе правоохранительных органов или об уклонении налогоплательщиков от уплаты налогов. На наш взгляд это связано напрямую с уровнем экономического развития страны в целом, возможно это связано с тем, что появилась частная собственность у граждан, так как ранее в советском периоде было лишь государственное имущество.

О том, какие органы занимаются расследованием данной категории дел. В России такой деятельностью занимаются органы МВД, ФСБ, Следственный комитет, и иные органы. В КНР, что касается органов, которые занимаются расследованием таких категорий дел, то ими являются органы общественной безопасности.

В КНР начиная с конца семидесятых годов прошлого столетия, начинается бурное возникновение преступных групп, повысился уровень коррупции среди чиновников, появилась проблема

ухода от налогов в крупных объемах и так далее. И в этом смысле на возросшую преступность в КНР ужесточили наказания за неуплату налогов и других видов наказания.

В целом уклонение от уплаты налогов, приводит к тому, что в государстве теряется доход, как мера обеспечения благополучия экономики страны. И именно поэтому считаем, что нужно проводить профилактику и предупреждение преступлений, также улучшать уровень жизни, ну и конечно вводить справедливое, за то наказание. Так как уменьшению количества преступлений способствует не ужесточение наказания, а увеличение процента раскрываемости преступлений. К примеру, если раскрывается одно преступление из ста, то нет смысла ужесточать наказание, то есть, если раскрываемость будет очень высокая, то преступность будет стремиться к нулю, в независимости от наказания. Рационально мыслящий человек полностью откажется от совершения преступлений, и будет лишь небольшой процент преступлений совершенных душевнобольными, например. В результате, чтобы побуждать лицо заплатить налоги, нужно проводить профилактику и публиковать в СМИ, как это сделано с курением, улучшать раскрываемость преступлений за такие виды преступлений, что говорило бы налогоплательщикам о неотвратимости наказания за неуплату налога.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ — 2014. — № 31. — 14 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс]. — URL: <http://asia-business.ru/law/law1/criminalcode> (дата обращения: 15.06.2018).
4. Об управлении сбором налогов: Закон КНР [Электронный ресурс]. — URL: <http://asia-business.ru/law/law2/duetallage/> (дата обращения: 15.06.2018).
5. Кодекс об административных правонарушениях РФ // Рос.газ. — 2001. — № 256. — 31 дек.

Сравнительно-правовой анализ подготовки государственных служащих в Российской Федерации и Японии

© А. С. Баиров

магистрант 2 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: bairov.1997@mail.ru

В данной статье рассматривается и анализируется опыт подготовки государственных гражданских служащих в Азиатско-Тихоокеанском регионе на примере Японии и Российской Федерации на современном этапе, рассмотрены основные принципы и специфические особенности правового регулирования государственной службы в данных государствах. Автор, ставит своей целью провести анализ государственной службы в Японии для определения специфических преимуществ и возможности их внедрения в отечественном законодательстве и практике регулирования государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, квалификация, компетенция, эффективность кадровой политики, управление, исполнительная власть, служащий, поступление на государственную службу.

В Японии, термин «государственный служащий» необходимо понимать расширительно и включать в данное понятие не только чиновников в собственном понимании данного термина, но и тех граждан, которые осуществляют трудовую деятельность на принадлежащих государству предприятиях: это могут быть служащие, выполняющие свой функционал на государственных железных дорогах, некоторые сотрудники СМИ, если данные СМИ финансируются и содержатся государством, учителя и преподаватели, работающие в государственных школах, сотрудники служб безопасности и самообороны и сотрудники полиции.

Несмотря на то, что по Конституции Японии, Япония является монархическим государством, на основании статьи 15 данного нормативно-правового акта, государственный служащий понимается не как человек, который подчиняется только императору, а как человек, который служит Родине и японскому обществу в целом.

Проведя анализ действующего законодательства о государственной службе в Японии необходимо выделить специфические особенности японской государственной службы, к которым можно отнести: во-первых, особый дух элитаризма, под которым понимается уважительное отношение к чиновникам со стороны общества; во –вторых — жесткий контроль над всей совокупностью элементов, обеспечивающих функциональную деятельность государственной службы; в-третьих, это высокий контроль за эффективностью переподготовки кадров в связи с пожизненной системой найма.

Основным нормативно-правовым актом, который регулирует государственную службу в Японии, является Закон о государственных служащих, который был принят в 1947 году. Данный документ, направлен на урегулирование общественных отношений, возникающих при реализации государственной деятельности. На основании изложенного, необходимо обратить внимание на следующие нормы данного акта:

- запрет, обязывать государственного служащего выполнять деятельность, которая не входит в его служебные и должностные обязанности. Данный запрет, урегулирован статьей 105 Закона о государственных служащих;

- обязанность повышать уровень своей квалификации, так как важнейшим условием для качественной трудовой деятельности государственного служащего является осуществление своего интеллектуального потенциала. В качестве подтверждения данного специфического явления, можно привести часть 5 Закона, который именуется, как «Потенциал» и в данной части зафиксирована обязанность государственного служащего постоянно в течении своей трудовой деятельности повышать свой профессиональный уровень;

- Еще одной особенностью правового регулирования деятельности государственных служащих является возможность прекращения государственной службы в Японии, зафиксированная статьей 38, пунктом 1, согласно которому, если материальное положение государственного служащего является недостаточным, то он может быть отрешен от государственной должности.

Вызывает интерес процесс поступления на государственную службу в Японии. Для поступления на службу используется система конкурсных экзаменов, причем требования данных экзаменов являются очень сложными и ориентированы на прием тех выпускников, которые закончили лучшие ВУЗы страны. Причем, несмотря на декларируемый принцип открытости приема всех желающих, на практике шансы занять высокие управленческие посты имеют только те, у кого есть высшее образование. Как правило, это выпускники юридического факультета Токийского университета.

Служебное положение государственных служащих зависит от той должности, которые они занимают в соответствии с таким понятием, как ранг. Каждый из 8 зафиксированных рангов, дифференцируется на пятнадцать разрядов, и данный разряд чиновника зависит от стажа, образовательного уровня и иных служебных характеристик, причем если в отношении государственного служащего возбуждается административное производство это отражается в соответствующей базе, при наличии уголовного дела, он автоматически понижается в ранге, но на практике в связи с высоким уровнем конкуренции, теряет свою работу. Все критерии для отнесения государственного служащего к определенному рангу регулируются и устанавливаются Советом по делам персонала, который подчиняется министерству экономики Японии.

Особое внимание необходимо обратить на процедуру переподготовки, которую проходит каждый государственный служащий каждые три года, при этом не предусматривается краткосрочное тематическое обучение, как это делается в Российской Федерации, и активно используется модель проектов, когда перед государственным служащим ставится реальная проблема из той сферы, где он трудится и отводятся четкие сроки для установления ее причины и возможные варианты для ее решения с обязательным финансовым обоснованием, данный подход позволяет безболезненно обновлять знания и привлекать на государственную службу настоящих профессионалов.

Что касается оплаты труда, то на протяжении последних пяти лет, начиная с 2012 года Япония входит в тройку стран, в которых чиновники обладают самым высоким денежным довольствием, но при этом это касается лиц, которые не только занимают руководящие должности, но специалистов среднего звена, а наличие особого рода пенсий в отношении государственных служащих не предусмотрено.

Что касается российского законодательства, и особенностей правового регулирования государственной службы, то данная служба урегулирована Конституцией Российской Федерации и

соответствующими федеральными актами, ключевым из них является Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в котором зафиксированы следующие основные начала: принцип профессионализма, принцип компетентности, причем под принципом профессионализма понимается понимание сущности государственной службы, и функционирования государственного аппарата, а под принципом компетентности понимается наличие такого уровня знаний и опыта работников, при котором, он может выполнять свой функционал с использованием организаторских и исполнительных способностей.

Основными задачами профессиональной подготовки являются: подготовка квалифицированных специалистов, способных исполнять возложенные на них должностные обязанности, ранее не состоявших на федеральной государственной гражданской службе; повышение профессиональной квалификации федеральных гражданских служащих. Профессиональная подготовка проводится с целью приобретения теоретических знаний, а также практического освоения и закрепления ими навыков по исполнению должностных обязанностей. Дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего включает в себя профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку. Стажировка является как самостоятельным видом дополнительного профессионального образования гражданского служащего, так и частью его профессиональной переподготовки или повышения квалификации.

Профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка гражданского служащего осуществляются в течение всего периода прохождения им гражданской службы. Повышение квалификации гражданского служащего осуществляется по мере необходимости, но не реже одного раза в три года. Основанием для направления гражданского служащего на профессиональную переподготовку, повышение квалификации или стажировку являются: назначение гражданского служащего на иную должность гражданской службы в порядке должностного роста на конкурсной основе; включение гражданского служащего в кадровый резерв на конкурсной основе; результаты аттестации гражданского служащего.

Процесс профессионального развития государственных служащих определяется принципами, заложенными в его основу.

Но, как показывает опыт, в действующей системе подготовки государственных служащих встречаются проблемные места.

Можно выявить и обозначить существующие недостатки профессионального развития и образования государственных служащих:

– нет существенной конкуренции в образовательной среде за право получения государственного заказа на профессиональную переподготовку и повышение квалификации госслужащих;

– прослеживается практически стопроцентная зависимость образовательных учреждений от заказчиков образовательных услуг по той простой причине, что обеспечена быстрая реакция, но скрыта инициатива образовательных учреждений;

– чётко прослеживается невысокое качество правовой базы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации, а также неопределенность многих понятий профессионального развития государственных служащих, к примеру, в вопросе о том, какое образование считается высшим.

Для решения данных проблем требуется реализация со стороны государства комплекса мер правового, организационного, финансово-экономического и учебно-методического характера. И необходимо стремиться, достичь такого уровня финансирования и правового регулирования, который наблюдается в Японии на современном этапе.

Литература

1. Илышев А. Экзамен в токийской мэрии // Служба кадров. — 2001. — № 11. — С. 65.
2. Ирхин Ю. Роль этических норм и кодексов в формировании профессиональных компетенций государственных служащих (опыт Японии) [Электронный ресурс]. — URL: / viperson.ru/wind.php?ID=511885&soch=1 (дата обращения: 26.05.2018).
3. Пантелеева Е. Современный японский менеджмент [Электронный ресурс]. — URL: www.hr-portal.ru/article/sovremennyyi-yaponskii-menedzhment (дата обращения: 28.05.2018).
4. Радченко А. И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход. — Ростов-н/Д: Росиздат, 2016. — 125 с.
5. Шкатула В. И. Проблемы современного образования в сфере государственного управления. — Изд. 2. — М.: Норма. — 2015. — 431 с.

Взаимодействие органов муниципального контроля при организации и проведении проверок в России и Китае: сравнительно-правовой анализ

© Г. С. Галецкая

магистрант 2 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ,

E-mail: Galetskaya94@mail.ru

В статье рассматривается взаимодействие органов власти при проведении муниципального контроля в России и Китае. Проводится сравнительный анализ основных положений при проведении муниципального контроля с выявлением положительных и отрицательных моментов.

Ключевые слова: правовой статус, муниципальный контроль, взаимодействие органов государственной власти.

С древних времен по наши дни, почти в каждой стране существовало, как негласное, так и официально закрепленное разделение органов государственной власти, осуществляющих деятельность по контролю и надзору за жизнью граждан, их правовым положением, а так же за соблюдением указов, законов и распоряжений.

На сегодняшний день, действие этих систем было частично или, в большинстве случаев, полностью утрачено. Однако принцип их организации все же был взят за основу, в связи с чем, во многих странах контроль на местах осуществляют органы местного самоуправления, которые, чаще всего, похожи по своим функциональным признакам, но отличаются по структуре и составу. Рассмотрим эти сходства и отличия на примере организации деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации и Китайской Народной Республики, а точнее взаимодействие органов муниципального контроля при организации и проведении проверок.

Исходя из общих понятий, под муниципальным контролем следует понимать деятельность уполномоченных органов местного самоуправления по проверке соблюдения законодательства о местном самоуправлении, муниципальных правовых актов. Под взаимодействием понимается обоюдное сотрудничество, передача и получение информации, а также взаимная помощь муниципальных органов при осуществлении контрольно-надзорных функций для обеспечения правильного и своевременного устранения нарушений со стороны других субъектов возникших правоотношений.

В большинстве случаев, взаимодействие муниципальных органов бывает необходимо, поскольку каждый орган обязан контролировать и регулировать определенную для него сферу деятельности. Так как круг правоотношений очень обширен и ни одному органу не под силу осуществлять контроль над всеми сферами жизнедеятельности, было принято решение разделить сферу влияний, закрепив за каждым органом свой круг деятельности граждан. Однако, на сегодняшний день, все чаще возникают ситуации, когда возникающие правоотношения выходят за рамки компетенции одного органа, в связи с чем, возникла необходимость взаимодействия органов муниципального контроля при проведении проверок.

В России правовой статус органов муниципального контроля определен Конституцией Российской Федерации, высшим нормативно-правовым актом субъекта РФ (Конституция субъекта, Устав и т.д.), ФЗ №131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ФЗ-294 от 26.12.2008 г. «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля и муниципального контроля», иными федеральными законами, нормативными актами субъектов Российской Федерации, а также актами вышестоящих муниципальных органов.

Проанализировав вышеуказанные акты, можно сделать вывод о том, что органы государственного контроля, органы муниципального контроля при организации и проведении проверок осуществляют взаимодействие по таким вопросам, как:

1. Вопрос организации и осуществления муниципального контроля;
2. По вопросам информирования о возникших нормативно-правовых актах, регулирующих смежные сферы деятельности;
3. По вопросам определение целей, объема, сроков проведения плановых проверок;
4. Информирование о результатах проводимых проверок, состоянии соблюдения законодательства Российской Федерации в соответствующей сфере деятельности и об эффективности муниципального контроля;

5. Подготовка в установленном порядке предложений о совершенствовании законодательства Российской Федерации в части организации и осуществления муниципального контроля;

6. Повышение квалификации специалистов, осуществляющих муниципальный контроль.

Данный перечень не является закрытым, поскольку все виды правоотношений активно развиваются, в связи с чем, постоянно увеличиваются различные сферы взаимодействия.

Правовой статус местных органов власти и управления в КНР определяется Конституцией КНР (Глава III, раздел 5), Законом «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств» в редакции от 02.10.1995 г., а также множеством иных нормативных актов субъектов и органов местного самоуправления.

В качестве органов местного самоуправления в КНР выступает собрание народных представителей, которое строится в соответствии со структурой административно-территориального деления (ст. 96, ст. 105 Конституции КНР). Местные собрания народных представителей являются органами государственной власти на местах и рассматриваются как составная часть единой системы представительных учреждений.

Органы муниципального контроля при организации и проведении проверок осуществляют взаимодействие по таким вопросам, как:

1. Совместное определение сферы осуществления муниципального контроля;

2. Назначение комиссии и председателя комиссии по проведению муниципального контроля;

3. Информирование о результатах проведенных проверок, процедуре соблюдения законодательства и результатах устранения правонарушения;

4. По вопросам назначения руководителей и ответственных лиц в нижестоящих органах муниципального контроля;

5. Предоставление информации о новых законодательных актах, которые регулируют данную необходимую сферу правоотношений.

Данный перечень также не является закрытым и пополняется с учетом внесения новых положений в нормативные акты государства и его субъектов.

Сравнив основные формы и области взаимодействия органов муниципального контроля при организации и проведении проверок в России и Китае можно сделать вывод о том, что большинство форм и областей взаимодействия совпадают. Органы местного самоуправления этих стран активно обмениваются информацией о предстоящих совместных проверках, определяя общую точку взаимодействия, которая в дальнейшем сможет помочь провести эффективное сотрудничество контрольных органов различных сфер жизнедеятельности человека. Кроме того, органы местного самоуправления на всех уровнях взаимодействия осуществляют взаимное информирование друг друга о новых законах, указах и иных нормативных документах. Также существует взаимодействие по совместной работе, которое необходимо при проведении проверки. Например, определение объемов работы, сроков её выполнения, выявление объекта изучения, сбор и обобщение информации для выявления дальнейшего общего результата.

Однако существуют и различия в этих системах. Например, в России проводится совместное кадровое обучение персонала, в то время как в Китае осуществляется строгое разграничение каждой сферы деятельности и ее отдельное развитие со строгим разграничением интересов. С одной стороны, обучение позволяет сотрудникам всесторонне развиваться и плавно переходить в другие отрасли деятельности граждан для дальнейшего контроля, но с другой стороны, ограничение в определенные рамки позволяет сфокусироваться на своей работе, гарантируя её качественное выполнение. Кроме того, в органах местного самоуправления КНР существует явное отличие по структурным признакам взаимодействия. Это касается принципов контроля со стороны вышестоящих органов, их правовым положением и преимуществом назначения, как контролирующего лица, так и созыв общей межведомственной комиссии. Этот принцип говорит о присутствии командного характера в политике государства и сосредоточенности закона в единых руках, что может привести к заинтересованности со стороны муниципальных органов в процессе проведения проверок, что в свою очередь, может ущемлять субъектов, в отношении которых была инициирована проверка со стороны органов муниципального контроля.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.

2. Конституция Китайской Народной Республики от 04.12.1982 г (ред. от 29.03.1993 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 18.05.2018).

3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон ФЗ-294 от 26.12.2008 // СЗ РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — 29 дек.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. // Рос. газ. — 2003. — № 202. — 8 окт.
5. О недобросовестной конкуренции: закон КНР от 02.09.1993 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=849> (дата обращения: 17.05.2018).
6. Об организации комитетов городского населения: закон КНР от 10.07.1998 [Электронный ресурс]. — URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_urban_committees_organic_law_1989_russian/ (дата обращения: 17.05.2018).
7. Мельников А. П. Система местного управления и самоуправления в КНР // Философия и соц. науки. 2008. — № 3. — С. 82–86.

Проблемы установления и введения курортного сбора в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовой анализ)

© *Е. В. Евсикова*

Крымский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
Россия, г. Симферополь
E-mail: Helen_yevsikova@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ основных проблем установления, введения, взимания и перечисления курортного сбора в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Автор исследует нормативно-правовые основы установления, введения, взимания и перечисления курортного сбора в Российской Федерации, Республике Крым, странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также некоторые особенности реализации указанных правоотношений на практике. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости проведения эксперимента по установлению и взиманию курортного сбора в Российской Федерации (на примере Республики Крым).

Ключевые слова: налоги и сборы; система налогов и сборов Российской Федерации; региональные налоги; местные налоги и сборы; курортный сбор.

Налоги — это важный признак, который присущ каждому государству мира. Так, ст. 57 Конституции РФ [1] предусматривает, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Таким образом закреплена конституционная обязанность граждан и юридических лиц принимать участие в формировании доходной части бюджетов всех уровней нашего государства [2, с. 173].

Учитывая то, что происходящие сегодня процессы государственно-правового реформирования всех сфер управленческой деятельности, в том числе сферы налогов и сборов, требует выработки новой концепции построения системы налогов и сборов, отвечающей реалиям сегодняшнего дня [3, с. 172], в июле 2017 года был принят Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» (далее — ФЗ № 214-ФЗ) [4], который вызвал неоднозначную реакцию, как со стороны законодательных органов, так и со стороны правоприменителей, а также простых граждан-потенциальных плательщиков курортного сбора [5, с. 193].

Согласно пояснительной записке, ФЗ № 214-ФЗ разработан во исполнение перечня поручений Президента Российской Федерации от 19 сентября 2016 г. № Пр-1817ГС по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации 26 августа 2016 г. и направлен на формирование единого туристического пространства в целях создания необходимых условий для восстановления и стабильного развития санаторно-курортной и туристической сферы путем проведения с 01.01.2018 по 31.12.2011 г. эксперимента по введению платы за пользование курортной инфраструктурой в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае. Предполагается, что в ходе эксперимента будут учитываться местные особенности курортной и туристической сфер на соответствующих территориях путем апробирования различных механизмов взимания курортного сбора. В результате эксперимента будет принято решение распространить лучший опыт для применения на всей территории Российской Федерации, либо отказаться от его внедрения [6].

Таким образом, с 01.05. 2018 г. (а в Республике Крым — с 01.05.2019 г.) по 31.12.2022 г. в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях вводится курортный сбор в рамках проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, средства от уплаты которого будут направлены на сохранение, восстановление, развитие сферы курортов и туризма, а также создание благоприятных условий, способствующих благоприятному развитию сферы курортов и туризма и осуществление оценки его эффективности в указанных регионах.

Однако, некоторые авторы указывают, что введение курортного сбора повлечет ряд неблагоприятных последствий, таких, как существенное подорожание стоимости путевок и проживания на соответствующих курортах, что, в конечном итоге, значительно понизит конкурентоспособность курортно-туристического сектора российской экономики среди отечественных и международных аналогичных туристско-рекреационных услуг [7].

Отметим, что данные опасения ошибочны и безосновательны, так как, согласно действующему законодательству сумма сбора, подлежащая уплате, в стоимость путевки и проживания не входит, а, соответственно, не повлечет увеличение цен на стоимость отдыха в Республике Крым, Алтайском, Ставропольском и Краснодарском краях, где взимается курортный сбор, что также никак не отразится на конкурентоспособности указанных курортов среди отечественных и зарубежных.

В то же время, следует учитывать, что большинство зарубежных стран уже давно ввели и успешно применяют курортный сбор (туристический; отельный) как плату за пользование курортной инфраструктурой.

В силу того, что споры относительно целесообразности и обоснованности введения в Российской Федерации и ее субъектах курортного сбора до сих пор ведутся, а научное сообщество и юристы-практики также не пришли к единому мнению относительно того, стоит ли вводить и взимать курортный сбор или нет, в рамках данного исследования определенным научным интересом представляет имеющийся опыт, как положительный, так и отрицательный, сложившийся у стран Азиатско-Тихоокеанского региона, анализ которого позволит выработать единую концепцию относительно понимая роли и места курортного сбора в системе налогов и сборов.

Так, например, во Вьетнаме курортный сбор взимается с 01 января 2014 г. в размере 23 тысячи донгов (1 доллар США) с туристов за одну ночь проживания. Данный сбор введен по инициативе Департамента по туризму города Хошимин в целях стимулирования развития туризма в Хошимине, так, как средства от уплаты сбора предполагается использовать на оплату различных рекламных кампаний и повышение квалификации сотрудников городских отелей. Правовой основой введения курортного сбора является закон «О туризме», который также предусматривает создание национального фонда для развития туристической отрасли.

В Гонконге при вылете из страны взимается аэропортовый сбор, который составляет 150 гонконгских долларов (примерно 20 долларов США).

В то же время, в Канаде курортные или сервисные сборы, которые уплачиваются напрямую в том отеле, где они предусмотрены, как правило, наиболее часто курортные сборы встречаются в отелях-курортах, в пляжных отелях, где для удобства клиентов целый ряд сервисных услуг предоставляется в счет курортного сбора. При этом, размер курортного сбора может меняться в зависимости от политики отеля в разные сезоны, однако, курортный сбор уплачивается за каждый день проживания в отеле одновременно, как правило, в момент выписки из отеля.

Интересно, что в Колумбии при покидании страны «по воздуху» уплачивается специальный выездной налог, так называемый «депаче такс», который рассчитывается и зависит от количества дней пребывания. Так, если пребывание в стране составило менее 60 дней, то придется заплатить 33 доллара США, если же более, то — 65 долларов США. Таким образом, данный налог является одним из самых крупных выездных налогов на всем континенте, при этом, иногда он включен в стоимость авиабилета [8].

Также, в Коста-Рике действует налог на выезд из страны, который составляет 29 долларов США с человека.

С 1 сентября 2017 г. в Малайзии действует туристический налог, размер которого составляет 10 ринггитов за ночь (примерно 140 рублей). Изначально предполагалось ввести данный налог еще в июле 2017 г., но его вступление в силу дважды переносилось. В первой редакции, подписанной в июне, предполагалось, что размер туристического налога будет напрямую зависеть от категории отеля, но после протестов со стороны отельеров законопроект пришлось переработать. Так, от уплаты туристического налога будут освобождены от граждане Малайзии и зарегистриро-

ванные традиционные частные средства размещения (проживание с хозяевами дома и в кемпинге). Важно отметить, что стоимость налога не включается в стоимость тура, так туроператорам не разрешается включать налог на проживание в стоимость тура, поскольку туристический налог взимается с туриста при выезде из отеля напрямую [9].

Кроме того, с 1 октября 2017 г. в отелях Мексики за каждую ночь пребывания взимается туристический налог, размер которого составляет 10 мексиканских песо (0,57 долларов США), а с января 2018 г. — 20 мексиканских песо (1,13 долларов США). Оплата налога производится непосредственно при заселении в отель.

Примечательно, что с 01 января 2019 г. власти Новой Зеландии планируют ввести туристический налог, размер которого составит 25 новозеландских долларов (17 долларов США), с помощью которого планируется привлечь в страну состоятельных путешественников, а вырученные средства направить на строительство туристических объектов класса «люкс» [10].

Также, при вылете из Перу оплачивается аэропортовый сбор, который составляет 30 долларов США.

В то же время, в Сальвадоре в дорогих гостиницах и ресторанах налоги добавляются к счетам автоматически (в отелях, например, в счет включается «налог на комнату» в размере 13%), а также добавляется определенная сумма (7–10%) на оплату услуг. Однако, если общая сумма счета составляет менее 30 долларов США, налоги в большинстве заведений не взимаются.

Согласно официальному заявлению Юттхасака Супхасона, возглавляющего управление по вопросам туризма Таиланда, ведомство предложило правительству ввести туристический сбор для прибывающих на курорты иностранцев, основываясь на статистических данных по странам, применяющим подобную схему дополнительных сборов с туристов, что обеспечивает приток финансовых средств в бюджет государства, что позволит направить дополнительные средства на развитие туристической инфраструктуры, ее поддержание и расширение, а также обеспечение высокого уровня безопасности для въезжающих на территорию страны иностранных граждан, что в последнее время является необходимым критерием при рассмотрении такого государства в качестве цели назначения во время предстоящего отдыха. Так, планируемый размер туристического сбора в Таиланде составит 10 долларов США, что по подсчетам властей обеспечит государственному бюджету дополнительно 300 млн. долларов США, что соответствует количеству ежегодно посещающих страну туристов [11].

Кроме того, в США с туристов взимается туристический налог несколько раз: во-первых, при въезде в страну — 14 долларов США, во-вторых, в гостиницах (при этом размер туристического налога зависит от города или штата, например, в Нью-Йорке — 3 доллара США), в-третьих, во многих городах США с туристов взимаются проценты (5–7%) от суммы счета-фактуры [12], в-четвертых, удерживается «налог на занятие комнаты», который взимается не с человека, а с занимаемой комнаты в случае, если ее тариф превышает 40 долларов США за ночь [13].

В то же время, с 07 января 2019г. в Японии планируется ввести выездной сбор с туристов в размере 1000 иен (9 долларов США). При этом, от уплаты выездного сбора с туристов будут освобождены дети в возрасте до 2 лет и лица, покидающие страну в течение 24 часов с момента прибытия. Правительство Японии пошло на такие меры из-за увеличения числа приезжих, а также в связи с приближающейся Олимпиадой-2020, что позволит направить полученные средства на улучшение инфраструктуры и туристических услуг. По предварительным подсчетам, выездной сбор будет приносить стране около 43 миллиардов иен в год (примерно 350 миллионов долларов США) [14].

В свою очередь, Налоговая служба Индии с 22 января 2017 г. повысила налог на туристическое обслуживание в стране с 4,5% до 9%, что коснулось всех индивидуальных и групповых туров, включая оплаченные заранее, а также связанных с туризмом услуг — транспорта, размещения и питания, аюрведических программ, спа-процедур, а также услуги гидов, входные билеты в музеи и т.д. [15].

Таким образом, большинство стран Азиатско-Тихоокеанского региона либо ввели курортный сбор (туристический; отельный; за комнату и т.д.) либо планируют ввести с целью развития сферы курортов и туризма. Как показывает мировая практика, при грамотном подходе к вопросам взимания курортного (туристического; отельного) сбора и определении ставок введение курортного сбора позволяет собрать дополнительные средства на развитие курортного и туристического сектора, а значит, повысить его конкурентоспособность, как на национальном рынке, так и на международном рынке туристических услуг.

В силу чего, можно сделать вывод о том, что введение курортного сбора в Российской Федерации в рамках проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры является обоснованным и необходимым, а также позволит собрать дополнительные средства для ремонта, сохранения, восстановления, развития санаторно-курортного сектора экономики России.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.). [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/10103000/1/#block_1111.
2. Евсикова Е. В. Проблемы усовершенствования законодательства, регулирующего налоговые правоотношения, в контексте административной реформы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 5 (84). — С. 173–175.
3. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. Проблемы установления и взимания туристического налога в Российской Федерации и в Республике Крым // Вестник Краснодарского университета МВД России. — Краснодар, 2016. — № 2(32). — С. 172–176.
4. О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае: федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/>.
5. Оголь В. Л., Евсикова Е. В. Проблемы и перспективы развития курортной инфраструктуры в Республике Крым в контексте введения и взимания курортного сбора // Молодая наука: сборник научных трудов науч.-практ. конф. для студентов и молодых ученых; науч. ред. Н. Г. Гончарова. — 2017. — С. 193–195.
6. О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае: пояснительная записка к проекту Федерального закона [Электронный ресурс]. — URL: <http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/V3A6A341E82A843B4325811A0>.
7. Берлин С. И., Уберия А. Р. О целесообразности введения курортного сбора // Юридические науки [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberpedia.su/1x3fa8.html>.
8. Налоговая система Колумбии [Электронный ресурс]. — URL: <http://worldtaxes.ru/nalogi-v-ssha/nalogovaya-sistema-kolumbii>.
9. Васин Д. Туристический сбор в Малайзии придется платить с 1 сентября: 25.08.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tourdom.ru/news/turisticheskiy-sbor-v-malayzii-prividetsya-platit-s-1-sentyabrya.html> (дата размещения: 20.08.2018).
10. Новая Зеландия планирует ввести туристический сбор [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tourister.ru/world/oceania/new-zealand/news/15078>.
11. Таиланд введет туристический сбор для иностранцев [Электронный ресурс]. — URL: <http://newvz.ru/info/68927.html>
12. Курортный сбор: чужой опыт [Электронный ресурс]. — URL: <https://regnum.ru/news/2172175.html>.
13. Курортный сбор: от СССР до США [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pnp.ru/economics/kurortnyy-sbor-ot-sssr-do-ssha.html>.
14. Япония будет выпускать туристов только за плату [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravda.ru/news/travel/tourism/20-04-2018/1381789-sbor-0>
15. Индия вдвое увеличила туристический налог [Электронный ресурс]. — URL: <http://news.turizm.ru/india/52803>

Порядок внесения изменений в конституции стран АТР

© А. С. Елизова

магистрант 1 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ,
E-mail: aelizova@yandex.ru

В статье на основании анализа основных законов стран, входящих в Азиатско-тихоокеанский регион, проводится анализ механизма внесения изменений в конституции этих стран. Раскрыты как общие черты, так и особенности.

Ключевые слова: основной закон, конституция, Азиатско-тихоокеанский регион, Конституция Индии, Конституция Кореи, поправки в Конституцию, Конституция Сингапура, Конституция КНДР, Конституция Филиппин.

Конституции выступают в качестве правовой основы законодательства стран, входящих в Азиатско-тихоокеанский регион (далее — АТР). Они отличаются порядком их принятия и внесения изменений. Так, в ст. 368 Конституции Индии от 26 ноября 1949 года [1] говорится, что поправки в нее вносятся Парламентом Индии ввиду принадлежности Союзу учредительной власти. Однако существует особый порядок принятия поправок в отдельные нормы, которые названы в ч. 2 ст. 368 Конституции Индии: это ст. ст. 54, 55, 73, 162, 241, гл. IV разд. V, гл. V разд. VI, гл. I разд. XI, нормы, закрепляющие перечни предметов ведения, положения о представительстве штатов в федеральном Парламенте, положения ст. 368 о порядке внесения поправок. В отношении указанных норм установлено требование обязательного утверждения проекта поправки законодательными органами не менее чем половины штатов до момента, когда данный акт будет представлен президенту Индии. Несмотря на то что по отдельным вопросам требуется обязательное утверждение законопроекта о поправке штатами, полагаем вполне обоснованным отнесение указанного вопроса к перечню предметов исключительного ведения федерации, поскольку институт предметов совместного ведения предполагает право штатов осуществлять собственное законодательное регулирование, в то время как процедура утверждения законопроекта о поправке требует лишь получения разрешения в форме резолюции [2, с. 51].

Как видим, получается что в Конституции Индии предусмотрено два механизма внесения в нее изменений: в первом случае изменения вносятся в общем порядке простым большинством голосов; во втором случае внесение изменений возможно в особом порядке и только в отношении норм, которые прямо обозначены в Конституции Индии.

Интерес представляет механизм внесения изменений в Конституции Республики Корея от 12 июля 1948 года [3]. Вопросы внесения изменений раскрываются в рамках главы X «Поправки в Конституцию» (ст. 128–130).

Исходя из анализа этих норм можно обозначить следующий механизм внесения изменений в Конституцию Кореи:

1. Законодательная инициатива. В п. 1 ст. 128 Конституции Кореи четко обозначено, что предложения о поправках в Конституцию могут вносить или большинство от общего числа членов Национального собрания, или Президент.

2. Законодательная инициатива подлежит обнародованию Президентом Кореи в течение 20 дней.

3. Национальное собрание большинством в 2/3 принимает решение о принятии поправок в Конституцию Кореи. На принятие решения отводится 60 дней с момента обнародования Президентом Кореи.

4. После принятия поправок Национальным собранием это решение выносится на всенародный референдум. Поправки утверждаются на референдуме большинством голосов.

Как видим, порядок принятия поправок в Конституцию Кореи отличается сложностью. Особенности проявляются: в ограниченном субъектном составе лиц, которые наделены законодательной инициативой по внесению изменений в Конституцию Кореи (ими могут быть только Национальное собрание или Президента страны); в необходимости подтверждения решения Национального собрания на всенародном референдуме.

Спецификой обладает процесс внесения изменений в Конституцию Сингапура от 3 июня 1959 года [4].

Законопроект о внесении изменений в Конституцию Сингапура подлежит одобрению Парламентом. Для этого необходимо набрать 2/3 голосов Парламента как во втором, так и в третьем чтениях.

Особенность внесения изменений в Конституцию Сингапура состоит в том, что в норме п. 3 ст. 5 определено понятия «изменение». Под ним понимается не только внесение поправок в Конституцию Сингапура, но и отмена нормы.

Специфика внесения изменений в Конституцию Сингапура также состоит в том, что Президент страны имеет право наложить вето на внесение изменений в случае, если поправки «прямо либо косвенно предусматривают обход или умаление дискреционных полномочий Президента» [4]. Для этого Президент Сингапура должен в течение 30 суток обратиться в суд. Если суд посчитает, что поправки не умаляют полномочия Президента, то поправки считаются принятыми на следующий день после вступления в силу решения суда (п. 3 ст. 5А).

Если суд посчитает, что поправки умаляют полномочия Президента Сингапура, то Премьер-министр имеет право объявить референдум в стране. Если референдум поддержит требование

Президента (для этого необходимо решение 2/3 от числа проголосовавших), то вето Президента вступает в силу.

Анализ Конституции Сингапура указывает на то, что простые поправки в конституцию страны могут быть приняты Парламентом на основании решения большинством 2/3. На поправки, которые затрагивают правовой статус Президента Сингапура, последний имеет право наложить вето. Для его вступления необходимо не только решение суда, но и изъявление народа на референдуме. Притом не простым, а квалифицированным большинством голосов в 2/3.

По Конституции КНДР от 27 декабря 1972 года [5] правом внесения изменений в Основной закон страны наделено Верховное народное собрание (п. 1 ст. 91), которое является высшим представительным органом КНДР (ст. 4 Конституции КНДР). Для этого необходимо одобрение поправки не менее чем 2/3 от общего числа голосов. Другие особенности законодательной инициативы, принятия, одобрения и вступления в силу поправок в Конституции КНДР не обозначены.

Научный интерес представляет механизм внесения изменений в Конституцию Филиппин от 2 февраля 1987 года [6].

В Конституции Филиппин четко обозначен круг субъектов, которые обладают правом внесения законодательной инициативы о необходимости внесения поправок в Основной закон страны: Конгресс; конституционный конвент; народ. Однако, круг субъектов в Конституции Филиппин ограничивается. Так, Конгресс должен заручиться поддержкой $\frac{3}{4}$ всех его членов; конституционный конвент и вовсе должен быть специально созван Конгрессом; петиция народа о внесении изменений должна быть подписана не менее чем 12 % общего числа зарегистрированных избирателей, из которых каждый район, располагающий законодательной властью, должен быть представлен не менее чем 3% зарегистрированных в нем избирателей.

Поправки в Конституцию Филиппин подлежат одобрению большинством голосов на всенародном плебисците (раздел 4 ст. XVII Конституции Филиппин).

Особенность Конституции Филиппин заключается в том, что поправки в нее могут вноситься не чаще одного раза в 5 лет.

Таким образом, в конституциях стран АТР по-разному реализована возможность внесения изменений. В некоторых странах четко ограничен круг субъектов, которые наделяются законодательной инициативой (Республика Корея, Филиппины); в других государствах четко расписана процедура принятия поправок в основной Закон страны (Республика Корея); в третьих странах право на внесение изменений лишь обозначено, а механизм его реализации не предусмотрен (КНДР). Однако, главной особенностью в рассмотренных конституциях стран АТР является то, что в Конституции Индии обозначены два разных механизма внесения изменений: общий и особый. Различие состоит в том, в какие именно изменения вносятся. Ни в одной из рассмотренных конституций больше нет схожего механизма.

Литература

1. Конституция Индии от 26 ноября 1949 года // Конституции государств Азии. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 177–448.
2. Кузнецова С. С. Особенности разграничения предметов ведения в Индийском союзе: общие принципы и проблемы правоприменения // Российский юридический журнал. — 2014. — № 1. — С. 50–54.
3. Конституция Республики Корея от 12 июля 1948 года [Электронный ресурс] / СПС «Консультант-Плюс». — URL: <http://www.consultant-plus.ru>. — Загл. с экрана (дата обращения: 14.05.2018).
4. Конституция Сингапура от 3 июня 1959 года // Конституции государств Азии. Т. 3. Дальний Восток. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 675–782.
5. Конституция КНДР от 27 декабря 1972 года [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant-plus.ru>. — Загл. с экрана (дата обращения: 01.06.2018).
6. Конституция Филиппин от 2 февраля 1987 года [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant-plus.ru>. — Загл. с экрана (дата обращения: 12.05.2018).

Сравнительно-правовой анализ административно-деликтного законодательства Вьетнама и России

© *Б. Ц. Жалсанов*

доцент кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: Zhalsanov@mail.ru

Статья посвящена анализу законодательства об административных правонарушениях Социалистической Республики Вьетнам. Большое влияние на законодательство Вьетнама оказала французская правовая система, в соответствии, с чем проглядываются сходные черты с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательство Вьетнама, Закон Социалистической Республики Вьетнам «О государственном управлении Вьетнама», правонарушения, административная ответственность, должностные лица.

Сравнительный анализ законодательства разных стран всегда представлял интерес для специалистов изучающих различные правовые системы и зарубежную правоприменительную практику. Подобный интерес возникает чаще всего у правоприменителей рассматривающих экономические, гражданские либо международные аспекты сотрудничества государств.

Но в тоже время, активно развивающиеся отношения [1], в различных областях жизнедеятельности общества, диктуют новые требования унификации или имплементации законодательства стран, развивающих партнерство и сотрудничество. Чем ближе или схоже законодательство стран, тем более благоприятны условия для развития отношений.

Однако проведенный общий анализ законодательства стран АТР показывает, что принадлежность права разных стран АТР к одной романо-германской правовой системе не исключает зачастую существенных различий между национальными правовыми системами этих стран. Ярким примером такого анализа может послужить сравнение административно-деликтного законодательства России и Социалистической республики Вьетнам. Активно развивающиеся отношения в сфере туризма, трудовой миграции, противодействия трансконтинентальной преступности и терроризму, между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, не только мотивируют на сравнительный анализ законодательства этих государств, но и являются индикатором успешного партнерства в вышеобозначенных сферах уже продолжительное время.

Поэтому не удивительно, что большинство правовых форм, применяемых в рамках этих систем, утвердившихся в России и во Вьетнаме, весьма сходны или не редко полностью совпадают. Однако разный правовой опыт, в большей степени современный, указывает на различия правового регулирования схожих процессов и правовых явлений.

В этой связи, особый интерес представляет изучение административно-деликтного законодательства России и Вьетнама. Это связано с тем, что указанное законодательство охватывает широчайший круг общественных отношений — права и свободы человека и гражданина, собственность, общественную безопасность, экономические интересы физических и юридических лиц и государства.

Основным источником административно-деликтного права в России является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и законы субъектов об административных правонарушениях, а законодательство об административных правонарушениях Социалистической Республики Вьетнам представлено законом Социалистической Республики Вьетнам «О государственном управлении Вьетнама» и принятым в соответствии с его положениями Распоряжением № 44/2002/PL-UBTVQH10 от 02.07.2002 г. «Об административных правонарушениях» [2].

Рассматриваемые правовые акты ориентированы в первую очередь на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, и только потом создают условия для нормальной жизнедеятельности организаций и государства. В связи с чем, роль этих правовых актов в охране правопорядка как в России, так и во Вьетнаме трудно переоценить.

Для начала следует уяснить, что понимается в законодательстве России под административным правонарушением? Так в соответствии со статьей 2.1 КоАП РФ «Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [3]. В свою очередь в статье 1 Распоряжения Вьетнама «Административным правонарушением при-

знается виновное действие, совершенное физическим лицом, организациями, которые нарушают положения закона о государственном управлении, но не являются преступниками», и несущие за свои действия административную ответственность.

Сопоставление этих двух понятий показывает нам, что в целом признаки административного правонарушения идентичны. Где первым признаком является — противоправность, вторым виновность, третьим наказуемость. В обоих случаях есть признак законности, который указывает, что ответственность наступает только в соответствии с КоАП и Законом о государственном управлении. Правда нужно указать, что наличие в определении Вьетнама упоминания «...но не являются преступниками», указывает на признак разграничения общественной опасности, чего нет в определении Российской Федерации.

Кроме того, следует обратить внимание на принципы законодательства об административных правонарушениях. Так в соответствии со статьей 2 правового акта Вьетнама, к принципам относятся:

а) все административные правонарушения должны быть обнаружены и предотвращены вовремя и строго наказаны, а все последствия, вызванные административными правонарушениями, должны устраняться в соответствии с положениями закона;

б) административная ответственность должна быть назначена быстро, публично, объективно и в соответствии с законом, обеспечивая равенство и соблюдение положений закона;

в) административная ответственность должна основываться на характере, серьезности и последствиях правонарушений, объектах, нарушающих право и смягчающих и отягчающих обстоятельствах;

г) за совершение административных правонарушений предусматривается только административная ответственность. За каждое правонарушение предусмотрено только одно административное наказание.

При совершении правонарушения группой лиц, каждый несет персональную административную ответственность;

Лицо, совершившее более одного административного правонарушения, должно нести ответственность за каждое правонарушение.

д) виновность лица необходимо доказать. Лица или организации совершившие административное правонарушение могут сами или через своих законных представителей доказать, что они не совершали административные правонарушения;

е) наказание за административные правонарушения для организаций в два раза выше уровня штрафа для физических лиц.

Принципы применения мер административных взысканий включают:

а) Лица подлежат административной санкции только в том случае, если они попадают в один из объектов, определенных в статьях 90, 92, 94 и 96 настоящего Закона.

б) Применение мер административных взысканий должно проводиться в соответствии с положениями пункта б, пункта 1 настоящей Статьи;

в) Решение о сроке применения мер административных взысканий должно основываться на характере, серьезности и последствиях правонарушения, смягчающих или отягчающих обстоятельствах;

г) Компетентные должностные лица, применяя меры административных взысканий, должны доказать виновность. Лица, подлежащие мерам административных взысканий, имеют право сами или через своих законных представителей доказать, что они не совершали правонарушения.

В свою очередь КоАП РФ в Главе 1 закрепляет принципы административного законодательства, правда более сжато, но фактически соответствующие принципам законодательства Вьетнама.

Подводя итог рассмотренному материалу, нужно отметить следующее: административно-деликтное законодательство России и Вьетнама традиционно относится к романно-правовой системе, но в тоже время имеется своя специфика, связанная со спецификой государственного устройства, что приводит к различиям уровня правовых актов. В Российской Федерации это кодифицированный правовой акт и законы субъектов федерации, а во Вьетнаме это закон и подзаконный нормативный акт.

Литература

1. Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом. 02.03.2001 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 27.05.2018).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1) — Ст. 1.
3. Об административных правонарушениях: Распоряжение № 44/2002/PL-UBTVQH10 от 02.07.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vietlaw.gov.vn/LAWNET/> (дата обращения: 2.06.2018).

Принцип пропорциональности (соразмерности) конституционно-правовой ответственности: практика Конституционного суда Республики Корея

© *А. В. Никитина*

канд. юр. наук, доцент,
Хабаровский государственный
университет экономики и права,
Россия, г. Хабаровск
E-mail: A_Nikitina@inbox.ru

Статья посвящена анализу применения принципа пропорциональности в практике Конституционного Суда Республики Корея. Сделаны выводы, что практика Конституционного Суда Республики Корея демонстрирует применение принципа пропорциональности, что с одной стороны, оберегает важнейшие конституционные ценности, такие как верховенство права, демократию, права человека, а, с другой, позволяет использовать конституционно-правовую ответственность как исключительную меру, когда деяния правонарушителя серьезно угрожают конституционному правопорядку, фундаментальным основам демократического строя.

Ключевые слова: законодательство Кореи, Конституционный Суд Республики Корея, принцип пропорциональности.

Сложившийся под влиянием практики Европейского суда по правам человека принцип пропорциональности является сегодня одним из важных проявлений демократии и верховенства права и используется органами судебного конституционного контроля многих зарубежных государств. В Соединенных Штатах Америки, Европе, Израиле, Канаде, Индии, Южно-Африканской Республике, Японии «и повсюду в мире суды обращаются к взвешиванию как к надлежащему методу разрешения споров по вопросам прав человека» [6, с. 67]. Данный принцип является, прежде всего, одним из важнейших инструментов защиты прав личности. Он позволяет определить, являются ли предпринимаемые органами публичной власти меры, ограничивающие права человека, необходимыми, пропорциональными, соразмерными и соответствующими тем целям, для достижения которых они применяются [1, с. 65].

В то же время практика многих конституционных судов демонстрирует применение данного принципа не только при разрешении конституционно-правовых споров между государством и личностью, но и при разрешении иных конституционно-правовых конфликтов. Например, в Германии данный принцип «регулирует организацию государства, отношения между Федерацией и ее членами, а также между государством и местными сообществами». В Бельгии принцип пропорциональности играет значительную роль при разрешении споров между федерацией и ее субъектами [5, с. 47, 49]. Стоит согласиться с мнением Дэвида Битти, что «пропорциональность является универсальным критерием конституционности» [7, с. 162]. И в этой связи немаловажное значение данный принцип призван играть при разрешении судами дел о конституционно-правовой ответственности, что обусловлено двумя важными факторами.

Во-первых, применение конституционно-правовых санкций при определенных обстоятельствах можно рассматривать как вмешательство публичных властей в осуществление конституционных прав и свобод. Например, запрет (ропуск, ликвидация) политической партии, иного общественного объединения является вмешательством в осуществление конституционного права граждан на объединение. Ропуск выборного органа публичной власти, отрешение от должности выборного должностного лица, лишение депутатского мандата вступает в противоречие с конституционным правом быть избранным и, кроме этого, может нарушить «суверенные полномочия электората, избравшего его» [2].

Во-вторых, исходя из общеправового принципа справедливости, конституционно-правовая санкция должна быть соразмерна совершенному конституционному правонарушению (деликту). В формальном смысле «соразмерность и пропорциональность (можно рассматривать как синонимы) означают соответствие наказания обстоятельствам, причинам и условиям совершенного правонарушения» [4, с. 106]. В результате не любое нарушение правовой нормы со стороны органа или должностного лица публичной власти должно непременно влечь за собой прекращение его полномочий.

В практике Конституционного Суда Республики Корея имеются примеры применения принципа пропорциональности (соразмерности) при разрешении дел о конституционно-правовой ответственности, демонстрирующие учет указанных выше факторов, во-первых, в делах об импичменте главы государства, а, во-вторых, о роспуске политических партий.

В качестве основания для импичмента ч. 1 ст. 65 Конституции Республики Корея называет нарушение Конституции и других законов в ходе выполнения своих служебных обязанностей. Данные основания были положены в основу импичмента 16-го Президента Республики Корея Но Му Хёна, инициированного в 2004 году Национальным Собранием, которое посчитало нарушением Конституции и закона заявления, сделанные Президентом Но Му Хёном в поддержку конкретной политической партии на выборах, и его публичную критику законов о выборах. В этом деле Конституционный Суд отклонил ходатайство об отрешении главы государства от должности, сформулировав, однако, ряд важных правовых позиций [10].

Опираясь на ст. 9 Закона о выборах публичных должностных лиц и предупреждении избирательных нарушений, Конституционный Суд сформулировал обязанность публичных должностных лиц соблюдать нейтралитет на выборах и распространении данной обязанности на Президента. В результате Конституционным Судом был сделан вывод не только о нарушении Президентом избирательного законодательства, но и Конституции Республики Корея, ее статьи 7, в которой закреплено, что «все государственные должностные лица являются служителями народа и несут ответственность перед народом», статей 41 и 67, провозглашающих свободные выборы, и статьи 116, гарантирующей каждому (в т. ч. политическим партиям) равные возможности на выборах. В соответствии с духом Конституции Президент — это «символ, олицетворяющий верховенство права и соблюдение закона в отношении всего общества». Критика действующего избирательного законодательства, которую глава государства осуществлял в период текущей избирательной кампании, не может быть признана поведением, демонстрирующим уважение к закону. Такое поведение не соответствует обязанности Президента соблюдать и защищать Конституцию.

При этом, однако, Конституционный Суд сформулировал «стандарт проверки» при определении тяжести нарушения закона, указав, что ст. 65 Конституции не может толковаться буквально и не может означать, что любые нарушения конституции и закона автоматически являются основанием для отрешения от должности главы государства. Если каждое и любое мелкое нарушение закона будет влечь прекращение полномочий, это не будет соответствовать принципу пропорциональности. Суд постановил, что импичмент возможен только при наличии серьезных нарушений закона, достаточных для обоснования отстранения должностного лица. Вопрос о том, было ли нарушение закона серьезным нарушением или отстранение от должности оправданным, не может быть решен сам по себе. Существование серьезного основания для импичмента и, соответственно, для отстранения от должности, решается на основе баланса между «степенью негативного воздействия или вреда, причиненного нарушением закона конституционному порядку» и «эффектом от отстранения лица от должности». При этом необходимо учитывать, что решение об отстранении Президента от должности «отнимает» демократическую легитимность, делегированную Президенту избирателями, и может привести к политическому хаосу, возникшему в результате раскола среди лиц, поддерживающих Президента и выступающих против него.

Таким образом, основания отрешения Президента от должности могут иметь место в случае, если сохранение Президента в должности недопустимо с точки зрения защиты Конституции или Президент утратил квалификацию в управлении государственными делами, предав доверие народа. В деле Но Му Хёна Конституционный Суд счел, что в его действиях, нарушающих закон, не было намерения (умысла) против конституционного порядка. Действия Президента, нарушающие закон, не были настолько серьезны, чтобы восстановление конституционного порядка требовало его отстранения от должности. Кроме этого, они не могут быть расценены как предавшие доверие народа до такой степени, чтобы прекратить полномочия Президента, делегированные ему наро-

дом, до окончания срока полномочий. В результате Конституционный Суд не нашел достаточных оснований для отстранения Президента от должности [3, с. 78-80].

В другом деле — об импичменте Президента Пак Кын Хе от 10 марта 2017 года — Конституционный Суд пришел к противоположному выводу. Суд посчитал, что участие Президента в коррупционных преступлениях, совершаемых ее подружкой Чхве Сун Силь, в том числе вмешательство во внутреннюю деятельность крупных предприятий, а также разглашение секретных государственных документов, является доказанным и представляет собой нарушение конституции и законодательства по вопросам государственной службы и этики должностных лиц. Конституционный Суд констатировал, что подобные действия главы государства, подрывающие принципы представительной демократии и верховенства права, направлены против конституционного правопорядка и подорвали доверие народа, что является основанием для отстранения от должности [8].

Пользуясь своим полномочием осуществлять роспуск политических партий, если их цели и деятельность противоречат фундаментальному демократическому порядку (ч. 4 ст. 8 Конституции Республики Корея), Конституционный Суд Республики Корея 19 декабря 2014 г. принял решение о неконституционности деятельности Единой прогрессивной партии, также используя тест на пропорциональность.

Подчеркивая важную роль политических партий в качестве посредников между государством и его гражданами, а также их свободное создание и функционирование, Конституционный Суд Республики Корея, тем не менее, придерживается общепринятой идеи о возможности вмешательства государства в их деятельность, подчеркивая, однако, что роспуск политических партий в судебном порядке должен осуществляться на чрезвычайно строгой и ограниченной основе для обеспечения того, чтобы эта система не использовалась в качестве средства подавления политической критики.

«До тех пор пока политическая партия признает основной демократический порядок, она должна иметь возможность свободно выражать различные мнения относительно деталей этого основного демократического порядка, предписанного нынешней Конституцией. Политическая партия может свободно следовать разнообразной идеологии, которую она считает правильной (от либеральной демократии до коммунизма). Поэтому политическая партия не должна считаться неконституционной только из-за своей пропаганды, если ее цели или деятельность не нарушают существа основного демократического порядка. В то же время когда какая-либо политическая партия полностью отвергает демократический и свободный политический процесс, отрицает основополагающие принципы демократии и стремится к установлению тоталитарного режима посредством насильственного, деспотичного или произвольного правления, возникает опасность того, что такая политическая партия может обрести власть и разрушить фундаментальные основы демократии». Нарушение основного демократического порядка, указанные в статье 8(4) Конституции, не означает, что любое мелкое нарушение или нарушение основного демократического порядка, относится к случаям, когда цели или деятельность политической партии представляют особую опасность основам демократического строя корейского общества, до такой степени, чтобы требовать введения ограничений на существование политической партии — иного обязательного элемента демократического общества.

Поскольку недобровольный роспуск политической партии в судебном порядке является одним из основных ограничений свободы деятельности политической партии, Конституционный суд при принятии таких решений должен руководствоваться принципом соразмерности (пропорциональности) в соответствии с пунктом 2 статьи 37 Конституции, который является конституционным обоснованием таких решений. Решение о роспуске политической партии может быть конституционно оправданным только в том случае, когда нет иной альтернативы, когда социальная выгода от решения о роспуске превышает ущерб, причиненный решением, ограничивающим свободу политической партии.

Конституционный Суд пришел к выводу о том, что цели и деятельность Единой прогрессивной партии являлись существенно неконституционными. Конечная цель партии — реализовать северо-корейский социализм на основе политической линии классово-доктрины и идей диктатуры народной демократии. При этом для достижения этой цели партия намеревалась использовать незаконные, полулегальные и насильственные средства и не исключала захвата власти через всенародное восстание народа. Таким образом, партией не исключалось принятие решений, направленных на ликвидацию, свержение основного демократического порядка Республики Корея,

установленного в соответствии с Конституцией. Используя тест на пропорциональность (*balancing test*), Конституционный Суд пришел к выводу о социальности потребности в роспуске Единой прогрессивной партии и лишении ее членом мест в Национальном Собрании, обосновав это тем, что выгода от роспуска политической партии — защита суверенитета, основных прав, многопартийной системы и системы разделения властей, на которые посягала Единая прогрессивная партия — значительно превышает необходимость защиты политической свободы распускаемой партии [9].

Таким образом, практика Конституционного Суда Республики Корея демонстрирует, что применение принципа пропорциональности, с одной стороны, оберегает важнейшие конституционные ценности, такие как верховенство права, демократию, права человека, а, с другой, позволяет использовать конституционно-правовую ответственность как исключительную меру, когда деяния правонарушителя серьезно угрожают конституционному правопорядку, фундаментальным основам демократического строя.

Литература

1. Варламова Н. В. Принцип пропорциональности в современной конституционно-правовой доктрине и практике // Современный конституционализм: теория, доктрина и практика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информа. исслед. Отдел правоповедения / отв. ред. Е. В. Алферова, И. А. Умнова. — М., 2013. — С. 65–76.
2. Собаджи против Турции: информация о Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу от 29 ноября 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2008. — № 5.
3. Никитина А. В. Импичмент президента: конституционное законодательство и практика Конституционного Суда Республики Корея // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 11. — С. 78–80.
4. Нудненко П. В. Принципы справедливости и равенства в сфере административной ответственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. — 2014. — Т. 4. — Вып. 1. — Ч. 1. — С. 105–110.
5. Толстых В. Л. Конституционное правосудие и принцип пропорциональности // Российское правосудие. — 2009. — № 12. — С. 47–56.
6. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 47–66.
7. Beatty D. M. *The Ultimate Rule of Law*. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. — 193 p. + xvii.
8. Case on the Impeachment of the President (Park Geun-hye): Case No. 2016. Hun-Na1. March 10, 2017 // URL: <http://english.court.go.kr/cckhome/eng/decisions/majordecisions/majorDetail.do> (дата обращения: 17.05.18).
9. Dissolution of the Unified Progressive Party, Case No. 2013. Hun-Da1 (Dec 19, 2014) // Decisions of the Korean Constitutional Court (2016). The Constitutional Court of Korea, 2016. URL: [http://library.court.go.kr/site/conlaw/download/case_publications/decision_\(2015\)_2013_Hun-Da1.pdf](http://library.court.go.kr/site/conlaw/download/case_publications/decision_(2015)_2013_Hun-Da1.pdf) (дата обращения: 17.05.2018).
10. Impeachment of the President (Roh Moo-hyun) Case (16-1 KCCR 609, 2004. Hun-Na1, May 14, 2004) // Decisions of the Korean Constitutional Court (2003). The Constitutional Court of Korea, 2005. URL: http://library.court.go.kr/site/conlaw/download/case_publications/decision_2003.pdf (дата обращения: 17.05.2018).

Возникновение и становление налоговых отношений в Восточной Сибири: сравнительный анализ налогообложения

© Д. З. Очирова

магистрант 2 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ,
E-mail: St121314@mail.ru

В данной научной статье проведен сравнительно-правовой анализ возникновения и становления налоговых отношений в Восточной Сибири. Актуальность выбранной темы состоит в том, что налогообложение стоит в фундаменте любого государства и является одним из важнейших инструментов, с помощью которого производится распределение доходов с целью усиления обеспечения государства и населения. Определены основные этапы развития налоговых отношений в российском обществе начи-

ная с завоевания Сибири, заканчивая современным механизмом развития налогообложения в Российской Федерации. Выявлен ряд налогов, действующих в Киевской Руси: «соха», «выть», «ясак» и т.д.

Ключевые слова: дань, государство, Сибирь, налог, реформа, налогообложение.

Актуальность выбранной темы состоит в том, что налогообложение стоит в фундаменте любого государства и является одним из важнейших инструментов, с помощью которого производится распределение доходов с целью усиления обеспечения государства и населения. Но для того, чтобы понять и рассмотреть саму систему налогообложения необходимо углубиться в понятие и историю Восточной Сибири.

Возникновение России, как отдельного государства, повлекло за собой разделение общества на классы и, соответственно, появились налоги. Налоговые отношения в разрезе истории строились несколько тысячелетий. Налогообложение появлялось, как отдельная структура государства в мире в одно время, но с разными базами: в Европе основывались в основном на римское право, а в России законом князя Ярослава установили систему податей (пошлин). История становления налоговых отношений в России строилась из следующих периодов: 1. Киевская Русь и рождение налогов, как основная составляющая государства; 2. Налоговые изменения в период с 1653 по 1861 г.; 3. Становление современного механизма налогообложения в РФ (в том числе в Восточной Сибири).

До завоевания Сибири население платило князьям налог в виде продуктов или иных предметов. Ясак считался прообразом налогообложения и главной формой подати в Восточной Сибири. Для приезжих применялась налоговая система Европейской части Руси. В этой системе существовало 2 вида единиц сбора: «соха» и «выть». Данными видами сбора являлась земля: соха состояла из 200 га, а выть из 36 га. Для других слоев населения применялись иные «сохи». Например, для торговцев «сохой» являлась лавка, и др. Полным отказом от данной подати послужил период правления Федора Алексеевича.

Изначально ясак никак не различался от дани/подати (форма налога населения подавляющим их племенам), в последующем, а именно во время упрочнения Сибири, как составляющей России, ясак терпело изменения и преобразовывалось в ренту. Ясак принимали предметами, которыми была богата Сибирь: рыба или пушнина. В истории размер ясака был разным, а самым крупный вносило население нынче Томской губернии. Помимо ясака принимали подать «в почесть» — платили залог за назначение для сбора налога с некоторого слоя населения [3].

В XVIII — нач. XX в. необходимо выделить налоговую реформу Петра I (XVIII в.). Петр I ввел такие сборы, которые покрывали иные расходы государства. В их число входили сбор с пень, с постоялых домов, с найма недвижимости, с реализации съестного. А для возникновения данных налогов были приобщены так называемые «прибыльщики» — служащие, целью которых был ввод налогов. Во время петровских перемен развитие приобрела система налогообложения через нанимателей и знаменитый налог на бороды.

Далее в хронологии выделяется правление Александра I (период с 1777 по 1825 г.). В это время устанавливались неукоснительные сборы, к примеру налог с дохода от недвижимости. В ходе крестьянской реформы 1861 г. были внедрены земские налоги и т.д. 1 января 1863 г. винные откупа сменили на акцизные сборы со спиртных напитков (в настоящее время — винная акцизная марка). Также стоит отметить важное событие в этот период — учреждение Александром I Министерства финансов [1].

В Советское время главной прибылью в государстве был выпуск бумажной валюты, в результате чего стали подниматься восстания. С вступлением Новой Экономической Политики в России, а также в Восточной Сибири, налогообложение стало делать свои первые шаги. 8 ноября 1917 г. был учрежден Народный Комиссариат финансов. 18 сентября 1919 г. возникло областное управление уполномоченного Народного Комиссариата финансов по Сибири. Далее в 1921 г. учреждено представительство Наркомфина, миссией которой являлась координация мероприятий в Сибири. Один из главных исследователей Сибири Ильиных В. А. в своей работе «Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-начало 1950 гг.» выделяет основные принципы налогообложения в сталинское время, а именно взыскание государства с производителей в виде земельного платежа прибавочный продукт и репрессии. «Непосредственной функцией налогов, податей и повинностей было сосредоточение в руках государства максимально возможного объема материальных ресурсов для их последующего перераспределения в пользу индустриального сектора экономики» — сообщает в своей работе Ильиных В. А. [2].

Далее значительные изменения произошли во время СССР в 1941–1965 гг. В 1942 г. создается военный налог. Также с ним ввели другие налоги, такие как налог на бездетность, налог с разводчиков скота и т.д. В дальнейшем время существенный вклад внесла коренная реформа. Также хотелось бы отметить, что с 1950–1960 гг. контроль налогов в Восточной Сибири не был укреплен, как обособленное направление в государстве. Только с появлением в 1980 г. организаций разных форм собственности и перевод к строению рыночных отношений повлияло на радикальную перемену государственного налогового контроля.

В 1990 г. к структуре Министерства финансов СССР присоединилась Главная государственная инспекция, которая в свою очередь переименовалась в Государственную налоговую службу, в 1998 г. вошло Министерство Российской Федерации по налогам и сборам, а в 2004 г. — Федеральная налоговая служба. В 1991 году был введен налог с продаж в форме прибавки к стоимости товара (НДС). Введением данного налога послужил приказ Президента СССР. Также в 90-е гг. развитие малого предпринимательства подтолкнуло государство к введению налогов специального назначения. Вдобавок в 1995 г. для сохранения на плаву малого бизнеса образовали упрощенную систему налогообложения (большее количество региональных налогов сменяются на один общий сбор).

В последующем наступила следующая ступень эволюции налоговых отношений. Стартовало сопротивление с бартером; общее число налогов снизилось до 31-го и убавился тариф по ряду налогов. С девизом «вывода доходов из тени» в XXI в. стали понижаться налоги: была задействована ставка, которая не принадлежит к уровню дохода; возрастающая тенденция налога на доход физических лиц понижена и пр.

На территории регионов Российской Федерации, кроме того, в Восточной Сибири важное значение имеет НДФЛ и налог на прибыль. Нагрузка в области налоговых отношений не уменьшается несмотря на понижение общего числа налогов и ставок это объясняется тем, что упрощаются льготы и параллельно жестким становится налоговое управление. На данный момент динамика собираемости налогов в Российской Федерации, к сожалению, отрицательна. В рейтинге по ставке налога на доходы граждан Россия занимает 34-е место из 37 мест. Ниже нашей страны оказались Беларусь, Болгария и Казахстан [5].

Республика Бурятия сегодня ухудшила свою позицию в рейтинге социального и экономического развития регионов РФ. С 61-го места, занимаемого в 2015 году, снизилось в 2016 году на 65-е место, а по данным за 2017 год Республика занимает 70-е место. Также Иркутская область спустилась на 29-е место, что значительно хуже, чем в прошлые года. В то время, Забайкальский край, наоборот, поднялся в рейтинге регионов РФ на 65-е место [4].

Литература

1. Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К. История налогов в России. IX — начало XX в. — М., 2006. — 294 с.
2. Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. — Новосибирск, 2004. — 167 с.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.
4. Позиции Бурятии рухнули в рейтинге социально-экономического развития регионов [Электронный ресурс]. — URL: <http://ulan.mk.ru/politics/2018/05/23/pozicii-buryatii-rukhnuli-v-reytinge-socialnoekonomicheskogo-razvitiya-regionov.html>. — Загл. с экрана (дата обращения: 23.05.2018).
5. Рейтинг стран по ставке налога на доходы граждан [Электронный ресурс]. — URL: <https://gia.ru/economy/20110706/398057054.html>. — Загл. с экрана (дата обращения: 02.05.2018).

Использование деволюционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© *Н. В. Разбейко*

преподаватель кафедры хозяйственного права,
«Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»,
E-mail: razbeyko.n@gmail.com

Предметом исследования является деволюция, закрепленная в Конвенции Монтевидео и Конституции Российской Федерации. Целью работы является сравнительный анализ норм законодательства Российской Федерации и Американских Государств, подписавших Конвенцию Монтевидео, при исследова-

нии деволюционных процессов. Проблематика работы состоит в выявлении особенностей деволюционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском Регионе. Основные методы, использованные при написании статьи, — сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический.

Изучив применение сравнительно-правового метода исследования института деволюции и ряда связанных с ним аспектов по Конвенции Монтевидео, можно сделать вывод о том, что в целом в российском законодательстве этот правовой институт урегулирован в достаточной мере. Необходимо использовать более активно имеющийся в Азиатско-Тихоокеанском Регионе законодательный потенциал, в частности можно использовать нормы Конвенции Монтевидео, подписанную Американскими Государствами, как образец для англо-саксонского мира при объяснении процессов, происходящих в Крыму, на Донбассе. Области применения результатов данного исследования могут быть законодворчество в сфере деволюции, дипломатическая деятельность, научная и учебная сферы.

Ключевые слова: деволюция, Конвенция Монтевидео.

В статье 5 Конституции Российской Федерации указано, что во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны [5].

В странах Азиатско-Тихоокеанского Региона возникли и действуют процессы деволюции. Понятие «деволюция» означает передачу центром ряда важных полномочий (в том числе определенного объема законодательной власти) в отдельные регионы страны. Различия между федерализмом и деволюцией определяются природой государства (которое продолжает оставаться унитарным при деволюции), а отличие от понятия децентрализации состоит в том, что речь идет не о создании автономий, а о более высоком статусе отдельных регионов страны [6].

Именно это понятие наиболее отвечает ситуации сложившейся в различных современных государствах, например в Канаде. Например, согласно статье 43 Конституционного акта 1982 г. Канады [3] возможно изменение положений Конституции Канады в отношении одной или нескольких, *но не всех* провинций — это может быть предложено только путем издания Генерал-губернатором Прокламации с резолюции Сената, Палаты общин и законодательных собраний каждой провинции, к которой это изменение относится. Таким образом, если изменение положений Конституции Канады затрагивает лишь одну провинцию, то требуется только согласие Парламента и законодательного органа этой провинции.

Примером деволюции в Канаде может служить Квебек — это единственная провинция, имеющая своё собственное министерство государственных сборов, что способствует, созданию полностью отличающегося общества и отделению от федерального и большинства межпровинциальных соглашений. Квебек использует половину своего права на налогообложение. Никакая другая канадская провинция к настоящему времени не использовала это право.

Таким образом, деволюция означает передачу центром страны некоторых полномочий отдельным регионам страны (но не всем, и не одинаковые полномочия).

Поэтому именно деволюцию можно использовать для мирного разрешения конфликта в Украине. В Конституции Украины можно указать конкретные полномочия Донбасса (не такие как у всех остальных областей Украины), как это сделано для своих провинций в Канаде. Необходимо будет получить согласие Парламента ДНР и законодательного органа ДНР.

Кроме вышеуказанного, в Конституции Австралии [4] также закреплено положение о возможности изменения статуса территорий. Данный аспект изучается в связи с проблематикой перехода территорий Крыма, Донбасса.

Так, Австралийский Союз уполномочен приобретать, а Парламент штата может уступить любую собственность штата (статьи 85, 111 Конституции Австралии). Статья 123 Конституции Австралии указывает на возможность установления новых границ штатов. Парламент Австралийского союза уполномочен, при условии получения согласия Парламента штата и одобрения большинством избирателей штата, увеличить, уменьшить или иначе изменить границы штата, на тех условиях, которые были согласованы. Более того, возможно даже формирование новых штатов при помощи отделения территории от какого-либо штата, при условии согласования с Парламентом этого штата. Кроме того новый штат может быть сформирован при помощи объединения двух или более штатов или их частей, при условии согласования с Парламентами данных штатов (статья 119 Конституции Австралии).

Кроме вышеуказанного, необходимо обратить внимание на исторический аспект деволюции. Можно сказать, что деволюция как явление возникло еще в момент отсоединения колоний от Великобритании. Канада и Австралийский Союз — это государства, входящие в Британское Содружество, главой которого является британская королева. До сих пор Генерал-губернатор, назнача-

емый Королевой, является представителем Ее Величества в Австралийском союзе (Австралии) и его полномочия очень весомы. В Канаде Королева также назначает Генерал-губернатора. В этой связи в этих странах Азиатско-Тихоокеанского Региона возник сильный деволюционный процесс. Так, Канада получила собственную Конституцию лишь после принятия английским Парламентом и опубликования 17 апреля 1982 г. Акта о Канаде 1982 г. [3]. Согласно пункту 2 Приложения «А» Прокламации о Конституционном акте 1982 г. ни один акт Парламента Соединенного королевства, изданный после вступления в силу Конституционного акта, не будет являться частью права Канады. Таким образом, бывший английский доминион Канада, обрела некоторую независимость от Великобритании.

Австралийский Союз получил свою Конституцию Австралии еще в 1900 году. Она наделяет большей правоспособностью Австралийский Союз по сравнению с Актом о Канаде. В Конституции Австралии четко прописаны основные моменты взаимоотношений Австралийского Союза и входящих в него штатов.

Так, Статья 78 Конституции Австралии[4] наделяет правом Парламент принимать законы на осуществление судебных действий против Австралийского Союза или штата. Австралийский Союз не вправе отдавать предпочтение какому-либо штату или любой его части (статья 99 Конституции Австралии). Штат не вправе создавать или содержать военные силы (статья 114 Конституции Австралии). В то же время, Австралийский Союз обязан защищать штаты от вторжения, а также от внутренних беспорядков (статья 119 Конституции Австралии). Данное положение особенно актуально в связи с государственным переворотом в Киеве на Украине в 2014 году. Такое положение необходимо закрепить в Конституции каждой страны каждого государства, в том числе и в странах Азиатско-Тихоокеанского Региона.

Подводя итог, можно согласиться с мнением Денека о том, что «выработка политики федерализма как фактора единства страны, гибкость в применении различных конституционно-правовых институтов — все это и некоторые другие стороны канадского опыта могут быть использованы в других странах» [1, с. 5].

Крайней формой деволюции можно считать возникновение нового государства на территории другого государства. Правительства, представленные на Седьмой Международной Конференции Американских Государств, подписали Конвенцию о правах и обязанностях государств (подписана в Монтевидео 26 декабря 1933 г. и вступила в силу 26 декабря 1936 г.) [2].

Государство должно иметь такие черты:

- проживающие граждане;
- зафиксированное территориальное пространство;
- правительство; и
- возможность контактов с иными странами [2].

Можно сказать, что такими признаками обладает Донбасс.

Возникновение государства не зависит от одобрения других стран. Еще до вынесения решения о признании правительство имеет право защищать свою целостность и свои права, чтобы принимать конкретные правила и устанавливать ответственность.

Защита этой свободы не распространяется на использование прав другими государствами по международному праву. Общие права не зависят от правительственных чиновников, но от принципов международного права. Любая страна не имеет права препятствовать решению проблем внутри страны или за ее пределами [2].

Таким образом, используя нормы Конвенции Монтевидео можно констатировать, что все внутренние деволюционные процессы внутри страны не зависят от признания другими государствами.

Литература

1. Денека И. М. Канадский федерализм в контексте взаимоотношений федерального центра и провинций: автореф. дис. ... канд. юр. наук. — М., 2004. 28 с.
2. Конвенция Монтевидео Американских Государств о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г. / *Montevideo Convention on the Rights and Duties of States*, 165 LNTS 19.
3. Конституционный акт 1982 г. Канады [Электронный ресурс]. — URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/canada/canada-r.htm (дата обращения: 03.04.2018).
4. Конституция Австралии 1900 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://constitutions.ru/?p=30&page=2> (дата обращения: 22.04.2018).

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.

6. Кушхов И. Р. Процессы развития унитаризма при современной монархической форме правления // Ленинградский юридический журнал. — 2011. — № 3 — С. 192.

Экологическая ответственность в КНР и РФ

© *В. Ж. Чимитдоржиева*

магистрант 2 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: viktoriya231832@gmail.com

Предметом данной статьи является рассмотрение института экологической ответственности Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Исследование сосредоточено на поиске путей модернизации законодательств обеих стран. Как результат, опыт Китайской Народной Республики представляет интерес для российских законодателей.

Ключевые слова: экологическая ответственность, охрана окружающей среды, экология, воздействие на окружающую среду, мера ответственности.

Всё в природе взаимосвязано, мы живем на одной Земле, которая не признает разделения территорий на отдельные государства, институт юридической ответственности играет огромную роль в сохранении нашей окружающей среды.

На протяжении многих лет экологическая ответственность является предметом научных дискуссий. На наш взгляд говорить о подобном понимании на сегодняшний день преждевременно, и лишь с точки зрения науки такая ответственность может быть рассмотрена как комплексный институт, включающий в себя положение о различных видах юридической ответственности [1, с. 211].

Статья 75 ФЗ Российской Федерации от 10.01.2002 № 7 «Об охране окружающей среды» [2], а также законодательство КНР устанавливают следующие виды ответственности: дисциплинарная, имущественная, административная и уголовная ответственность.

В Китае устанавливают ответственность следующие нормативные акты в сфере охраны окружающей среды: закон КНР от 26.12.1989 «Об охране окружающей среды», закон КНР от 01.10.1996 «Об административных наказаниях», Гражданский кодекс КНР, Уголовный кодекс КНР.

В Российской Федерации это Гражданский кодекс РФ, КоАП РФ (главы 7, 8 (ст. 8.1-8.41), 9, 10), Уголовный Кодекс РФ (глава 26), применение дисциплинарной ответственности регламентируется Трудовым кодексом РФ и соответствующими специальными нормативными актами локального характера — уставами, правилами внутреннего распорядка, коллективным договором и т.п.

Одним из самых спорных вопросов, возникающих на практике, является правильная квалификация экологических правонарушений на административные проступки или уголовные преступления. Такая сложная практика наблюдается как в России, так и в Китае. Высказываются суждения о латентности экологической преступности, это связано с трудностью доказывания умышленного совершения деяния и причинно-следственной связи между бездействием или действием и наступившими последствиями на практике вместо уголовной ответственности лицо виновное часто привлекается к гражданской или административной ответственности. Основное отличие экологических преступлений от административных правонарушений заключается в более высокой степени опасности для общества. Кроме того, указанные экологические нарушения отличаются по признакам их объективной стороны, формам вины и предмету.

Законом КНР «Об охране окружающей среды», законом КНР «Об административных наказаниях» и другими экологическими законами предусмотрены следующие основные виды административных взысканий: предупреждение, штраф, принудительное взимание сборов за ликвидацию последствий загрязнения, принудительное приостановление производства, принудительное прекращение деятельности, решение об исправлении обнаруженных нарушений за конкрет-

ный срок, наложение штрафов за вредные выбросы, принудительная ликвидация, административный арест и т.д.

Согласно сведениям министра охраны окружающей среды Чэнь Цзинин Китайская народная республика в 2016 году собрала 6,6 млрд. юаней (практически \$1 млрд) штрафов за нанесение вреда окружающей среде. Общая сумма штрафов в процентном соотношении выросла на 56%. А также министр сообщил, что по сравнению с 2015 годом за загрязнение экологии по стране всего ликвидировано 5673 предприятия — больше на 83 % [3].

В соответствии со ст. 8.2 КоАП РФ нарушения в области обращения с отходами влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от ста до двухсот пятидесяти тысяч рублей или приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

В российской правовой системе нет понятия длительных ежедневных штрафов. Этот механизм охраны оказал бы положительное влияние на состояние окружающей среды и в России.

В соответствии с изменениями, вступившими в силу с января 2015 года, ст. 63 закона КНР «Об охране окружающей среды» дополняет основания применения административного ареста за загрязнение окружающей среды. Административный арест предусматривается в 4 случаях:

1) неисполнение решения о приостановке строительства в случае ведения строительства без отчета об ОВОС;

2) незаконные сбросы загрязняющих веществ с помощью сточных ям и канав, подземных труб, подделка информации о сбросе загрязняющих веществ, уклонение от контрольной деятельности за сбросом загрязняющих веществ иными способами;

3) неисполнение обязанности о прекращении деятельности в случае сброса загрязняющих веществ без соответствующего разрешения;

4) невыполнение предписаний об устранении нарушений в связи с использованием в производстве удобрений химического или биологического происхождения, использование и производство которых запрещено государством [5].

Китайскому законодательству также характерны не только меры административного характера, но меры, направленные на приумножение отдельных природных ресурсов. Например: вместе с административным взысканием на правонарушителя распространяется требование в виде восстановления нанесенного вреда или принятие мер по его уменьшению. Например, ст. ст. 39 и 44 ЛК КНР лица, которые виновны в незаконной вырубке леса, обязаны посадить десять новых деревьев взамен одного срубленного. Лица, виновные за незаконную добычу песка, грунта, камня, а также в выпасе скота в лесных массивах, которые нанесли ущерб лесу, должны посадить 3 новых дерева взамен 1 срубленного [8].

Административное наказание накладывается вышестоящей организацией на лиц, ответственных за охрану ОС или на лиц, которые осуществляют управление. Это наказание налагается как на саму организацию, в которой он работает, так и на него самого. В Российской Федерации административное наказание может налагаться как на организацию, на ответственное лицо, а также совместно, в зависимости от тяжести совершенного правонарушения.

В соответствии с действующим китайским законодательством видами административного наказания в отношении должностных лиц являются: предупреждение, выговор, строгий выговор, понижение по должности и увольнение.

Когда выявляются тяжкие последствия и ключевые лица соответствующего ведомства должны признать свою вину и уволиться с должности:

- Когда они предоставляют разрешения заявителям, которые не удовлетворяют требованиям;

- Когда они не принимают решение о приостановлении или закрытии производства несмотря на то, что это предусмотрено законом.

- Когда они оперативно не проводят расследования при обнаружении или получении информации (отчета, доклада и т.д.) о действиях по чрезмерному выбросу загрязняющих веществ, сбросу загрязняющих веществ с помощью средств, которые позволяют уйти от регулирования, служат причиной инцидентов в сфере экологии, невыполнению мер по обеспечению экологической безопасности, что является причиной экологического ущерба и т. д.

- Когда они скрывают незаконные действия;

- Когда они изменяют, подделывают или занимаются подстрекательством других или фальсифицируют данные мониторинга и другие основания [4].

Согласно ст. 134 «Основных принципов ГК КНР» выделяют следующие формы гражданской экологической ответственности: возврат имущества, прекращение правонарушения, выплата штрафов, устранение опасности, устранение вреда, восстановление первоначального состояния, компенсация убытков, принесение извинений и другие.

В КНР ст. 59 Закона КНР «Об охране окружающей среды» введена система длительных штрафов за загрязнение ОС. В соответствии с законом предприятия и другие субъекты хозяйственной деятельности, которые осуществляют незаконный выброс загрязняющих веществ, обязаны устранить или ликвидировать нарушения и выплатить штраф. Если нарушения вовремя не устранятся (т.е. предприятия продолжают незаконный сброс загрязняющих веществ), то с правонарушителей за каждый день нарушения взимается штраф. Ежедневный штраф начинают взиматься со дня, следующего за днем истечения срока ликвидации нарушений, который указан в предписании компетентного государственного органа [5].

Возмещают ущерб согласно «Общим принципам гражданского права КНР». Ст. 119 устанавливает, что если нанесен вред здоровью в результате ущерба, то необходимо покрыть расходы на лечение; в случае потери дохода в результате наступления нетрудоспособности, должны быть возмещены расходы на содержание; в случае смерти возмещают расходы на погребение, а также помощь лицам, находившимся на иждивении погибшего и т.д.

В Законах Китая не имеются конкретные нормы о возмещении морального вреда, но судебная практика последних лет имеет прецеденты вынесения решений о его возмещении. К примеру, в 2012 г. был создан трибунал КНР по охране ОС для обобщения экологической судебной практики.

Замечено, что российская судебная практика по делам о компенсации морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями, немногочисленна. Неоднородны и показатели судебной практики по данной категории дел в развитых зарубежных странах [6, с. 89.]. Огромное политическое значение для нашей страны имело решение ЕСПЧ от 09.06.05 по делу «Фадеева против России», в соответствии с которым заявительнице — Фадеевой Н.М. было выплачено 6 тысяч евро компенсации за моральный вред. Суть дела заключалась в том, что Фадеева проживает на территории санитарно-защитной зоны сталелитейного завода «Северсталь», находящегося в городе Череповце — большом металлургическом центре, при этом загрязнение воздуха аммиаком, сероводородом и другими вредными веществами в районе проживания в несколько раз превышает предельно допустимые концентрации и оценивается как «высокое» или «очень высокое». Европейский Суд по правам человека указал на недостаточность принятых государственных мер по снижению уровня выбросов загрязняющих веществ и на неэффективность санитарного и экологического законодательства [7].

Уголовная ответственность в сфере экологии наступает в соответствии с Уголовным кодексом КНР. УК КНР объединил составы экологических преступлений в специальный параграф №6 «Преступления против охраны ОС и природных ресурсов», главы № 6 «Преступления против общественного порядка и порядка управления» и т. д.

В действующем УК КНР расширено количество и размер мер наказания, поднят верхний предел наказания, реализован принцип «двойного наказания», когда экологическое преступление совершено организацией, то кроме штрафа, который налагается на организацию, к ответственности в соответствии с УК КНР привлекается лицо, ответственное за совершенное деяние. Эта принудительная мера эффективно повлияла на пресечение действий, наносящих ущерб ОС со стороны организаций и ФЛ, стремящихся к получению прибыли [9].

Таким образом, юридическая ответственность в Китае предусматривает такие же виды ответственности как в России, но имеет при этом свои характерные особенности. Охрана окружающей среды — это деятельность не только государства и государственных органов как гласит Конституция КНР, но и рациональная деятельность каждого человека, только совместными усилиями мы можем сохранить нашу природу.

Литература

1. Берназ Л. П., Жочкина И. Н., Кичигин Н. В. Об охране окружающей среды: науч.-практ. коммент. к ФЗ от 10.01.02 № 7 ФЗ. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ООО Юридическая фирма Контракт, 2018. — 528 с.

2. Европейский суда по правам человека [Электронный ресурс]. — URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/fadeeva-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda>
3. Об охране окружающей среды: изменения в законе КНР [Электронный ресурс] // Блок о законодательстве КНР. — URL: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended
4. Об охране окружающей среды: закон КНР [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.asiabusiness.ru/law/law2resources/environment>.
5. Князькин А. Д. Компенсация морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями: автореф. дис. ... канд. юр. Наук // ФГБОУ ВПО Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. — Москва, 2013. — 7 с.
6. Лю Хун Янь Развитие экологического права Китая и России: дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. — 230 с.
7. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Российская газета. — 2002. — № 6. — 12 янв.
8. Международное радио Китая [Электронный ресурс]. — URL: <http://russian.cri.cn/3060/2017/03/09/1s598593.htm>.
9. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-za-ekologicheskie-pravonarusheniya-perspektivy-razvitiya>.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Установление суверенитета Российского государства в Северной Америке

© *Е. Е. Кряжева*
адъюнкт ВСИ МВД России
Россия, г. Иркутск
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

Настоящая статья посвящена проблеме закрепления суверенитета России на землях Северной Америки. Российская империя стремилось действовать законно во всем, что касалось расширения государственных границ, их юридического закрепления и последующего международного признания. Этот факт нашел отражение в Конвенции 1825 г., заключенной с Великобританией «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границ обоюдных владение их».

Ключевые слова: суверенитет Российского государства, русские владения в Северной Америке, Русская Америка.

Процесс установления суверенитета в Российском государстве с давних пор был предметом пристального изучения ученых. Еще М. В. Ломоносов считал, что богатства России прирастать будут не только Сибирью. В дальнейшем этот подход использовал историк В. О. Ключевский, который называл Россию «страной колонизирующейся» [5, с. 10]. И действительно в течение веков территории Российского государства расширялась за счет присоединения новых земель путем завоевания близлежащих территорий или добровольного вхождения народов вместе с землями, или мирным освоением заселенных туземцами территорий русскими землепроходцами. Последний способ наиболее приемлем, по мнению Г. Г. Небрятенко, в отношении Русской Америки [2, с. 10].

Российское государство — континентальное, но в его истории имеются примеры, которые связаны с расширением территории, в том числе заморской, с последующим закреплением российской юрисдикции, например, Русская Америка, в которую входила Аляска и Тихоокеанское побережье практически до Калифорнии. Территория Русской Америки вошла в состав Российского государства по праву первооткрывательства, следуя принципу: территория, которая никому не принадлежала. Русские оказались здесь первыми в 1741 году и имели все права на эти территории, но в дальнейшем потребовалось разграничение зон влияния с сопредельными государствами: в первую очередь с Великобританией, владевшей «будущей Канадой».

Для России было важно, чтобы присоединенные территории получили юридическое закрепление и международное признание, что нашло отражение в заключенной в 1825 году в Санкт-Петербурге между Конвенции «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границ обоюдных владение их» [4]. Положения данной Конвенции устанавливали разграничение владения Российской империи и Великобритании в Северной Америке, однако добиться желаемых результатов было не просто. Русские уполномоченные сообщили британскому послу Ч. Баджету, что Российская империя отказывается от распространения своих владений до 51-й параллели и имеет намерения определить границы владений Российской империи в Северо-Западной Америке по границам, которые были сформированы в результате деятельности Российско-американской компании, возникшей из объединения купеческих организаций под патронажем государства. Театр экономической деятельности Российско-американской компании по состоянию на 1799 году становился от 55° с. ш. до Беренгова пролива, распространяясь на американский берег, Алеутские и Курильские острова (от Итурупа).

Еще 20.10.1818 г. Великобритания заключила конвенцию с Соединенными Штатами Америки о том, что в течение 10 лет они будут иметь совместные владения, расположенные между Тихим океаном и Скалистыми горами (к югу от российских владений), и Российская империя уже не могла предъявлять свои права на этой территории. США юридически могли иметь аналогичные требования, но, тем не менее, признавали, что граница Российских владений проходит по 54°40'. В целях сохранения во владении Российско-американской компании всей территории острова Принца Уэльского, уполномоченные Российской империи К.В. Нессельроде и П. И. Полетика

предложили установить границу по $54^{\circ}40'$ с.ш. таким образом, чтобы она проходила вдоль побережья по горному хребту, и это бы сохранило территорию континента до пересечения с 140° з.д. Так же русские уполномоченные соглашались открыть доступ к Ново-Архангельскому порту, навигации по рекам, протекающим на территории Российского государства. В связи с отсутствием поселений Российско-американской компании южнее 57-ой параллели английский посол Ч. Баджет выступил категорически против, настаивая на прохождении границ Российских владений не южнее 56-ой параллели.

В ходе переговоров в 1824 г. К. В. Нессельроде обозначал: «Мы настаиваем лишь на привилегии, которой наша торговля пользовалась еще с 1799 г., тогда как английские компании Гудзона залива и Северо-западная появились поблизости этих широт едва ли три года назад и они еще до сих пор не занимают какого-нибудь места на берегу океана. Хорошо известно, что они стремятся обеспечить себе выгоды от охоты и рыбной ловли только еще для будущего. Таким образом, если мы хотим сохранить то, что имеем, то английские компании хотят приобрести. Одно из этого обстоятельства достаточно для того, чтобы оправдать наши предложения. Не в меньшей мере они соответствуют и принципу взаимного удобства, который должен служить основой для переговоров» [3, с. 169].

Британский министр иностранных Дж. Каннинг считал слишком большой уступкой согласие на включение в состав Российского государства острова Уэльского, поэтому Великобритания не хотела соглашаться на российские предложения. Великобритания имела твердые убеждения, что вследствие своего географического положения России не предназначено большого развития морских сил. Придерживаясь данной концепции, министр Великобритании хотел, чтобы территория, расположенная вдоль побережья, которую уступают России, не была больше 10 морских миль. Кроме того, англичане хотели получить права на охоту, рыбный промысел, торговлю с туземцам и на территории, из-за которых возник спор (от 59° с. ш. до $54^{\circ}40'$), и сроком на 10 лет в другой части владений Российского государства (от 59° с. ш. и до Берингова пролива). Также со стороны Великобритании выдвигались требования открыть Ново-Архангельский порт. Русские уполномоченные принять данные предложения не хотели, так как это было «равносильно отречению от своего территориального суверенитета» [3, с. 314].

В результате переговоров компромиссного решения не было достигнуто, и Ч. Баджет уехал из Санкт-Петербурга, в своей переписке Дж. Каннингу писал, что опубликованная русско-американская конвенция привела бы к протестам, в связи с чем, русские посланники К. В. Нессельроде и П. И. Полетика не хотят подписывать документ. Поэтому на заключительном этапе переговоров в Санкт-Петербурге интересы Великобритании представлял новый английский уполномоченный С. Каннинг, задачей которого являлось достижение результата по определению ширины русских владений вдоль побережья не более 10 морских миль и разграничение границ владений к северу шло не по 139° , а по 141° з. д. (то есть граница российских владений передвигалась на 2° к западу). На переговорный процесс большое влияние было оказано и со стороны директората Российско-американской компании, имевшего карт-бланш русского правительства на экспансию в Новом Свете. Компания заботилась о промысловых ресурсах, стремилась опередить конкурентов в освоении новых промысловых угодий, желала развивать в Америке земледелие с целью обеспечения продовольствием заокеанских российских владений.

Процесс достижения Российско-Американской компанией поставленных задач привел к обострению отношений Российской империи с Великобританией и Соединёнными Штатами Америки. В итоге, не желая вступать в конфликт с Великобританией, царское правительство решило уступить. Конвенция была подписана 16.02.1825, устанавливала границу между Российским государством и Великобританией, закрепляла правила русско-английской торговли, судоходства, рыбных промыслов, являлась важным документом в истории обеих государств.

В соответствии со ст. III конвенции разграничение между владениями русскими и английскими устанавливалось с южной точки острова Принца Уэльского ($54^{\circ}40'$ с. ш.) «вдоль по проливу, называемому Портландский канал, до той точки твердой земли, где она касается 56 градуса северной широты». Отсюда черта разграничения проследовала по хребту гор, простирающихся в параллельном направлении с берегом, до точки пересечения на 141 градусе западной долготы и далее на север вдоль той же меридианной линии до Ледовитого океана [4]. Таким образом, линия русско-британской границы была в этом месте не прямой, а чрезвычайно извилистой.

Статья IV определяла, что остров Принца Уэльского будет принадлежать Российскому государству, а линия границы вдоль побережья по хребту гор не должна проходить от берега больше,

чем на 10 морских миль. Ни одна из сторон согласно договору не могла основать свои постоянные поселения на территории, расположенной за пределами их границ (ст. V). Британские подданные получали право свободного плавания по всем рекам, которые, впадая в Тихий океан, пересекали русскую границу (ст. VI), а также в течение 10 лет производить рыбную ловлю и торговлю с местными жителями (ст. VII). Запрещение делалось лишь в отношении торговли «спиртовыми напитками, огнестрельным и белым оружием, порохом и другими военными снарядами» (ст. IX). При непогоде вовремя плавания в Тихом Океане российским и британским кораблям разрешалось искать убежище в гаванях обоюдных сторон, запастись всеми нужными потребностями, выходить обратно в море без уплаты пошлин и других платежей, при необходимости продавать свои товары по правилам того места где он будет находиться (ст. X). В случае нарушения положения настоящей Конвенции, стороны были обязаны разрешить спор мирно и по справедливости (ст. XI).

Учитывая вышеизложенное можно сделать вывод, что Российское государство всегда стремилось действовать законно во всем, что касалось расширения своих границ, и было сторонником возможного присоединения к России новой территории только при официальном её юридическом закреплении, устанавливающему отсутствие принадлежности и под власти данной территории никакому другому государству, кроме Российского. Позиция России в международных отношениях была в строгом соответствии с международными нормами и правилами, что и было ядром внешнеполитической доктрины Российского государства. Впрочем, вызывает недопонимание чрезмерная «уступчивость» царской дипломатии, наивысшей гранью которой стала уступка «Аляски и Ко» Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 году.

Следовательно, исходя из данного примера в истории государства Российского, суверенитет имеет важнейшее значение, в отсутствие которого появляется великое множество проблем в международных отношениях и без которого не существует нормальной жизни как экономической, общественной так и политической. Последующая история будет знать ещё не мало примеров, когда ослабление суверенитета приведет не только к экономическому упадку государства, но и к риску его прекращения как такового.

Литература

1. Мартене Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. — Т. XI. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.runivers.ru/lib/book3167/> (дата обращения: 13.05.2018).
2. Небрятенко Г. Г. Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. 2016. № 21. С. 10–14.
3. Нессельроде К. В. — Х. А. Ливену, 5 (17) апреля 1824 г. // РАВТ. — Vol. I. — P. 169.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 40. № 30233а [Электронный ресурс]. — URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php/
6. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.runivers.ru/lib/book4544/54656/>

Проблема подготовки юристов со знанием языка и права зарубежных стран

© *Лян Минь Янь*

ст. преподаватель кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: liangminyanyan6465@163.com

В статье рассматриваются проблемы подготовки юристов со знанием языка и права зарубежных стран. Также в статье проводится сравнительный анализ систем подготовки юристов в Китае и в России.

Ключевые слова: юрист со знанием языка и права зарубежных стран, модель, китайский язык и право.

Юристом со знанием языка и права зарубежных стран является специалист с международным кругозором, знающий международное право, международные юридические практики и умеющий защищать права и интересы государства, организаций и частных лиц. Такие специалисты должны обладать следующими характеристиками [1]:

Во-первых, специалист должен иметь навыки межкультурного общения, обладать знаниями о современной мировой ситуации, уметь свободно общаться на иностранных языках, понимать культуру других стран и уметь работать в международной сфере;

Во-вторых, специалист должен иметь обширные познания в области юриспруденции, а именно знание международного права и международных правил;

В-третьих, иметь навыки юридической практики, уметь анализировать и решать сложные международные вопросы.

В-четвертых, он должен обладать всесторонними познаниями в своей сфере — в политической, экономической, культурной, исторической областях.

В-пятых, специалист должен уметь свободно общаться на иностранных языках.

Китай с развитием экономики и международной торговли стал нуждаться в специалистах-юристах, знающих язык и право зарубежных стран. Но подготовка таких специалистов только началась. В 2011 году Министерство образования Китая согласно Плану среднесрочной и долгосрочной реформы о развитии образования КНР на 2010–2020 годы разработало план подготовки выдающихся юристов. В 2012 году в Китае в 58 вузах, в том числе в Пекинском университете началась подготовка юристов с практическими и всесторонними знаниями, ориентированными на практику. На базе 22 вузов началась подготовка юристов со знанием языка и права зарубежных стран, в том числе на базе Пекинского политико-юридического университета. Также 12 вузов ориентированы на подготовку юристов в западной части, например, Внутренний Могорский университет. После пяти лет, благодаря вкладу этих вузов, можно констатировать, что в Китае уже начали выпускать юристов со знанием языка и права зарубежных стран.

В Китае более 1000 вузов, из них 600 имеют юридические факультеты, готовящие юристов, при этом каждый университет выбирает свою специализацию подготовки. А подготовка юристов со знанием языка и права зарубежных стран осуществляется в рамках нескольких моделей [2].

Первая модель — всестороннее продвижения юридического образования на международном уровне, например, этой модели придерживается юридический институт Шаньдунского университета. Университет финансово поддерживает преподавателей и студентов, обучающихся за границей. Он также поощряет обучение иностранным языкам, вводя для этого в систему общей оценки показатели по успеваемости учащихся в изучении иностранных языков. Шаньдунский университет также практикует обмен преподавателями и студентами с вузами зарубежных стран, увеличивая долю иностранных преподавателей. Кроме того, университет активно продвигает изучение английского языка и распространяет англоязычные учебные пособия.

Вторая модель — экспериментальная, например, ее продвигает Цинхуаский университет. Здесь экспериментируют с изучением англо-правовых систем, создают специальные учебные планы, специальные учебные команды, а при оценке успеваемости в первую очередь оценивают знания иностранных языков на конкурентной основе.

Для третьей модели характерна практика открытия подразделений в рамках университетов, специализирующихся на праве зарубежных стран с акцентом на знании языка. В Университете внешней экономики и торговли и в Пекинском университете иностранных языков открыли специальный институт и факультет подготовки юристов со знанием языка и права зарубежных стран.

Однако Китайско-Российский институт Хэйлунцзянского университета продвигает модель, отличающуюся от рассмотренных выше. Он был открыт в мае 2011 года в Харбине, а его учредителями являются Хэйлунцзянский университет КНР и Новосибирский государственный университет. В этом институте есть следующие факультеты: факультет химической техники и технологии; факультет прикладной физики, биотехнологии; факультет математики и прикладной математики; факультет международной экономики и торговли, финансов и юриспруденции и др. Всего обучается около 600 студентов. В результате совместной подготовки вузов КНР и РФ студенты по окончании получают диплом Хэйлунцзянского университета КНР, а в случае, если студенты на 4 курсе обучались в Новосибирском государственном университете, еще и диплом НГУ. У студентов есть возможность обучаться на территории России на основе договоров двух вузов, и за счет фонда Правительства КНР для обучения за границей.

Резюмируя опыт применения этих моделей можно сказать следующее. Во-первых, необходимо установить специальный учебный план, в который обязательно входит изучение иностранных языков, языковая практика, 1 год обучения за границей (в Китае есть 2+2 или 3+1). При изучении юридической специальности необходимо обязательно изучить 14 предметов, в число которых входят теория, история права Китая и зарубежных стран; гражданское право; уголовное право;

конституционное право и административное право; экономическое право; коммерческое право; международное публичное право; международное частное право; международное экономическое право и сравнительное право. Это обязательные дисциплины, кроме этого необходимо изучать дисциплины по выбору, т.е. факультативные предметы, например, экономика, политология, предметы, посвященные изучаемой стране и международным нормам.

Во-вторых, необходим обмен преподавателями и студентами, либо совместная подготовка бакалавров и магистрантов. Можно организовать летний лагерь студентов на 2–3 неделю для учащихся, практику за границей в правоохранительных органах.

В-третьих, важно проводить конкурсы по знанию иностранных языков с юридическим уклоном, организовывать научные конференции для сравнительного правоведения. В Китае с 2008 года ежегодно в Пекинском университете иностранных языков проводится международный конкурс по аналогии интеллектуальной собственности. В конкурсе участвуют граждане Америки, Австралии, Китая. Конкурс проводится на английском языке. Это эффективный метод улучшения навыков студентов.

Подготовка юристов со знанием языка и права зарубежных стран в России

Бурятский государственный университет давно начал сотрудничать с вузами КНР. Институт Конфуция БГУ создан силами двух университетов: Чанчуньского политехнического университета (КНР) и Бурятского государственного университета (РФ). 6 июля 2007 года советник по делам образования при посольстве КНР в РФ госпожа Пэй Юйфан и ректор БГУ С. В. Калмыков торжественно открыли Институт Конфуция БГУ. Институт Конфуция (ИК БГУ) является структурным подразделением ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Основные цели ИК БГУ: преподавание китайского языка и популяризация китайской культуры, переподготовка и повышение квалификации преподавателей китайского языка, укрепление дружбы и взаимопонимания между российским и китайским народами, предоставление консультационной помощи, организация экзамена на знание китайского языка (HSK), проведение культурных мероприятий, реализация научных проектов в области востоковедения и китаеведения. На базе Бурятского государственного университета в 2009 г. создан Российско-Китайский центр. Центр был создан при поддержке канцелярии Международного совета по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) для того. Чтобы способствовать процессу подготовки специалистов со знанием языка и права Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

В 2010 году на юридическом факультете БГУ была учреждена Кафедра международного права и международных отношений. Международно-правовая специализация начинается с первого курса, с углубленным изучением международного права, китайского, монгольского и английского языков. Во время обучения предполагаются языковые и правовые стажировки в Китае, Монголии и других странах. В 2012 г. открыто новое направление подготовки бакалавров — международные отношения. Это основа подготовки юристов со знанием языка и права зарубежных стран. В сентябре 2014 г. Правительство Китая делегировало для преподавания в БГУ доктора юридических наук, специалиста, который может преподавать китайское право на китайском и русском языках. Сейчас студенты юридического факультета БГУ изучают китайский язык и китайское право, имеют возможность практики в Китае, в том числе в правоохранительных органах города Чанчунь (КНР).

Для того, чтобы БГУ стало базой подготовки юристов со знанием китайского языка и права, необходимо совершенствоваться в следующих направлениях. Во-первых, надо совершенствовать учебный план, чтобы академические часы изучения китайского языка на первом и втором курсах составляли до 6–8 часов в неделю (сейчас около 4 часов), и стремиться к тому, чтобы студенты в пятом семестре могли сдать экзамены на знание китайского языка: HSK 3 и HSKK начинающий уровень. В таком случае студенты смогут в течение 1–2 семестров учиться в китайских вузах за счет бюджета китайского правительства. В 5–6 семестрах необходимо включать чтение китайского языка, политики, экономики и китайское право, тогда в 7-8 семестре студенты могут выехать на правовую практику в Китай. Если студенты сдают HSK5, то они получают возможность поступить в магистратуру китайских вузов за счет бюджета правительства КНР. Это включает в себя бесплатную учебу, бесплатное проживание, оплату транспортных расходов и еще три тысячи юней ежемесячной стипендии.

Во-вторых, БГУ может заключить договор о совместной подготовке юристов с китайскими вузами, реализуя модель 2+2 или 3+1 в системе бакалавриата, а также 1+1 или 1+2 в магистратуре. В-третьих, в восточном институте БГУ, готовящем китаистов, работает много преподавателей,

хорошо говорящих по-китайски. Это дает возможность студентам восточного института заочно учиться на юридическом факультете, а потом в магистратуре совершенствовать свои знания через совместную работу с вузами Китая или поступить в магистратуру китайского университета. Это будет способствовать качественной подготовке юристов со знанием языка и права.

Литература

1. Доброхотова Е. Н. Роль юридических клиник в подготовке юристов XXI века: о методах и формах юридического образования в современной России // Правоведение. — 2000. — № 4. — С. 222–229.
2. Еникеев З. Д. Ориентиры развития юридического образования в современной России // Государство и право. — 2010. — № 2.
3. Жуковская А. С. Проблемы трудоустройства выпускников юридических факультетов // Выпускник на рынке труда: доклады междунар. науч.-практ. заочной интернет-конф. [Электронный ресурс]. — URL: www.conf.muh.ru
4. Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. 2010. № 2.
5. Михайлов А. Е. Современное состояние и перспективы российского юридического образования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2010. — № 4.
6. Понкин И. В. Проблемы и перспективы юридического образования // Право и образование. — 2009. — № 4.
7. Проблемы качества юридического образования: интернет-конф. Шахрая С. М. [Электронный ресурс]. — URL: www.garant.ru/action/conference/10208.
8. Hu Yi. Изучение подготовки моделей юристов со знанием языка и права зарубежных стран от 03.2014. // Комментарии образования.
9. Huo Xian Dan. Профессия юристов и их подготовки от 04.2003 г. // Юридическое исследование.
10. Zhang Yan Ying. Правовая подготовка юристов со знанием языка и права зарубежных стран с точки зрения сравнительного права. от 09.2012 г. // Форум высшего образования.
11. Shi you qi. Han yong Hong: The Cultivation of International Law Professionals: Aim, Approach and Teaching Model. 2012(16). China University Students Career Guide.
12. Wang Meng. Li Xiao Hui: модели о подготовке юристов со знанием языка и права зарубежных стран. 02.2013 // Образования высших вузов КНР.

Политико-правовая доктрина евразийства

© *Е. О. Мадаев*

ст. преподаватель кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: madaeo@mail.ru

Автор поддерживает позицию Н. Н. Алексеева о существовании евразийской правовой семьи.

Автор полагает, что доктрина является одним из важнейших факторов, влияющих на формирование правовой системы того или иного государства. Так, в «семье религиозного права» превалирует, понятно, религиозная доктрина; в «семье социалистического права» — политическая доктрина, основанная на учении марксизма-ленинизма, «семья законодательного и прецедентного права» в настоящее время живет на политико-правовых доктринах прав человека, правового государства и разделения властей; в «семье традиционно-этического права» по-прежнему сильно влияние доктрин, которые следует классифицировать как «духовно-нравственные (философские)», «евразийская правовая семья» базируется на политико-правовой доктрине евразийства.

Доктрина евразийства выражена в особом стиле и способе осознания правовой реальности, когда не происходит четкого отделения понимания права, справедливости и добра. Эти три категории сливаются воедино, образуя целостную картину восприятия права как ценностно-нормативного регулятора правовых отношений.

Ключевые слова: евразийская правовая семья, политико-правовая доктрина.

Доктрина евразийства возникла и развивалась, в среде русской интеллигенции еще в 1920–1921 гг. Основателями нового учения стали: П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Л. Н. Гумилев.

В доктрине евразийства Н. С. Трубецкой выделял следующие элементы:

- 1) критика западной и выработка собственной концепции культуры;
- 2) обоснование идеалов на началах православной веры;

3) осмысление геотнического положения России и утверждение ее особых путей развития как Евразии;

4) учение об идеократическом государстве.

Отвергая западничество и славянофильство евразийцы позиционировали свое срединное местоположение «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру» [5].

В развитие России как государства, евразийцы заложили концепцию монголофильства:

1) господство татар было в русской истории не отрицательным, а положительным фактором. Монголо-татары не только не разрушали форм русской жизни, но и дополняли их, дав России школу администрации, финансовую систему, организацию почты и т. д.

2) татаро-монгольский (туранский) элемент вошел в русский этнос настолько, что считать нас славянами нельзя. «Мы не славяне и не туранцы, а особый этнический тип» [5].

3) Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии; — писал П. Н. Савицкий, Россия — часть особого «окраинно-приморского» мира, носительница углубленной культурной традиции. В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия [7, с. 123–130]. Совершилось чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную идею православно — русскую; — писал Н. С. Трубецкой, В своей сущности русское государство есть основное ядро монархии Чингисхана [8, с. 131].

4) Туранское наследство должно определять и современную стратегию и политику России — выбор целей, союзников и т.д.

С точки зрения Л. Н. Гумилева, этнокультурные взаимоотношения Великой степи и Руси носили комплементарный характер. Л. Н. Гумилев говорил, что истинная дружба народов возможна только при глубоком уважении к достоинству, чести, культуре, языку и истории каждого народа, широком общении между ними. В книге «Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи» он опровергал самые разные негативные стереотипы и боролся за восстановление чести и достоинства и русского, и тюркских, и монгольских народов, ратуя за естественное и необходимое братство всех народов [3].

Л. Н. Гумилев в книге «Тысячелетие вокруг Каспия» подчеркивал, что долгое время научная мысль историков Европы была занята железным кольцом моноцентризма. «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира. Иберия и Китай — то же самое и т.д. Центров много» — отмечал ученый [2, с. 10,27].

Учение о государстве является одним из важнейших в доктрине евразийства. В его разработке принимали самое активное участие Л. П. Карсавин и Н. Н. Алексеев.

Государство этого типа и определяется как идеологическое или, в терминологии евразийцев, идеократическое. В нем «единая культурно-государственная идеология правящего слоя так связана с единством и силою государства, что ее нет без них, а их нет без нее» [4, с. 220].

Во многом под влиянием идей Н. Н. Алексеева сформирована теория о существовании двух основополагающих типов правовых систем: отдифференцированного и неотдифференцированного. В число отдифференцированных систем включают «классические» правовые системы континентального (романо-германского) и англо-американского права. К неотдифференцированным правовым системам относят те правовые системы, развитие права в которых происходит под значительным влиянием другой сферы жизни человека и общества. Это — дальневосточная правовая семья (право подвержено влиянию со стороны морали), правовая семья обычного права (право развивается под влиянием обычаев), традиционная правовая семья (традиции выступают определяющим фактором формирования права) и евразийская правовая семья (на право оказывает значительное влияние политика) [6, с. 115–125].

С учетом сказанного полагаем возможным выработать следующую дефиницию политической доктрины. Политическая доктрина — это систематизированное учение, целостная концепция, авторитетное научное исследование, совокупность теорий, принципов, заложенных в основу механизма регулирования отношений, возникающих между социальными общностями, классами, нациями, народами, партиями, государствами, гражданами и их объединениями по поводу политической власти, получившее официальное признание посредством воплощения ее положений в программных документах политического характера, позволяющее прогнозировать основные тенденции, влияющие на структурную организацию общества и государства.

Политическая доктрина проявляет себя:

- в регулировании отношений, возникающих между социальными общностями, классами, нациями, народами, партиями, государствами, гражданами и их объединениями по поводу политической власти;

- в официальном признании посредством воплощения ее положений в программных документах политического характера, позволяющее прогнозировать основные тенденции, влияющие на структурную организацию общества и государства;

- в возможности быть, в совокупности с правовой доктриной, источником государственного (конституционного) права посредством доктринальных норм.

В теории правового мышления идеи евразийства выражены в особом стиле и способе осознания правовой реальности, когда не происходит четкого отделения понимания права, справедливости и добра. Эти три категории сливаются воедино, образуя целостную картину восприятия права как ценностно-нормативного регулятора правовых отношений [1, с. 102–103].

Таким образом, можно утверждать, что в доктрине евразийства, политическая и правовая доктрины неразрывно связаны между собой постольку, поскольку генетически и органически связаны определяющие их государство и право, являющиеся парными социальными явлениями, не существующими друг без друга. Поэтому обоснованно утверждать о наличии феномена «политико-правовой доктрины», включающей в себя черты как того, так и другого вида доктрин. В качестве примеров можно привести доктрину социалистического государства, доктрину правового государства, доктрину разделения властей и другие. Политико-правовые доктрины отличаются от чисто политических тем, что ни одна из них не сможет быть реализована без правового обеспечения, каждая из них предусматривает необходимость создания нескольких самостоятельных правовых институтов, предполагает осуществление разного рода юридических деятельности.

Такие доктрины одновременно воздействуют и на политическую, и на правовую систему того или иного государственно-организованного общества.

Не все политико-юридические теории преобразуются в доктрину, а только такие, которые: 1) научно обоснованы, опираются на достаточно солидный опыт зарубежных и отечественных научных исследований; 2) авторитетны, общепризнанны, востребованы политико-правовой теорией, а главное — практикой; 3) имеют научно-прикладной и практический характер, их реализация фактически осуществляется в той или иной степени в политико-правовой практике; 4) имеют регулятивные возможности, так как, во-первых, их положения закрепляются в конституционных актах и законодательстве, во-вторых, на их постулаты ориентируется в своих правовых позициях органы конституционной юстиции, правоприменительная практика вообще и правосудие в частности. Кроме того, у политико-правовых доктрин наличествуют и дополнительные (факультативные) признаки доктрины: формальная определенность, прогностичность, масштабность, декларативность, самодостаточность.

Таким образом, в контексте нашей темы представляется правильным утверждать: современные компаративисты уделяют незаслуженно мало внимания доктрине именно как системному критерию. В лучшем случае она вскользь упоминается среди источников права, да и то чаще в историческом аспекте. Это неверно, так как разного вида доктрины «работая» во взаимодействии с правовой доктриной, по большому счету являются одним из важнейших факторов, влияющих на формирование правовой системы того или иного государства. Так, в «семье религиозного права» превалирует, понятно, религиозная доктрина; в «семье социалистического права» — политическая доктрина, основанная на учении марксизма-ленинизма, «семья законодательного и прецедентного права» в настоящее время зиждется на политико-правовых доктринах прав человека, правового государства и разделения властей; в «семье традиционно-этического права» по-прежнему сильно влияние доктрин, которые следует классифицировать как «духовно-нравственные (философские)»; «евразийская правовая семья» базируется на политико-правовой доктрине евразийства.

Литература

1. Баранов В. М. Овчинников А. И., Овчинникова С. П. Евразийское правовое мышление Н. Н. Алексеева. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. — 264 с. // Философия права. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2003, № 1.

2. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.

3. Дорошенко Н. М. Методологические подходы Л. Н. Гумилева и евразийцев [Электронный ресурс]. — URL: www.google.ru.

4. Карсавин Л. П. Основы политики // Евразийский временник. — Париж, 1927. — Т. 5.
5. Манифест евразийства. — София, 1927.
6. Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии: проблемы теории. — Одесса: Юридическая литература, 2006. — 280 с.
7. Савицкий П. Н. На путях: утверждение евразийцев. — М., Берлин. 1922. Печатается по кн.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М., 1993. — С. 123–130.
8. Хоружий С.С. О старом и новом. — СПб.: Алетейя, 2000 г. — 477 с.

Особенности внутренней и внешней миграции в Китае и России

© *О. А. Маркова*

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса

Читинский институт ФГБОУ ВО

«Байкальский государственный университет»

Россия, г. Чита

E-mail: markova2007@bk.ru

© *М. С. Кошелев*

заместитель декана юридического факультета, Читинский институт ФГБОУ ВО

«Байкальский государственный университет»

Россия, г. Чита

E-mail: deus_1986@mail.ru

Миграция населения, как системное явление, отражает особенности экономических, политических, демографических и иных процессов развития России и КНР. Забайкальский край относится к числу трансграничных регионов с сильным миграционным вектором в сторону «восточных соседей». Наблюдается также активное движение миграционного потока из России в Китай. Это объясняется не только активными процессами в сфере образовательной миграции (стажировки, обменные программы), но и внешнеэкономическими, а также тесными политическими связями Китая и России. Особенно остро стоит вопрос адаптации мигрантов в Китае и России. Цель статьи рассмотреть особенности внешней и внутренней миграции в России и Китае, дать сравнительную характеристику. Основными методами выступают: сравнительно-правовой метод, метод анализа. В ходе проведенного исследования, авторы пришли к выводу, что процессы внутренней и внешней миграции в Китае и России имеют свои общие черты и особенности. Анализируя положительный опыт двух стран можно максимально оптимизировать миграционные процессы, а также выработать эффективную миграционную политику.

Ключевые слова: миграция, внутренняя и внешняя, особенности, адаптация, мигранты.

Понятие «миграция» является общим, законодательно неопределенным, поэтому требует уточнения. В рамках этой работы под миграцией понимается совокупность перемещений различных социальных групп с целью реализации ими своей экономической деятельности, ограниченной продолжительностью срока действия контракта, договора, соглашения, разрешения [1, с. 18].

Различают внутреннюю (миграция внутри государства) и внешнюю миграцию (миграция между странами). Процесс интенсивности миграционных потоков зависит от сложившихся политических, экономических связей и активной социальной политики между государствами.

Анализируя исторический процесс развития института внутренней и внешней миграции, стоит сказать, что в Китае широкая внутренняя миграция появилась и развилась в очень короткое время — это можно объяснить тем, что процессы глобализации с переходом к активной рыночной экономике стали основной движущей силой процессов внутренней миграции. Граждане перемещались из маленьких провинций в крупные города для того, чтобы обеспечить семьям стабильное существование. В связи со сложившейся ситуацией, китайские власти стимулировали комплекс реформ, направленных на формирование политики открытости и повышение степени либерализации рынка. Также стоит отметить активное участие Китая во внешнеэкономических отношениях, а также развитое международное сотрудничество и конкурентный спрос на трудовые ресурсы [2, с. 28].

Китайская миграция имеет существенные геополитические, социально-экономические и демографические последствия [3, с. 122] как для самой Поднебесной, так и для всего Азиатско-Тихоокеанского региона, поэтому анализ и подбор оптимальных механизмов ее регулирования является перспективной задачей.

Китай активно продолжает вести политику сдерживания роста населения. Между тем, как бы ни развивалась демографическая ситуация, она создает проблемы: по мнению китайских специалистов, численность населения — с точки зрения природно-ресурсной обеспеченности — в полтора-два раза превышает «оптимальный уровень» [4, с. 24]. К 2020 г. численность населения страны составит, по прогнозам, 1,45–1,49 млрд человек.

Говоря о внутренней политике России, то мы наблюдаем обратную ситуацию: неравномерная плотность населения, в зависимости от региона, и активная демографическая политика государства на повышения роста рождаемости.

Миграционная политика КНР также обладает особой «восточной спецификой», суть которой состоит в том, что наряду с широкомасштабной экспансией за рубеж избыточной и сравнительно дешевой китайской рабочей силы, в последнее время в самой Поднебесной наблюдается активное привлечение из-за границы высококвалифицированных специалистов, с целью использования их в разных сферах науки, техники, производства [4, с. 26].

Российские специалисты заняты не только в специальностях промышленного и технического направления, но работают в сфере педагогики и обучения русскому языку, а также в сфере культуры.

При сравнении с Россией, с её совершенно противоположной демографической картиной, высвечиваются принципиально различные подходы даже в регулировании интеллектуальной миграции. В России упрощенный миграционный режим вводится для высококвалифицированных иностранных специалистов. Также для них должны быть обеспечены особые условия труда и проживания.

В Китае же действует система тщательной проверки квалификации кандидатов на переселение. Высокая оценка профессиональной пригодности является допуском к целому ряду льгот и преференций [6, с. 55]. Такие положения показывают, что политика КНР более продуманная и последовательная в части миграционного контроля, что объясняется особой политической картиной в партийной элите Китая, а также с особой политикой управления миграционными потоками как внутри страны, так и за ее пределами. Все это в целом направлено на поддержание эффективных внешнеэкономических отношений с государствами — партнерами, а также направлено на стабилизацию долговременных общенациональных интересов КНР [5, с. 53].

Особо стоит отметить ситуацию с адаптацией мигрантов. Программы адаптации иностранных граждан в Китае работают в основном в крупных городах (г.Пекин, г.Харбин и т.д.). Для прибывающих иностранных граждан организуется не только языковая и психологическая поддержка, но и проводится комплекс мероприятий по их адаптации в социальное пространство Поднебесной. Работают русские дома, открываются детские сады и школы для русских граждан, которые посещают также и дети граждан КНР. Активная коммуникативная языковая среда позволяет получить сильный синергетический эффект.

В России программы адаптации мигрантов, в том числе из Дальнего Зарубежья, начали свою работу только в 2013 году. За это время каждый регион накопил свой опыт в работе с мигрантами из Китая, однако если российские граждане максимально заинтересованы в адаптации, так как многие приезжают семьями, для работы, то мигранты из КНР в России чаще представлены низкоквалифицированной рабочей силой, поэтому они не ставят цель адаптироваться в России.

Таким образом, миграционные процессы, происходящие в Китае и России, имеют свою специфику, которая обусловлена социально-экономическими причинами, сложившимися традициями, особыми этическими нормами поведения, сформированными правовыми регуляторами. На эффективность миграционной политики влияют также процессы в сфере образовательной миграции (стажировки, обменные программы). Постоянно растет вовлеченность государств в процессы глобализации. Все это подталкивает руководство России и КНР к модификации эмиграционного и иммиграционного законодательства, а также законов, связанных с внутренними миграциями. Нельзя не отметить участие государства в политике адаптации мигрантов в Китае и России. Стоит отметить особый «восточный вектор» во внутренней и внешней миграции Китая, связанный с особенностями демографической политики страны.

Также следует отметить общие тенденции миграции, проявляющиеся порой специфично в условиях Китая и России. Общей выступает мотивационная составляющая миграционного перемещения трудовой деятельности, направленная на реализацию в первую очередь материально-экономических интересов и достижения социально-трудового статуса. Общей тенденцией является сложность процесса социокультурной адаптации внутренних и внешних мигрантов. Данный

процесс затруднен как для внешних российских мигрантов, так и для мигрантов из Китая, однако специфические цели пребывания также накладывают свой отпечаток на эффективность вовлеченности мигранта в процесс его социально-культурной адаптации.

Литература

1. Га Жида, Ли Чженфен, Ключев А. В. Структура и тенденции внутренней и внешней миграции в Китае и России (на примере Пекина и Санкт-Петербурга) // *Управленческое консультирование*. — № 4. — 2014. — С. 23–33.
2. Гельбрас В. Г. Миграция, преобразующая Китай // *Азия и Африка сегодня*. — 2005. — № 9. — С. 48–55; — № 10. — С. 17–22.
3. Дмитриев А. В., Петухов Г. А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия // *Социологические исследования*. — 2011. — № 12. — С. 54–58.
4. Светлана Кожирова. Факторы китайской миграции // *Международные отношения и безопасность. Информационно-аналитический журнал*. — 2010. — № 6(58). — С. 27–35.
5. Титарко А. Н., Лю Ц. Кросскультурный анализ социального капитала и экономических представлений у русских и китайцев // *Общественные науки и современность*. — 2010. — № 3. — С. 53.
6. Хоу Вэньчжу Политика Китая в отношении внешней миграции // *Проблемы Дальнего Востока*. — № 6. — 2002. — С. 121–140.

Правовые аспекты трудовой миграции в России, КНДР и Республики Корея

© *Т. В. Норбоева*

студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: norboevatv@mail.ru

Основными объектами изучения настоящей статьи являются: правовое регулирование трудовой миграции в России, РК и КНДР, а также их сотрудничество в этой сфере и исследование правового статуса трудящихся-мигрантов. Статья содержит следующие выводы: в вопросах правового регулирования трудовой миграции предпочтение отдается заключению двусторонних соглашений. Заключаемые соглашения также можно рассматривать в качестве меры борьбы против незаконной трудовой миграции. В свете роста нелегальных трудящихся-мигрантов из России в РК и Резолюции СБ ООН следует выделить два пути развития дальнейшего сотрудничества рассматриваемых стран.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, корейский полуостров.

Актуальность изучения трудовой миграции находится в непрерывной взаимосвязи с глобализацией современного мира. Правовое регулирование трудовой миграции обеспечено широким кругом международных актов: Конвенции и Рекомендации МОТ, Всеобщая декларация прав человека, Конвенция ООН «О правах трудящихся-мигрантов и членов их семей» и другие.

Однако ряд государств, в числе которых и рассматриваемые страны, международные стандарты не признают. Предпочтение отдается заключению региональных соглашений и двусторонних договоров. Поскольку обязательства, возлагаемые международными актами сложны в реализации, идут в противоречие с принципом защиты национального рынка труда.

В России существует два способа осуществления трудовой деятельности иностранными лицами: в порядке получения разрешительной документации и без разрешительных документов. В первом случае иностранное лицо, которое прибыло в Россию в визовом порядке, должно иметь разрешение на работу, а иностранное лицо, прибывшее в безвизовом порядке должно оформить патент. Во втором случае иностранное лицо, если оно является гражданином стран ЕАЭС, вправе осуществлять трудовую деятельность без получения разрешительных документов.

В Республике Корея также действует разрешительный порядок привлечения иностранной рабочей силы и особая система трудоустройства мигрантов — Система выдачи разрешений на работу (далее-EPS).

В КНДР хотя и не распространена практика привлечения иностранной рабочей силы, но, тем не менее, иностранные рабочие там есть. Речь идет об иностранных предприятиях в свободной экономической зоне. Согласно одноименному закону, такие предприятия вправе нанимать как граждан КНДР, так и граждан иных государств для замещения должностей: управленческий пер-

сонал, квалифицированные специалисты. Более широкое распространение в КНДР получила практика отправки рабочей силы за рубеж.

Обоснование выбора рассматриваемых стран.

Россия сегодня — активный участник международной трудовой миграции как страна-реципиент иностранной рабочей силы, большинство трудящихся-мигрантов в России — выходцы из стран СНГ, их доля составляет 95% [2, с. 11].

Также в России трудятся мигранты из КНДР. Согласно показателям миграционной ситуации в РФ за январь — март 2018 года на миграционный учет по цели въезда «работа» поставлено 2441 гражданин КНДР [3].

Отправление рабочей силы из КНДР в Россию осуществляется согласно заключенному Соглашению «О временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства» от 31.08.2007 года [4]. Именно этот документ является основой сотрудничества КНДР и РФ в сфере трудовой миграции.

Таким образом, Россия является страной-реципиентом иностранной рабочей силы в отношении стран Центральной и Восточной Азии. Одновременно с этим Россия выступает в качестве страны-донора рабочей силы. Главным образом речь идет о российских трудящихся-мигрантах в Республике Корея (далее — РК).

С РК также заключено Соглашение «О временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства» от 10.11.2010 года [8]. Различие между соглашениями заключается в том, что Соглашение с КНДР не ограничивает круг субъектов, содержит положение о праве работников на освобождение от работы в дни официальных праздников государства постоянного проживания, в отношении пенсионного обеспечения также применяется законодательство государства постоянного проживания. Кроме того, устанавливаются: право на вывоз иностранной валюты, на освобождение от двойного налогообложения, обязательство работодателя по транспортировке тела погибшего работника в государство постоянного проживания.

С момента заключения Соглашения «О взаимной отмене визовых требований» от 13.11.2013 [7] в Северо-Восточной части России стало актуальным отправляться на заработки в РК. Опираясь на данные КорСтата, в 2013 количество россиян, въехавших на территорию Кореи было равно 62282 (мужчин) 55890 (женщин) = 118172, а в 2014 — 136253(мужчин) 80 166(женщин) = 216419 [9]. Видим, что показатели возросли практически в два раза.

Большинство россиян трудится в РК в нарушение заключенных соглашений и законодательства РК: Закон «О трудоустройстве иностранных лиц», Закон «Об обращении с иностранными лицами», Закон «Об иммиграционном контроле», Закон «О труде». Нелегальный статус опасен тем, что многие средства правовой защиты становятся недоступными мигранту. В случае нарушения прав трудящийся-мигрант, как правило, не в состоянии использовать соответствующие средства защиты. В связи с этим возникает необходимость в урегулировании правового статуса российских трудящихся-мигрантов в РК.

Что касается рабочих из КНДР, использование труда северокорейцев осуждается рядом ученых, общественных деятелей, в том числе СМИ. Широкое распространение получило мнение о том, что практика отправки рабочей силы является одним из средств пополнения государственного бюджета КНДР, видом поддержки ядерных программ [3].

Так, Резолюцией Совета Безопасности ООН №2397 установлен запрет на использование труда граждан КНДР [5]. До 11 сентября 2019 года на территории РФ не должно быть северокорейских рабочих, предполагается, что уход северокорейской рабочей силы нанесет ущерб как российской, так и корейской стороне.

Таким образом, выбор стран обусловлен необходимостью урегулирования правового статуса трудящихся из России в РК и определении дальнейшего сотрудничества РК, КНДР с РФ в сфере трудовой миграции в свете принятия Резолюции СБ ООН, неопределённости статуса российских рабочих в РК.

Особенности правового регулирования трудовой миграции в РК.

В РК действует разрешительный порядок привлечения иностранной рабочей силы: для высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников.

Особый интерес представляет изучение южно-корейской модели привлечения иностранной рабочей силы — EPS (Employment permit system). Механизм трудоустройства по EPS сводится к цепочке действий: список кандидатов-отбор-трудовой договор. Список формируется по результатам тестирования кандидатов на определение способностей, знание корейского языка и прохож-

дения медицинского обследования и действителен в течение одного года. После список отправляют в Службу развития людских ресурсов Кореи, где его повторно проверяют. Затем с выбранной кандидатурой работодатель заключает трудовой договор, который отправляют в ответственный орган отправляющего государства, в течение 14 дней он должен быть подписан работником.

Правовую основу составляют Меморандумы о Взаимопонимании «Об отправлении рабочей силы» (участники 16 государств), Закон «О трудоустройстве иностранных лиц» (Глава 2 Закона).

Южно-корейская модель трудоустройства мигрантов является одной из лучших в современном мире, удостоена награды ООН в 2011 году за достижения в предотвращении и борьбе с коррупцией публичных властей. В этом направлении EPS, действительно, не имеет конкурентов, «прозрачность» набора кадров, взаимодействие государственных органов разных стран свидетельствуют об этом.

Опыт управления трудовой миграцией Республики Корея в части урегулирования потока трудящихся-мигрантов, полезен для России в связи с развитием трудовой миграции в ЕАЭС. Договор о ЕАЭС закрепляет свободное перемещение рабочей силы внутри союза. В то же время, постоянный, неконтролируемый приток иностранных рабочих может оказать негативное влияние на численность населения всех участников ЕАЭС. В EPS же ведется контроль над своевременным убытием рабочей силы по окончании срока трудового договора.

Кроме того, открытость рынка труда ЕАЭС не гарантирует качество рабочей силы, тогда как в списки соискателей по южно-корейской модели EPS составляются по результатам тестирования на знание корейского языка и определения профессиональных способностей.

Актуальные вопросы развития миграционной политики.

Вопросы управления трудовой миграцией неизменно состоят из направлений: обеспечение защиты прав трудящихся-мигрантов, борьба с нелегальной трудовой миграцией. Государственными органами предпринимаются различные меры для разрешения данных проблем, в частности, легализация и ужесточение наказаний за нарушение миграционного законодательства.

На практике ужесточение законодательства не обеспечивает в полной мере реализацию поставленных целей. По заявлению МОТ, нелегальная миграция не подконтрольна мерам предпринимаемым правительствами государств и строгий пограничный контроль лишь увеличивает его рост [3, с. 39].

В качестве меры борьбы с нелегальной трудовой миграцией можно рассматривать Соглашение между РФ и КНДР «О передаче и приеме лиц, незаконно въехавших и незаконно пребывающих на территории Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики» от 02.02.2016 года. Соглашение выступает в качестве превентивной меры нахождения мигрантов в статусе нелегалов.

В 2016 году МИД РФ опубликовало сообщение об особенностях въезда в РК. Так, с целью пресечения нахождения нелегального нахождения лица в РК, корейская сторона предпринимает следующие меры: проверка документов прибывающих пассажиров и их опрос. Кроме того, прибывающим необходимо подтвердить заявленную цель поездки и предъявить документы (обратный билет, бронь гостиницы, контактные данные пригласивших лиц и организаций, сумму денег, достаточную для путешествия по стране в течение заявленного срока пребывания). В случае неспособности подтвердить цели визита, корейская сторона вправе отказать во въезде в РК, на основании статьи 8 Соглашения о безвизовом режиме.

Прогнозирование развития регионального сотрудничества.

Определяя перспективы развития регионального сотрудничества в сфере трудовой миграции между рассматриваемыми странами, представляется возможным выделить два сценария: позитивный и негативный. При позитивном сценарии допустимо урегулирование нелегальной трудовой миграции граждан РФ на территории Республики Корея путем присоединения к южнокорейской модели EPS либо подписания двухстороннего соглашения о порядке набора рабочей силы, а также сохранения и возобновления потока иностранных рабочих из КНДР. При негативном сценарии исключается ответная реакция уполномоченных органов на рост нелегальной трудовой миграции россиян в РК, а северокорейский труд полностью вытесняется и заменяется. В настоящий момент достоверно определить, какой из сценариев будет воплощен, достаточно сложно. Однако, вне зависимости от этого, необходимо обеспечить защиту прав трудящихся-мигрантов.

В заключении необходимо отметить, что процессы трудовой миграции приносят выгоду, как самому мигранту, так и государству, в котором он осуществляет трудовую деятельность. Выгода

выражается не только в денежных поступлениях, но и в развитии секторов экономики, строительства, сельского хозяйства и пр.

В таком случае, полезной для развития государства представляется и незаконная трудовая миграция, под которой не следует понимать глобальную проблему, это процесс, который следует урегулировать. Поэтому нелегальная трудовая миграция — это не то явление, которое подлежит полному искоренению.

А также, в обеспечении защиты прав человека одного правового регулирования недостаточно, для соблюдения прав трудящихся-мигрантов необходимы и социально-интеграционные меры, позволяющие мигрантам преодолеть социальный барьер «свой-чужой». В этом заключается особенность трудовой миграции, при должном регулировании она способна оказывать позитивное влияние, как на экономическую сферу общественной жизни, так и на социальную.

Литература

1. Данные Корейского центра статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://kosis.kr/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ZTITLE&parmTabId=M_0

2. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения / Центр стратегических разработок. — М., 2018. — С. 553.

3. North Korea: Understanding Migration to and from a Closed Country [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/north-korea-understanding-migration-and-closed-country> (дата обращения: 08.06.2018).

4. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь—март 2018 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12846607/> (дата обращения: 19.04.2018).

5. Резолюция 2397 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8151-м заседании, состоявшемся 22 декабря 2017 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/463/62/PDF/N1746362.pdf?OpenElement> (дата обращения: 08.06.2018).

6. Safeguarding the rights of Asian migrant workers from home to the workplace // Asian Development Bank Institute, Organisation for Economic Co-operation and Development, and International Labour Organization, 2017. — С. 114.

7. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 31.08.2007 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-133/45690 (дата обращения: 08.06.2018).

8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о взаимной отмене визовых требований от 13.11.2013 г. // Бюллетень международных договоров. — № 7. — 2014.

9. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Корея о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 10.11.2010 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-91/45009 (дата обращения: 08.06.2018).

Международный коммерческий арбитраж в России и КНР: сравнительно-правовой анализ

© А. С. Суворова

студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: kowalski6360@mail.ru

Данная статья посвящена такому способу альтернативного урегулирования споров как международный коммерческий арбитраж. Автор рассматривает правовое регулирование института арбитража в России и КНР, сравнивает позицию российских и китайских законодателей и определяет перспективы развития международного коммерческого арбитражного суда в России.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, третейский суд, альтернативное урегулирование споров, арбитражная процедура.

Актуальность. Произошедшие за последние десятилетия изменения в государственном, политическом, экономическом устройстве России, появление частной собственности, развитие рыночной экономики, постепенная интеграция в международные торговые отношения обуславливают наличие быстрых и эффективных механизмов урегулирования споров.

Несмотря на главенствующую роль государственных судов в урегулировании правовых споров, следует признать, что далеко не всегда решение, вынесенное судом общей юрисдикции или арбитражным судом, удовлетворяет стороны спорного правоотношения; кроме того, процедура рассмотрения дела судом довольно затянута и строго подчинена негибким конструкциям процессуального закона.

В Китайской Народной Республике, начиная с 1978 года, по мере совершенствования экономической системы и начала политики «открытости», также остро встал вопрос об урегулировании правовых споров наиболее эффективными способами, чего государственные суды, учитывая объем производства и существующих экономических отношений, при всем усилии не могли обеспечить.

В данных условиях проблема разрешения экономических споров, осложненных иностранным элементом, встает наиболее остро. Во-первых, национальные суды не всегда обладают достаточными знаниями о применимом праве (если стороны соглашения избрали в качестве применимого право иностранного государства); во-вторых, судьи зачастую не могут достоверно и в полной мере оценить существующие в экономической сфере общественные отношения и избрать наиболее справедливый и эффективный путь решения спора в сложившейся ситуации.

Международный коммерческий арбитраж, как одно из средств альтернативного урегулирования правовых споров, является самым распространенным во всем мире способом преодоления данных проблем. Выбранный сторонами независимый арбитр, как правило, является экспертом в области спорного правоотношения и помогает быстрее, действеннее и качественнее разрешить спор.

Тем не менее, в России институт международного коммерческого арбитража и иных способов урегулирования спора не получил широкого распространения, в отличие от — Китайской Народной Республики, несмотря на тот факт, что политика перехода на рыночную экономику и развития международных торговых отношений началась в данных государствах приблизительно в одно время.

Так в чем же состоит отличие правового регулирования третейских судов и иных АРС в России и КНР? Почему данный правовой институт получил распространения в Китайской Народной Республике и не развивается в России?

Российское законодательство, регулирующее институт международного коммерческого арбитража, включает Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 29.12.2015) «О международном коммерческом арбитраже»; Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.07.2002 №102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»; Арбитражный процессуальный кодекс от 24.07.2002 № 95-ФЗ и др. Исходя из положений данных правовых актов, отметим некоторую позицию законодателя по определению правового статуса международного коммерческого арбитража.

Международный коммерческий арбитраж — это разновидность третейского разбирательства, а осуществляющий его суд — третейский суд особой компетенции. В соответствии со ст.1 Закона РФ от 07.07.1993 «О международном коммерческом арбитраже», он — при наличии на то соглашения сторон — уполномочен рассматривать «споры сторон, возникающие из гражданско-правовых отношений, при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной стороны находится за границей либо если любое место, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон, или место, с которым наиболее тесно связан предмет спора, находится за границей, а также споры, возникшие в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации или российских инвестиций за границей»[1, с. 8].

Базовым документом в организации и функционировании коммерческого арбитража в Китае является Закон «Об арбитраже» от 31.08.1994 г., вступил в силу 01.09.1995 г. Кроме данного закона, в сфере арбитража применяются положения Гражданско-процессуального кодекса Китая и Свод арбитражных правил Китайской международной Торгово-Экономической Арбитражной Комиссии как центрального арбитражного органа КНР. В китайском законодательстве нет разграничения между категориями «третейский суд» и «международный коммерческий арбитраж»

— оба данных понятия объединяются единым термином «джунцхай» (仲裁, zhòngcái), хотя в действительности данное разделение существует и отмечается в правовой науке как виды арбитража.

Важно отметить роль государства в функционировании международного коммерческого арбитража. Статья 6 Закона России «О международном коммерческом арбитраже» содержит ссылки на статьи, предусматривающие участие государственных органов. Обобщая положения указанных статей, можно заключить о наличии в России презумпции участия государства в урегулировании споров об арбитражной процедуре, нежели урегулирования подобного рода вопросов самим арбитражным органом:

- при отсутствии соглашения сторон о кандидатуре единоличного арбитра, любая сторона вправе обратиться в компетентный суд для его назначения (п. 2 ч. 2 ст. 11);

- при отказе в удовлетворении заявления об отводе арбитра сторона вправе обжаловать отказ в компетентном суде (ч. 3 ст. 13);

- при наличии спора о компетенции третейского суда сторона вправе обратиться в компетентный суд для разрешения вопроса о компетенции (ч. 3 ст. 16) [2, с. 8].

Полномочия компетентного суда на урегулирование подобных организационных вопросов может быть передано арбитражному органу только при наличии прямого соглашения **сторон** об исключении такой возможности у государственного суда и передаче их в арбитражный орган. При отсутствии подобного пункта арбитражного соглашения все вопросы, касающиеся организации арбитража решаются соответствующим государственным судом. Отметим, что ни один международный правовой акт об арбитраже не предусматривает возможность государства контролировать саму арбитражную процедуру.

В соответствии со ст. 14 Закона КНР «Об арбитраже», «Арбитражная комиссия самостоятельна от исполнительных органов власти, и с исполнительными органами власти не имеет отношений подчинения. Арбитражные комиссии также не имеют отношений подчинения между собой» [3, с. 8]. Интересно, что все Арбитражные комиссии при создании автоматически становятся членами саморегулируемой организации — Китайской арбитражной ассоциации, которая и осуществляет контроль за деятельностью Арбитражных Комиссий, принимает Устав, обязательный для соблюдения комиссиями, устанавливает принципы арбитражного разбирательства на основании норм гражданского законодательства и закона «Об арбитраже». Народные суды КНР обладают правом отмены решения Арбитражной комиссии, но лишь в установленных законом случаях, а к ним относятся: отсутствие арбитражного соглашения, отсутствие у Арбитражной комиссии права на разрешение данного спора, нарушение арбитражной процедуры, предполагаемый подкуп арбитра и др.

Устройство арбитражных органов в КНР дает основания полагать об их большей автономии и независимости, однако они также испытывают на себе влияние государства, хоть и в меньшей степени, чем в России.

Создание коммерческого арбитража регулируется по общим правилам образования третейских судов в РФ, указанным в главе 9 ФЗ от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». В связи с окончанием реформы третейских судов с 1 ноября 2017 года в России действует четыре третейских суда, два из которых являются международными коммерческими арбитражами — Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ и Морская арбитражная комиссия при ТПП РФ. В России действует разрешительный порядок создания третейского суда (в том числе и коммерческого арбитражного суда): Правительство РФ на основании рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства выдает разрешение на учреждение третейского суда.

Арбитражная Комиссия в КНР учреждается при Народном Правительстве города центрального подчинения, городах провинций, автономных районов; при необходимости может быть учреждена и в городах иных округов и вне зависимости от административно-территориального деления. Учрежденная Арбитражная комиссия регистрируется в соответствующем отделе Народного правительства провинции, автономного района, города центрального подчинения.

Отдельно следует отметить расходы, связанные с рассмотрением дела в Международном коммерческом арбитражном суде.

В соответствии с «Положением об арбитражных сборах и расходах», оплата может быть осуществлена как в российской, так и в иностранной валюте (долларах США) — в зависимости от категории рассматриваемого дела. Все международные коммерческие и корпоративные споры исчисляются в долларах США, а внутренние и спортивные — в рублях. Регистрационный сбор в

международном коммерческом споре составляет 1000 долларов США. Арбитражный сбор зависит от цены иска. Минимальный сбор составляет 3000 долларов. Арбитражный сбор с дела, рассматриваемого в МКАС, с ценой иска в 15 млн рублей, составляет 19.500\$ + 3% от суммы свыше 200.000\$, то есть 20,877 долларов или 1, 273 497 рублей. [4, с.8].

Вместе с тем, в соответствии с п.1 ч.1 ст.333.21 НК РФ, по делам, рассматриваемым арбитражными судами, государственная пошлина «уплачивается в следующих размерах: 1) при подаче искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке, при цене иска: ... свыше 2,000,000 рублей — 33,000 рублей плюс 0,5 процента суммы, превышающей 2,000,000 рублей, но не более 200,000 рублей» [6, с.8]. То есть государственная пошлина за аналогичное дело, с ценой иска на 15 млн. рублей, в арбитражных судах будет составлять 233,000 рублей, при чем данная сумма — это максимальный размер госпошлины.

В КНР. Согласно акту «Процедуры по взиманию арбитражных сборов», принятому 28 июля 1995 г., арбитражный сбор включает в себя плату за принятие дела к рассмотрению и плату за разбирательство (аналогичные российским регистрационному и арбитражному сборам).

Плата за принятие дела зависит от цены иска. Минимальный регистрационный сбор составляет от сорока до ста юаней (если цена иска меньше одной тысячи юаней); максимальный — от 0,25 до 0,5% от цены иска (если сумма превышает один миллион юаней). Регистрационный сбор за упомянутый выше иск на 15 млн. рублей составил бы около 7,812 юаней, т.е. приблизительно 75,000 рублей» [7, с. 8].

В соответствии со статистикой, опубликованной на официальном сайте МКАС при ТПП РФ, среднее количество дел, рассмотренных МКАС за последние пять лет, составляет 308 дел в год» [5, с. 8].

В настоящее время в Китае насчитывается более 180 арбитражных комиссий, наиболее известными из которых являются: Международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC), Пекинская Арбитражная комиссия (BAC / BIAC), Шанхайский международный арбитражный центр (SHIAC), Международный арбитражный суд г. Шэньчжэнь (SCIA), Арбитражная комиссия Гуанчжоу. Начиная с 1992 года, количество дел, рассматриваемых CIETAC, занимает второе место после Международного арбитражного суда Международной торговой палаты. В 2016 году количество дел во всех филиалах CIETAC в сумме составило 2 183 дела» [8, с. 8].

Безусловно, во многом развитие коммерческого арбитража в КНР связано со стремительным ростом внешнеэкономических отношений, при которых наличие альтернативных государственному суду инстанций являлось острой необходимостью.

Однако это не означает, что правовой опыт КНР нельзя перенять в стремлении сделать собственный коммерческий арбитраж более популярным.

Во-первых, необходимо ограничить влияние судов на урегулирование вопросов, касающихся арбитражной процедуры. Вопросы процедуры должны оставаться на усмотрение самого третейского суда и сторон спора.

Во-вторых, необходимо создать независимую от государства саморегулируемую организацию, осуществляющую общее руководство над системой третейских судов и международных коммерческих арбитражных судов, как это устроено в КНР.

В-третьих, необходимо активно внедрять практику привлечения иностранных специалистов в качестве арбитров по конкретным делам для наиболее эффективного разрешения спора нормами применимого права и популяризации арбитража как справедливого и соответствующего существующим в экономических отношениях реалиям способа решения спора.

Развитый и активно функционирующий коммерческий арбитраж не только снижает нагрузку на государственные суды, но также способствует эффективному урегулированию споров, более быстрому и гибкому. Наличие в государстве развитой системы третейских судов и арбитража свидетельствует о высоком уровне правового сознания граждан, так как они способны разрешать сложившиеся правовые конфликты без участия государства. А потому сравнительное правоведение и заимствование опыта иностранных государств остаются актуальными и необходимыми для такого правового института как международный коммерческий арбитраж.

Литература

1.Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ: данные официального сайта [Электронный ресурс]. — URL: <http://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php>

2. Китайской Международной торгово-экономической арбитражной комиссии: данные официального сайта [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=40&l=en>

3. О международном коммерческом арбитраже: закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 29.12.2015) (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации») [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant-plus.ru>. — Загл. с экрана.

4. Об арбитраже: закон КНР от 31.08.1994 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-09/12/content_2028692.htm. Перевод автора статьи.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ //Гарант: справочная правовая система. База данных «Законодательство».

6. Процедура по взиманию арбитражных сборов: от 28 июля 1995 г. (принят Бюро по правовым вопросам Государственного совета КНР) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gz.gov.cn/gzgov/s2812/201503/53750fcc3dae4ee08b7168e7172aad68.shtml>. Перевод автора статьи.

7. Положение об арбитражных расходах: приложение 6 к приказу ТПП РФ № 6 от 11 января 2017 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/>

Сфера действия международных договоров по вопросам налогообложения: действие договора на примере дела ПАО «Северсталь»

© *С. В. Чагдурова*

магистрант 1 года обучения

Уральского государственного юридического
университета

Россия, г. Екатеринбург

E-mail: chgdrv@gmail.com

В статье рассматривается сфера действия международных договоров по вопросам налогообложения, их действие во времени и пространстве, по кругу лиц и налоги, на которые распространяются договоры. На практике возникает множество споров о применении статей международных договоров об избежании двойного налогообложения, для решения которых необходимо ответить на вопрос: действуют ли положения договора на конкретный налог, конкретных лиц и т. д. В статье выполнен анализ механизма действия международных договоров по вопросам налогообложения на примере дела ПАО «Северсталь» № А40-113217/16-107-982, обозначены схемы злоупотребления налогоплательщиками льгот по договорам налогообложения и способы борьбы с ними со стороны налоговых органов, которые также представлены в Модельных Конвенциях ОЭСР и ООН.

Ключевые слова: двойное налогообложения, международные договоры, ограничение в применении льгот, бенефициарный собственник.

В современном мире международные договоры по вопросам налогообложения приобрели огромную роль в условиях мобильности капитала между странами, т.к. основная их цель — избежание двойного налогообложения доходов и капитала путем изменения правил их налогообложения по сравнению с национальным законодательством. Следовательно, данные договоры являются инструментом развития экономик многих стран, создавая благоприятные условия для привлечения в свои страны зарубежных инвестиций.

В юридической литературе, по общему правилу, международные договоры по вопросам налогообложения делятся на две группы: об избежании двойного налогообложения (или просто налоговые соглашения) и административные налоговые соглашения [1]. В ст. 7 Налогового кодекса РФ нам дана следующая классификация международных налоговых договоров:

- международные договоры по вопросам налогообложения;

- международные договоры Российской Федерации, содержащие положения, касающиеся налогообложения и сборов [2].

В рамках данной работы наше внимание будет направлено на первую группу — международные договоры по вопросам налогообложения, большую часть которой составляют соглашения об избежании двойного налогообложения.

Case-study

Для лучшего понятия механизма действия международных договоров по вопросам налогообложения рассмотрим дело ПАО «Северсталь» № А40-113217/16-107-982 [3].

В результате налоговой проверки налоговым органом была начислена недоимка по налогу на прибыль организаций с доходов полученных иностранными организациями от источников в Российской Федерации в виде дивидендов (далее — налог на доход) в размере 696 059 841 р.

Ознакомимся с обстоятельствами дела:

При осуществлении выплаты дивидендов вышеуказанные контрагенты применяли Соглашение об избежании двойного налогообложения между РФ и Кипром, а именно пункт 2 статьи 10 Соглашения, согласно которому «дивиденды могут также облагаться налогом в том Государстве, резидентом которого является компания, выплачивающая дивиденды ... взимаемый таким образом налог не должен превышать:

а) 5% от общей суммы дивидендов...» [5].

Налоговый орган счел неправомерным применение ПАО «Северсталь» и иностранные акционеры общества, зарегистрированные в Республике Кипр, положения пункта 2 статьи 10 Соглашения.

Рассмотрим механизм сферы действия Соглашения по отношению к данному делу.

Действие международных договоров по вопросам налогообложения во времени

В нормах ст. 30–31 Модельной Конвенции ОЭСР о процедуре вступления в силу, ратификации и прекращении действия договоров указано, что договор вступает в силу после обмена нотами, подтверждающими выполнение каждым государством процедур, необходимых для его вступления в силу [6].

Согласно Типовому Соглашению РФ, моментом вступления в силу международных договоров по вопросам налогообложения признается дата последнего письменного уведомления, которым каждое из Договаривающихся Государств уведомляет другое Договаривающееся Государство о выполнении внутренних процедур, требуемых его законодательством для вступления в силу договора [7].

Порядок прекращения действия определен, согласно ст. 31 МК ОЭСР, следующим образом: соглашение остается в силе до тех пор, пока одно из договаривающихся государств не прекратит его действие. Однако международные договоры об избежании двойного налогообложения заключаются на неопределенный срок и достаточно редко расторгаются [9].

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал было заключено в г. Никозии 05.12.1998 и вступило в силу 17 августа 1999 года. Данное Соглашение остается в силе неопределенный период времени, никаких действий по прекращению Соглашения не было предпринято Договаривающимися государствами. Налоговые отношения в деле ПАО «Северсталь» рассматривались за налоговый период 2010 год, за первый квартал и первое полугодие 2011 года. Следовательно, они подпадают под действие Соглашения во времени.

Территориальное действие международных договоров по вопросам налогообложения

Ст. 29 Венской Конвенции 1969 г. содержит следующее положение: если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то договор обязателен для каждого участника в отношении всей его территории. [8] Территориальное действие международных договоров по вопросам налогообложения отвечает нормам Венской Конвенции. По общему правилу, в статье 3 международных договоров по вопросам налогообложения представлен перечень понятий, которыми оперируют стороны данного договора, для их лучшего понимания и применения договаривающимися странами. В данной статье также разъясняются территориальные границы применения договоров путем обозначения территорий государств.

Налог на прибыль ПАО «Северсталь» обусловлен доходом, полученным иностранными (Кипрскими) организациями от источников в Российской Федерации, таким образом, территориальная сфера действия Соглашения между РФ и Кипром распространяется на отношения по данному делу.

Предметная сфера действия международных договоров по вопросам налогообложения (налоги, на которые распространяются соглашения)

Предметом международных договоров по вопросам налогообложения служат налоги, перечень и существенные характеристики которого определяются сторонами договора. В соглашениях об избежании двойного налогообложения, по общему правилу, перечень налогов содержится в ст. 2.

По отношению к делу ПАО «Северсталь» видом дохода, полученного Кипрскими компаниями, являются дивиденды, выплачиваемые иностранным компаниям — акционерам российских организаций. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 309 НК РФ такие дивиденды подлежат обложению налогом и удержанию у источника выплаты доходов. При этом, п. 2 ст. 310 НК РФ предусмотрена обязанность налогового агента, в нашем случае ПАО «Северсталь», исчислять

и удерживать налог на доходы в виде дивидендов Кипрских компаний, не имеющих постоянного представительства в Российской Федерации, с учетом положений, действующих на момент выплаты международных соглашений об избежании двойного налогообложения.

Согласно Соглашению между РФ и Кипром, одним из налогов, на которые распространяется соглашение, в ст.10 являются дивиденды. В соответствии с Соглашением такие дивиденды могут облагаться налогом в том Государстве, компания-резидент которого выплачивает дивиденды, и в соответствии с законодательством этого Государства.

ПАО «Северсталь», зарегистрированное на территории РФ, выплатило денежные средства в виде дивидендов на сумму 6 960 598 407,37 р. в адрес иностранных организаций — акционеров, зарегистрированных на территории Республики Кипр. Таким образом, данное отношения подпадает под предметную сферу действия Соглашения об избежании двойного налогообложения между РФ и Кипром.

Субъектная сфера действия международных договоров по вопросам налогообложения (Лица, на которые распространяются соглашения)

Следующим элементом в применении международного налогового договора являются субъекты, т.е. лица, на которых этот договор и распространяется.

Модельная конвенция ОЭСР и Модельная конвенция ООН [4] применяются к лицам, которые являются «резидентами одного или обоих из Договаривающихся государств». Соглашения об избежании двойного налогообложения, согласно упомянутым документам, определяют сферу действия по лицам в рамках ст. 1 (Лица) и 4 (Резидент).

Соглашение между РФ и Кипром применяется к лицам, которые являются резидентами одного или обоих Договаривающихся Государств. В п. 1 ст. 4 дано определение резидент: «любое лицо, которое по законодательству этого Государства подлежит налогообложению в нем на основании его местожительства, постоянного местопребывания, места управления, места регистрации или любого другого критерия аналогичного характера. Однако этот термин не включает любое лицо, которое подлежит налогообложению в таком Государстве только в отношении доходов из источников в этом Государстве или в отношении находящегося там капитала.»

Как было установлено в ходе налоговой проверки ПАО «Северсталь» является резидентом РФ, а Rayglow Limited, Loranel Limited, Astroshine Limited, PearlGreen Limited являются резидентами Кипра. Следовательно, все субъекты являются лицами, к которым применяется Соглашение. Так почему же в деле ПАО «Северсталь» последнему было вменено неправомерное применение Соглашения?

В настоящее время практика по применению Соглашений об избежании двойного налогообложения столкнулась со злоупотреблениями со стороны налогоплательщиков. Именно такое злоупотребление Соглашением выявил налоговый орган в деле ПАО «Северсталь».

Как указано в Соглашении ставка налога 5% от общей суммы дивидендов применяется в случае, если *лицо, имеющее фактическое право на дивиденды*, прямо вложило в капитал компании, выплачивающей дивиденды, сумму эквивалентную не менее 100 000 долларов США.

Лица, имеющие фактическое право на дивиденды — это конечные получатели последних, т.е. бенефициарные собственники (с англ. *beneficial ownership*). Концепция бенефициарного собственника закреплена Модельной конвенции ОЭСР и Модельной конвенции ООН. Это своего рода ограничение для предоставления налоговой льготы или освобождения от налога по Соглашению. В Комментариях к статьям о дивидендах Типовых конвенций ОЭСР и ООН указано, что если резидент-получатель дивидендов Договаривающегося государства не является владельцем такого дохода, то двойного налогообложения не возникает, следовательно, применение Соглашения представляется невозможным.

Выполнено ли условие о бенефициарном собственнике в рамках дела ПАО «Северсталь»?

ПАО «Северсталь» в подтверждение правомерности применения Соглашения указывало, что применение льготы является обоснованным в силу того, что действующее в проверяемом периоде законодательство о налогах и сборах не устанавливало критериев определения фактического бенефициарного собственника в отношении перечисляемых дивидендов, так для подтверждения наличия фактического права на распоряжение доходом достаточно было обладать правом собственности на ценную бумагу, по которой начисляются дивиденды.

На самом деле, в проверяемый период еще не вступили в силу поправки в фактического собственника дохода, внесенные в НК РФ. Однако налоговый орган сослался на Комментарии к Модельной конвенции об избежании двойного налогообложения ОЭСР, а именно на п. 12.1, в кото-

ром указано, что промежуточная компания, в нашем случае Кипрские компании, не могут рассматриваться в качестве фактических собственников, даже имея формальный статус собственника, если на практике они обладают ограниченными полномочиями в отношении такого дохода, что заставляет рассматривать их в качестве простых доверенных лиц или управляющих, действующих от имени заинтересованных лиц.

Далее ПАО «Северсталь» утверждало, что иностранные акционеры общества, зарегистрированные в Республике Кипр, не имели никаких законных или договорных ограничений по распоряжению полученными дивидендами, самостоятельно осуществляли контроль над получаемой в виде дивидендов прибылью и вели нормальную инвестиционную деятельность, то есть не являлись техническими (кондуитными) компаниями.

Как было выяснено в рамках налоговой проверки Rayglow Limited, Loranel Limited, Astroshine Limited, PearlGreen Limited, получив дивиденды от ПАО «Северсталь», далее направляли их на выплату дивидендов собственным акционерам компаний, которые находились на Британских Виргинских Островах (БВО), с которыми у России отсутствовало Соглашение об избежании двойного налогообложения.

Далее Налоговый орган указывал на «техничность» Кипрских компаний, согласно материалам дела, они не владеют каким-либо движимым и недвижимым имуществом кроме акций ПАО «Северсталь», и не имеют иного источника дохода, кроме дивидендов, выплачиваемых ПАО «Северсталь». Также Кипрские компании фактически не несут реальных функций по эффективному управлению собственными активами и распоряжением получаемого дохода, таким образом, отсутствует самостоятельная деятельность компаний.

Из вышеуказанного вытекает, что бенефициарными собственниками, в конечном итоге, являлись компании, зарегистрированные на БВО. Следовательно, выплата дивидендов Кипрским компаниям имело цель — применение льготной ставки налогообложения при выплате дивидендов, что противоречит целям и задачам Соглашения.

Суд пришел к выводу о неправильном применении Соглашения, что исключает налоговые отношения, возникшие по данному делу, из сферы действия Соглашения. Суд счел доказанным тот факт, что компании, зарегистрированные на Кипре, не являются лицами, фактически имеющими право на перечисляемый в их адрес доход в виде дивидендов, данные компании служат техническим агентом для перевода денежных средств на баланс компаний, расположенных на БВО, с которыми у России отсутствует Соглашение. Следовательно, налогообложение дивидендов производится исходя из факта получения дохода конечными бенефициарами в БВО, т.е. налоговому агенту при выплате дохода в виде дивидендов следовало удержать налог по ставке 15% в виду отсутствия Соглашения.

Суд подробно проанализировал возможность применения к делу Комментариев к Модельной конвенции ОЭСР, которые, в частности, подтверждают, что фактическим собственником дохода не может являться компания, исполняющая в отношении указанного дохода функции, связанные с техническим хранением или передачей его третьему лицу. Несмотря на то, что в России возможность применения Модельной конвенции и Комментариев к ней формально остается под вопросом, суд пришел к выводу, что Комментарии определяют практику применения международных договоров, в связи с чем они могут и должны учитываться при толковании положений Соглашений об избежании двойного налогообложения. Суд установил, что действия контрагентов по данному делу были направлены на получение необоснованных налоговых выгод по Соглашению, таким образом, стороны злоупотребили нормами Соглашений и налоговые отношения, возникшие в результате таких действий, не попадают под сферу действия Соглашения.

Данное решение суда продолжает ряд негативных судебных дел по вопросу применения концепции фактического права на доход, которая является ограничением к применению льгот либо освобождению от налога по Соглашениям. Таким образом, компаниям необходимо не только формально отвечать критериям Соглашения, чтобы применить последнее, но и действовать в соответствии с его целями и задачами, не прибегая к злоупотреблениям.

В Типовой конвенция Организации Объединенных Наций подчеркнута, что необходимо сохранить баланс между защитой налоговыми органами своих налоговых поступлений от злоупотреблений положениями налоговых договоров и необходимостью обеспечения правовой определенности и для защиты законных ожиданий налогоплательщиков.

Для этого Договаривающиеся Государства используют подходы к предотвращению ненадлежащего использования налоговых договоров, которые могут быть закреплены нормами Согла-

шений, так и национальным законодательством. Одним из таких походов и воспользовался налоговый орган РФ для ограничения в применении льготы по соглашению между ПАО «Северсталь» и Кипрскими компаниями.

Следовательно, в условиях современного экономического развития в целях поддержания здоровой среды для движения капиталов и инвестиций на транснациональном уровне сфера действия международных договоров по вопросам налогообложения ограничивает возможность их применения для борьбы со злоупотреблениями со стороны налогоплательщиков.

Литература

1. О праве международных договоров: Венская конвенция 1969 г. // Сборник международных договоров СССР. — Вып. XLII. — 1988.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 27.11.2017) и Ч. 2 от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // СПС КонсультантПлюс.
3. О заключении межгосударственных соглашений об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество: постановление Правительства РФ от 24.02.2010 № 84 (ред. от 26.04.2014) // СПС КонсультантПлюс.
4. OECD (2015), Model Tax Convention on Income and on Capital 2014 (Full Version), OECD Publishing, Paris. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264239081-en>
5. Северсталь: решение Арбитражного Суда г. Москвы от 31.10.2016 по делу № А40-113217/16-107-982 ПАО. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал: соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр (ред. от 07.10.2010) // Бюллетень международных договоров. — № 12. — 1999.
7. Типовая конвенция Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами (Полная версия). Организация Объединенных Наций Нью-Йорк, 2013 год. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/esa/ffd/documents/UN_Model_2011_UpdateRu.pdf.
8. Шепенко Р. А. Международные налоговые правила. Ч. II. — М.: Юрлитинформ, 2012. — С. 351–352.

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Сравнительный анализ гражданского кодекса Монголии и России

© Д. А. Амгаланова, Е. Э. Балданова
студентки 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: amgalanova@yandex.ru, katyaha99@mail.ru

В данной статье мы сравним два кодифицированных, и весьма объемных нормативных акта, связанных с имущественными и личными неимущественными отношениями — это Гражданский кодекс России (далее по тексту — ГК РФ), принятый в 1994 году и Гражданского закона Монголии (далее по тексту — ГК Монголии). Их значение, историю и отличия.

Ключевые слова: Имущество; гражданское право; монгольский закон; личное неимущественное право; сравнительный анализ; отличия.

Значимость этих двух нормативно правовых актов в деятельности человека состоит в том, что гражданские кодексы регулируют отношения, связанные с имущественными и лично неимущественными правами. Анализ ГК Монголии, действующий с 1 сентября 2000 г., показал, что его структура, состоит из 6 частей, 63 глав и 552 статей. Каждая из частей делится:

1. Основные положения, 2. Обязательства. 3. Договорное право, 4. Недоговорные обязательства, 5. Наследование, 6. Международное частное право.

Часть первая состоит из 13 глав, каждая из которых делится на подглавы

Вторая часть состоит из 8 глав и также делится на подглавы

Третья часть состоит из 3 разделов и 29 глав, которые также делятся на подглавы

Четвертая часть состоит из 2 разделов и 2 глав

Пятая часть состоит из 7 глав, которые не делятся на подглавы

Шестая часть состоит из 4 глав, которые также не делятся на подглавы

В силу специфичности перевода с монгольского на русский мы определили, что «подразделы» по своей логической сущности более подходят по признаку к термину «подглавы».

Гражданский кодекс состоит из четырёх частей, которые вводились в действие в разное время:

Часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ — Общие положения, Право собственности и другие вещные права и Общая часть обязательственного права

Принята Государственной Думой 21 октября 1994 года

Введена в действие с 1 января 1995 года

Часть вторая от 26 января 1996 года № 14-ФЗ — Отдельные виды обязательств

Принята Государственной Думой 22 декабря 1995 года

Введена в действие с 1 марта 1996 года

Часть третья от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ — Наследственное право. Международное частное право

Принята Государственной Думой 1 ноября 2001 года

Одобрена Советом Федерации 14 ноября 2001 года

Введена в действие с 1 марта 2002 года

Часть четвертая от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ — Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

Принята Государственной Думой 24 ноября 2006 года

Одобрена Советом Федерации 8 декабря 2006 года

Введена в действие с 1 января 2008 года

Можно отметить некоторые структурные отличия кодексов Монголии и России. Так, в отличие от российского закона нормы о собственности в ГК Монголии не сконцентрированы в специальном разделе, они находятся в первом разделе («Общие положения»). В пятом подразделе данного раздела («Права на материальные и нематериальные блага») содержатся три главы («Мате-

риальные и нематериальные блага», «Владение», «Собственность»). Последняя глава состоит из шести подглав, касающихся общих положений, приобретения и прекращения права собственности, семейных имущественных прав, соседских прав, права собственности на жилые помещения общего пользования, ограничения прав собственности с целью реализации своих прав.

Более того, в ГК Монголии сконцентрированы положения о семейных имущественных правах, за счет соответствующего перераспределения норм между гражданским и семейным правом.

В принципе системообразующим структурным элементом ГК Монголии можно назвать главы кодекса, поскольку именно в них концентрируются основные особенности того или иного средства правового регулирования, закрепляемые в праве правовые конструкции. Не смотря на то, что ГК Монголии по количеству статей в два раза меньше ГК РФ, количество глав в кодексах почти совпадает (63 и 68).

Общие положения ГК Монголии и России весьма близки. Так, цель гражданского законодательства Монголии определяется как регулирование отношений, связанных с имущественными и неимущественными благами, возникающих между субъектами права. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

В качестве общих положений, не закрепленных в ГК РФ и нашедших отражение в анализируемом кодексе, можно привести следующие. Так, указывается, что в случае противоречия законов применяется тот, который более подробно регулирует соответствующие отношения, а в случае, когда такого соотношения между ними нет, применяются законодательные акты, введенные в действие последними. Представляется, что здесь закрепляются правила преодоления законодательных коллизий по правилам общего и специального закона.

Существенным отличием в сравниваемых ГК являются формы, в которых могут существовать юридические лица. По ГК Монголии коммерческие организации создаются в форме товарищества и компании. Некоммерческие организации создаются в форме союза, фонда, ассоциации. Причем компания определяется как юридическое лицо, основная цель которой состоит в извлечении прибыли, имеющая свое обособленное имущество с капиталовложением, внесенным акционерами и соответствующим определенному числу акций. Товарищество есть юридическое лицо с уставным капиталом, состоящим из вкладов учредителей, реализующее свою ответственность за счет данного капитала и собственного имущества своих членов в порядке, предусмотренном законом.

Весьма интересными являются положения ГК Монголии о владении и собственности. Владение возникает здесь путем законного приобретения по воле прав на обладание вещью. Лицо, получившее владение имуществом на конкретный срок или принявшее на себя обязанности, является прямым владельцем, а лицо, передавшее права или обязанности — непрямым владельцем. Добросовестным владельцем признается лицо, законно владеющее имуществом или, если представляется очевидным, что он имеет права на это владение. Добросовестный владелец имеет право в течение трех лет требовать возврата своего потерянного имущества у нового владельца. Для третьего лица владелец имущества считается собственником данного имущества. Указанное положение не относится к случаям, когда право собственности на имущество основано на государственной регистрации; в отношении предыдущего собственника, если имущество выбыло от него по независящим от воли обстоятельствам.

Выгодно отличается от традиционно академического и определение собственности по ГК Монголии. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества действия по владению, пользованию, распоряжению и охране его от посягательств, не нарушая прав, предоставленных законом или договорами другим лицам.

Определяя основания возникновения обязательственных правоотношений, ПС Монголии среди первых ГК значимости указывает на сделки, определяя их как действия граждан и юридических лиц, имеющих целью установить, изменить, передать или прекратить гражданские права и обязанности. Следует иметь в виду, что указание на то, что сделка может быть направлена на передачу гражданских прав и обязанностей, отсутствует в ПС РФ.

В отличие от ГК РФ изъявление воли становится действительным тогда, когда оно будет принято другой стороной.

Сделка считается недействительной, если условие сделки не отвечает требованиям закона или противоречит общепризнанным нормам нравственности, или же явно нет возможности сделке исполниться. Таким образом, по монгольскому законодательству основой Недействительности сделки является невозможность ее Исполнения (Не совсем понятно, имеется ли ввиду так называемая первоначальная или последующая невозможность).

Что касается оснований признания сделок недействительности, то помимо общего указания о сделках, нарушающих закон или нормы нравственности, в ГК содержатся и некоторые специальные основания, в частности мнимость и притворность сделок, совершение их недееспособными и др. Следует подчеркнуть, что к таким сделкам относятся также другие сделки, совершенные на основе вышеуказанных недействительных сделок. Российское законодательство такого основания не содержит, хотя судебная практика неизменно исходит из этого понятия.

Интересно положение ГК Монголии о значении явной ошибки. Если лицо, совершившее сделку, допустило явную ошибку при выражении воли в письменной форме и при расчетах, то такая ошибка не является основанием недействительности сделки и допустившее ошибку лицо имеет право исправить свою ошибку.

Вместе с тем ГК Монголии содержит положение, согласно которому договор, вменяющий обязательства по передаче одной стороной договора всего своего имущества, которое появится в будущем или по предоставлению во владение, пользование с ограниченным правом (узуфруктом) недействительны.

Заключение договора неизбежно связано с достижением определенности по поводу условий, с учетом которых будет договор исполняться. В отличие от существенных условий, определяемых в ГК РФ как условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, в ГК Монголии определено иное. Основные условия договора — это условия, указанные в законе или которые следует обязательно отразить в договоре, а также признанные одной стороной в соответствии с ходатайством другой стороны.

Торги являются одним из оснований возникновения обязательств. Интересно, что, не смотря на применение в этих отношениях категории задатка, реально он не всегда действует. Так, если от подписания протокола уклонился организатор торгов, то наряду с возвращением задатка, внесенного другой стороной, обязан возместить ущерб, причиненный в процессе торгов, в размере, превышающем задатком.

Методы, порядок и формы исполнения обязательств, если они устанавливаются одной из сторон договора или третьим лицом должны строиться в соответствии с принципами справедливости, в противном случае конфликт может решаться в суде.

Обязательства исполняются в срок, указанный в законе или договоре. Предъявитель обязательств вправе требовать. Исполнения обязательств во всякое время и исполнитель обязательств немедленно обязан их исполнить, если срок исполнения обязательств не установлен или не поставлены условия, в зависимости от свойств обязательств невозможно его установление.

Между тем по законодательству России вместо категории «во всякое время» принято более сбалансированное понятие — «в разумный срок». Исполнитель обязательств вправе исполнить свои обязательства досрочно, если предъявитель обязательств не отказал в этом.

По ГК РФ вопрос решается намного сложнее. В соответствии со ст. 315 должник вправе исполнить обязательство до срока, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями обязательств либо вытекает из его существа. Для исполнения предпринимательских обязательств такие возможности существенно снижены.

В ГК РФ также отсутствует аналог следующего правила: если должник стал неплатежеспособным либо уменьшились объемы имущества, необходимые для обеспечения исполнения обязательства, или он остался без имущества, то кредитор имеет право требовать от него немедленного исполнения обязательства до срока, указанного в настоящем законе. Способами обеспечения исполнения обязательств по ГК Монголии являются неустойка, задаток, гарантия, залог, поручительство, договор передачи в собственность имущества для обеспечения исполнения обязательств (фидуция), иные способы, указанные в законе.

По ГК Монголии неустойка — это денежный платеж, который следует в соответствии с указанием закона, договора выплатить другой стороне, не исполнившей или ненадлежащим образом исполнившей взятые обязательства. Оригинальным является указание, что общая сумма неустой-

ки не может превышать 50 процентов от суммы неисполненных обязательств. При очевидно большем размере неустойки суд может, с учетом условий и обстоятельств дела, снизить ее размер.

Задатком признается денежная сумма, заблаговременно выплачиваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее платежей другой стороне, в доказательство заключения договора. Между тем в формулировке задатка отсутствует положение о его обеспечительной функции. Более того, сторона, получившая задаток, не обязана к его возврату в двойном размере. Задаток возвращается, но лицо, внесшее задаток, «вправе предъявлять требование по устранению причиненного вреда».

Третье лицо для обеспечения исполнения обязательств, принятых на себя должником, может выдать гарантию кредитору. Наряду с обычной гарантией допускается банковская гарантия, где банк по письменному требованию кредитора от имени должника берет на себя обязательство исполнить денежный платеж, а должник обязуется выплатить платеж банку, выдающему гарантию.

По договору поручительства поручитель обязуется перед кредитором отвечать за исполнение должником своих обязательств, а в случае неисполнения принимает обязательство на себя. Вероятно, формулировка ГК Монголии более точна, поскольку поручитель, прежде всего, исполняет долг должника, а затем и определенные неблагоприятные последствия.

По договору передачи в собственность имущества для обеспечения исполнения обязательств (фидуция) лицо, принимающее обязательства, в целях обеспечения исполнения основного обязательства по выплате денег, несет обязательство по передаче движимого имущества в собственность кредитору, а в случае исполнения основных обязательств в срок должником, кредитор несет обязательство по возвращению ему данного имущества соответственно. В России в законодательстве такого способа обеспечения исполнения обязательства нет, судебная практика по этому вопросу различна, в литературе высказываются за введение этого способа в законодательство.

Залог определяется в ГК Монголии как право залогодержателя при неисполнении обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами. Специально в кодексе регулируются вопросы залога движимого имущества и прав, а также недвижимости (ипотека). При регулировании отношений ответственности гражданским законодательством выделяется такое основание ответственности как просрочка должника и кредитора. Ответственность в ГК Монголии сочетается в системе охранительных мер с иными мерами защиты, в том числе правом на отказ от договора. Так, закрепляется положение о том, что, если одна из сторон нарушила свои взятые по договору обязательства и установление дополнительного срока исполнения обязательств не привело к результатам, другая сторона вправе отказаться от договора.

У просрочившего кредитора независимо от его вины возникают следующие обязательства: возместить дополнительные расходы исполнителя обязательства, понесенные в связи с хранением предмета договора, нести ответственность за риск уничтожения, повреждения предмета договора вследствие случая; утрачивает право на получение процентов и неустойки.

Основной формой ответственности по ГК Монголии является возмещение убытков (ущерба). Расходы, убытки или повреждение имущества, причиненные кредитору при исполнении обязательств должником, доходы, которые неизбежно должны были поступить кредитору, считаются ущербом.

По сравнению с регулированием этого вопроса в ГК РФ, в монгольском законодательстве большее внимание обращается информационному аспекту вопроса, в институт купли-продажи внесено положение о правах покупателя, если товар продан нескольким лицам.

Вместе с тем, институт купли-продажи много беднее соответствующего подразделения в ГК РФ (отсутствуют дифференциация договора на розничную куплю-продажу, поставку, в том числе для государственных нужд, контрактацию, энергоснабжение, продажи недвижимости, продажи предприятия).

В целом можно сказать, что регулирование отношений по купле-продаже носит весьма упрощенный характер [3].

Мы попытались сделать сравнительный анализ основных положений ГК РФ и ГК Монголии для подробного разъяснения.

В Гражданском законе Монголии в статье 1 [2], уместила идеи статьи 1 и 2 Гражданского Кодекса РФ [1]. Так, в 1.3 Гражданского Закона Монголии, мы увидели прямое совпадение с частью 3 статьи 2 ГК РФ, в которой говорится о неприменение гражданского законодательства к налоговым, финансовым и административным отношениям. Также стоит отметить еще одну схо-

жую черту, это пункт 1.2 Гражданского Закона Монголии и части 1 статьи 1 ГК РФ, в которой говорится о основных принципах гражданского законодательства о их осуществление без каких-либо ограничений, и о защите своих прав и интересов. К отличительным чертам отнесем факт того, что в Гражданском Законе Монголии в пункте 1.1 прямо закреплены цели такого закона, а именно регулирование имущественных и неимущественных отношений, но это толкование нам мало что дает. Также, можно сделать вывод о том, что ст. 2 ГК Монголии, ст. 3 и ст. 7 ГК РФ схожи и практически не отличаются друг от друга. То есть — Сходства в положениях ГК данных государств достаточно обширны. Сравнивая ГК РФ и Монголии, можно заметить, что статьи похожи не только названиями, но и содержанием. П. 1 ст. 6 ГК РФ и п. 4.1 ст. 4, закрепляют, что к отношениям, которые не урегулированы гражданским законодательством данной страны, применяется гражданское законодательство, регулирующие сходные отношения. Если же в ГК Монголии данные отношения должны быть не урегулированы только гражданским законодательством, то в ГК РФ применение закона по аналогии возможно, когда отношения не просто не урегулированы гражданским законодательством, но и если нет соглашения между сторонами и отсутствует применимый к ним обычай. Также идентичными являются содержание п. 2 ст. 6 ГК РФ и п. 4.2 ст. 4. ГК Монголии. Они определяют, что при невозможности использования закона по аналогии, права и обязанности сторон определяются исходя из смысла законодательства и на основе общепринятых требований нравственности. Явным различием является наличие в ГК Монголии п. 4.3 ст. 4, в котором говорится о том, что нормы, регулирующие особые отношения, не применяются по аналогии к другим отношениям. При проведении сравнительного анализа ст. 5 ГК Монголии и ст. 4 ГК РФ. Было обнаружено сходство в том, что в статье закреплено чрезвычайно важное для развития гражданского оборота правило о том, что закон обратной силы не имеет. В России же сформулировано исключение из общего правила о том, что закон обратной силы не имеет, когда вновь принятый нормативный акт распространяется и на те отношения, которые возникли до введения этого акта в действие. Последнее возможно только тогда, когда это прямо предусмотрено законом. Обычно обратная сила придается таким нормам гражданского права, которые рассчитаны на отношения, ранее вообще не урегулированные гражданским законодательством, либо тем нормам, которые устанавливают более льготный режим для участников гражданского оборота или обеспечивают повышенную защиту их прав и охраняемых законом интересов. в Гражданском Кодексе более подробно написано про участников правоотношений. Для того чтобы участвовать в гражданских правоотношениях, необходимо обладать гражданской правоспособностью — общей способностью лица иметь предусмотренные законом права и нести обязанности (статья 2 ГК РФ, п.1). Термин «физические лица» включает в себя: граждан РФ, но также иностранных граждан и лиц без гражданства, которые пользуются одинаковыми с гражданами РФ имущественными и личными неимущественными правами за изъятиями, установленными в законе.

Что же касается интеллектуальной деятельности, то в ГК РФ следующая формулировка: «в результате создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности», а в ГК Монголии: «при создании интеллектуального продукта». Кодекс РФ ясно определяет, что ГПО возникает с момента создания результата интеллектуальной деятельности, когда есть готовый результат. В ГК Монголии такой формулировки нет, а значит можно толковать так, что ГПО могут возникнуть и в процессе создания интеллектуальной деятельности. Также в кодексе РФ предусмотрено основание, которого нет в кодексе Монголии, а именно «в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом». Это говорит о том, что российское законодательство подчеркивает, что ГПО — это еще и имущественные отношения, которые регулируются законом. Можно сделать вывод, что в РФ более детально разработаны основания возникновения гражданских правоотношений.

Изучив институт осуществление прав в гражданских правоотношениях, можно подвести итоги. Законодательство Монголии и России в осуществление гражданских прав во многом совпадает, но различия имеются. Самым ярким отличием является отдельная статья о пределах осуществления гражданских прав, которого в ГК Монголии не существует.

Близость ГК Монголии и ГК РФ объясняется тем, что советское право оказало непосредственное влияние на становление системы монгольского права. Нельзя отрицать, что под влиянием идей социалистического права формировалось и функционировало развитие монгольское право. Подробно в ГК Монголии регламентируются кредитно-расчетные обязательства, в том числе используя неизвестные ГК РФ конструкции, например, договора контокорренты [4].

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский Закон Монголии от 10.01.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 17.06.2018).
3. Намбарын Энхтуяа. Договорное право Монголии и России: Сравнительно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — М., 2006. — 28 с.
4. Основные правовые характеристики Монголии [Электронный ресурс]. — URL: http://stud.wiki/law/2c0a65635b3bc68a4c43a89521216d37_0.html — Загл. с экрана. (дата обращения: 18.06.2018).

Защита имени, достоинства, чести и деловой репутации гражданина в Гражданском кодексе РФ и Монголии

© *К. Н. Антонов, С. С. Тугдумова*

студенты 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
г. Улан-Удэ, Россия

E-mail: konstantin.antonov.1997@mail.ru, tugdumova.sayana@mail.ru

В данной статье рассмотрены проблемы имени гражданина, защиты чести, достоинства и деловой репутации в РФ и Монголии. Проанализированы характерные особенности имени гражданина, защиты чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Монголии и Российской Федерации. Выявлена и обоснована необходимость сравнительного анализа законодательной базы двух государств, которая регулирует отношения затрагивающие имя, честь, достоинство и деловую репутацию граждан РФ и Монголии. На основе проведенного исследования авторами выделены и проанализированы проблемы, существующие в действующем законодательстве двух государств.

Ключевые слова: имя гражданина, защита чести, защита достоинства, защита деловой репутации, право на возмещение причиненного вреда, компенсация морального вреда.

В настоящее время защита прав человека приобретает все большее значение, поскольку является составной частью общественного прогресса, в основе которого лежит общечеловеческий интерес. Право на честь, достоинство и деловую репутацию является важнейшей социально-правовой ценностью и потребностью правового государства. Целый ряд основополагающих международно-правовых актов предусматривает необходимость обеспечения основных прав человека, в том числе и право на честь, достоинство и деловую репутацию. Так, во Всеобщей декларации о правах человека установлено: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года говорится о том, что: «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [1].

РФ и Монголия являются приверженцами этих принципов, закрепляют их в национальном законодательстве и разрабатывают гарантии, правовые механизмы, способствующие их соблюдению.

В Конституции РФ, в частности в ст. 21 закреплено декларативное положение о том, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

В п. 15 ст. 16 Конституции Монголии закреплено право на личную свободу и неприкосновенность (Не допускается оскорбление человеческого достоинства).

Россия и Монголия являются стратегическими партнерами в разных сферах сотрудничества, имеют исторически сложившиеся дружественные отношения, общие интересы в разных сферах двухсторонних отношений. Для укрепления этих отношений необходимо анализировать процессы,

происходящие в соседних государствах, а особенно обратить внимание на законодательство, которое должно защищать права и свободы человека и гражданина.

Такие нематериальные блага, как имя, достоинство, честь и деловая репутация играют большую роль в жизни каждого человека, как в России, так и в Монголии. Право на имя, честь, достоинство и способы их защиты закреплены в гражданском законодательстве.

Статья 19 ГК РФ и ст. 20 ГК Монголии называются «Имя гражданина». Несмотря на одинаковые названия и одинаковое количество пунктов они имеют некие различия. Так, в статье 19 ГК РФ в п. 1 сказано: «Гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество». Это означает, что имя гражданина, под которым он приобретает и осуществляет права и обязанности, — важнейшее правовое средство его индивидуализации. ГК Монголии не дает понятия «имени». В п. 20.3 Кодекса говорится лишь о том, что права и обязанности гражданин осуществляет под своим именем. Закон разрешает использовать псевдоним. Также, в п. 20.1 ГК Монголии сказано, что гражданин имеет свое имя.

Пункт 2 ст. 19 ГК РФ гласит: «Гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом. Перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем. Гражданин обязан принимать необходимые меры для уведомления своих должников и кредиторов о перемене своего имени...». Это означает, что законодательство РФ позволяет гражданам РФ изменять свое имя (т.е. собственно имя, фамилию и отчество). Самостоятельно это может сделать любой гражданин, достигший возраста четырнадцати лет. Однако закон обязывает граждан, изменивших свое имя, самостоятельно принимать необходимые меры для уведомления своих должников и кредиторов о перемене своего имени. Нередко граждане прибегают к процедуре смены имени для того, что избежать какой-либо ответственности либо уклониться от выполнения определенных обязательств. Так, нередко должники, в отношении которых вынесено решение суда о взыскании с них суммы долга, меняют имя в надежде скрыться от взыскателя и судебных приставов-исполнителей. Однако это не приводит к желаемому результату, поскольку в силу п. 2 комментируемой статьи перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей. Данная статья в ГК Монголии охватывает несколько пунктов. Так, из смысла п. 20.2 гражданин имеет право переменить имя. Аналогично российскому законодательству после перемены имени гражданин сохраняет за собой все свои права и обязанности, более того на него возлагается обязанность уведомить о перемене имени своих кредиторов и должников (п. 20.4, 20.5 ГК Монголии) [2].

В соответствии с п. 3 ст. 19 ГК РФ «имя, полученное гражданином при рождении, а также перемена имени подлежат регистрации в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния». Органами ЗАГС осуществляется государственная регистрация имени гражданина, полученного при рождении, а также перемена его имени. Похожее правило закреплено в монгольском правопорядке. Согласно п. 20.2 ГК Монголии регистрации должно подлежать как само имя, данное человеку при рождении, так и перемена имени. Следует заметить, что анализируемые статьи ГК России и Монголии указывают, что регистрация имени монгольских граждан осуществляется компетентным органом в порядке, установленном специальным законом, являются отсылочными.

Пунктом 4 статьи 19 ГК РФ предусмотрено: «Приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается. Имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах». ГК Монголии не уделяет этому вопросу столь пристального внимания. В п. 20.3 он закрепляет лаконичную норму о том, что «права и обязанности гражданин осуществляет под своим именем». Это значит, что закон не допускает использование прав под именем другого лица.

Сравнительный анализ приведенных норм также показал, что монгольский и российский законодатель предусмотрели специальные способы защиты права на имя, честь, достоинство и деловую репутацию.

Следует отметить, что в отличие от кодифицированного гражданского закона Монголии перечень специальных способов защиты права на имя включил непосредственно в статью 19 ГК России. В случае нарушения права на имя или псевдоним гражданин помимо общих способов,

закрепленных в ст. 12 ГК РФ, может воспользоваться специальными. В п. 5 ГК РФ названо еще 3 специальных способа. Гражданин вправе требовать: 1) возмещения вреда, причиненного ему в результате нарушения его права на имя или псевдоним, 2) при искажении имени гражданина либо при использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, гражданин вправе требовать опровержения, 3) компенсации морального вреда.

Монгольский закон способы защиты права на имя не выделяет в отдельную норму, а рассматривает их наряду со способами защиты других таких нематериальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация (ст. 21 ГК Монголии). По содержанию они практически совпадают.

Проводя, сравнительный анализ мы обратили внимание на то, что правовые нормы ГК Монголии менее детализированы, чем нормы ГК РФ. выявили, что в ГК Монголии, также, как и в ГК РФ имеются способы защиты, но они закреплены немного по-иному.

В ст 511.1. ГК Монголии сказано, что «лицо, распространившее сведения, порочащие имя, достоинство, деловую репутацию других, если оно не сможет доказать их достоверность (этих сведений), вне зависимости от возмещения имущественного ущерба, обязано возместить нематериальный вред в денежной или иной форме».

Например, можно увидеть, что в ГК Монголии в ст. 21.2 говорится о том, что если лицо, распространившее сведения, порочащие имя, достоинство, честь и деловую репутацию гражданина не может доказать свою правоту, оно по требованию лица, права которого оказались нарушенными, обязано дать опровержение в той же форме и теми средствами, или иными формами и средствами.

Согласно ст. 19 п. 5 абз. 2 гражданин РФ в отличие от гражданина Монголии, вправе требовать не только опровержения, но и возмещения причиненного ему вреда, а также компенсации морального вреда.

Согласно ст. 152 ГК РФ граждане России имеют более широкие возможности по восстановлению нарушенных прав на имя, честь, достоинство, деловую репутацию:

- 1) требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений;
- 2) гражданин имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа, сведения должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации;
- 3) вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений;
- 4) вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет»;
- 5) порядок опровержения сведений устанавливается судом;
- 6) вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности;
- 7) вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда.

Также в законодательстве Монголии в ст.21.3 сказано, что если имя, достоинство, честь и деловая репутация были опорочены из-за неполного владения реальными фактами, опровержение должно быть сделано так же, как указано в 21.2. Что касается России, то в ГК РФ аналогичная норма отсутствует.

Статья 21.4 ГК Монголии определяет, что гражданин имеет право требовать компенсации вреда, нанесённого распространением без его разрешения информации, определённой законом как тайна личной жизни.

В ст. 152.2 п. 1 ГК РФ говорится о том, что если иное не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Гражданин вправе обратиться в суд с требованием об удалении соответствующей информации, а также о пресечении или запрещении дальнейшего ее распространения путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей.

В соответствии со ст. 21.5 ГК Монголии гражданин имеет право требовать компенсации вреда, если полагает, что ему нанесён вред несанкционированной демонстрацией его изображения в фото, видео и киносъемках, методом изобразительного искусства и другими способами.

В законодательстве России в ст. 152.1 п. 2 сказано о том, что изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пунктом 1 настоящей статьи, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению, без какой бы то ни было компенсации. А также в п.3 этой же статьи говорится о том, что если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением п.1 наст. ст., распространено в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения.

В ст. 21.6 ГК Монголии говорится о том, что не требуется разрешение гражданина, если его изображение было использовано для пропаганды занимаемого им места в обществе, при съёмках в учебных и научных целях, при изображении его в деловой обстановке среди многих, или если это лицо получило заработок или гонорар за то, что его изображение было использовано.

В ГК РФ наблюдаются схожие черты, например, согласие не требуется в случаях, когда гражданин позировал за плату. А различия, например, согласия не требуется, когда:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) изображение получено при съёмке в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

Приведенные перечни близки по содержанию. И в России, и Монголии не требуется согласия гражданина на публикацию (обнародование) его изображения, если он позировал за плату, а также когда изображение получено при съёмке в обстановке среди других лиц на каких-либо публичных мероприятиях. В то же время, полагаем, что «использование изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах без согласия гражданина» по российскому закону охватывает большее количество случаев, чем это предусматривает ГК Монголии («использование изображения гражданина для пропаганды занимаемого им места в обществе; при съёмках в учебных и научных целях»).

К тому же, в отличие от монгольского законодательства российское содержит указание на необходимость получения от гражданина согласия в любом случае, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является извлечение прибыли либо удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни. Аналогичного уточнения нет в ГК и других правовых актах Монголии.

В ст. 21.7 ГК Монголии сказано, что распространение порочащих имя, достоинство, честь сведений о покойном или информации, связанной с тайной его личной жизни, без разрешения наследников, как указано с ст. 520 этого закона, преследуется в порядке, указанном в настоящей статье.

В России согласно ст. 152 п. 1 абз. 2 по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти.

В данном случае наблюдается сходство гражданского законодательства двух государств.

ГК Монголии в ст. 21.8 гласит о том, что возмещение вреда в случае, указанном в 21.7 данного закона не может иметь имущественный характер.

В ГК РФ аналогичная норма отсутствует.

В ст. 21.9 законодательства Монголии сказано, что лица, нарушившие указанные в данной статье права, возмещают вред потерпевшим или заинтересованным лицам согласно порядку, указанному в ст. 497, 511 настоящего закона. В России охрана и защита указанных прав осуществляется на основе ГК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при анализе гражданского законодательства двух государств наблюдаются сходства и различия. И в России, и в Монголии придается большое значение защите имени гражданина, защите чести, достоинства и деловой репутации, так как эти нематериальные блага являются неотъемлемой частью прав и свобод человека и гражданина и должны соблюдаться где бы он не находился.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ — 2014. — № 31. — 14 июля.

2. Конституция Монголии от 13 января 1992 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://bsu.ru/university/departments/faculties/uf/13244/13252/13364> (дата обращения: 22.05.2018).

3. Гражданский кодекс Монголии от 10 января 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 12.05. 2018).

4. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

5. Всеобщая Декларация прав человека (Принята 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН). Ст. 1 // Международное публичное право: сб. документов. — М., 1996. — Т. 1. — С. 460–464.

6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12. — С. 5–11.

Охрана труда в России и Китае

© *Б. Ж. Баиров, Ю. Н. Еноткина*

студенты 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: bairov.1997@mail.ru

Данная статья обширно рассматривает и предлагает способы решения проблемы охраны труда России, а также делается характерный анализ с Китаем. Также в статье приводятся нормативные правовые акты, регулирующие охрану труда в России и Китае, приводятся различные примеры несоблюдения правил безопасности на производстве.

Ключевые слова: охрана труда, безопасность труда.

В современное время охрана труда является очень значимой проблемой, ведь с течением нынешнего времени и быстрым ростом различных организаций, здоровье человека встает на одну ступень с продолжительностью жизни, что прямо пропорционально зависит от охраны труда. Например, в п.3 ст. 37 Конституции РФ говорится о том, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены [2].

Охрана труда содержит в себе не только обеспечение безопасного пребывания на производстве работника, но так же показывает и другие формы воздействия.

Допустим, хорошо подготовленная работа, субординирует трудящихся и дисциплинирует их, тем самым улучшается производительность, сокращаются несчастные случаи, в заметном количестве убывают технические поломки.

В настоящем мире все успешные корпорации, компании и т.п. организации очень тщательно относятся к вопросу охраны труда. В данный момент очень трудно найти компанию, где нет «корпоративного устава», не проведены мероприятия, где наглядно показывают элементарные вещи безопасного труда и гигиены. Правильное использование охраны труда дает работникам и работодателям чувство надежности. Поэтому, снижается текучесть кадров и все становится стабильно.

Но, к сожалению, уровень травматизма, производственных смертей и профессиональных заболеваний на рабочем месте до сих пор составляет огромнейшую опасность.

В России по данным Росстата ежегодно на производстве умирает 3 тысячи человек (0,002% от общего количества), в то время как в Китае ежегодно умирает 600 тысяч человек (0,04% от общего количества населения).

Россия.

В нашей стране существует колоссальное количество нормативно-правовых актов, которые, как на первый взгляд кажется, должны прекрасно способствовать обеспечению охраны труда. Однако, несмотря на это, состояние условий труда, если можно так выразиться, остается в плачевном состоянии, уровень получения травм, профессиональных заболеваний на рабочем месте все еще остается достаточно высоким.

Следует отметить, что в реальной действительности показатели травматизма на рабочем месте намного выше из-за огромных недостатков в статистике, которая осуществляется органами государственной статистики, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральной инспекцией труда. Кроме того, множественную огласку получило сокрытие несчастных случаев, в том числе и с летальным исходом.

Во времена СССР к обеспечению охраны труда относились достаточно номинально, поскольку в то время многие грани безопасности на «хорошо» укладывались в головах сотрудников на обязательных и достаточно часто проводимых занятиях по гражданской обороне. Во времена беспокойного и почти не управляемого становления рыночных отношений главной своей целью директора производств ставили достижение как можно более высокой выручки в кратчайшие сроки, а соблюдение даже простых правил техники безопасности откладывалось в долгий ящик.

Кто должен обеспечивать охрану труда? На этот вопрос отвечает содержание ст. 217 ТК РФ, согласно которой: «В целях обеспечения соблюдения требований охраны труда, осуществления контроля за их выполнением у каждого работодателя, осуществляющего производственную деятельность, численность работников которого превышает 50 человек, создается служба охраны труда или вводится должность специалиста по охране труда, имеющего соответствующую подготовку или опыт работы в этой области» [3, с. 374]. При неимении у работодателя службы по охране труда (штатного специалиста по охране труда) его заменяет менеджер компании или другой трудящийся, допущенный к этому приказом или распоряжением руководителя. Для осуществления этих функций работодатель может привлечь иные компании, которые специализируются на этом или же экспертов, предоставляющих помощь в охране труда. Кстати, такие компании подлежат обязательной аккредитации.

Эксперты по охране труда должны иметь соответствующую подготовку или опыт работы в данной области.

Согласно статье 419 ТК РФ лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном трудовым кодексом и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами.

УК РФ предусматривает ответственность за действия, которые грубо нарушают положения законодательства о труде и охране труда, либо которые влекут за собой значительные негативные последствия, например, причинение вреда здоровью или гибель людей. К их числу относятся: (ст. 143 — нарушение правил охраны труда, 215 — нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, 216 — нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, 217 — нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах и т.д.).

Явное несоблюдение требований по охране труда может подтвердить нижеследующий пример.

1 февраля 2018г. при пожаре в магазине цифровой техники ДНС по улице Ключевской г. Улан-Удэ, случившемся после окончания рабочего дня, погиб 26-летний молодой человек. Им оказался работник магазина, решивший самостоятельно справиться с огнем.

По словам руководителя тушения пожара, сотрудника МЧС РФ по Бурятии Николая Бокарева, мужчина оказался тем, кто первым заметил очаг возгорания и старался своими силами потушить огонь.

В момент пожара сотрудник находился в здании. Он несколько раз звонил представителю магазина по мобильному телефону. Мужчина сообщал, что в помещении начался пожар, что он его тушит, но справиться не может.

При этом запасный выход, к которому пробирался мужчина, оказался закрыт, у сотрудника не было ключей от этого выхода, а путь к главному выходу был перекрыт огнем.

В процессе поиска выхода сотрудник всё еще поддерживал связь со своим руководителем. Судя по этим переговорам, уже на тот момент мужчина понял, что выход для него отрезан. Позже связь с ним прекратилась.

Как отмечают в МЧС, пожар был запущенным, так как сообщение о нем поступило только от очевидцев спустя продолжительное время. Первыми же на месте происшествия оказались сотрудники охранной фирмы, прибывшие по сигналу сработавшей сигнализации.

Тушение осложнялось не только поздним сообщением, но и тем, что ближайший гидрант, расположенный в 30 метрах от здания магазина, был заблокирован машинами, владельцы которых припарковались в неподобающем месте. Ближайший свободный гидрант обнаружился только на расстоянии 120 метров.

Данный пример говорит о том, что в магазине не были надлежащим образом организованы охрана труда и техника безопасности. Сотрудник магазина, видимо, не был проинструктирован о том, какие действия он должен был бы совершить при такой ситуации. Вместо того, чтобы не-

медленно звонить в соответствующую службу МЧС, он вел переговоры с руководством магазина. Последнее также не проявило необходимую реакцию, о чем свидетельствует тот факт, что о пожаре в МЧС сообщили очевидцы.

Китай.

Если трудовое законодательство России, основанное на общепризнанных принципах и нормах, определяет одним из главных вопросов обеспечение безопасности труда, то страны Азиатско-Тихоокеанского Региона, в частности Китай, отличаются другим подходом к условиям труда. Трудовое законодательство Китая заведомо нацелено, в первую очередь, на производительность и результат, хотя нормативные акты, оберегающие права работников, в Китае также действуют.

Основными нормативно-правовыми актами в сфере охраны труда в Китае являются:

- Конституция КНР;
- Трудовой кодекс КНР;
- Закон КНР «О труде»;
- Закон КНР «О трудовом договоре»;
- Закон КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров»;
- Положение «О контроле за трудом и социальным обеспечением»

Согласно ст. 42 Конституции КНР граждане Китайской Народной Республики имеют право на труд и обязанность трудиться. Государство различными путями создает условия для трудоустройства, улучшает охрану и условия труда, а также на основе развития производства повышает оплату труда и материальное благосостояние трудящихся.

Ст. 52 Закона КНР «О труде» закрепляет, что предприятие должно установить и укрепить режим трудовой гигиены, строго исполнять государственные правила и нормы безопасности и гигиены труда. Проводить разъяснения среди рабочих о безопасности и гигиене труда, не допускать в трудовом процессе аварий, снижать профессиональный риск [4].

Вместе с тем на практике имеются примеры, которые показывают явное несоблюдение правил безопасности на производстве в Китае.

Так, 2 августа 2014 г. примерно 7 часов 30 минут утра прогремел взрыв на металлургическом заводе города Куньшань в провинции Цзянсу, который находится на западе от Шанхая. Данный завод с общей численностью рабочих порядка 500 человек принадлежит компании Kunshan Zhongrong Metal Products. Известно о 186 пострадавших и о 71 погибшем, тела более 40 человек были обнаружены сразу на месте взрыва, еще более 20 пострадавших скончались в больнице. Эту трагедию назвали крупнейшей. Источник Xinhua сообщает о том, что причиной аварии стала воспламеняющаяся металлическая пыль, возгорание которой спровоцировало взрыв в полировочном цеху. То есть, из-за банальной не внимательной и не аккуратной работы работников произошла столь крупная авария.

Сравнительный анализ действующих нормативных актов в России и в Китае показывает, что в общем положения об охране труда имеют сходные черты. Однако с учетом того, что в России приоритет отдается соблюдению безопасности труда, существует особая оценка и большое количество нормативных актов, регулирующих условия труда, действуют многие контролирующие органы, общий уровень обеспечения безопасности труда выше, чем в Китае.

В Китае также имеются органы, в обязанности которых входит контроль за соблюдением трудового законодательства в организациях. К таким органам относятся органы трудовой администрации, которые имеют право в случаях выявления нарушений закона приостановить деятельность предприятия и назначить штраф. Но на самом деле, контроль за условиями труда в Китае преимущественно отсутствует.

Заключение

Делая вывод по проведенному исследованию, хочется сказать о том, что в Российской Федерации нормы, регулирующие охрану труда, все-таки соблюдаются лучше. Китаю необходимо ценить и поднимать охрану труда на тот же высокий уровень, что и экономику. Экономика и охрана труда — это понятия, которые должны создавать сильный союз, направленный на минимизацию опасных производственных рисков и поддержание хороших условий труда, а не идти поперек друг другу. И как говорится «Гоняясь за количеством, не разменивайтесь качеством».

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ — 2014. — № 31. — 14 июля.

2. Конституция КНР [Электронный ресурс]. — URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinaconstitutionallaw/china_constitution (дата обращения: 26.04.2018).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ч. 1. — Ст. 3.
4. Трудовой кодекс КНР: приказ председателя КНР № 28 принят 5 июля 1994 года на 8 сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 8 созыва.
5. Миронов В. И. Трудовое право России: учебник. — Изд-во: Управления персоналом, 2009. — 523 с.
6. Подробности: сотрудник магазина ДНС погиб на пожаре из-за запертой двери аварийного выхода [Электронный ресурс]. — URL: <http://ulan.mk.ru/articles/2018/02/02/podrobnosti-sotrudnik-magazina-dns-pogib-na-rozhare-izza-zapertoy-dveri-avariynogo-vykhoda.html> Загл. с экрана (дата обращения: 02.02.2018).
7. На заводе в Китае прогремел взрыв: не менее 65 погибших [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1178496/>. Загл. с экрана (дата обращения: 02.04.2018).

Сравнительно-правовой анализ правоспособности и дееспособности в Российской Федерации и Монголии

© *А. Н. Бахаев, А. А. Шатаева*

студенты 2-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: bakhaev.andreyka@mail.ru, ashataeva98@mail.ru

В данной статье рассматривается правоспособность и дееспособность граждан в Российской Федерации и Монголии. В силу географического положения вышеуказанных стран нормы многих законодательных актов, в том числе и нормы Гражданского кодекса, совпадают во многих аспектах. В том числе, и по поводу правоспособности и дееспособности граждан.

Ключевые слова: гражданин; правоспособность; дееспособность; Российская Федерация; Монголия.

Отношения Российской Федерации и Монголии имеют давнюю и многовековую историю. Данные страны тесно взаимодействуют друг с другом, что прослеживается в схожести содержания многих законодательных актов. Учитывая вышесказанное в нашей работе, в первую очередь, необходимо определить схожесть и различия норм гражданского законодательства, закрепляющих правоспособность и дееспособность граждан обеих стран.

Начать сравнительный анализ стоит с определения правоспособности гражданина. Статья правоспособность гражданина присутствует как в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 17) (далее по тексту — ГК РФ) [1], так и в Гражданском кодексе Монголии (ст. 14) (далее по тексту — ГК Монголии) [2]. Указанные нормы состоят из двух пунктов. Однако их содержание не идентично.

Пункт 1 статья 17 «Правоспособность гражданина» ГК РФ гласит, что под «правоспособностью гражданина» понимается «способность иметь гражданские права и нести обязанности, которые признаются в равной мере за всеми гражданами» [1]. То есть в российском праве правоспособность является предпосылкой возникновения у гражданина его субъективных прав и необходимых условий для правообладания [3, с. 56]. В ГК Монголии не дано определения этому понятию. На наш взгляд, это препятствует однообразному пониманию понятия «правоспособности» и правильному пониманию закрепленных в кодексе правил, связанных с этим понятием.

ГК РФ и Монголии определяют одинаковые временные рамки возникновения и прекращения правоспособности (ст. 14.1 ГК Монголии, ст. 17 ГК РФ). Согласно этим нормам «правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью».

В тоже время в п. 2 ст. 14 ГК Монголии сказано, что «запрещается ограничивать правоспособность гражданина» [2], чего законодатель не указывает в ГК РФ. Но в Гражданском Кодексе РФ сказано, что правоспособность «признается в равной степени за всеми гражданами» [1]. Из сказанного можно сделать вывод, что данная норма содержится в кодексах обеих стран, но гражданский кодекс РФ более детально регламентирует данный вопрос в статье 22 ГК РФ.

Также в ГК РФ существует отдельная статья, которая определяет содержание правоспособности граждан (статья 18) [1]. В ней перечислены основные права граждан, которыми они могут воспользоваться, а именно: «иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать

имущество; заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права». В свою очередь в ГК Монголии данная статья не предусмотрена.

Таким образом, можно сделать вывод, что Гражданский кодекс РФ является наиболее точным в формулировке понятия и общего содержания правоспособности. Поэтому у гражданина РФ не возникнет затруднений в понимании данного вопроса. В свою очередь в Гражданском кодексе Монголии возникает множество вопросов, таких как понятие правоспособности, ее содержание, которые не дают до конца понять значимость и сущность данной статьи именно для гражданина Монголии.

Составной частью правосубъектности граждан наряду с понятием правоспособности является дееспособность. Понятие дееспособности гражданина дается в ГК РФ в статье 21 [1], в свою очередь, в ГК Монголии понятие дееспособности дается лишь в статье «Полная дееспособность гражданина» (часть 1 статья 15) [2]. ГК Монголии определяет дееспособность гражданина как «способность своими действиями приобретать права и создавать для себя обязанности». Российский же кодекс дает более подробное понятие. Так, в соответствии с частью 1 статьи 21 ГК РФ «Дееспособность — это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность)». Также в статье 21 закреплены следующие положения: 1) В случае расторжения брака дееспособность сохраняется. 2) «При признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом» [1].

Дееспособность у граждан Монголии и России возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижению восемнадцатилетнего возраста.

Оба кодекса и Монголии, и России предусматривают возможность приобретения гражданами дееспособности в возрасте с 16-летнего возраста (ч. 2 ст. 21 ГК РФ, ст. 15.2 ГК Монголии). В них говорится о том, что гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак, если это допускается законом.

Статья 15.2 ГК Монголии дает возможность приобретения полной дееспособности гражданам в возрасте от 16 до 18 лет в соответствии с указанными в законе обоснованием и порядком, по просьбе самого несовершеннолетнего и с согласия родителей, опекунов и попечителей [2]. Гражданское законодательство России регламентирует это подробнее в отдельной статье. Согласно статье 27 ГК РФ «Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органа опеки и попечительства — с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия — по решению суда» [1].

В части 3 статьи 15 ГК Монголии говорится о возможности суда признать недействительным решение суда о признании полной дееспособности гражданина при наличии необходимых оснований и по просьбе заинтересованных лиц. ГК РФ предусматривает эту возможность суда лишь в случае признания брака недействительным [2].

Законодательство обеих стран предусматривает частичную дееспособность. В РФ она подразделяется на дееспособность малолетних (в возрасте от 6 до 14 лет) и дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Частичная недееспособность ограничивает ряд прав и обязанностей гражданина. Например, малолетние вправе совершать лишь мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе совершать вышеперечисленные сделки, а также распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами; осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной дея-

тельности; в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими и т.п.

Монгольское законодательство подразделяет дееспособность на полную, частичную и неполную. Дети в возрасте от 7 до 14 лет имеют частичную дееспособность. За несовершеннолетних в возрасте от 7 до 14 лет, за исключением быстрореализуемых бытовых сделок, не наносящих им самим ущерба, сделки смогут совершать от их имени их законные представители (родители, опекуны).

Лица, не достигшие совершеннолетия, или лица в возрасте от 14 до 18 лет являются не полностью дееспособными. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки, за исключением разрешённых законом, с письменного согласия своих законных представителей (родители, опекуны). Несовершеннолетние граждане вправе самостоятельно без согласия своих законных представителей осуществлять следующие права: распоряжаться по своему усмотрению своими заработком, стипендией и иными доходами; совершать бытовые быстрореализуемые сделки, не наносящие им самим ущерба; хранить доходы, указанные в банках и кредитных учреждениях; граждане в возрасте от 16 до 18 лет могут быть членами кооператива [1].

Таким образом, категория правоспособности и дееспособности граждан представляет большую ценность в силу того, что является юридическим средством выражения свободы личности в сфере имущественных и личных неимущественных отношений. Как мы видим, нормы гражданского законодательства в институтах правоспособности и дееспособности с Российской Федерации и Монголии в целом достаточно схожи по своим юридическим конструкциям. Это объясняется рядом причин, в том числе и историческими особенностями развития гражданского законодательства и близким территориальным расположением России и Монголии по отношению друг к другу. Несмотря на преобладающее количество сходств, существуют и различия. Главное различие состоит в том, что Гражданский кодекс Монголии недостаточно содержательно растолковывает нормы, например, в нем нет статьи «Дееспособность», само понятие дается в статье «Полная дееспособность».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017). — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.06.2018).
2. Гражданский кодекс Монголии [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 20.06.2018).
3. Белькова Е. Г. Понятие и сущность правоспособности // Известия Байкальского государственного университета. 2006. — С. 54–58.

Сравнительно-правовой анализ становления предпринимательства в РФ и КНР во второй половине XX века

© *М. Б. Будаева*

магистрант 1 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет»

Россия, г. Улан — Удэ

E-mail: budaeva.rita@gmail.com

В данной статье описаны политические условия реформирования экономической системы в России и Китае во 2-ой половине XX века.

Ключевые слова: предпринимательство, Россия, Китай.

Вторая половина XX века в истории России и Китая насыщена знаменательными событиями. В этот период обе страны представляли собой социалистические государства (Китай эту позицию сохраняет до сих пор), однако, в определенный момент решили взять курс на становление и развитие предпринимательства, что противоречило социалистической доктрине. Этот шаг оказал значительное влияние не только на экономическую сферу отдельной страны, но и изменил политическую картину мира.

Для полного анализа становления предпринимательства в России во 2-ой половине XX в. следует рассмотреть не только нормативно-правовые акты, но и дать подробное описание политической, экономической, социальной сфер этого периода.

В СССР на XXII съезде КПСС в 1961 г. была принята Третья программа КПСС, направленная на переход советского общества в коммунизм. Однако, уже в середине 1960-х гг. эта тенденция стала более умеренной. Коренные перемены начались во второй половине 1980-х гг. Их целью была демократизация общественно-политического и экономического строя.

На XIX партийной конференции в 1988 г. было принято создать правовую базу для экономических реформ и защиты прав граждан. Также в этом году была принята двухуровневая система представительных органов и институт президентства, были внесены изменения в Конституцию СССР 1977 г. [3, с. 762].

Что касается предпринимательской сферы, в 1986 и 1988 гг. была легализована частная предпринимательская деятельность в производственной и сервисной сферах. Вступили в силу новые законы «Об общественных объединениях» (октябрь 1990 г.) и «О профессиональных союзах» (декабрь 1990 г.). Это дало толчок как для развития кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности, так и «отмывке» капиталов. Сформировался целый комплекс проблем, как финансовых и организационных, так и идеологических и социально-психологических.

В 1987 г. был принят закон «О государственном предприятии», согласно которому были введены новые правила хозрасчета и самофинансирования, и предприятиям давалась большая самостоятельность. Однако, на самом деле центральные органы продолжали контролировать ценообразование и налогообложение, тем самым ограничивая деятельность предприятий. Ухудшение показателей промышленности и сельскохозяйственного производства, дефицит и широко распространенная теневая экономика также усугубляли ситуацию.

Частное предпринимательство в сельском хозяйстве началось в 1988 г. с арендных договоров и нового «Положения о колхозах». Данный акт устанавливал размер приусадебного участка и поголовья скота в личном хозяйстве на основе решений коллектива каждого колхоза. Но и это не дало положительных результатов.

Предпринимательское право имеет тесную связь с институтом частной собственности, поэтому следует рассмотреть и этот аспект. В феврале 1990 г. граждане получили право приобретать землю в пожизненное наследуемое владение или в аренду, в декабре 1992 г. — получать земельные участки в частную собственность и на продажу. Уже после распада СССР, в 1993 г. была объявлена приватизация, окончательно оформившая переход от социализма к капитализму.

С распадом СССР и образованием РФ в 1991 г. начался новый этап в предпринимательстве. Были созданы новые законы и кодексы, обеспечивающее правовое регулирование предпринимательства. Так, в марте 1994 г. была принята Программа демонополизации экономики и развития конкуренции на рынках РФ. Но не все реформы сопровождались положительными эффектами — обострение межнациональных конфликтов, коррупция, преступность, вмешательство политических партий в работу государственных органов.

В Китае, пережившим за XX век столько значительных событий, предпринимательство возрождалось нелегко, было совершены ошибки. Тем не менее, сейчас экономика КНР занимает второе место по номинальному ВВП и первое место по ВВП по паритету покупательной способности [6].

Китайская народная республика была образована 1 октября 1949 г. В то время она представляла собой аграрную страну с плохо развитой индустриализацией и низким уровнем жизни. Первый шаг к модернизации и экономическому росту — Большой скачок — имел трагические последствия. Кампания по уничтожению четырех вредителей, засуха и привлечение большого количества людей в промышленность привели к плохому урожаю и голоду. Большой скачок был свернут в 1960 г.

Затем Лю Шаоци, занявший пост Председателя КНР в 1959 г., и Дэн Сяопин, занявший пост генерального секретаря ЦК КПК в 1957 г., приступили к экономическим реформам для восстановления сельского хозяйства. Они вели более гибкую политику в отличие от Мао Цзэдуна, частично провели деколлективизацию и использовали капиталистические методы, за что приобрели популярность у населения и стали иметь больше влияния в партии.

В ответ на это Мао Цзэдун развернул «культурную революцию» — серию кампаний, направленных на предотвращение возможной «реставрации капитализма» и борьбу с оппозицией [2, с. 82]. Эта кампания также привела к ужасающим последствиям — 5 млн. репрессированных, около 100 млн. пострадавших, было уничтожено множество исторических памятников.

В 1978 г. была начата политика реформ и открытости, во главе которой стоял Дэн Сяопин. Началось активное восстановление кустарной промышленности и сельского хозяйства. Вместо

коммун в сельском хозяйстве были учреждены семейные подряды, возросла доля частного предпринимательства, предприятиям была дана большая самостоятельность. Но правительство продолжало применять пятилетнее планирование и контролировать крупные предприятия, а также отрасли промышленности.

Отличительной особенностью проведения реформ в Китае можно назвать их экспериментальный порядок. Другими словами, сначала экономические реформы были приняты в отдельных регионах, и, если они приносили положительный результат, то получали распространение на всю страну [5, с. 112].

Другим важным этапом в развитии КНР стала открытость внешнему миру. Были разрешены международная торговля и иностранные инвестиции. На Западе такие реформы были расценены как капиталистические, но правительство КНР называет это «социализмом с китайской спецификой».

Политика реформ и открытости в отличие от предыдущих экспериментов была успешнее, и ее результаты повлияли на то, что Китай сейчас занимает ведущие позиции по экономике. Конечно, эти процессы имели свои негативные последствия. К ним можно отнести инфляцию, социальное расслоение, коррупцию, ухудшение экологии.

Таким образом, становление предпринимательства в России не дало таких плодотворных результатов, а в КНР имело большие успехи и позволило экономике Китая выйти на первые места по ВВП.

Литература

1. Абакумова Е. Б. Предпринимательское право: курс лекций. — Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. — 201 с.
2. Гельбрас В. Г. Экономика КНР. Важнейшие этапы развития 1949–2007: курс лекций. Ч. I. — М.: Гуманитарий, 2010. — 424 с.
3. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. — Изд. 3-е, перераб и доп. — М.: Юристъ, 2004. — 797 с.
4. Непомнин О. Е. История Китая: XX век. — М.: Институт востоковедения РАН, Крафт +, 2011. — 736 с.
5. Трощинский П. В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление развитие и характерные особенности [Электронный ресурс] // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2015. № 5: с. 99–117. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/pravovaya-sistema-kitayskoy-narodnoy-respubliki-stanovlenie-razvitie-i-harakternye-osobennosti> (дата обращения: 02.06.2018).
6. The World Bank [Электронный ресурс] // GDP (Current US\$); GDP, PPP (current international \$). — URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?contextual=max&end=2017&locations=CN&name_desc=false&start=2017&view=bar (дата обращения: 01.06.2018).

К вопросу о финансировании покупки недвижимости родителями одного из супругов в период брака

© Ван Синьчао

магистрант

Китайского политико-юридического университета

Китай, г. Пекин

В настоящей статье анализируется правовой институт покупки недвижимости родителями одного из супругов в период брака в контексте содержания Закона КНР «О браке», а также Разъяснений Пленума Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке № 2 и № 3». Отмечается, что «Разъяснение № 3» играет важную роль в обеспечении защиты личной собственности и устраняет нездоровый и меркантильный взгляд на брак, но в нем также имеются и недостатки в отношении унификации судебных дел. Подчеркивается, что автор не ставит перед собой целью отрицать пользу «Разъяснений №3», а лишь считает необходимым устранить существующие несовершенства и тем самым, обеспечить более качественную защиту института семьи и брака. Вносятся предложения, направленные на устранение выявленных недостатков.

Ключевые слова: семейное право КНР, недвижимое имущество, Закон КНР «О браке», Разъяснение «О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке (№ 3)», Разъяснение «О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке (№ 2)».

4-го июля 2011 года на Пленуме Верховного народного суда КНР было принято Разъяснение «О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке (№ 3)» (далее — «Разъяснение» № 3), состоящее из 19 статей, в котором приводится толкование некоторых важных вопросов применения Закона КНР о браке (далее — Закон о браке).

В ст. 7 «Разъяснения № 3» указывается, что недвижимое имущество, купленное родителями одного из супругов в период брака, для которого право собственности зарегистрировано на имя сына или дочери финансирующих лиц, согласно ст. 18.3 Закона о браке, рассматривается как дар своим сыну или дочери и признается личной собственностью одного из супругов [3].

Обозначенная статья является предметом широких дискуссий среди специалистов, главным образом, относительно того, допустимо ли толковать право на недвижимость данного рода подобным образом? Некоторые считают, что право на недвижимость не должно определяться только лишь регистрацией. Они подчеркивают, что данный пункт противоречит Закону о браке и не соответствует характеру брачных отношений, а также может привести к негативному результату, кроме того, может нанести вред супруге (супругу) при защите своих законных прав и даже поставить семейную гармонию под угрозу.

Однако некоторые ученые поддерживают данное разъяснение. Сторонники данного закона полагают, что это разъяснение не только разработано в соответствии с нормами гражданского права, но и отражает истинное намерение финансирующих лиц. Оно способствует унификации рассмотрения судебных дел, а также играет важную роль в обеспечении беспристрастности и справедливости в обществе. Мы разделяем обозначенную позицию.

Безусловно, ст. 7 «Разъяснения № 3» восполняет пробелы в Законе о браке, обеспечивает личной собственности лучшую защиту, а также дает людям новое видение брака.

Но следует отметить, что в ст. 7 «Разъяснения № 3» действительно все еще есть некоторые недостатки, которые могут повлечь определенные споры в судебной практике.

Полагаем, что в ст. 7 «Разъяснения №3» существуют две основные проблемы:

Во-первых, выражение о характере финансирования определено не совсем четко. В ст. 7 «Разъяснения №3» определен лишь субъект финансирования, но не определяется объем финансирования: финансируется вся сумма целиком или лишь ее часть? В судебной практике такая неопределенность может привести к спорам о применении ст. 7 «Разъяснения № 3», например, в том случае, когда купленная недвижимость профинансирована родителями одного из супругов лишь частично. При разрешении споров некоторые суды применяют ст. 7 «Разъяснения № 3», а некоторые — ст. 20 Разъяснения Верховного народного суда «О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке (№ 2)» (далее — «Разъяснение № 2») [2].

В данной статье сказано, что покупка недвижимости родителями для детей, состоящих в браке, признается даром обоим супругам, за исключением случая, когда родители ясно выразили своё намерение дара одному из супругов.

Во-вторых, определяется право собственности только на недвижимость. Ст. 7 «Разъяснения №3» определяет право собственности только лишь на недвижимое имущество, профинансированное родителями одного из супругов. Это означает, что к движимому имуществу по-прежнему применяются основные законы о совместной собственности — Закон о браке. Например, если родители одного из супругов, потратили определенную сумму денег на приобретение недвижимости для сына или дочери, то данная недвижимость, по ст. 7 «Разъяснения № 3» признается личной собственностью одного из супругов.

И наоборот, если родители одного из супругов потратили точно такую же сумму на приобретение движимого имущества, например, на автомобиль, то данное движимое имущество на основании Закона о браке является совместной собственностью супругов, раздел которой произведется при разводе [1].

Поэтому такой подход является не совсем справедливым по отношению к родителям и супругам, финансирующим покупку недвижимости.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется важным внести следующие предложения:

Во-первых, нужно четко определить, что в ст. 7 «Разъяснения № 3» идет речь только о финансировании полной суммы и данный закон не применяется к частичному финансированию. Автор статьи считает, что право собственности на недвижимость может быть получено исключительно при полном финансировании. Если родители финансировали лишь часть средств на по-

купку недвижимости, то они не имеют право на данную недвижимость. Их финансирование может признаваться только как дар своему ребенку.

С другой стороны, к финансируемой родителями одного из супругов недвижимости должно применяться установление ст. 22 «Разъяснения № 2» (финансирование средств родителями на приобретение недвижимости для супругов признаётся даром своему сыну или дочери за исключением случая, когда финансируемая сумма родителями четко определена как дар для супругов) [2] и пункт 4 ст. 17 Закона о браке (имущество, полученное в дар супругами во время брака, является совместной собственностью) [1].

Таким образом, частичное финансирование родителями рассматривается как дар супругам, и в таком случае недвижимость является совместной собственностью супругов. Одним словом, необходимо четко определить то, что слово «финансирование» в ст. 7 «Разъяснения № 3» подразумевает только полное финансирование средств.

Во-вторых, нужно добавить пункты о разделе движимого имущества супругов с целью учета интересов обеих сторон. Супруги пользуются как недвижимым, так и движимым имуществом купленным родителями, но недвижимость поднимается в цене, а движимость обесценивается. Разница в цене между недвижимостью и движимым имуществом достаточно очевидна при разводе, но движимость разделяется в качестве совместной собственности, а недвижимость остается личной собственностью сына или дочери финансирующих лиц. Очевидно, что это несправедливо по отношению к стороне, которая профинансировала покупку недвижимости.

Полагаем, что для решения этой проблемы и учета интересов обеих сторон нужно предпринять соответствующие меры, а именно необходимо добавить пункт о разделе движимого имущества. Кроме того, представляется важным определять доли в имуществе каждого из супругов, которое было куплено в браке, а также необходимо разделять имущество по прежним долям с учетом колебания цен на данное имущество при разводе.

Литература

1. О браке: закон КНР от 10 сентября 1980 г. (принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва) (с изм. от 28 апреля 2001 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/ (дата обращения: 27.06.2018).

2. О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке (№ 2): разъяснение Верховного народного суда [Электронный ресурс]. — URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/china_family_law/china_spc_marriage_law_2nd_juridical_interpretation/ (дата обращения: 27.06.2018).

3. О некоторых вопросах применения Закона КНР о браке (№ 3): разъяснение Верховного народного суда [Электронный ресурс]. — URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/china_family_law/china_spc_marriage_law_3rd_juridical_interpretation/ (дата обращения: 27.06.2018).

Проблема безработицы в России и Китае

© *В. В. Васильева, С. Г. Пыхтина*

студентки 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: vasileva.vika.97@mail.ru

Статья посвящена исследованию одной из актуальных проблем современности — проблеме безработицы. Данная проблема анализируется в России и Китае.

Ключевые слова: безработица, статистика, занятость, рынок труда, Китайская Народная Республика, Российская Федерация.

Вопрос о безработице на сегодняшний день является одной из самых актуальных проблем, как в России, так и во всем мире. Показатель безработицы является одним из ключевых и определяющих состояние и эффективность экономики. Уровень безработицы в значительной степени влияет на такие факторы как: уровень жизни населения, уровень преступности, уровень эмиграции, наличие квалифицированной рабочей силы.

Безработица — отсутствие работы у активного населения страны. Понятие безработицы проявляется в процентном соотношении количества безработных к активному рабочему населению.

Неработающие люди являются одним из свойств рыночной экономики. Их количество существенно увеличивается во время кризисов и уменьшается в периоды подъемов.

Каковы же причины безработицы? Почему здоровые и способные к рабочей активности люди вынуждены сидеть дома? Предоставить однозначные ответы на эти вопросы довольно сложно. Причины безработицы могут скрываться как в уровне развития экономики, так и в личностном отношении каждого гражданина страны к необходимости ходить работу.

В последнее время, когда человеческая рабочая сила все чаще сменяется компьютерными технологиями, количество неработающих людей регулярно возрастает. К примеру, свой штат существенно сократили типографии, так как теперь тексты набираются с помощью компьютерного оборудования. В итоге безработица в этом направлении возросла в несколько раз. Причины безработицы связаны и с временными преобразованиями в уровне производства товаров в различных отраслях экономики, а также экономическими застоями и падениями. Значимую роль вносит и определение оплаты труда. В случае, когда повышается минимальный размер труда, расходы производства существенно увеличиваются, следовательно, возникает необходимость в сокращении рабочей силы. Не всегда удается найти работу и по той причине, что рассмотренные варианты имеют низкую оплату труда, требуют определенных навыков, которыми человек в данный момент не владеет.

Безработный — это гражданин трудоспособного возраста, границы которого устанавливаются законодательно (в России нижняя граница — 16 лет, верхняя — 55 для женщин, 60 — для мужчин), не имеющий работы и заработка, ищущий работу и готовый приступить к ней, зарегистрированный в органах службы занятости. Данные критерии зафиксированы в Законе «О занятости населения в РФ». Тем не менее, методология Международной организации труда предполагает иные характеристики. Так, возраст трудоспособности ограничивается 15–72 годами, кроме того, не обязательным является и официальная регистрация гражданина, т. к. искать работу можно и без обращения в государственные органы.

Отличительными чертами и особенностями развития занятости и формирования рынка труда в РФ на современном этапе являются абсолютное сокращение численности занятых в стране, сменившее устойчивую тенденцию советского периода к опережающему ее росту [1, с. 2].

Предприятиям требуются в основном рабочие профессии, в это время среди обратившихся в Службу занятости около трети составляют специалисты и служащие. К тому же значительная часть вакансий это самые низкооплачиваемые рабочие места, зачастую с тяжелыми и вредными условиями труда. Наиболее большим дефицитом российской экономики стали высококвалифицированные рабочие кадры. А в отсутствие их конкурентоспособную экономику не построить. Согласно определенным анализам, оценкам, в российской промышленности остались сейчас лишь 5% рабочих высшей квалификации, а в Китае 57%.

В ситуациях обострения финансового кризиса в России возросла численность официально зарегистрированных безработных до 2 млн. чел. Замечалось повышение процессов текучести, высвобождения рабочей силы, трудовой миграции, изменение ее направлений и форм.

Проблема занятости исключительно остро стоит перед выпускниками школ, колледжей, вузов, молодежью, демобилизованной из рядов Вооруженных Сил. Численность официальных безработных юношей и девушек в возрасте 16–29 лет составила 411,7 тыс. человек. Увеличилась и средняя продолжительность молодежной безработицы, которая превысила 6 месяцев.

Острота ситуации с молодежью обусловлена многими факторами. В частности, сохраняется профессионально-квалификационное несоответствие спроса и предложения рабочей силы. В последние годы в органах службы занятости в среднем регистрировались в качестве безработных 155–170 тыс. выпускников образовательных учреждений всех уровней [2, с. 3]. Тем не менее, далеко не все молодые люди в поисках работы обращаются в службу занятости.

Особую тревогу поднимает потеря молодежью ценности профессионализма. «Деньги — любым путем» — такова формула времени для многих молодых людей.

Количество женщин среди официально зарегистрированных безработных в 1,5 раза больше, чем среди общей численности безработных. Проблема женской безработицы, в первую очередь, связана с предоставлением женщинам неравных возможностей при приеме на работу и увольнении. В России около 53% населения составляют женщины, это более 78 млн чел. В экономике занято около 31 млн. женщин, 47% общей численности занятых.

В наиболее непростою состоянии на рынке труда оказываются женщины, имеющие малолетних детей, выпускницы учебных заведений, не имеющие опыта работы, женщины предпенсион-

ного возраста, а также женщины, имеющие профессии, по которым при приеме на работу преимущество отдается мужчинам.

Особенностью настоящего периода является то, что Россия встала на путь реформирования всей системы социальных гарантий. Создание российского эффективного цивилизованного рынка труда означает ликвидацию всех этих негативных явлений, возвращение трудоспособных в легальную экономику. Очень вероятно, что осуществление намеченных правительством мер в сфере трудовых отношений, а также модернизация и структурная перестройка приведут к всплеску регистрируемой безработицы.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что универсальных способов по преодолению безработицы не существует. Правительства большинства стран понимают остроту проблемы молодежной безработицы и направляют огромные финансовые средства на адаптацию молодых работников к рынку труда. Затраты на содействие занятости молодежи осуществляются в первую очередь в целях совершенствования качественного состава рабочей силы и носят в основном долгосрочный характер, они определяют развитие национальных экономик на многие десятилетия вперед. Кроме того, по официальным данным положение дел в России в целом имеет положительные тенденции, что говорит о правильно выбранном пути развития экономики нашей страны в целом. Ситуация на рынке труда в России довольно стабильна, что позволяет с надеждой смотреть в будущее.

Безработица является одной из наиболее острых социально-экономических проблем современного этапа развития китайского общества. Безработица влечет за собой масштабное расточение рабочей силы, значительное снижение потенциального валового продукта и национального дохода государства. При недостаточном применении имеющихся ресурсов рабочей силы экономическая система работает, не достигая границ своих производственных возможностей. Отсюда вытекает что, показатель безработицы представляет собой один из ключевых показателей для определения общего состояния экономики. В отношении данного вопроса проблема безработицы в Китайской Народной Республике приобретает исключительную значимость. Безработные учитываются китайской статистикой только в городах и включают горожан, находящихся в трудоспособном возрасте.

Безработные в китайском законодательстве это лица, не имеющие работы на момент учета, находящиеся в поиске работы, способные трудиться и зарегистрированные в органах трудоустройства. В категорию безработных в Китае не входят:

- так называемые «сяган» — сокращенные работники государственных предприятий, получающие пособие по безработице;
- молодежь, выходящая после окончания школы или вузов на рынки труда и ожидающая работу;
- безработное сельское население, которое в официальную статистику не включается, пособие по безработице не получает и не может зарегистрироваться на бирже труда, которая учитывает только городских безработных [3, с. 5].

Официальная статистика, по признанию большинства экономистов, абсолютно не отражает реальной картины безработицы в стране. Согласно отчету о проведенном исследовании компании Fathom, реальный уровень безработицы в КНР выше официального показателя в три раза и составляет в 2016 году 12,9%, в то время как официальный уровень на протяжении последних пяти лет неизменно оставался на отметке 4,1% [4, с. 5].

Согласно данным Бюро статистики КНР в негосударственных предприятиях по итогам 2018 года занятость возросла до 92%. В то же время, показатель занятых в сельском хозяйстве упал, а в промышленности и обслуживающих отраслях вырос. На протяжении нескольких лет с большой инфляцией зарплата во всех областях значительно увеличивается. В наибольшей степени высокие заработные платы наблюдаются в крупных национальных компаниях и международных корпорациях, также в частном секторе в городах восточного Китая. Помимо этого, сегодня более высокие зарплаты выплачиваются в сфере высоких технологий, в финансовой и банковской сферах. На производственных предприятиях зарплата трудящихся также значительно повышается.

Повышение зарплат вынуждает многих товаропроизводителей промышленно развитого региона в бассейнах реки Янцзы и Чжуцзян повышать на своих предприятиях количество роботов относительно числу традиционных сотрудников, или переносить производство в отдаленные уголки Китая, где рабочая сила стоит дешевле, либо закрываются. Но, вместе с тем, в последние

годы мелкие и средние предприятия частного сектора развиваются с трудностями: кроме недостатка средств, острая нехватка квалифицированных специалистов.

В результате нехватки кадров и невероятной вольности, с которой квалифицированные сотрудники готовы переметнуться к другому работодателю, компаниям трудно привлечь, обучить и удержать специалистов, которые им необходимы для получения конкурентного преимущества. Хотя простых работников, не требующихся высоких квалификаций, тоже иногда не хватает.

С одной стороны, на предприятиях не хватает квалифицированных рук, с другой стороны, сохраняется существенная безработица. Коэффициент безработицы относится к числу основных показателей ситуации на рынке труда. Он считается одним из важных экономических показателей, с помощью которых оцениваются темпы экономического роста в стране. Обычно, чем выше безработица, тем слабее экономический рост.

Существование нехватки рабочей силы и безработицы на китайском рынке трудовых ресурсов определяется низким уровнем квалификации работников в некоторых областях. Такая сложившаяся ситуация с низкой квалификацией человеческих ресурсов в дальнейшем будет препятствовать и замедлять экономический рост.

Китайское Правительство понимает о трудностях, препятствующих развитию экономики, и предпринимает ряд мер для преодоления этих препятствий. В частности, абсолютно понимается необходимость проведения структурных реформ в экономике, которые должны определить ранее неизвестные источники для дальнейшего развития. Теперь к приоритетным в области управления рынком труда КНР относятся: реформирование государственных предприятий, увеличение общественных работ с привлечением незанятых рабочих, формирование новых рабочих мест, переподготовка и трудоустройство безработных, повышение выплат из социальных фондов безработным, разработка и внедрение программ по трудоустройству выпускников, повышение оплаты труда квалифицированным рабочим и занятым в сфере наукоемких технологий и многое другое.

Кроме того, на состояние китайской занятости оказывает большое влияние такой фактор, как молодежная безработица, представленная в большинстве своем выпускниками университетов. На сегодняшний день в Китае насчитывается более 2000 высших учебных заведений. С 1993 г. в Китае развивается система 100 университетов первоклассного уровня. Все университеты во время набора абитуриентов позиционируют высокий уровень занятости в качестве индикатора привлекательности университета. В соответствии с официальной статистикой, уровень безработицы из числа выпускников поддерживается на уровне от 12% до 18%. Уровень безработицы среди выпускников университетов стабильно увеличивается, однако реформы образования значительно не улучшили ситуацию с занятостью выпускников. Кроме того, помимо выпускников внутренних университетов в Китай каждый год возвращаются сотни тысяч выпускников зарубежных университетов, и это тоже сказывается на китайском рынке труда. К примеру, в 2017 г. на родину вернулось почти 161 500 тыс. специалистов, получивших диплом в разных странах. Далеко не все из них трудоустроены. В случае, если раньше диплом иностранного университета служил «золотым ключиком» для открытия дверей в успешные китайские компании и получения высокооплачиваемой работы, то на сегодняшний день он уже не может гарантировать трудоустройство.

Для укрепления стабильности в сфере занятости правительство КНР предусматривает различные меры: улучшает условия для создания возможностей для трудоустройства, ускоряет урбанизацию и строительство новой социалистической деревни, поощряет самозанятость и развитие небольших и средних предприятий.

В заключение, стоит отметить, что в политике повышения занятости Китай опирается на практику развитых стран мира, применяя, вместе с тем, и свои собственные способы, основанные на специфике Китая, как страны с самой высокой численностью населения. Есть надежда, что принятые меры будут содействовать стабильному развитию, формированию экономики и позитивным результатам.

Литература

1. China Statistical Yearbook 2016 // National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (date of access: 18.02.2017).
2. Власов В. Новый порядок регистрации безработных // Занятость, 2011. — С. 112.
3. Кучук О. В. Экономика Китая. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. — 394 с.
4. Николаева И. П. Макроэкономика. — М.: ЮНИТИ, 2009. — С. 132.

Сравнительный анализ системы социальной защиты на примере Канады и РФ

© *К. С. Герасимова, А. А. Волокитина*,
магистранты ВСФ ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
Россия, г. Иркутск
xsgerasimova@mail.ru
E-mail: volokitina.94@mail.ru

В статье проводится небольшой сравнительный анализ систем социальной защиты населения в современной Канаде и России.

Ключевые слова: социальная защита, население, социальное обеспечение, социальное обслуживание, социальная система.

Система социальной защиты направлена на поддержку наименее обеспеченных, ослабленных слоев населения и защиту оказавшихся в трудной жизненной ситуации людей. И несмотря на то, что принципы и методы социальной защиты во многих странах достаточно схожи, при более глубоком изучении заметны существенные различия [1, с. 97]. Конституционный акт Канады 1867 года, в отличие от Конституции России, хотя и прямо не закрепляет принцип социального государства, но в нем содержатся некоторые положения, касающиеся данного принципа. Таким образом, в преамбуле указано, что объединение провинций служит благосостоянию, а под благосостоянием имеется в виду результат реализации принципа социального государства.

Социальное обеспечение граждан в Канаде развивалось поэтапно, согласно историческим событиям, так, при капиталистическом развитии государства социальное обеспечение преимущественно принадлежало частному сектору и местным органам публичной власти, которые осуществляли уход за неполноценными лицами, беспризорными детьми, и т.д. После Второй мировой войны федеральными органами публичной власти был реализован широкий круг мер, в том числе регулирующих трудовые отношения, образование, пенсионное обеспечение ветеранов и др. В настоящий момент можно говорить о том, что Канада — хорошо развитое социальное государство, однако со своими недостатками по сравнению с другими европейскими государствами. Так, Канада предлагает меньший уровень перераспределения доходов, размер заработной платы, пособие по безработице предоставляется на меньшие сроки, а также менее прогрессивный налоговый режим [2, с.100]. В настоящее время бюджет Канады распределён таким образом, что максимальную пользу получают ее жители. Расходы, касающиеся содержания аппарата и других нужд государства в пересчете на душу населения в несколько раз меньше, чем в России. Канада тратит достаточно мало средств на поддержание армии, численность государственного аппарата также в разы меньше численности государственного аппарата России. Эти преимущества системы экономического управления позволили Канаде создать гуманную социальную систему.

В Канаде государство гарантирует определенный уровень жизни любому человеку в независимости от того является ли он гражданином Канады, постоянно проживающим на территории страны или беженцем. Благодаря подоходному налогу, взимаемому со всех работающих граждан, государство обеспечивает финансовую помощь WELFARE нетрудоспособным, безработным. Таким образом, предотвращая появление слоев населения находящихся за чертой бедности, а это в свою очередь способствует снижению преступности, минимизирует социальное напряжение в обществе. С помощью налогов в Канаде проводится поддержка социальных программ, программ помощи рассчитанных на все слои общества, в особенности внимание, уделяется несовершеннолетним детям, безработным и пожилым людям [3]. В Канаде действуют различные виды социальной помощи, например пособие на детей, пособие по безработице, пособия по временной нетрудоспособности, пособия пенсионерам для поддержания обеспеченной старости, действуют различные фонды, такие как пенсионный фонд, фонд «Спокойная старость» и т.д., а также огромное количество актов направленных на социальную поддержку населения [4, с. 176]. В России также действуют различные фонды, существует социальное обслуживание, которое включает в себя содержание пожилых граждан и нетрудоспособных инвалидов в специальных интернатах, оказание им помощи на дому. Органы здравоохранения и просвещения задействованы в программе содержания и образования детей в детских домах, учреждениях культуры и др. Конституция РФ в статье 7 определяет основополагающие принципы внутренней политики РФ и дает такие понятия, как достойная зарплата, пенсия, пособия, и т.д., статья 39 Конституции РФ гарантирует каждому социальное обеспечение [5]. Однако, те основные принципы и направления, закрепленные в ней

не получают достаточного развития в действующем законодательстве. Учитывая нынешние условия, экономические кризисы, необходима грамотная государственная социальная политика [6]. Несмотря на существующие попытки регулирования социального обеспечения с помощью различных актов, законов, имеющихся прав, таких как право гражданина подать заявление о выплате пенсии по старости, равные условия для жителей РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, выплата различных пособий по безработице, многодетным семьям, поощрения матерям при рождении второго и третьего ребёнка, поддержка материнства и отцовства, различия в условиях современной рыночной экономики в социальных группах явно заметны.

Социальная политика государства должна являться приоритетным направлением деятельности, необходимым для построения социального государства, с чем на данный момент Канада справляется гораздо лучше, так как нужды и запросы населения, материальные, духовные блага находятся на одном из первых мест по значимости, не зря сами граждане Канады называют свою систему социального обеспечения «системой социальной безопасности». Конституция РФ, конституционные и федеральные законы РФ создают некую систему правового, социально-экономического характера, направленную на обеспечение достойной жизни человека.

Подводя итог, можно сказать, что все системы не идеальны и везде есть свои недостатки, которые государство, провозглашающее себя социальным, гарантируя социальное обеспечение, должно восполнять.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.
2. Аникеев А. Б. Социальное устройство Канады Copyright: Аникеев Александр Борисович, 2016. Свидетельство о публикации № 216100400280 URL: <http://www.proza.ru/2016/01/16/8013>.
3. Аристов Е. В. Канада как социальное государство: конституционно-правовой аспект // Российский юридический журнал. — 2015. — № 5. — С. 97–101.
4. Павлова И. В. Сравнительный анализ систем социальной защиты разных стран [Электронный ресурс]. // Статистика и экономика. — 2012. — №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyu-analiz-sistem-sotsialnoy-zaschity-gaznyh-stran> (дата обращения: 18.05.2018).
5. Тресков В. И. Ветераны, инвалиды, чернобыльцы — ваши льготы и привилегии. — М.: Российская газета, 2017. — Вып. 13. — 176 с.
6. Журавлев В. И. Социальная защита населения в Российской Федерации: Конституционный аспект [Электронный ресурс]. // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnyy-aspekt> (дата обращения: 18.05.2018).

К вопросу о вещной природе права аренды по законодательству РФ и КНР

© *А. А. Дальхеев*

студент 3-го курса ФГКОУ ВО

«Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации»

Россия, г. Иркутск

E-mail: mr.daa.99@mail.ru

В статье анализируется законодательная регламентация аренды в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Автор делает попытку разобраться о месте аренды в системе вещных и обязательственных отношений. В работе также представлен вывод о том, является ли аренда вещным правом.

Ключевые слова: аренда, вещное право, обязательственное право, Российская Федерация, КНР.

Проблема правовой природы права аренды в дискуссии о вещных правах стоит не так остро, как некоторые другие, в частности, проблема залога. Но все же стоит отметить, что в последнее время в научных кругах цивилистов, занимающихся проблемами как вещных, так и обязательственных прав, вопрос о том, является ли аренда ограниченным вещным правом или нет, начал подниматься все активнее [8]. Говорить о важности аренды не приходится, ибо сомневаться в распространенности данного правоотношения никто не будет. Во многом именно аренда в Российской Федерации (далее — РФ) и Китайской Народной Республике (далее — КНР), а также

других странах Азиатско-Тихоокеанского региона является ключевым инструментом для развития бизнеса.

Первоначально необходимо рассмотреть основные аргументы противников признания аренды вещным правом.

Во-первых, указывается, что арендатор осуществляет свое право на объект аренды не непосредственно, а лишь при содействии другого лица — арендодателя [5, с. 141]. Указанное замечание объясняется тем, что арендатор вправе воспользоваться вещью только по воле арендодателя. Данное утверждение будет вполне справедливо для пользовательской аренды, однако когда речь идет о владельческой аренде, то с момента предоставления вещи арендатору до момента истечения срока договора аренды — арендатор может беспрепятственно осуществлять господство над вещью, а также извлекать из неё полезные свойства. Теперь стоит рассмотреть то, как данный вопрос решается в законодательстве КНР. В соответствии со ст. 212 Закона КНР «О договорах» по договору аренды арендодатель передает арендатору предмет аренды в пользование с целью получения дохода, а арендатор вносит арендную плату [4]. Хотя прямого указания на то, что арендатор получает вещь с правомочием владения нет. Однако передача владения по смыслу указанного закона является само собой разумеющейся. Соответственно, упомянутый аргумент ни для России, ни для Китая не является состоятельным.

Во-вторых, сторонники обязательственной природы аренды утверждают, что аренда не соответствует такому признаку вещных прав, как *numerus clausus*, в соответствии с которым содержание вещного права должно быть строго определено законом [7, с. 25]. Подобный аргумент обосновывается тем, что содержание права аренды обуславливается соглашением сторон и потому право арендатора может составлять самый разный перечень правомочий. Однако при рассмотрении вопроса о том, какие правомочия в действительности могут быть установлены самим договором, мы видим, что таковыми с позиции противников вещной природы аренды являются лишь субаренда и перенаем [6, с. 456]. На данный тезис следует возразить тем, что в соответствии с п. 2 ст. 615 ГК РФ возможность арендатора осуществить субаренду или перенаем существует всегда, и для её реализации нет необходимости специально прописывать данное правомочие в договоре [2]. В законодательстве КНР, в свою очередь, также нет каких-либо правомочий арендатора, наличие которых исключительно бы зависело от их фиксации в договоре. Необходимо упомянуть также о том, что в соответствии со ст. 224 закона КНР «О договорах» субаренда производится с согласия арендодателя и никаких отдельных упоминаний в договоре об этом не требуется. Потому следует заключить, что аренда как в России, так и в Китае соответствует признаку *numerus clausus*.

Далее стоит упомянуть о том, каковы могут быть последствия признания аренды вещным правом. Во-первых, у арендатора должна будет появиться возможность защитить свое право с помощью вещных исков. Во-вторых, должно будет появиться свойство «следования», выражающееся в том, что правомочия арендатора будут сохраняться при смене собственника арендуемого имущества. Парадокс российского правопорядка заключается в том, что упомянутыми двумя свойствами право арендатора в полной мере обладает, хотя с позиции закона, как уже было отмечено ранее, аренда вещным правом не является. Так, в соответствии со ст. 305 ГК РФ виндикационный и негаторный иски могут быть заявлены лицом, владеющим вещью на основании договора [1]. В свою очередь ст. 617 ГК РФ закрепляет, что аренда сохраняется при смене собственника. В китайском правопорядке при смене собственника арендуемого имущества правомочия арендатора также сохраняются и согласно ст. 229 Закона КНР «О договорах» переход права собственности на предмет аренды к другому лицу не затрагивает действительности договора аренды. Более детального рассмотрения заслуживает вопрос о наличии в Китае защиты права арендатора с помощью вещных способов защиты. Согласно ст. 32 Закона КНР «О вещных правах» защититься с помощью вещных исков в судебном порядке может только правообладатель, а таковым по смыслу ст. 2 Закона КНР «О вещных правах» являются собственник, usufructуарий, залогодержатель и ретентор [3]. Следовательно, арендатор не может защититься от посягательств с помощью вещных исков.

Далее стоит проанализировать то, как упомянутые последствия признания права аренды вещным правом критикуются сторонниками обязательственной природы аренды. Так, Е. А. Суханов указывал, что возможность арендатора использовать вещные способы защиты своих прав является наследием советского гражданского законодательства, когда все имущество организаций на праве собственности принадлежало государству, потому существовала необходимость в наде-

лении вещными исками арендатора [7, с. 35]. Наличие у права аренды свойства следования профессором Е. А. Сухановым объясняется так же, как и наличие у арендатора защиты своего права вещными исками, и им вдобавок указывается, что наличие следования «уничтожает» право собственности [8]. Из утверждений Е. А. Суханова становится ясным, что стоит отказаться и от вещной защиты арендатора, и от свойства следования аренды. Автор настоящей статьи, в свою очередь, рискнет не согласиться с корифеем современной российской цивилистики. Отказ от возможности заявить вещный иск арендатором повлечет его беззащитность перед разного рода посягательствами, арендатору потребуется обращаться к собственнику с просьбой предпринять меры для защиты арендуемого имущества и надеяться на наличие заинтересованности.

На основании вышеизложенного, мы приходим к следующим выводам. В Российской Федерации право аренды является полноценным вещным правом. В Китайской Народной Республике право аренды обладает такими признаками «вещности», как свойство «следования» и закрытость правомочий арендатора в отношении вещи, однако назвать его полноценным вещным правом не представляется возможным. Следует признать за арендатором возможность защититься вещными исками в целях совершенствования института аренды и обеспечения охраны правомочий арендатора в Китае.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации Ч. 1: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: по состоянию на 1 мая 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — М., 2005–2018. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&intelsearch=> (28.05.2018).
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации Ч. 2: федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [по состоянию на 1 мая 2018 г.] [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — М., 2005–2018. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&intelsearch=> (28.05.2018).
3. О вещных правах: закон КНР от 16 марта 2007 г.: [по состоянию на 1 мая 2018 г.] [Электронный ресурс] // Законодательство Китая. — М., 2008–2018. — URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right (28.05.2018).
4. О договорах: закон КНР от 15 марта 1999 г.: [по состоянию на 1 мая 2018 г.] // Законодательство Китая [Электронный ресурс]. — М., 2008–2018. — URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_contract (дата обращения: 28.05.2018).
5. Гражданское право. В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник / отв. ред. Е. А. Суханова. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 496 с.
6. Гражданское право. В 4 т. Т. 3/ Обязательственное право: учебник / отв. ред. Е. А. Суханова. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 496 с.
7. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут, 2017. — 560 с.
8. Аренда и ограниченные вещные права по проекту ГК РФ: материалы научного круглого стола Юридического института «М-Логос» по теме, 16 января 2014 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_logos_arend_a_i_ogranichennye_veshnye_prava_po_proektu_gk_rf_16_yanvarya_2014_g/ (дата обращения: 01.06.2018).

Правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве в Китае

© Л. Г. Елкибаева

аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Россия, г. Москва

E-mail: liliamg@mail.ru

В данной статье проанализирована правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве в Китае. В доктрине имеется спор об отнесении данного соглашения к гражданскому или административному договору, так как законодательно не закреплено положение о его правовой природе. Сделаны выводы о смешанной правовой природе соглашения о ГЧП, наличии в нем частных и публично-правовых элементов.

Ключевые слова: правовая природа соглашения, государственно-частное партнерство, Китай.

Государственно-частное партнерство (政府和社会资本合作 — дословно: сотрудничество государства и социального капитала) (далее — ГЧП) — это юридически оформленное долгосрочное сотрудничество государства и частного инвестора, в результате которого последний осу-

ществляет строительство и эксплуатацию объектов инфраструктуры. ГЧП является относительно новым явлением для социалистического Китая, так как предусматривает трансформацию функций китайского государства путем передачи части из них частному инвестору, который оказывает услуги и предоставляет товары населению, обеспечение которыми традиционно находилось в ведении органов государственной власти.

В июле 2015 года в КНР приняты на уровне министерств «Меры по управлению концессионными соглашениями в сфере инфраструктуры и государственных услуг» (далее — Меры по КС) [1], также имеется множество иных нормативных актов в сфере ГЧП. Однако на законодательном уровне не закреплена правовая природа соглашения о ГЧП, поэтому в китайской доктрине имеется спор об отнесении данных соглашений к гражданскому или административному праву.

Определение правовой природы соглашения о ГЧП имеет важное практическое значение в Китае. От этого, в частности, зависит, в порядке гражданского или административного судопроизводства будет рассматриваться дело при возникновении спора по соглашению. Если признать соглашение о ГЧП административным договором, то частный партнер может прибегнуть лишь к помощи административного судопроизводства. В таком случае частный партнер, по мнению Ху Сяо, будет слабой стороной, так как не сможет полноценно защитить свои права [2, 第 2 页]. Для административного процесса Китая характерна особенность, выражающаяся в том, что истцы чаще проигрывают дела ответчикам, на стороне которых выступают административные органы власти. Так, в последние годы ответчики проигрывали только 10% всех дел [2, 第 2 页].

В китайском гражданском судопроизводстве действует принцип состязательности сторон и его цель — достижение эффективности, а в административном судопроизводстве основная цель — определение правомерности действий государственных органов, поэтому процесс инквизиционный, так как заведует всем судья [7, p. 54].

Сторонники административно-правовой природы ГЧП выдвигают следующие основные аргументы: (1) одна из сторон соглашения — публичный орган власти; (2) цель соглашения — реализация публичного интереса, так как частный инвестор осуществляет строительство и эксплуатацию объекта инфраструктуры, который является объектом публичной собственности; (3) это договор субординации, по которому публичный партнер имеет административные права по соглашению, например, вправе осуществлять контроль за исполнением соглашения частным инвестором.

К тому же, отмечается, что административное судопроизводство лучше защитит права инвесторов в случае, например, смены власти, учитывая долгосрочность отношений ГЧП. Гражданское судопроизводство может разрешать не все вопросы, связанные с делом по ГЧП. Например, соглашение часто затрагивает вопросы городского планирования. Для этого необходимо привлекать третью сторону, то есть соответствующие государственные органы, поэтому удобнее прибегнуть к административному судопроизводству.

Сторонники гражданско-правовой природы соглашения ссылаются на то, что в законодательстве о ГЧП делается акцент на сотрудничестве и взаимовыгодности соглашения, а также на равенстве сторон соглашения, что характерно для гражданского права. Так ст. 4 вышеуказанных Мер по КС указывает на такие принципы как взаимовыгодность соглашения, защита законных интересов инвестора и укрепление договорного сотрудничества государства с социальным капиталом.

Представитель судебного отдела Министерства Финансов Чжоу Динг Сонг приводит пример одной из самых распространенных форм институционального ГЧП в КНР — создание совместной компании государством и частным инвестором, которое регулируется гражданско-правовым договором [5, 第 1 页]. Отнесение ГЧП к гражданско-правовому договору положительно, так как в административном судопроизводстве не во всех случаях предусмотрена возможность арбитражного рассмотрения дела. К тому же, это способствует привлечению инвестиций, так как в гражданском судопроизводстве права инвесторов лучше защищены. Однако административное судопроизводство активно развивается и поэтому возможно, что будет применяться именно оно [5, 第 1 页].

Ванг Чонг Ли считает, что соглашение о ГЧП имеет как частную, так и публичную природу, однако, по его мнению, необходимо закрепить частно-правовую природу, так как это в большей степени защитит права социального капитала при проведении конкурсного отбора, определении платы по соглашению, осуществлении публичным партнером контроля и при разрешении спора [3, 第 32 页]. Также Ванг Чонг Ли, проанализировав выведенные в доктрине основные риски по

ГЧП соглашению, пришел к выводу, что большая часть при их наступлении влечет гражданско-правовую ответственность [3, 第 10 页].

Данный автор считает, что в случае возникновения споров, когда частный инвестор возражает против административных действий публичного партнера на этапе отбора проекта и конкурсного отбора частного партнера, тогда безусловно должно применяться административное судопроизводство [3, 第 32 页]. В случае же возникновения споров на этапе реализации соглашения — рассматривать их в порядке гражданского судопроизводства.

Такая позиция, предусматривающая гибкое рассмотрение соглашения о ГЧП, наиболее распространенная. Использование гражданского или административного судопроизводства для разрешения дела зависит от содержания спора. Если спор касается утверждения и одобрения проекта государством и других вопросов государственной политики и действий, то его необходимо рассматривать в порядке административного судопроизводства, а если касается подписания, исполнения, изменения договора, то в порядке гражданского судопроизводства (в том числе арбитража).

Вышеназванный подход применяется и в отношении закупок товаров для государственных нужд. Так, в отношении контрактов в сфере закупок для государственных нужд имеются два вида споров: (1) возникающие до заключения договора, касающиеся оспаривания результатов конкурса по отбору подрядчика, споры о нарушении конкуренции, которые рассматриваются в порядке административного судопроизводства; (2) все остальные споры, вытекающие непосредственно из договора, являются арбитрабельными, то есть могут разрешаться в третейском суде [7, p. 143].

В п. 11 ст. 12 Закона КНР «Об административном судопроизводстве» указано, что споры, вытекающие из исков граждан или юридических лиц к действиям государственных органов или организаций в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения концессионного соглашения, разрешаются Народным судом [8, 第 12 条]. Также ст. 51 Мер по КС указывает на то, что частный инвестор может обратиться для защиты своих прав к административному судопроизводству для оспаривания действий публичного партнера.

В то же время, в разделе 20 Руководства по ГЧП соглашениям Министерства финансов КНР от 2014 г. указывается, что в случае невозможности досудебного урегулирования спора, стороны могут прибегнуть к третейскому суду или гражданскому судопроизводству, но не к административному судопроизводству, так как стороны равноправны [5, 第 20 节].

По юридической силе закон КНР об административном судопроизводстве стоит выше акта Министерства финансов. Поэтому для устранения коллизии необходимо в новом законе о ГЧП, необходимость принятия которого поддерживается в доктрине, закрепить положение о правовой природе соглашения.

Представляется, что в едином законе о ГЧП в КНР необходимо закрепить, как это сделано в п. 3 ст. 3 российского Федерального закона № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], что соглашение о ГЧП является гражданско-правовым договором. Это повысит инвестиционную привлекательность соглашений о ГЧП, так как лучше защитит права частных инвесторов.

Таким образом, в Китае ГЧП рассматривается как смешанный комплексный договор, включающий элементы гражданского и административного договора, сочетающий в себе частно-правовые и публично-правовые начала, который при возникновении споров может разрешаться в форме гражданского или административного судопроизводства, а также посредством обращения в третейский суд, в зависимости от существования спора.

Литература

1. «基础设施和公用事业特许经营管理办法»2015 年 4 月 25 日第 25 号[Electronic resource]. — Access: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbl/201504/t20150427_689396.html (accessed: 12.05.2018).
2. 胡潇潇 《试论 PPP 模式中政府特许经营合同的法律性质》 // 硕士学位论文. 2016. 天津大学.
3. 王崇立 《论 PPP 协议的私法属性及社会资本方利益保护》 // 硕士学位论文. 2016.
4. 关于规范政府和社会资本合作合同管理工作的通知 /财金 (2014)156 号 (附件: PPP 项目合同指南(试行)).
5. 我国 PPP 协议相关法律问题的探讨 — 人民法院报《理论周刊》第 362 期[Electronic resource]. — Access: http://rmfyb.chinacourt.org/paper/images/2017-08/30/05/2017083005_pdf.pdf (accessed: 02.05.2018).
6. 中华人民共和国行政诉讼法 // 1989 年 4 月 4 日第七届全国人民代表大会第二次会议通过.

7. Ching-Lang Lin «Arbitration in administrative contracts: comparative law perspective» // PhD thesis. 2014. France. 459 p.

8. О государственном-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 № 224-ФЗ // СЗ РФ. — 2015. — № 29 (ч. 1). — Ст. 4350.

Сравнительно-правовой анализ института компенсации за нарушение исключительных прав в Российской Федерации и Республике Сингапур

© *И. О. Ефремова, Ю. Д. Загвозкина*,
магистранты 1 года обучения Восточно-Сибирского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Россия, г. Иркутск
E-mail: rinaefremova@mail.ru, y.zagvozkina@mail.ru

Взыскание компенсации за нарушение исключительных прав — специфическая мера, применяемая к нарушителю исключительных прав, предусмотренная законодательством Российской Федерации. В статье проводится сравнительный анализ норм, регулирующих взыскание компенсации за нарушение исключительных прав в правовых системах современных России и Сингапура.

Ключевые слова: компенсация за нарушения исключительного права, интеллектуальная собственность, товарный знак, смежные права, авторское право.

Исследователи отмечают, что вопрос применения института компенсации в области защиты интеллектуальных прав до настоящего времени является дискуссионным, несмотря на то, что некоторые проблемные моменты осветил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13.12.2016 № 28-П [7]. Прообразом указанного института интеллектуального права в законодательстве Российской Федерации является институт статутных убытков, возникший в XVIII в. в правовой семье общего права. Правовая система Сингапура входит в состав англосаксонской правовой семьи, о чем свидетельствует статья 2 Конституции Республики Сингапур 1965 года [1]. Закон Республики Сингапур «Об авторском праве» 1987 года в ст. 119 и Закон Республики Сингапур «О товарных знаках» 1998 года в ст. 31 закрепляют статутные убытки, которые должно выплатить лицо, нарушившее чье-либо авторское право, а также право на товарный знак [2, 3].

В Российской Федерации компенсация за нарушение исключительных прав предусмотрена в качестве специальной меры ответственности ст. 1301, 1311, 1515 ГК РФ [5]. В соответствии с указанными нормами, правообладатель в случае нарушения исключительного права, наряду с общими способами защиты и мерами ответственности, установленными ст. ст. 1250, 1252 и 1253 Гражданского кодекса Российской Федерации, вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: (1) в размере от 10 000 рублей до 5 миллионов рублей. В данном случае размер компенсации определяется судом с учетом характера нарушений; (2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения, контрафактных экземплярах фонограммы, товаров, на которых незаконно размещен товарный знак; (3) в двукратном размере стоимости права использования произведения, права использования объекта смежных прав, товарного знака. Данный размер определяется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование исключительных прав тем способом, который использовал нарушитель или за правомерное использование товарного знака [5].

Таким образом, правообладатель вправе использовать компенсацию в качестве меры ответственности за нарушение своих прав только в случае, если нарушено исключительное право на произведение, на объект смежных прав, а также право на товарный знак. По смыслу п. 3 ст. 1252 ГК РФ компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения, при этом правообладатель освобожден законом от бремени доказывания размера причиненных ему убытков. При этом в случае, если права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации за нарушение прав на них с учетом характера и последствий нарушения может быть снижен судом ниже пределов, но не может составлять менее 50 % суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения [5].

Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» решил, что указанные нормы не соответствуют ст. ст. 17, 19, 34 Конституции Российской Федерации, в той мере, в которой не позволяют судам при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить общий размер ниже минимального предела, если размер подлежащей выплате компенсации многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков, исчисленных с разумной степенью достоверности и если обстоятельства дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено впервые и использование чужих объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью деятельности и не носило грубый характер [7].

С учетом положений Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 № 28-П в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Правительством Российской Федерации внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающий возможность снижения судом общего размера компенсации ниже низшего предела в случае нарушения одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, но не менее суммы минимального размера компенсации за одно допущенное нарушение [6].

Исследователями отмечается, что правовая природа такого вида компенсации является штрафной, однако суды, игнорируя Постановление Конституционного Суда Российской Федерации, придают такой компенсации восстановительный характер, указывая на возможность несения правообладателем убытков, а также недопущение обогащения правообладателя за счет компенсационных исков, часто излишне учитывая интересы правонарушителей [8, с. 22].

Взыскание компенсации как способ защиты авторских прав и прав на товарный знак предусматривается нормами законодательства Республики Сингапур. Такая компенсация в странах общего права называется статутными убытками («statutory damages») [9, с. 117]. По своей юридической природе статутные убытки — это фактически компенсация за нарушение авторских прав [4, стр. 156]. Так как Сингапур принадлежит к числу стран, входящих в правовую семью общего права нормы о статутных убытках содержат Закон «Об авторском праве» 1987 года и Закон «О товарных знаках» 1998 года.

Ст. 119 (2)(d) Закона «Об авторском праве» устанавливает право истца потребовать вместо возмещения убытков компенсацию в размере не более \$100 000 за каждое нарушение исключительного права на произведение, но не более \$200 000 за все нарушения, если истец не докажет, что фактические убытки от нарушения исключительных прав превышает \$200 000 [2].

Ст. 31 (5)(с) Закона «О товарных знаках» предусмотрен похожий механизм взыскания компенсации в случае нарушения права на товарный знак: не более \$100 000 за каждый товар или услугу, реализуемых под товарным знаком, принадлежащим истцу, но не более \$1 000 000 за все нарушения, если истец не докажет, что фактические убытки от нарушений превышают \$1 000 000 [3].

Сравнивая институт компенсации за нарушение исключительных прав и в Российской Федерации и Республике Сингапур, можно сделать вывод о том, что законодательствами указанных стран установлены различные меры ответственности правонарушителей: в России — это нижний и верхний предел за одно нарушение, нижний предел для общего размера компенсации за несколько нарушений; в Сингапуре — верхний предел компенсации за одно нарушение и верхний предел для общей компенсации за несколько нарушений в отношении одного правообладателя. Ученые отмечают, что установление ограничивающего верхнего порога ответственности за нарушение исключительных прав в законодательстве Российской Федерации (например, В. В. Старженецкий предлагает установить порог до 10 000 000 рублей для юридических лиц и 1 000 000 рублей — для физических) позволит ожидать определенных результатов от рассмотрения судом спора, а также исключить злоупотребление правом со стороны правообладателя [9, с. 146].

Также законодательством Сингапура предусмотрена обязанность истца доказывать размер причиненных убытков, если убытки превышают \$200 000 в случае нарушения исключительных прав и \$1 000 000 в случае нарушения прав на товарные знаки. Российским законодательством

доказывание истцом размера причиненных убытков не предусмотрено. Представляется, что с установлением верхнего порога ответственности правонарушителя за нарушение исключительных прав и прав на товарные знаки, разумно будет предусмотреть обязанность доказывания истцом убытков, превышающих установленный порог.

Наличие проблем применения норм, регулирующих взыскание компенсации за нарушение исключительного права в Российской Федерации и неспособность законодателя оперативно отреагировать на необходимость внесения изменений в нормативно-правовые акты, заставляют задуматься о возможности применения зарубежного опыта регулирования аналогичных мер ответственности, в частности, Республики Сингапур.

Литература

1. Constitution of the Republic of Singapore (Original Enactment: S 1/63) [Электронный ресурс] // Сайт: Singapore Statutes OnlinePlus. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CONS1963> (дата посещения: 28.04.2018).
2. Copyright Act (Chapter 63) (Original Enactment: Act 2 of 1987), revised edition, 31st January 2006 [Электронный ресурс] // Singapore Statutes OnlinePlus. — URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CA1987> (дата обращения: 28.04.2018).
3. Trademarks act (Chapter 332) (Original Enactment: Act 46 of 1998) revised edition, 31st July 2005 // [Электронный ресурс] // Singapore Statutes OnlinePlus. — URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/TMA1998> (дата обращения: 28.04.2018).
2. Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: монография. — М.: Юстицинформ, 2017. — 212 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 14.11.2017) // СПС КонсультантПлюс.
4. О внесении изменения в статью 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации: проект Федерального закона № 198171-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 11.10.2017) // СПС КонсультантПлюс.
5. По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 130, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016. № 28-П // СПС КонсультантПлюс.
6. Смирнова Е. А., Шишанова А. А. Проблемы определения размера компенсации за нарушение исключительного права // ИС. Промышленная собственность. — 2018. — № 3. — С. 13–24.
7. Старженецкий В. В. Статутные убытки в праве интеллектуальной собственности РФ: эволюция и актуальные проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 10. — С. 116–147.

Основания, защита и осуществление гражданских правоотношений: сравнительный анализ гражданских кодексов России и Монголии

© *Ж. Т. Жамбалова, В. И. Калашикова, А. С. Петрова*
студентки 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Zhambalova-zhargalma@mail.ru, kvikai@mail.ru, anastasiapetrova.anastasia@yandex.ru

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ оснований, защиты и способов реализации гражданских правоотношений на основе гражданских кодексов России и Монголии. Подавляющая часть общественных отношений является именно гражданскими, поэтому для физических и юридических лиц важно понимать, когда отношения возникают, как реализуются и какими способами можно защитить свои права и интересы. Сравнительно-правовой анализ с гражданским законом Монголии позволяет более объективно посмотреть на статьи Гражданского кодекса России, найти схожие и отличительные черты, анализ которых способствует более глубокому пониманию сущности гражданских правоотношений и выявлению новых путей развития гражданского права в целом.

Ключевые слова: гражданское право; Гражданский закон Монголии; гражданское правоотношение; самозащита.

В научной среде гражданского права часто возникают дискуссии на тему того, что же является гражданскими правоотношениями. Согласно мнению Е. А. Суханова гражданское правоотношение — это идеологическое отношение, существующее в форме юридической связи равных, имущественно и организационно обособленных субъектов имущественных и личных неимуще-

ственных отношений, выражающейся в наличии у них субъективных прав и обязанностей, обеспеченных возможностью применения к их нарушителям государственно-принудительных мер имущественного характера [5, с. 118]. Гражданские правоотношения составляют важную часть жизнедеятельности человека, его взаимодействия с обществом. Физические и юридические лица, вступая в гражданские правоотношения, должны быть осведомлены с какого момента они возникают, в каком порядке могут быть изменены или прекращены, каким образом можно защитить нарушенные права и законные интересы и др. В данной статье мы проведем сравнительный анализ оснований и способов защиты гражданских правоотношений, предусмотренных гражданскими кодексами России и Монголии.

В первую очередь стоит изучить основания возникновения гражданских прав и обязанностей. В целом основания, перечисленные в статье 8 Гражданского кодекса России и статьи 8 Гражданского кодекса Монголии очень схожи. Законодатели закрепляют в качестве оснований как сделки, предусмотренные законом и не предусмотренные законом, но не противоречащие ему; судебные решения; деликт; неосновательное обогащение; события, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий и др.

Однако имеются и различия. Перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей граждан, приведенный в ГК РФ и Монголии, не совпадает, в российском кодексе он шире. Так, пункт 1 о сделках законодателем дополнен подпунктом 1.1, который предусматривает возможность возникновения гражданских правоотношений в случаях, предусмотренных законом, из решений собраний. Также в кодексе РФ предусмотрено основание, которого нет в кодексе Монголии, а именно «в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом». Тем самым российский законодатель акцентирует внимание на том, что гражданские правоотношения по большей части носят имущественный характер.

Не всегда содержание пунктов ст. 8 Гражданского кодекса Монголии совпадает с пунктами аналогичной статьи ГК РФ. Если ГК Монголии закрепляет основание возникновения гражданских прав и обязанностей в виде административного решения, то в России — в виде актов государственных органов и органов местного самоуправления. По нашему мнению, содержание понятия «актов государственных органов и органов местного самоуправления» шире по своему значению, чем «административное решение», так как принятие последних является полномочием преимущественно субъектов исполнительной власти.

Как следует из анализа статей ГК РФ и Монголии, содержащиеся в них перечни оснований возникновения прав и обязанностей граждан неограниченны. Однако кодекс государства-соседа предусматривает возможность возникновения гражданских правоотношений по «иным основаниям», но лишь указанным в законе. ГК РФ более демократичен и допускает в качестве оснований — иные действия граждан и юридических лиц. Бесспорно, российский законодатель понимает под основаниями возникновения гражданских правоотношений более широкий спектр обстоятельств, действий субъектов, в том числе, которые не предусмотрены законом.

Осуществление гражданского права — это совершение действий, составляющих содержание данного субъективного права; осуществить гражданское право — значит воспользоваться возможностями, входящими в содержание этого права [3, с. 81]. Законодательством России и Монголии институт прав и обязанностей в гражданских правоотношениях регулируется схожими, по своему содержанию, нормами, но отличия, безусловно, присутствуют.

Согласно ГК РФ (ст. 9, 10) и ГК Монголии (ст. 13) граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. В то же время в ГК России указанное положение конкретизировано. В части 2 статьи 9 указано, что отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Если ГК Монголии уточняет пределы осуществления гражданских прав и обязанностей путем установления запрета осуществлять действия, противоречащие закону или прямо не указанные в законе, «причиняющие вред другим», а также «безосновательно, ограничивающие свободу рыночных отношений, злоупотребление правом», то в российском кодексе этому вопросу полностью посвящена статья 10. В ней также установлено аналогичное правило и употребляются термины, использованные в монгольском законе. Однако этим терминам дается определение.

Так, указанная норма признает недопустимым злоупотреблять правом, т.е. осуществлять гражданские права исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действовать в обход закона с противоправной целью, либо допускать иное заведомо недобросовестное осу-

ществление гражданских прав. Не допускается также использовать гражданские права в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. В случае несоблюдения этих требований, судебные органы с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления могут отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применить иные меры, предусмотренные законом. Если же злоупотребление правом выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью, так же применяются вышеуказанные последствия, поскольку иные меры не установлены Кодексом РФ.

Оба кодекса закрепляют принцип добросовестности осуществления гражданских прав, только в различных формах. ГК Монголии (ст. 13.1) прямо указывает на то, что участники гражданских правоотношений должны добросовестно исполнять предусмотренные законами и договорами права и обязанности. По ГК РФ: «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

Согласно монгольскому праву в том случае, если участники гражданских правоотношений злоупотребили правом, то они за это несут ответственность. В кодексе России отсутствует такое правило, но это не исключает возможности привлечения нарушителей к ответственности. Как указывалось ранее, злоупотребление правом может влечь отказ суда в защите принадлежащего лицу права полностью или частично, а также применение иных мер, предусмотренных законом. К тому же, «если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков».

В содержание любого субъективного права входит правомочие на защиту права [3, с. 93]. Статья 9 Гражданского кодекса Монголии предусматривает следующие способы защиты: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право; присуждение к исполнению обязанности; возмещение ущерба; компенсация неимущественного (морального) вреда; взыскание неустойки по закону и договору; признание недействительным решения, нарушающего права других; прекращение или изменение гражданских правоотношений; самозащита права; иные способы, предусмотренные законом. Российский Гражданский кодекс ко всему вышеперечисленному выделяет еще такие способы как признание недействительными сделки, решения собрания и акта государственного органа или органа местного самоуправления.

Особое внимание стоит уделить институту самозащиты. В Гражданском кодексе Монголии предусмотрены статьи, регулирующие необходимую оборону (самозащиту) и самозащиту. Статья 10 Кодекса гласит, что необходимая оборона (самозащита) — это действия соразмерные конкретной обстановке и совершенные для защиты от незаконных посягательств на данную личность, другие лица и имущество. Согласно этой статье лицо, применившее самозащиту не несёт ответственности по ущербу, возникшему в результате действий по необходимой обороне.

В Гражданском кодексе России отсутствует понятие «необходимая оборона» как способа защиты нарушенных прав. Однако согласно статье 45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в России гарантируется и помимо государственной защиты каждому предоставляется право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Статья 1066 Гражданского кодекса РФ говорит, что не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы, однако не дается ни определения, ни основных особенностей необходимой обороны. В Гражданском кодексе РФ, имеются правила, косвенно свидетельствующие о возможности применения необходимой обороны в гражданско-правовых отношениях [4, с. 67]. «Причинение вреда в состоянии крайней необходимости» во многом совпадает с понятием ГК Монголии в ст. 11 «действия, совершенные в результате безвыходного положения». В ст. 11.1 Гражданского Закона Монголии, законодатель дает определение действиям, совершенным в результате безвыходного положения — действия (или воздержание от них) с целью пресечения или предупреждения опасности, если в данных конкретных условиях не было другой возможности избежать её.

В Гражданском кодексе Монголии в статье 12 предусмотрено, что в случаях невозможности оперативно получить помощь компетентных органов и реализации своих прав без принятия неотложных мер или при возникновении серьёзных препятствий для реализации своих прав, участник гражданских правоотношений, защищая свои права и законные интересы, может в целях самозащиты и применительно к обстановке осуществлять захват, уничтожение или порчу имущества, задерживать исполнителя, могущего сбежать, пресекать действия, направленные против правомочных действий ответственных лиц. При этом, все эти действия не будут считаться незаконными.

ми, если, конечно, они не превышают пределы, соответствующие данной обстановке. Если же эти действия были совершены по ошибке или с превышением необходимых пределов, то лицо несёт ответственность.

В статье 12 Гражданского кодекса РФ закрепляются способы защиты гражданских прав, одним из которых является самозащита. Однако Кодекс не раскрывает понятия этого института. Е. А. Суханов под самозащитой гражданских прав понимает совершение управомоченным лицом не запрещенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав или интересов, интересов и прав других лиц и государств. [5, с. 134]. В статье 14 Гражданского кодекса РФ дается краткое пояснение, которое расширяет возможности для правомерной защиты. Из неё вытекает, что для освобождения от ответственности за причинение вреда при самозащите достаточно соблюдения трёх условий: 1) лицо, самостоятельно защищающее свое право, является бесспорным его обладателем; 2) избранным лицом способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению; 3) способы самозащиты не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Отсутствие хотя бы одного из этих условий порождает у лица, против которого применяется самозащита, право на возмещение причиненных убытков [6, с. 276].

Одним из способов самозащиты гражданских прав считается необходимая оборона. В этом случае причиненный вред не подлежит возмещению ущерба, если не были нарушены пределы самозащиты (ст. 1066 ГК РФ). Таким образом, необходимой обороной признаются такие меры защиты прав, которые причиняют ущерб их нарушителю, однако не влекут обязанности обороняющегося по его возмещению, вследствие того, что признаются правомерными (допустимыми).

Другим способом самозащиты гражданских прав являются действия лица в условиях крайней необходимости, т.е. действия, принимаемые лицом с целью ликвидации опасности, грозящей ему самому либо иным лицам, если эта угроза не могла быть ликвидирована другими средствами (ст. 1067 ГК РФ). Таким образом, самозащита — это один из способов защиты гражданских прав. Для него характерно то, что субъект гражданского права защищает себя собственными действиями. По сравнению с другими средствами защиты это защита без обращения в суд или иной орган, осуществляющий защиту гражданских прав.

Изучив институт основания, защиту и осуществление прав в гражданских правоотношениях, закрепленных в монгольском и российском правосистемах (правопорядках), можно подвести итоги. Законодательство Монголии и России в осуществление гражданских прав во многом совпадает. Близость гражданских кодексов России и Монголии объясняется тем, что советское право оказало непосредственное влияние на становление системы монгольского права. Нельзя отрицать, что под влиянием идей социалистического права формировалось и функционировало монгольское право. Однако данное явление не исключает наличие особенностей и отличий гражданских правоотношений как в России, так и в Монголии. Самым ярким отличием является отдельная статья о пределах осуществления гражданских прав, которого в Гражданском кодексе Монголии не существует. Некоторые основания возникновения гражданских правоотношений в ГК Монголии имеют более узкую направленность, как, например, административные решения. Но в законе государства-соседа дается более точное определение некоторых терминов, например, крайняя необходимость.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ //СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский Закон Монголии от 10.01.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 26.06.2018).
3. Гражданское право: учебник в 2 томах / С. С. Алексеев [и др.]; под ред. Б. М. Гонгалов. — М.: Статут, 2016. — Т. 1 — 511 с.
4. Ерохина Е. В., Киржанова Т. В. Необходимая оборона и крайняя необходимость как способы самозащиты гражданских прав // Наука и инновации в XXI веке: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (12 декабря 2017 г.). — Пенза, 2017. — С. 66–69.
5. Суханов Е. А., Ем В. С., Зенин И. А. Гражданское право: учебник в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2016. — Т. 1. — 958 с.
6. Шальманов Д. А., Савенков А. А. К вопросу о самозащите в гражданском праве // Юридическая наука и практика. — 2016. — № 2. — С. 275–277.

Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей: сравнительный анализ законодательства Китайской Народной Республики и Российской Федерации

© *Жэнь Линлин*

преподаватель Маньчжурского института
Университета Внутренней Монголии
Китай, г. Маньчжурия
E-mail: rll1015@yandex.ru

В статье путем использования метода сравнения рассматриваются обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей в КНР и России. В ходе исследования внесены предложения по повышению эффективности данного института.

Ключевые слова: обязанности, содержание родителей, совершеннолетние дети.

Как в Китайской Народной Республике, так и в Российской Федерации существует правовое регулирование содержания нетрудоспособных родителей их совершеннолетними детьми. Данный институт находится в непосредственной связи с демографической ситуацией в конкретной стране. Сходство демографических проблем и в Китае, и в России заключается в том, что в последние годы в обеих странах имеет место изменение пропорции молодых и пожилых людей в виде возрастания количества пожилых людей по отношению к количеству молодых людей. Правоприменительный опыт Китая и России по разработке и реализации семейной политики, может помочь в решении проблем, связанных с обязанностями совершеннолетних детей по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей.

Автор настоящей статьи, используя метод сравнения правового регулирования и правоприменительного опыта двух стран, вносит предложения по улучшению эффективности института обязанности совершеннолетних детей по содержанию нетрудоспособных родителей. Особое внимание было уделено двум аспектам исследования. Во-первых, сделан краткий обзор политики поддержки совершеннолетними детьми своих родителей в Китае и России. Во-вторых, осуществлен сравнительный анализ законодательства и правоприменительной практики двух стран в сфере поддержки детьми своих нуждающихся родителей.

Во всех странах мира старение населения становится обычным явлением. С увеличением числа пожилых людей проблема предоставления им материального обеспечения становится все более заметной. Самой серьезной проблемой в XXI веке является проблема глобального старения. По словам Питера Петерсона, огромный дисбаланс между молодым и пожилым населением влечет высокие экономические и социальные издержки. Если страна не будет полностью подготовлена к регулированию последствий указанного дисбаланса, этого будет достаточно, чтобы самое богатое развитое государство находилось в состоянии краха [1, с. 363]. В шестой переписи населения Китая в 2010 году доля людей в возрасте 65 лет и старше равнялась 8,87%. В 2015 же году доля людей в возрасте старше 60 лет составила 221 млн человек, что равняется 16% от общей численности населения. В начале 2010 г., по данным Росстата, почти каждый восьмой россиянин, то есть 12,9% жителей страны, находился в возрасте 65 лет и более [2]. В перспективе масштабы старения населения России приобретут еще больший характер. Так, согласно официальному демографическому прогнозу в 2030 г. доля населения в возрасте 65 лет и более возрастет до 18% (по наиболее оптимистическому варианту роста общей численности жителей России) и до 19,4% (при пессимистическом варианте) [3]. Бремя ухода за пожилыми членами семьи обычно ложится на плечи других более молодых членов семьи в ситуациях, когда пожилые люди болеют, имеют ограниченную мобильность и не имеют стабильного источника средств к существованию. Большинство пожилых людей также сами в свою очередь оказывают семейную помощь по поддержке престарелых людей.

Исторически система поддержки пожилых людей в Китае в основном представлена системой поддержки пожилых людей более молодыми членами их семей. Система поддержки пожилых членов семьи представлена методами поощрения и наказания. В статье исследователя Ван Юэшэн изучена история китайской системы поддержки престарелых членов семьи, выделены основные льготы в случае предоставления близкими родственниками материального обеспечения своим престарелым родным. Так, в случае надлежащего исполнения основными членами семьи обязанности по поддержке своих престарелых родных они могут быть освобождены от налогов и трудовой повинности. При наличии у государственного служащего престарелых родителей, бабки и

деда со стороны матери и отца, не имеющих в свою очередь близких родственников, способных осуществлять материальную поддержку, в частности братьев, сестер, дядь и тетей, государственным служащим разрешается или, наоборот, от государственных служащих требуют уйти в отставку в целях исполнения обязанности по поддержке престарелого члена семьи. Если у лица, отбывающего уголовное наказание, имеются престарелые родители, и лицо, отбывающее уголовное наказание, является единственным ребенком и у его родителей нет других близких родственников, которые могут оказать материальную поддержку, то такому лицу может быть смягчена мера наказания с целью обслуживания своих родителей. Поддержке престарелых родителей и наказанию за ее отсутствие всегда уделялось особое внимание в Китае. Принцип зависимости наследования имущества родителей от исполнения детьми обязанности по их содержанию в престарелом возрасте находит свое отражение в решениях судов, касающихся споров о семейном имуществе [4, с. 5–14]. Когда у государства нет возможности предоставить пожилым людям социальное обеспечение, используется механизм поддержки престарелых людей их совершеннолетними детьми.

В действующем китайском законодательстве четко указывается, что поддержка престарелых родителей является обязанностью их детей, а трудоспособные члены семьи должны заботиться о нетрудоспособных. В обязанности по оказанию помощи престарелым членам семьи входят, в частности, финансовая поддержка, уход за немощными и больными пожилыми людьми, моральная поддержка [5]. В действующем российском законодательстве также имеются аналогичные положения. Забота трудоспособных детей, достигших 18 лет, о своих нетрудоспособных родителях — конституционная обязанность детей. Обязанность совершеннолетних детей по содержанию родителей конкретизируется в статье 87 СК РФ, в соответствии с которой трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них.

Во многих семьях работающие члены семьи сталкиваются с недостаточностью времени для ухода за престарелыми членами своей семьи. Старики постепенно начинают жить в одиночестве или определяться в учреждения социального обеспечения. Исследователи Ян Цуйин и МаТао в своих статьях отмечают разницу в поддержке престарелых людей в развитых странах мира и в Китае [6, с. 81]. В развитых странах используется система социального обеспечения пенсионеров. Однако из-за растущего бремени социального обеспечения престарелых в последние годы указанные страны начали пропагандировать и подчеркивать обязанности совершеннолетних детей по поддержке нетрудоспособных родителей. Китай же, напротив, в последние годы взял на себя обязательства создать прочную социальную пенсионную систему, нивелирующую ресурсы семьи по поддержке ее нетрудоспособных нуждающихся членов. Однако в свете увеличивающейся проблемы ухода за пожилыми людьми вопрос об обязанностях совершеннолетних детей по поддержке нетрудоспособных родителей упоминается все чаще. Китай имеет сложившуюся с незапамятных времен культуру «почитания родителей». С древних времен пожилые родители получали материальную поддержку своих детей, что было непреложным правилом. Вместе с тем сложившийся вследствие влияния структуры и модели китайской семьи механизм поддержки нетрудоспособных родителей их детьми в современном Китае оброс множеством проблем. В случае, если муж и жена являются единственными детьми в своих семьях, они не освобождаются от обязанности по поддержке своих престарелых родителей, число которых может быть равно четырем. Для исполнения этой обязанности не имеет значения отсутствие экономических возможностей этих супругов. Не имеет значения низкое качество исполнения обязанности, обусловленное невысокими доходами супругов. Если у детей нет возможности исполнить обязанность по поддержке родителей, правительство и общественные организации должны в полной мере помочь решить эту проблему. Закон КНР «О защите прав и законных интересов пожилых людей» предусматривает семейную поддержку пожилых людей. Статья 5 указанного Закона гласит, что государство устанавливает многоуровневую систему социального обеспечения и постепенно повышает уровень защиты пожилых людей. Государство создает и совершенствует систему социального обслуживания пожилых лиц на основе поддержки на дому, поддержки на уровне микрорайона и поддержки на уровне государственных учреждений. Необходима популяризация добросердечного отношения к пожилым людям.

Относительно России, как правильно отметил М. В. Фирсов «“институт старцев” зарождался в рамках рода, семьи древних славян. С появлением древнерусского государства основные тенденции помощи пожилым людям были связаны с княжеской защитой и попечительством» [7].

За период с 1917 по 1922 г. государством была проделана большая работа по изданию нормативных актов по социальному обеспечению. Принятая в 1977 г. Конституция СССР закрепила право граждан СССР на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца. Более того, в Конституции устанавливались организационные и юридические гарантии осуществления этого права. Таким образом, на момент распада СССР сформировались практически все основные виды социального обеспечения граждан, которые продолжают развиваться в новой России с учетом изменившейся социально-экономической ситуации, новых социальных приоритетов, перспектив социального развития на ближайшие годы [8]. В настоящее время социальное страхование распространяется на все виды потери трудоспособности, включая пенсионное страхование.

Несмотря на то, что политика и правовые нормы, регулирующие поддержку пожилых людей в Китае и России различаются, можно извлечь ценный опыт из концепций развития законодательства о пожилых людях, политики в сфере поддержки пожилых лиц и проводимых в обоих государствах реформ, в особенности, этот опыт полезен для совершенствования законодательства КНР и РФ о поддержке престарелых родителей их детьми и эффективной защиты прав и интересов пожилых людей. Закон КНР «О защите прав и законных интересов пожилых людей» указывает, что поддержка родителей является обязанностью их детей и что поддержка пожилых лиц в основном обеспечивается их семьями. В течение долгого времени китайские граждане действительно несли на себе нагрузку по уходу за престарелыми родителями. Однако по мере того, как старение населения ускоряется, а количество детей в семье становится все меньше, способности защиты престарелых родителей становятся все слабее. Существует острая необходимость во вмешательстве государства в систему социального обеспечения пожилых людей. С позиции Закона КНР «О защите прав и законных интересов пожилых людей» и с учетом текущей ситуации в области ухода за пожилыми людьми в Китае, необходима новая многоуровневая модель ухода за пожилыми людьми, основанная на семейной поддержке, микрорайонной поддержке и государственной системе социального обеспечения. В будущем мы должны продолжить укрепление ответственности семей и детей за престарелых членов семьи. В век индустриализации и экономической глобализации сочетание общественной и семейной поддержки пожилых людей станет общей тенденцией. В законодательном массиве Китая мы должны закрепить культуру «почитания родителей». В современном обществе дети, поддерживающие пожилых родителей, нуждаются в правовом и моральном поощрении.

Литература

1. Попено Д. Социология. Изд. 11 / пер. Ли Цян. — Пекин: Изд-во Народного университета, 2007. — С. 363.
2. Проблема старения населения в России [Электронный ресурс] // Мировая экономика и международные отношения, 2012. — № 1. — С. 22–29. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/analit03.php>
3. Ван Юэшен. Сохранение функций поддержки престарелых членов семьи: исторический аспект, анализ права и политики. — Цзинань: Социология «Шаньдун», 2015. — № 5. — С. 5–14.
4. О браке: статья 21 Закона КНР, О защите прав и законных интересов пожилых людей: статьи 13–27 Закона КНР.
5. Ян Цюйин, МаТао, Международное сравнение политики и законодательства в сфере содержания нетрудоспособных родителей их совершеннолетними детьми и их влияние на Китай. *Social Security Studies*. — 2014. — № 5. — С. 81.
6. История отношения к проблеме старости и старения [Электронный ресурс]. — URL: http://studbooks.net/595152/sotsiologiya/istoriya_otnosheniya_probleme_starosti_stareniya. Загл. с экрана (дата обращения: 4.04.2018).
7. Генезис социальной работы в советский период [Электронный ресурс]. — URL: https://studref.com/355393/sotsiologiya/sotsialnoe_obespechenie_sovetskiy_period Загл. с экрана (дата обращения: 28.04.2018).

Правовое регулирование потребительского кредитования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© *О. Н. Косарев*

магистрант 1 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: kosarev_on@mail.ru

В статье анализируется история формирования рынка потребительского кредитования и его правовое регулирование в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Социалистическое прошлое во многом объединяет РФ и КНР, делая схожими многие тенденции развития банковских систем в этих странах. Не является исключением и потребительское кредитование, ставшее за минувшее десятилетие одним из важных источников роста экономик государств. Но увеличение объемов кредитования населения несет в себе определенные риски, с которыми только предстоит справиться.

Ключевые слова: Россия, Китай, кредит, потребительский кредит, правовое регулирование.

Потребительский кредит занимает особое место в сфере банковских услуг. За ним обращается преимущественное количество клиентов. Основная цель его состоит в необходимости получения денежных средств на удовлетворение определенных потребительских нужд с обязательным возвратом долга. В мировой практике эта форма сотрудничества физических лиц и кредитных организаций, банков имеет существенное влияние на экономику стран в целом. Данная услуга является удобной, доступной и помогает решить проблемы в семейном или личном бюджете. Главным условием является платежеспособность клиента, чтобы гарантировать возврат суммы займа в полном объеме с процентами.

Потребительское кредитование, явление для России далеко не новое. Поэтому, при модернизации системы правового регулирования потребительского кредитования нельзя не учитывать, что кредитование населения на потребительские нужды в нашей стране имеет достаточно длительную и богатую историю.

Глобальные изменения общественно-экономической жизни начала 1990-х не могли не затронуть сферу потребительского кредитования. Снижение уровня заработной платы, резкий рост цен на все виды товаров и услуг, увеличение безработицы и несоответствие законодательства новым экономическим реалиям привели к временному прекращению кредитования физических лиц.

На начало 1994 года в активах банков доля кредитов составляла около 50%, при этом доля потребительских кредитов, в большинстве своем носивших краткосрочный характер, составляла лишь 1%.

В период 1995–1998 гг. банки осуществляли кредитование физических лиц на условиях достаточно тяжелых для заемщиков.

Кредитные организации в процессе кредитования населения в большинстве случаев руководствовались правилами кредитования физических лиц, утвержденными Сбербанком России [11], которые носили общий характер и не учитывали грядущих социально-экономических изменений в жизни общества.

Сбербанк России в 1998 году приступил к кредитованию населения на неотложные нужды, что можно считать началом нового этапа развития потребительского кредитования в России.

Кризис 1998 года нанес серьезный ущерб системе потребительского кредитования и только в 2001–2002 гг. ситуация начала стабилизироваться. Это было связано с реализацией банком «Русский стандарт» программы, позволяющей приобрести вещь в кредит и расплатиться за нее в течение года.

В период 2003–2005 гг. объем выданных физическим лицам кредитов, ежегодно увеличивался на 80–95%. В период 2006–2007 гг. их объем составил 50–65%. На первое мая 2008 года объем выданных физическим лицам кредитов, составил 3,15 трлн рублей.

Динамичное развитие сферы потребительского кредитования, неуклонный рост задолженности населения по потребительским кредитам поставили вопрос о правовом регулировании данной сферы в разряд наиболее насущных проблем. В связи с этим в 2008 году на рассмотрение в Госдуму был внесен проект федерального закона «О потребительском кредите (займе)» [7].

Изначально предполагалось, что данный закон должен учесть исторический опыт и все современные тенденции правового регулирования в сфере потребительского кредитования в нашей

стране, а также использует положительный зарубежный опыт правового регулирования потребительского кредитования развитых стран.

Исторически первый закон о потребительском кредите был принят в США в 1968 году, им был Закон «О защите потребительского кредита» [12]. Чуть позже вслед за США последовали и страны Европы. Так в 1974 г в Великобритании был принят закон «О потребительском кредите» [13], ставший первым специальным актом, направленным на регулирование сферы потребительского кредитования в истории королевства.

Специальные законы для регулирования потребительского кредитования в настоящее время приняты в большинстве развитых стран мира. Данный институт за рубежом подвергнут достаточно подробной правовой регламентации, главной целью которой выступает защита и обеспечение прав заемщиков в отношениях с более «сильной» стороной — кредитной организацией, осуществляющей кредитование на профессиональной основе.

В странах социализма существовала одноступенчатая банковская система, которая в дальнейшем подверглась реформированию в связи с переходом к рыночной экономике. В России, как и в Китае, центральные банки являлись частью аппарата централизованного государственного управления. В этой связи банковские системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики имеют некоторые общие закономерности, несмотря на значительные различия в историческом и социокультурном развитии стран.

Руководящим актом правового регулирования кредитно-денежных отношений в КНР являются «Общие положения гражданского права КНР» 1986 года, закрепляющие в ст. 90 правило об охране законных кредитных отношений [10].

Потребительское кредитование в КНР регламентируют «Пробные правила регулирования компаний потребительского кредитования» вступившие в силу 01.01.2014 г. (далее — Правила), опубликованные в ноябре 2013 года Комиссией по регулированию банковской деятельности Китая [6]. Новые правила заменили одноименный документ 2009 г.

Компанией потребительского кредитования в соответствии с Правилами является созданная на территории КНР с разрешения Комиссии по регулированию банковской деятельности небанковская финансовая организация, которая занимается предоставлением физическим лицам на территории КНР мелких кредитов на потребительские нужды. Компании потребительского кредитования не вправе заниматься привлечением средств от населения.

В свою очередь, кредитами на потребительские нужды (потребительскими кредитами) в соответствии с Правилами являются выдаваемые заемщикам кредиты в любых потребительских целях, за исключением ипотечных кредитов и автокредитов.

Компании потребительского кредитования вправе: 1) выдавать физическим лицам кредиты на приобретение потребительских товаров длительного использования; 2) выдавать физическим лицам потребительские кредиты на обычные цели; 3) передавать права требования по потребительским кредитам; 4) привлекать займы от китайских финансовых организаций; 5) предоставлять займы другим китайским финансовым организациям; 6) выпускать финансовые облигации; 7) оказывать услуги консультирования и посреднические услуги в сфере потребительского кредитования; 8) реализовывать в качестве агента страховые продукты, связанные с потребительским кредитованием; 9) инвестировать денежные средства в ценные бумаги с фиксированным доходом; 10) вести другие виды деятельности, разрешенные КРБД.

Потребительские кредиты разделены на два вида: 1) кредиты на приобретение потребительских товаров длительного пользования; 2) потребительские кредиты на обычные цели. Кредиты на приобретение потребительских товаров длительного пользования (например, бытовой техники, электротехники и др.) выдаются только при посредничестве компании, осуществляющей реализацию потребительских товаров.

Потребительские кредиты на обычные цели могут выдаваться в целях туризма, проведения свадеб, образования, ремонта помещений и другие личные нужды. Данные кредиты предоставляются непосредственно заемщику. Компании потребительского кредитования вправе выдавать потребительские кредиты на обычные цели только тем заемщикам, которые ранее получили в данной компании кредит на приобретение потребительских товаров длительного пользования и погасили кредит в соответствии с условиями выдачи кредита.

Потребительское кредитование в Российской Федерации регламентируется законом «О потребительском кредите (займе)» от 21.12. 2013 № 353-ФЗ.

Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением потребительского кредита (займа) кредитной или некредитной финансовой организацией гражданам исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В то же время его нормы не применяются к отношениям, возникающим в связи с предоставлением потребительского кредита (займа), обязательства заемщика по которому обеспечены ипотекой.

Анализ закона «О потребительском кредите (займе)» показывает, что его положения направлены на урегулирование таких крупных блоков вопросов, как предоставление информации, связанной со сделкой потребительского кредитования; специальные требования к субъектному составу потребительского кредитования; заключение и исполнение договора потребительского кредита; меры государственного контроля и надзора за деятельностью по осуществлению потребительского кредитования.

Закон определил основные понятия, в том числе, понятие потребительского кредита (займа), профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, разделил условия договора потребительского кредита на общие и индивидуальные, установил новые правила об информировании заемщика кредитором, в частности, о полной стоимости кредита, обязал кредитора информировать заемщика о размере текущей задолженности и т.д.

Согласно п. 1 ст. 5 Закона договор потребительского кредита (займа) должен состоять из общих и индивидуальных условий, а также может содержать элементы других договоров (т.е. быть смешанным договором).

Общие условия договора потребительского кредита (займа) устанавливаются кредитором в одностороннем порядке в целях многократного применения, и не должны содержать обязанность заемщика заключать другие договоры либо пользоваться услугами кредитора или третьих лиц за плату. К общим условиям договора применяются правила ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения, которые не предусматривают согласования условий сторонами.

Иные условия договора потребительского кредита (займа), в отличие от общих, согласовываются кредитором и заемщиком в индивидуальном порядке. Индивидуальные условия договора перечислены в п. 9 ст. 5 Закона «О потребительском кредите займе».

К индивидуальным условиям относятся сумма кредита (займа), срок возврата кредита, срок действия договора, процентная ставка, валюта кредита и информация об определении ее курса, количестве, размер и периодичность платежей заемщика, порядок их изменения.

Принципиально важным является положение п. 21 ст. 5, в соответствии с которым размер неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение заемщиком обязательств по возврату потребительского кредита (займа) и (или) уплате процентов на сумму кредита (займа) не может превышать двадцати процентов годовых, если в соответствии с условиями договора на сумму кредита начисляются проценты за соответствующий период нарушения обязательств, или одной десятой процента от суммы просроченной задолженности за каждый день нарушения обязательств, если в соответствии с условиями договора проценты за соответствующий период нарушения обязательств не начисляются. Таким образом, штрафы и пени не могут превысить сумму основного долга заемщика.

В целом закон «О потребительском кредите (займе)» стал прогрессивным шагом российского законодательства, устранил ряд серьезных проблем в сфере потребительского кредитования и позволил сформировать достаточно комфортные правовые условия, что подтверждается статистикой, демонстрирующей достаточно активный рост.

По данным национального бюро кредитных историй в январе-августе 2017 года выдача потребительских кредитов в России выросла на 27% по сравнению с аналогичным периодом 2016 года до 9,94 млн единиц.

Тенденцию к росту демонстрирует рынок кредитования Китая. Наряду с ростом объемов банковского кредитования, которые за период с апреля по июнь 2018 года составляли 12.7% [15], наблюдается рост объемов потребительского кредитования [14].

Современный исторический этап характеризуется крайне непростой политической и экономической обстановкой. По сути, мир входит в период торговых войн. Многие внешние источники экономического роста России и Китая оказываются в зоне риска, что вынуждает руководство стран искать им альтернативу, в том числе и внутри своих государств.

В таких условиях логично полагать, что политика благоприятствования и поддержания комфортных правовых условий для рынка потребительского кредитования продолжится, несмотря на

риски, связанные с закредитованностью населения. Вполне возможно, что будет избрана иная, более осторожная стратегия и приняты меры к сдерживанию роста кредитной нагрузки на население и усилению контроля кредитной деятельности банков. Однако более вероятно дальнейшее совершенствование механизмов рефинансирования и других механизмов финансового оздоровления заемщиков.

Какая стратегия будет избрана и, какие это повлечет изменения в законодательстве стран, покажет время. Очевидно одно, работа над совершенствованием законодательства о потребительском кредитовании будет продолжена.

Литература

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга пятая: в 2 т. Т. 1 Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. — М.: Статут, 2011. — 736 с.
2. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. О договорах: закон Китайской Народной Республики 1999 года [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rosexpressnsk.ru/law_china5_18.htm; http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_contract/law_contract_p2ch12.
5. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
6. Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cbrc.gov.cn/english/index.html>.
7. О потребительском кредите (займе): федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (в ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. — 2013. — № 51. — Ст. 6673.
8. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 23.05.2018) // СЗ РФ. — 1996. — № 6. — Ст. 492.
9. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (в ред. от 14.11.2017) // СЗ РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4859.
10. Общих положений гражданского права КНР от 12.04.1986 (ред. от 28.08.2009) [Электронный ресурс]. — URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_general_principles_of_civil_law_revised_2009_russian.
11. Правила кредитования физических лиц учреждениями Сбербанка России от 10.07.1997 № 229-р // Финансовая газета. — 1997. — № 50, 51.
12. Consumer Credit Protection Act // PUBLIC LAW. — 1968. — 90–321. — Stat. 82.
13. Consumer Credit Act 1974 // URL: <http://www.crw.gov.uk/resources/consumercreditact1974.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
14. Trading Economics: Китай — Потребительский кредит [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/consumer-credit> (дата обращения: 26.06.2018).
15. Trading Economics: Китай — Рост банковского кредитования [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/loan-growth> (дата обращения: 26.06.2018).

Отдельные особенности патентования достижений генетики в России, США и Японии

© А. А. Ласточкина

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: anastasiya.lastochkina.98@mail.ru

Биотехнологии в настоящее время вызывают все больший интерес как с социальной, так и с экономической точки зрения. Подобное внимание к сфере биотехнологий сопряжено не только с той ролью, которая отводится ей в решении масштабных научных задач, но также с этическими, нравственными вопросами, а также с проблемами правового характера. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования предоставления патентно-правовой охраны биотехнологиям, анализируются нормы действующего законодательства в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Японии. Дается анализ статистических наблюдений в данной сфере в период с 1996–2017 гг. Автором раскрываются исторические и правовые аспекты данного явления, анализируется зарубежная судебная практика, ставится вопрос о необходимости разрешения проблемы на международном уровне.

Ключевые слова: биотехнологии, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), генетическая инженерия, гены, изобретательская активность, клонирование человека, патентный поиск, патентование, патентообладатели, патентоспособные объекты, Роспатент, трансгенное животное.

В последние десятилетия развитие биотехнологий, расширение рынка биотехнологической продукции, повышение спроса на нее входят в число государственных приоритетов во многих странах.

Статистическое наблюдений патентования в данной сфере показывает, что в России с 1996–2000 гг. число заявок в области биотехнологии и генной инженерии составило соответственно 9398 и 7249 против 2881 и 1872 в 1986–1990 гг. Свыше 45% данных заявок приходилось на долю заявителей США (соответственно 4129 и 3251), более 38% — стран Европейского Союза (3497 и 2645), примерно 9% — Японии (817 и 594). Подавляющая часть патентов (72,5%), выданных в 1994 — 1997 гг. в США, приходится на долю американских заявителей. На долю стран — членов ЕС — 14,5% выданных патентов, Японии — 7,5%.

Анализ изобретений в сфере патентования современных биотехнологий в РФ говорит о том, что патентная информация труднодоступна, поскольку материалы, которые содержатся на официальном сайте Роспатента, не приспособлены для полного и всестороннего анализа, поиск возможен лишь по трем параметрам: регистрационный номер, дата публикации, индекс Международной патентной классификации. Наиболее полный патентный поиск информации об изобретательской активности в сфере биотехнологии можно получить на официальном сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее — ВОИС).

В базах ВОИС на сегодняшний день содержится информация за 2000–2017 гг., согласно которой число патентных заявок на изобретения в Российской Федерации выросло на 45% и составило 41587 заявок против 28688 в 2000 г. При этом количество заявок, поданных российскими заявителями, увеличилось на 14,6% (26795 заявок против 23377 в 2000 г.). Если в 2000 г. на российских заявителей приходилось 81,5% от общего числа поданных заявок, то в 2016 г. только 64,4%.

В 2017 году российскими юридическими и физическими лицами было подано 22 777 заявки. Заявки, поданные иностранными компаниями, которые всегда были одним из драйверов рынка интеллектуальной собственности отражают спад изобретательности. Они подали в России на 7,5% меньше заявок, чем годом ранее — 13 677 штук. Доля иностранных заявителей в общем объеме заявок упала с 40% в 2014 году до 37% в 2017-м. Активнее всего обращались в Роспатент компании из США (3925 заявок), Германии (1536), Японии (1453), Китая (917) и Франции (887).

Следует отметить, что для России существует несколько особенностей относительно субъектного состава патентообладателей. Во-первых, по общему числу охранных документов, выданных Роспатентом, патенты, принадлежащие иностранным патентообладателям, почти в три раза превышает количество патентов, выданных российским заявителям. Во-вторых, большинство патентов на биотехнологии принадлежит государственным предприятиям, а совладельцем таких патентов выступает РФ.

Резкое увеличение заявок на патентование объектов генетического материала, вызвало недовольство у сообщества правоведов. Выступающие за признание биотехнологических объектов непатентоспособными, обосновывают свою точку зрения тем, что противоречащее нормам морали и этике использование модифицированных организмов способно оказать вредное воздействие на последующие поколения людей и нарушить экологическое равновесие Земли.

Данную точку зрения разделяют и защитники окружающей среды. Так, Иван Блоков, директор по программам Гринпис России считает, что распространение трансгенных растений, на основе которых изготавливаются генетически модифицированные продукты, подрывающие здоровье людей, нанесет непоправимый ущерб экосистемам.

Подобное внимание к сфере биотехнологий сопряжено не только с той ролью, которая отводится ей в решении масштабных научных задач, но также с этическими, нравственными вопросами, а также с проблемами правового характера. Как отмечает Ф. Г. Добжанский — «...зависимость выживания человечества от науки и технологии неуклонно возрастает» [1].

До конца XX в. патенты выдавались только на такие результаты генетической инженерии, как трансгенные микроорганизмы и трансгенные растения. Но после того, как в 1988 г. Гарвардскому колледжу был выдан первый патент на трансгенное животное — мышью, содержащих активированные онкогены, предназначенные для тестирования канцерогенов, стало очевидным, что следующим этапом в развитии науки генной инженерии будет создание трансгенного человека.

В этой связи возникла угроза нарушения базовых норм морали и нравственности, что в свою очередь повлекло разработку правовых норм, направленных на ограничение исследований в области генной инженерии.

Советом Европы в 1998 г. был принят Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ. Протокол содержит норму, согласно которой любое вмешательство, нацеленное на создание человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу, живому или умершему, запрещено.

Позднее, в 2005 г., была принята Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека, содержащая призыв к государствам-членам запретить все формы клонирования людей в той мере, в какой они не совместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни, а также принять меры, необходимые для запрещения использования методов генной инженерии.

В нашем государстве правовое регулирование генетических исследований, а также запрет клонирования человека в целом как виды исследовательской деятельности регулируется Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека». Однако существуют нормы, которые ограничивают именно возможности патентования результатов генной инженерии. В данном случае речь идет не о запрете какого-либо вида научной деятельности, а о невозможности приобретения имущественных прав на отдельные виды ее результатов.

Япония — один из крупнейших участников рынка прав интеллектуальной собственности. Патентная система страны Восходящего Солнца основывается на Законе «О патентах», содержащий в себе отказ в выдаче патентов на изобретения, способные причинять вред публичному порядку, добрым нравам и нормам морали [2], Законе «О полезных моделях» [3] и Законе «О промышленных образцах» [4].

Ограничения патентования объектов в области генной инженерии шире, чем понятие «клон человека». Помимо способов клонирования человека и его клона, не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека; использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях, а также результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали [5].

Законодательство США не ограничивает предмет, который может быть запатентован, наоборот, любой новый и полезный процесс, оборудование, способ производства или химическое соединение считаются патентоспособными. В США особенно патентоспособны терапевтические или хирургические методы лечения человека и животных и диагностические методы.

Начало патентования объектов, в том числе элементов человеческого тела было положено в 1903 г. Патентным ведомством США был выдан первый в мире патент на материал человеческого происхождения, а именно на гормон надпочечников — адреналин. Вслед за выдачей патента последовало судебное разбирательство, в котором истец оспаривал действительность патента, обосновывая это тем, что получение исключительных прав на использование чего-либо, созданного природой, а не человеком, незаконно. Однако суд, рассмотрев все материалы и выслушав доводы сторон, пришёл к выводу, что выделенные и очищенные вещества — это результат труда исследователей, а значит, соответствующие продукты могут быть запатентованы.

Согласно Европейской директиве «О правовой охране биотехнологических изобретений» человеческое тело на разных стадиях его формирования и развития, а также простое открытие одного из элементов человеческого тела, включая последовательность или частичную последовательность гена, не может быть объектом изобретения [7]. Однако, элемент, выделенный из человеческого тела или иным образом полученный при помощи технического способа, включая последовательность или частичную последовательность гена, может быть объектом изобретения, даже если его структура идентична структуре природного элемента.

При этом применение технического способа в процессе извлечении элемента человеческого тела из природной среды позволяет перейти ему из категории неохраноспособных открытий в категорию патентоспособных изобретений. Аналогичный подход применяется Патентным ведомством Японии.

Приведем ситуацию, ставшую наиболее актуальной в наше время. Американский союз гражданских свобод и Общественный патентный фонд обратился с иском к «Myriad Genetics», осуществляющая деятельность, направленную на генодиагностику ряда наследственных заболеваний

человека, а также проводившая исследования и анализ генов предрасположенности. Истцы утверждали, что патенты на человеческие гены нарушают первую поправку к Конституции США, а также патентное законодательство, поскольку являются продуктами природы, а значит, не могут быть запатентованы.

В начале 90-х гг. прошлого века специалисты «Myriad Genetics» подтвердили наличие взаимосвязи между мутациями в генах BRCA1 и BRCA2 (буквы «BR» и «CA» означают начальные слоги слов «breast» (грудь) и «cancer» (рак)), и повышением риска развития онкологических заболеваний у женщин, а именно: рака молочной железы и яичников. После чего компанией были запатентованы как сама последовательность ДНК, так и область диагностики отклонений в генах BRCA1 и BRCA2.

Данное дело дошло до Верховного суда США, который 13 июня 2013 г. вынес решение, согласно которому, естественная последовательность генов в ДНК является продуктом природы, а не человека и, следовательно, не может быть запатентована: «...гены и кодируемая ими информация не могут считаться патентоспособными объектами в соответствии с Законом «О патентах» США просто на том основании, что они были выделены из окружающего генетического материала...». Таким образом, несмотря на отсутствие в американском праве разграничения понятий «изобретение» и «открытие», Верховный суд США признал, что патент может быть получен на нечто, созданное или усовершенствованное человеком, но не на творение природы.

Проблема патентования достижений в области генной инженерии — это, в первую очередь, вопрос этического характера. Нормы морали и нравственности первичны по отношению к правовым, превалируют над ними. Кроме этого, необходимо соизмерять плюсы и минусы патентной системы охраны с учетом потребностей общества, с одной стороны, в развитии исследований, с другой — в доступности медикаментозных препаратов и методов профилактики и лечения заболеваний.

Анализ законодательства и практики зарубежных стран позволяет выделить как положительные, так и отрицательные доводы относительно патентования достижений генетики.

Доводы «в пользу» патентования достижений генетики:

1. Патентование генов неэтично, так как генофонд является общим достоянием человечества (этим тезисом, в частности, начинается соответствующая декларация ЮНЕСКО);

2. Патентование является формой коммерциализации человеческого тела, поэтому оскорбляет человеческое достоинство;

3. Ген, как и любой реальный объект, существует в природе независимо от его первооткрывателей, поэтому запатентован быть не может: патентовать гены на том основании, что исследователи приложили усилие в их открытие, все равно, что пытаться запатентовать уголь только потому, что пришлось рыть глубокую шахту;

4. Ученые, открывшие тот или иной ген, используют открытые результаты деятельности всего научного сообщества, поэтому их претензии на «интеллектуальную собственность» не обоснованы; они лишь замыкают длинную цепочку открытий и изобретений, находящихся в общественном использовании;

5. Патентование удорожает производство тестов и делает их менее доступным для страдающих больных;

6. Патенты могут затормозить научные исследования за счет их удорожания в случае необходимости ученым покупать лицензию; более того, ученые станут избегать темы (важные для практической медицины), в которых много запатентованных объектов и методов. Такие естественные вещи, как ДНК, не могут быть собственностью какой-то одной компании — гены, как воздух, вода и солнечный свет принадлежат всему человечеству.

Доводы «против» патентования достижений генетики:

1. Патентование способствует концентрации исследований на наиболее актуальных проблемах, тем самым увеличивая эффективность научных исследований;

2. Патентование позволяет привлечь инвестиции для научных исследований;

3. Ген, выделенный учеными и клонированный (размноженный) для практического использования, является сложным технологическим продуктом;

4. Патентование генов может препятствовать дальнейшему развитию онкологических заболеваний;

5. Патент является, по сути, компромиссом между общественным интересом в получении новых знаний от частных компаний и частным интересом в получении преимуществ и прибыли

для тех, кто первым совершил определенное открытие; как известно, марксисты пугали публику опасением, что капиталисты будут прятать открытия «под сукно», чтобы сохранить преимущества перед конкурентами; патент как раз снимает или ослабляет эту озабоченность — он предоставляет определенные выгоды первооткрывателям, но сохраняет доступность знания остальному научному сообществу.

Подводя итог, следует отметить, что проработанность практики применения существующих норм патентного права относительно защиты биотехнологий весьма слабая. Нельзя однозначно сказать, следует ли России опираться на опыт законодательства США и Японии или нет, но вместе с тем однозначным представляется вывод о том, что и в японской, и в модели регулирования США имеются полезные институты, имплементация которых в российскую модель регулирования, с нашей точки зрения, положительно скажется на регулировании в области патентования интеллектуальной собственности в сфере биотехнологий.

Литература

1. Добжанский Ф. Мифы о генетическом предопределении и о Tabula rasa // Человек. 2000. — № 1.
2. Patent Act №. 121 of April 13, 1959 // World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=299486 (дата обращения: 27.06.2018)
3. Utility Model Act №. 123 of April 13, 1959 // World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=187696 (дата обращения: 27.06.2018)
4. Designs Act № 125 of April 13, 1959 // World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=187542 (дата обращения: 27.06.2018).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // СЗ РФ. — 2006. — № 52(1 ч.). — Ст. 5496.
6. Стрельцова, Е. Патентная активность в сфере биотехнологий / Е. Стрельцова // Форсайт. — 2014. — Т. 8, № 1. — С. 55–58.
7. О правовой охране биотехнологических изобретений: директива N 98/44/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза. (Принята в г. Брюсселе 06.07.1998).
8. Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 5 октября 1973 г. // ОJ EPO. — 2001. — № 4. — P. 55.

Сравнительный анализ правового статуса эмбриона в России, США и Японии

© А. А. Ласточкина

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: anastasiya.lastochkina.98@mail.ru

XXI век связан существенными достижениями в сфере биомедицинских технологий, активно практикуются трансплантация органов и тканей человека, часто раздаются голоса об использовании стволовых клеток для продления человеческой жизни. Благие намерения все чаще сталкиваются с криминальными целями отдельных лиц и преступных синдикатов, для достижения которых порой используются человеческие эмбрионы. В данной ситуации определение правового статуса этих эмбрионов приобретает еще большую значимость и актуальность. Рассмотрены различные подходы к правовому статусу эмбриона на основе анализа международно-правовых актов и судебной практики. В статье раскрывается понятие человеческого эмбриона, рассматривается возможность наделения его конституционным правом на жизнь, а также приводятся существующие в юридической литературе теории. Проводится сравнение законодательной базы Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Японии.

Ключевые слова: беременность, внутриутробное развитие, коммерциализация, оборотоспособность эмбриона, объект гражданских правоотношений, плод, право на жизнь, субъект гражданских правоотношений, правовой статус, эмбрион.

Одним из неразрешенных правовых проблем современного международного и национально-го права является вопрос о правовом статусе эмбриона. Поскольку на сегодняшний день в законодательстве отсутствуют единые критерии правового положения эмбриона, в правоведении ведутся споры на этот счёт. Камнем преткновения является вопрос о моменте возникновения гражданской правоспособности человека. Можно ли называть эмбрион человеком? И, соответственно,

способен ли он претендовать на гарантии основных прав и свобод человека и гражданина до момента своего рождения?

Для начала обратимся к самому термину «эмбрион». Под эмбрионом (греч. *embryon*) принято считать животный организм на ранней стадии развития [1]. С правовой точки зрения, под «эмбрионом» принято понимать организм с момента оплодотворения до момента рождения. В научной литературе существует два основных подхода к проблеме статуса эмбриона. Первый — эмбрион рассматривается как субъект права, то есть в качестве полноправного участника правоотношений, приравненного к человеку. Второй подход рассматривает эмбрион, как часть организма матери, приравненный к органам и тканям, как объект, как вещь, по поводу которой могут возникнуть правоотношения.

Подобная проблематика приобретает большую актуальность, поскольку широкой ответственности становятся известны случаи коммерциализации человеческих эмбрионов. Например, в апреле 2005 г. российскими таможенниками при досмотре был изъят чемодан, в котором оказались замороженные эмбрионы из украинских клиник. В процессе проведения следственных мероприятий было установлено, что эмбрионы предназначались для российских центров косметологии, включивших в перечень услуг «инъекции молодости». Инъекция представляла собой смесь медикаментозных препаратов и живых эмбрионов. Поэтому, неопределенность правового статуса эмбриона может быть нивелирована при закреплении за ним права на жизнь.

В соответствии с Российским законодательством человеческий эмбрион не является носителем права на жизнь. Так, согласно ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения [2]. Вслед за основным законом нашей страны Гражданский кодекс Российской Федерации (п. 2 ст. 17 ГК РФ) также провозглашает, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью [3]. Из анализа этих правовых норм следует, что эмбрион не является самостоятельным участником гражданских правоотношений, поэтому не может претендовать на особый статус и гарантии общепризнанных прав человека, включая право на жизнь.

Аналогичная позиция изложена в действующем законодательстве Японии. В стране Восходящего Солнца, как и в Российской Федерации, правоспособность физического лица возникает с момента его рождения. Рождение, с точки зрения частного права, означает полное отделение плода от матери, лишь с этого момента новорожденный становится правоспособным. Даже если вскоре ребенок умрёт, это не изменит факта рождения в правовом отношении. Однако если ребенок будет мертворожденным, то закон (п. 2 ст. 886 Гражданского кодекса Японии, далее -ЯГК) факт рождения не признает [4].

Однако международные правовые документы, нормы которых признаются главенствующими для большинства государств, устанавливают правовую защиту жизни эмбриона. Например, Декларация прав ребенка, принятая Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г., обозначает нуждаемость ребенка в правовой защите как до, так и после рождения, ввиду его умственной и физической незрелости [5]. Данная формулировка косвенно доказывает признание международными правотворческими деятелями эмбриона в статусе ребенка с присущей ему правоспособностью, а значит, и в статусе человека.

Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. в статье 1 устанавливает, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста». Помимо этого она повторяет формулировку Декларации о праве ребенка на охрану, заботу и правовую защиту еще до его рождения [6].

Пункт 1 статьи 4 Американской Конвенции о правах человека гласит, что каждый человек имеет право на уважение к его жизни [7]. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Похожие нормы, защищающие право ребенка на жизнь, закреплены в основных законах целого ряда государств. Однако в большинстве случаев декларируемые принципы остаются лишь на бумаге.

Рождение ребенка — юридический факт, порождающий множество гражданско-правовых последствий. Но зачастую юридические последствия наступают еще до рождения ребенка. Приведем ситуацию, ставшую наиболее актуальной в наше время. В 2016 году бездетная семейная пара обратилась в клинику в городе Санкт-Петербурге, где женщина прошла экстракорпоральное оплодотворение, однако желаемая беременность не наступила. В ходе проведенных медицинских мероприятий эмбрионов было создано больше, чем требовалось, шесть эмбрионов заморожены и

находятся на хранении в клинике. В настоящее время супруги расторгли брак. В процессе раздела имущества между ними встал вопрос о судьбе эмбрионов. Бывший муж настаивает на утилизации эмбрионов, так как не желает платить алименты на содержание нежеланного ребенка в случае его рождения. Жена с этим не согласна и хочет использовать биологический материал для наступления беременности и рождения ребенка. Этот уникальный для России гражданский процесс рассматривался в суде города Черкесска. На первом заседании, прошедшем 13 февраля, Черкесский суд согласился с отсутствием подобной судебной практики и решил ознакомиться с представленным ответчиком решением ЕСПЧ. Следующее судебное заседание было назначено на 16 марта. В четверг, 16 марта, городской суд Черкесска прекратил производство по делу, истица сама отозвала иск, и эмбрионы могут быть утилизированы в соответствии с требованиями ее супруга. После вступления определения в законную силу, клиника будет вправе выполнить те действия, на которые ссылалась в обосновании иска, — утилизировать эмбрионы по требованию супруга.

Если в Российской Федерации еще не возникало судебных прецедентов подобного рода, то международная судебная практика с такими случаями сталкивалась ни один раз. Так, 10 апреля 2007 г. Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) было вынесено постановление по делу «Эванс против Соединенного Королевства», предметом которого стал спор о замороженных эмбрионах. Эванс, расставшись со своим партнером, в последующем решила использовать замороженные эмбрионы для рождения ребенка, чему решил противиться ее бывший муж. Суды Великобритании отказывали Эванс в удовлетворении ее исковых требований, считая, что отказ биологического отца является юридическим препятствием. ЕСПЧ в постановлении отметил, что вопрос о том, какой момент можно считать началом действия права человека на жизнь, находится в пределах свободы усмотрения каждого государства, где возникает такой вопрос. Примечательно, что ЕСПЧ формулировал выводы, исходя из норм британского законодательства. В конечном итоге Эванс было отказано в удовлетворении ее требований.

Как ранее было уже отмечено, что в Российской Федерации человек приобретает правоспособность исключительно в силу рождения, но вместе с тем некоторые права признаются за ребенком еще до его рождения. Наиболее прогрессивными в этом плане является гражданское законодательство. По общему правилу правоспособность закрепляется за лицом с момента рождения, но наследственные и налоговые правовые нормы закрепляют некоторые права нерождённого. Так, ст. 1116 Гражданского кодекса РФ обозначает возможность наследования граждан, зачатых при жизни наследодателя. А подпункты 12–13 пункта 2 части 1 статьи 218 Налогового кодекса РФ предоставляют налоговые льготы лицам, находившимся в состоянии внутриутробного развития при эвакуации в 1986 г. из зоны Чернобыльской катастрофы и аварии на производственном объединении «Маяк» в 1957 г. в связи со сбросом радиоактивных веществ в реку Теча.

Аналогично решаются данные вопросы по японскому законодательству. Согласно Гражданскому кодексу Японии плод не обладает правоспособностью и будущая мать не может осуществлять представительство, то есть возбуждать иск в пользу плода о признании его прав (ст. 787 ЯГК), но в целях защиты интересов будущего ребёнка, наделяет его некоторой правоспособностью в отношении наследования (ст. 886, ст. 721 и 765 ЯГК). Плод в данном случае приобретает правоспособность лишь условно, приравнивая его к родившемуся ребёнку. Можно сказать, что речь идёт о частичной правоспособности, неродившегося ребёнка.

Уголовное законодательство также обозначает некую защиту эмбриона, но рассматривается он, скорее всего, как «приданое» беременной женщины, а вовсе не как человек. Об этом свидетельствует наличие в ч. 2 ст. 105 УК РФ двух отягчающих вину обстоятельств: убийство двух и более лиц (п. «а») и убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г»). Убийство женщины в состоянии беременности должно восприниматься уголовным законодательством как убийство двух лиц, по крайней мере с момента, когда у виновного есть визуальное подтверждение беременности, а плод во многих случаях уже является жизнеспособным. Анализ уголовной практики по данному вопросу показывает, что при убийстве женщины на поздних сроках беременности зачастую применяется также п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с отметкой на тот факт, что женщина находится в беспомощном состоянии и не может оказать преступнику сопротивления. Опять же, речь идёт исключительно о матери, а то, что жизнеспособный плод в её утробе находится в абсолютном состоянии беспомощности и неспособности противодействовать, во внимание не берется. Впрочем, уголовное законодательство не может противоречить главному документу страны и в соответствии с п. 1 ст. 53 Федерального закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» устанавливает, что началом жизни считается появление плода во

время родов, и исключительно с этого момента лишение ребёнка жизни будет квалифицироваться как убийство.

Таким образом, из анализа рассмотренных источников следует, что в правоприменительной практике окончательно закрепился новый объект — эмбрион человека, однако ни в международно-правовых, ни в национальных нормативно-правовых актах детально не закреплён правовой статус человеческого эмбриона, правовой режим его использования. При этом правовой режим подобного особенного объекта должен быть урегулирован на законодательном уровне. На наш взгляд, как минимум эмбрион может быть объектом лишь нескольких договоров и доступ к нему могут иметь особые субъекты гражданских правоотношений (биологические родители и субъекты договоров, объектом которых является эмбрион).

Представляется, что назрела объективная необходимость изменения законодательства. Полагаю, что России следует пойти по пути европейских стран, ведь нормы Конституции РФ провозглашают, что право на жизнь не подлежит ограничению. На мой взгляд, наиболее удачным будет признание за эмбрионом правосубъектности после 12 недель внутриутробного развития. Данный момент развития зародыша выбран не случайно. Во-первых, на данном этапе эмбрион приобретает человеческий облик, то есть проявляется как внешнее, так и внутреннее сходство по морфологическому критерию, а также он становится жизнеспособным. Во-вторых, производство аборта в более поздние сроки может угрожать здоровью женщины. К тому же, закрепление права на жизнь человеческого эмбриона еще до момента рождения может рассматриваться в качестве базы для правового регулирования репродуктивных прав человека, правомерного использования человеческих эмбрионов для научно-исследовательских целей. Понятно, что процесс изменения законодательства будет непростым, так как потребуются внесения необходимых поправок не только в федеральные законы и другие законодательные акты, но и в Конституцию РФ. Однако усилия законодателя будут способствовать закреплению права на жизнь, как на абсолютную ценность, а также формированию гуманного и морально оправданного отношения к человеческому эмбриону в современном мире.

Литература

1. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. — М.: Прогресс, 1999. С. 388.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ — 2014. — № 31—14 июля.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (от 28.03.2017) / СЗ РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
4. Гражданский кодекс Японии (Закон № 89 от 27.04.1896 г. с изменениями, внесенными Законом № 79 от 21.05.1991 г., Законом № 149 от 01.12.1999 г. и Законом № 138 от 01.08.2003 г.)
5. Declaration of the Rights of the Child, <http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/25.htm>, русский текст см. <http://www.un.org/russian/document/declarat/childdec.htm>, провозглашена резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.
6. Convention on the Rights of the Child. <http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/k2crc.htm>. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. Вступила в силу 2 сентября 1990 г. Русский текст см. <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm>.
7. Американская Конвенция о Правах Человека. Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе. Вступила в силу 18 июля 1978 г.

Сравнительно-правовой анализ обязательства пожизненного содержания с иждивением в Монголии и России

© *Л. А. Лукьянова*

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: lukyanovalara98@mail.ru

В статье рассматривается обязательство пожизненного содержания с иждивением в Монголии и России, а также характеристики предмета, которые присущи данному договору, объем содержания, форма его заключения, сроки и способы прекращения обязательства. Выделены общие черты и особенности, присущие правовым нормам России и Монголии.

Ключевые слова: содержание, уход, иждивенец, кормилец, рента, получатель ренты, плательщик ренты, обязанность, собственность.

Россия и Монголия — это государства со своей историей, с переплетающимися судьбами людей, а также культурными, экономическими и политическими связями. Интересы друг к другу в социальной, политической, экономической и других сферах жизни общества, вызывает необходимость изучения законодательства. Данная работа посвящена изучению правового регулирования гражданско-правового института «пожизненное содержание с иждивением» в сравнительном аспекте действующего законодательства этих стран. В ходе анализа постараемся выделить общие черты и особенности, присущие правовым нормам нашей страны и соседней — Монголии.

В Гражданском законе Монголии, принятом Великим Государственным Хуралом в 49 главе закреплено обязательство, которое называется «содержание и уход». В соответствии с этой главой Гражданского закона Монголии могут возникать правоотношения, которые в Российской Федерации разграничиваются на постоянную и пожизненную ренту, а также пожизненное содержание с иждивением.

В РФ и Монголии рассматриваемый институт обладает некоторыми специфическими характеристиками предмета. Российское законодательство закрепляет в ст. 601 ГК РФ обязанность получателя ренты по договору пожизненного содержания с иждивением передать принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц) [2]. Ст. 483.1 закона Монголии, обязанность содержания не связывает с предоставлением кормильцу недвижимого имущества, соответственно предметом такого договора в Монголии может быть любое имущество, в том числе в соответствии со ст. 83 и 84 Гражданского закона Монголии права на нематериальный капитал — интеллектуальную собственность [1].

Законодательство России, в отличие от Монголии, детально определяет объем содержания, так ст. 602 ГК РФ налагает на плательщика ренты обязанность по обеспечению потребностей в жилище, питании и одежде, а если этого требует состояние здоровья гражданина, также и уход за ним [2]. Договором также может быть предусмотрена оплата плательщиком ренты ритуальных услуг. ГК России также предусматривает, что в договоре пожизненного содержания с иждивением должна быть определена стоимость всего объема содержания с иждивением. При этом указывает, что стоимость общего объема содержания в месяц не может быть менее двух установленных в соответствии с законом величин прожиточного минимума на душу населения. Согласно ст. 483.2. Монгольского законодательства содержание может быть установлено в денежном или натуральном выражении (жилое помещение и т.д.) [1]. Несмотря на то, что гл. 49 Гражданского закона Монголии не включает в предмет рассматриваемого договора обязанность осуществления ухода за иждивенцем (в российском законодательстве он называется получателем ренты), исходя из названия данной главы эта обязанность может быть согласована сторонами непосредственно в договоре.

По гражданскому закону Монголии договор содержания заключается в письменной форме. Российское законодательство требует обязательное нотариальное удостоверение, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации, что, на наш взгляд, в отличие от Монголии, лучше защищает стороны этого договора в России от возможных споров, связанных с его содержанием, а также свободой волеизъявления его участников.

Закон Монголии в ст. 483.5 закрепляет, что сроки содержания устанавливаются договором с учетом его целей и природы [1]. В России договор действует до конца жизни получателя ренты.

Законодательство Монголии предусматривает, в ст. 484.3, в случае прекращения договора содержания иждивенцу возвращается его имущество [1]. Российский закон более детально регламентирует данный вопрос. В ст. 605 ГК РФ сказано, получатель ренты вправе потребовать возврата недвижимого имущества, которое передано в обеспечение пожизненного содержания, при условии, что нарушения плательщиком ренты своих обязательств должны быть существенными [2]. Или при таком нарушении, получатель ренты может потребовать выплаты ему выкупной цены.

Безусловным сходством является возможность замены предоставления содержания с иждивением в натуре выплатой в течение жизни гражданина периодических платежей в деньгах и в России, и в Монголии.

Как в Гражданском кодексе Российской Федерации, так и в Гражданском законе Монголии возможность сдавать в залог или иным способом обременять недвижимое имущество ограничена согласием получателя ренты (иждивенца).

Наибольший практический интерес вызывает вопрос о способах прекращения данного договора. Так как, на практике существует множество проблем при прекращении данного обязательства.

Если провести систематический анализ соответствующей нормы Гражданского кодекса РФ, то возможно выделить специальные, характерные данному договору способы прекращения обязательства. К ним возможно отнести следующие:

1. Смерть получателя ренты;
2. Выкуп ренты;
3. Возврат недвижимости, переданной по договору.

Закон Монголии закрепляет, и кормилец, и иждивенец вправе расторгнуть договор, в случаях:

1. Вследствие нарушения договора отношения между сторонами стали невыносимыми;
2. По другим серьезным причинам стало невозможно следовать договору.

Можно сделать вывод, что отечественному законодателю полезно было бы позаимствовать норму о прекращении договора, если вследствие нарушения договора отношения между сторонами стали невыносимыми или по другим серьезным причинам стало невозможно следовать договору. Законодательство Монголии содержит норму, которая ставит кормильца в безопасное положение.

Анализ норм законодательства России и Монголии, регулирующих гражданско-правовые отношения, возникающих в связи с пожизненным содержанием с иждивением показал, что сотрудничество, соседство, взаимные контакты дают свои, положительные результаты. Вопреки тому, что существуют различия между странами, а именно, в социальной, культурной, экономической и политической сферах, нормы права в области гражданского законодательства схожи.

Литература

1. Гражданский кодекс Монголии [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 02.06.2018).
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации Ч. 2: Федеральный закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [по состоянию на 1 мая 2018 г.] [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Электрон. текстовые дан. — М., 2005–2018. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&intelsearch=> (дата обращения: 28.05.2018).

Медиация в сфере защиты прав потребителей: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Китая

© **О. А. Маркова**

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса
Читинский институт ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный университет»
Россия, г. Чита
markova2007@bk.ru

© **М. С. Кошелев**

заместитель декана юридического факультета
Читинский институт ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный университет»
Россия, г. Чита
E-mail: deus_1986@mail.ru

В настоящее время в России такой институт досудебного урегулирования споров как медиация недостаточно развит. Это обусловлено отсутствием значительной юридической практики и поздним законодательным закреплением. Вместе с тем имеется богатый опыт применения медиативных процедур в других государствах, изучение которого позволит усовершенствовать и успешно применять медиацию в России. Целью данной работы является проведение сравнительного анализа российского и китайского законодательства, регулирующего процедуру медиации, обоснование ее преимуществ в

одной из важнейших сфер правовых отношений — в сфере защиты прав потребителей. Основными методами выступают анализ, синтез и сравнительно-правовой метод. В статье обоснованно утверждается, что претензионный порядок урегулирования споров является неэффективным, необходимо на законодательном уровне закрепить обязательный досудебный порядок — процедуру медиации. Анализируются положительные и отрицательные стороны медиации.

Ключевые слова: медиация, защита, потребитель, Россия, Китай.

Существующий в Законе «О защите прав потребителей» претензионный порядок урегулирования спорных вопросов в области потребительских отношений предусматривает возможность применения предварительного досудебного мирного разрешения спора [1]. Претензионное производство позволяет без значительных расходов, в небольшой срок урегулировать конфликт.

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ, процедура медиации — это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [2].

Положительные стороны медиации:

- 1) процессуальная простота, возможность разрешить спор во внесудебном порядке;
- 2) сокращение срока разрешения спора;
- 3) сокращение материальных затрат.
- 4) конфиденциальность. Необходимым условием эффективного применения медиации для урегулирования потребительских споров является гарантия конфиденциальности переговоров и их последствий.

Отрицательной стороной внедрения данного способа является увеличение срока разрешения спора в случае недостижения согласия сторон посредством медиации и обращения потребителя в суд. Также к отрицательным сторонам медиации некоторые авторы относят то, что если стороны не желают обращаться к медиатору, их никто не может заставить сделать это.

В Китае процедура посредничества является весьма распространенной, и имеет многовековую историю. Порядка 30% споров в Китае решается во внесудебном порядке [3]. Популярность примирительных процедур в Китае в литературе обоснована двумя факторами. Во-первых, отмечается влияние традиционного права. Национальной особенностью китайского народа является ориентированность на неформальное добровольное урегулирование всяческих конфликтов, широкое применение компромисса при решении противоречий. Второй фактор связан с неудовлетворительной работой судебной системы, работа которой, привела к недовольству народа качеством оказания соответствующих услуг, в связи с чем, китайское правительство вынуждено было переориентироваться на иные несудебные методы разрешения споров [4].

Поэтому в Китае разработана и существует целая система примирения, нашедшая отражение в нормативных актах. Одним из таких законов в сфере примирения является закон КНР «О посредничестве», который был принят на 16-ой сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 11-го созыва 28 августа 2010 года и вступил в силу с 1 января 2011 года. [5] Законом легализованы примирительные комиссии, которые создавались по инициативе органов управления задолго до принятия закона, и составляют один из видов системы примирения в Китае — народное примирение.

Таким образом, следует отметить сходство основных принципов медиации — равенство сторон, добровольность, нейтральность медиатора. Процедура может также проходить конфиденциально, если этого требуют стороны. Вместе с тем, отмечает Е. П. Русакова, стороны, не спешат раскрывать информацию, предполагая дальнейшее обращение в суд. У китайских граждан, также как и у российских, сложилась определенная доля недоверия к процедуре посредничества [6].

Активно применяется посредничество и в спорах между потребителями и продавцами, что нашло отражение в Законе КНР «О защите прав и интересов потребителей», и значительная роль в этом отводится общественным объединениям [7]. В соответствии со ст. 32 Закона «О защите прав и интересов потребителей» Союз потребителей принимает на рассмотрение жалобы потребителей, проводит разбирательства по содержанию жалобы, урегулирует сложившийся спор. Глава 6 Закона посвящена регулированию спорных ситуаций. В статье 34 перечисляются пути разрешения спорных ситуаций между потребителем и продавцом, в числе которых названы переговоры с продавцом и также с помощью союза потребителей [8].

Сравнительно-правовой анализ института медиации позволяет сделать следующие выводы: Примирительные процедуры в форме посредничества имеют большее распространение в Китае,

нежели в России. В России данный институт является новым, его развитие и распространение требует последовательных усилий. Медиация в рамках отечественной правовой системы представляет собой деятельность, осуществляемую за пределами судопроизводства, и используется в дополнение к структуре правосудия. В рамках китайской правовой системы посредничество может осуществляться как за рамками судебного процесса, так и самими судьями, которые наделены полномочиями примирения сторон и поэтому существует отдельный вид примирения — судебное примирение. Медиация востребована в отношениях между потребителем и продавцом (изготовителем, исполнителем), целесообразность ее применения подтверждается опытом зарубежных государств, в том числе и Китая. Важно, чтобы медиативные услуги оказывались профессионально, чтобы качество работы российских медиаторов, организаций, оказывающих услуги по проведению медиации, служило повышению доверия к новому институту со стороны граждан.

Литература

1. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1// СЗ РФ. 1996. № 3.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника: федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 2010.
3. Медиация в мире [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mediacia.com/medworld.htm> (дата обращения: 10.04.2018).
4. Литвинова С. Ф. Примирение как способ разрешения споров в КНР» [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravozashitnik.net/ru/2016/2/4/> (дата обращения: 15.04.2018).
5. О народном посредничестве: закон КНР от 28.08.2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://asiabusiness.ru/law/law3/agent/> (дата обращения: 18.04.2018).
6. Русакова Е. П. Особенности процедуры посредничества в Китае [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravozashitnik.net/ru/2016/2/4/> (дата обращения: 01.05.2018).
7. О защите прав потребителей: закон КНР [Электронный ресурс]. — URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_consumer_rights_protection_law_revised_2013_russian/ (дата обращения: 15.04.2018).
8. Об утверждении программы подготовки медиаторов: приказ Минобрнауки РФ от 14.02.2011 № 187 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 01.03.2011 № 19973) // Российская газета. 2011. № 60. 23 март (утратил силу).

Сравнительно-правовой анализ семейного законодательства России и Китая

© *Е. Н. Надольная, К. А. Попова, Е. В. Тимошевская*
магистранты 1 года обучения ВСФ ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
Россия, г. Иркутск

E-mail: Nadolnaya94Evgeniya@yandex.ru, cool.tina-20-08@mail.ru, a19.etimoshevskaya@arbitr.ru

Проблемы организации и законодательного закрепления семейного права разных стран всегда были актуальными. Данная статья посвящена сравнительному анализу закрепленных законодательством Российской Федерации и Китайской Народной Республики норм и положений семейного права. В целом, китайской правовой системе присуща особая специфика, что неоднократно отмечалось российским научным юридическим сообществом. Изучение законодательства КНР также способствует более полному и всестороннему изучению и пониманию основных проблем Китая в настоящее время и происходящих в этой стране процессов и в то же время требует целенаправленного сравнительно-правового исследования. Проведенный анализ китайского законодательства по исследуемому вопросу позволил выявить особенности семейного права, установленные законодательством КНР, в частности планирование деторождения.

Ключевые слова: планирование деторождения, контроль за рождаемостью, сбор на социальное содержание, семейное право КНР, брачный возраст, алиментные обязательства.

Семейное право Китая регулируется несколькими нормативными актами — это Закон КНР «О браке», Закон «О народонаселении и планировании рождаемости», Закон «Об усыновлении», Положение «О регистрации браков», при этом общие положения семейного права закреплены именно в Законе «О браке». В Российском праве основные положения закреплены в Семейном кодексе РФ.

Основополагающим принципом и отличительной особенностью семейного права государств Юго-Восточной Азии, в том числе и Китая является планирование деторождения. Законодательно этот принцип был закреплен сравнительно недавно, связано это с быстрым ростом населения страны и глобальной проблемой перенаселения на Земле. У граждан Китая благодаря влиянию конфуцианства, исторически, формировались особые взгляды на рождение детей, такие как «много детей — много богатства», «продолжение рода из поколения в поколение», «раннее рождение наследника». До середины двадцатого века рождаемость китайскими женщинами держалась на высоком уровне — 5,68, в 1980–2000 гг. снизилась до уровня 1,75 [1, с. 56].

В сфере политики контроля за рождаемостью 28 декабря 2013 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей Китая принял Постановление «Об урегулировании и совершенствовании политики рождаемости», которое закрепило в законе право китайских семей на рождение второго ребенка (при этом необходимо, чтобы хотя бы один из супругов вырос единственным ребенком в своей семье). Законодатель Китая уверен, что право на рождение второго ребенка будет способствовать снятию напряженности и облегчению бремени материальной ответственности для семей [6, с. 37].

Ответственностью за нарушение законодательства о народонаселении и плановой рождаемости граждан выступает обязанность в соответствии с законодательством уплатить сбор на социальное содержание. При этом, закон предусматривает: «В случае неуплаты сбора на социальное содержание в полной сумме и в установленные сроки, в соответствии с государственными положениями начисляются пени со дня просрочки оплаты; в случае неоплаты орган планирования рождаемости, вынесший решение о взимании сбора, в соответствии с законодательством обращается в народный суд для принудительного исполнения».

Это является основным отличием семейного права России и права Китая. Российская Федерация напротив стремится к увеличению рождаемости и поощряет рождение в семье более чем одного ребенка. В России также предусмотрена социальная поддержка многодетных семей.

Второе отличие семейного права России и Китая закреплено в статье 13 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) и в статье 6 Закона КНР «О браке» это брачный возраст. В России для заключения брака необходимо как взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, так и достижение ими брачного возраста, то есть 18-ти лет. При этом закон «О браке» Китая устанавливает, что возраст мужчины при заключении брака не может быть меньше 22 лет, возраст женщины не может быть меньше 20 лет. Поощряются поздние браки и позднее деторождение.

Сходными положениями семейного права России и Китая являются алиментные обязательства — это важнейшая категория современного семейного права. Несмотря на значимость данного института, в действующем Семейном кодексе РФ, как и в других нормативных актах, отсутствует легальное определение алиментного обязательства [4, с. 25].

Алиментным обязательствам посвящена глава 13 Семейного кодекса РФ. Нормы права Китайской Народной Республики, также не содержат общепринятое понятие алиментных обязательств. Однако множество норм основного источника семейного права Китая — Закона КНР «О браке» — устанавливают обязанность по предоставлению содержания нуждающимся несовершеннолетним или нетрудоспособным членам семьи трудоспособными членами семьи. В праве Китая отсутствует отдельный институт алиментных обязательств, такой способ урегулирования семейного права является традиционным для Китая. Обязанности по содержанию, т.е. обеспечение потребности в жилище, питании, лечении, предметах досуга и др., возникают у трудоспособных членов семьи в отношении детей и стариков [2, с. 72].

Сходным является также то, что право Китая в статье 34 Закона «О браке» определяет, что муж не вправе обращаться с заявлением о расторжении брака в период беременности жены, в течение 1 года после рождения ребенка или в течение 6 месяцев после прекращения беременности. При этом, данное ограничение не препятствует обращению с заявлением о расторжении брака жены или принятию народным судом заявления мужа о расторжении брака, если народный суд сочтет необходимым принять заявление к рассмотрению. Указанный институт существует и в праве России, но с некоторыми отличиями, так статья 17 СК РФ определяет, что муж не вправе возбуждать дело о расторжении брака без согласия жены во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка, но не предусматривает вышесказанного в случае прекращения беременности.

В праве Китая существует также еще один институт, не свойственный российскому семейному праву, так статья 46 Закона «О браке» определяет, что при сожительстве одного из супругов с другим лицом, что впоследствии повлекло расторжение брака, сторона, не имеющая вины в расторжении брака, вправе потребовать возмещения вреда. В российском праве указанной нормы не существует.

Завершая настоящее исследование, хотелось бы сделать несколько важных выводов.

Регулирование семейного права и внутрисемейных отношений практически на всем протяжении существования государства в Китае является, необходимым фактором выживания и дальнейшего благополучия и развития китайской цивилизации. Планирование деторождения, свобода заключения брака, единобрачие (моногамия), равенство и взаимоуважение супругов независимо от национальности, образования, рода занятий, пола, защита прав женщин, детей и стариков вот основные принципы семейного права Китая. В целом основные начала китайского семейного права схожи с принципами российского права, хотя есть и особые положения. К числу именно специфичных принципов можно отнести планирование деторождения [5, с. 39].

Принцип планового деторождения закреплен, чтобы обеспечить снижение быстрого роста населения Китая, повысить материально-культурный уровень жизни в стране.

Однако после внедрения вышеуказанного принципа наблюдаются и отрицательные моменты, такие как сокращение численности населения в рабочем возрасте, значительное увеличение мужского населения в стране. Соотношение новорожденных мальчиков и девочек в КНР на 10 процентных пунктов выше нормального показателя, в пользу мальчиков. Помимо этого, в Китае ежегодно 5 процентов детей рождается с физическими и умственными недостатками. В стране 60 млн. инвалидов, а также в настоящее время зарегистрировано 840 тыс. ВИЧ-инфицированных. В настоящее время принцип плановой рождаемости это единственный возможный способ, хотя, возможно, и не лучший, ограничения интенсивного роста численности населения КНР.

Исследование семейного права Китая показывает, что законодатель КНР определяет иные, нежели российский семейные ценности и понятия, однако в целом право Китая и России имеет больше сходств, нежели различий.

Проводимая китайскими властями политика в области законодательства характеризуется постепенной разработкой и последующим принятием необходимых для страны нормативно-правовых актов. В ближайшие годы в правовой системе КНР вряд ли появятся фундаментальные кодифицированные правовые документы — Гражданский, Семейный кодексы, все предшествующие годы Китай успешно обходился и без них. В этом заключается отличие современного законодательства и правоприменительной практики КНР от законодательства Российской Федерации.

В плане правотворческой деятельности китайского парламента относительно семейного права стоит принятие нормативного акта, подготовка текстов которого активно велась в течение нескольких лет это Закон КНР «О борьбе с насилием в семье».

Литература

1. Бергер Я. М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. — 2001. — № 2 — С. 100–113.
2. Гладилина А. С., Балашов А. А. О соотношении понятий «алиментные обязательства» и «алиментные правоотношения» // Российская наука и образование: проблемы и перспективы. — 2015. — № 2 — С. 72–75.
3. Косарева И. А. Планирование деторождения — конституционный и отраслевой принцип современного семейного права Китая // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 3 — С. 56–58.
4. Мартынова М. А. Понятие и структура алиментных правоотношений // Вестник исполнительного производства. — 2017. — № 2 — С. 24–31.
5. Косарева И. А. Некоторые положения семейного права Китая. — Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. — 92 с.
6. Трощинский П. В. Развитие китайского законодательства в последние годы // Международное публичное и частное право. — 2015. — № 3 — С. 36–40.

Место жительства. Признание гражданина безвестно отсутствующим. Объявление гражданина умершим по гражданскому кодексу России и гражданскому кодексу Монголии

© Д. А. Немчинова, Е. П. Гребенщикова

студентки 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, Улан-Удэ

E-mail: nda1203@mail.ru, greben-14@mail.ru

Статья посвящена сравнению отдельных положений Гражданского Кодекса России и Гражданского Кодекса Монголии, а именно таких институтов как: место жительства гражданина, признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление гражданина умершим.

Ключевые слова: гражданское законодательство, место жительства, признание гражданина безвестно отсутствующим, объявление гражданина умершим, место пребывания, имущество.

Современная Монголия — открытое общество, идущее по пути развития вместе с цивилизованным миром. Монгольское и российское общество заинтересовано в развитии сотрудничества. Две страны связывают десятилетия дружеских, соседских отношений. Современные российско-монгольские отношения базируются на Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве от 20 января 1993 года и развиваются в духе стратегического партнёрства. Для того, чтобы лучше понимать законодательство Монголии, мы сравним отдельные положения ГК Монголии и ГК России.

Общие положения гражданского законодательства в определении места жительства в Монголии и России весьма близки. Сходство правовых норм объясняется историческими особенностями становления законодательства этих приграничных государств. Норма об обозначении места жительства гражданина нашла свое отражение как в российском, так и в монгольском законодательстве. Согласно структуре Гражданского Закона Монголии, статья 22 «Место жительства гражданина» находится во втором подразделе «Участники гражданских правоотношений», в главе третьей «Гражданин». В Гражданском Кодексе Российской Федерации статья 20 «Место жительства» нашла свое отражение в Подразделе 2 «Лица», Глава 3 «Граждане (физические лица)».

Согласно ГК Монголии, место жительства гражданина определяется «административно-территориальной единицей, к которой он по закону приписан»; или же «если он не проживает в месте регистрации, то местом жительства считается то, где он живет большей частью или где находится его основное имущество». Данное определение близко по содержанию к понятию места жительства в российском законодательстве, «место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает» [2, с. 105]. По закону двух стран понятие места жительства связано с географической территорией правоотношений. В связи с этим можно сделать вывод, что в определенной степени трактовка понятия места жительства в двух законодательствах тождественна: «местом жительства считается то, где он живет большую часть или, где находится его основное имущество» равно «местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает» — данная формулировка позволяет нам точно определить, что же скрывается под местом жительства, а гражданское законодательство Монголии и России дают нам это беспрепятственно определить, так как между ними отсутствуют разногласия по данному поводу.

Однако следует отметить, что в отличие от ГК Монголии в ГК РФ постоянное место жительства россиянина — это то место, где он в силу создавшихся условий обосновался, где он проживает, где находится его имущество, а вовсе не место его регистрации в конкретном административном населенном пункте.

«Преимущественное проживание», содержащееся в ст. 20 ГК РФ, имеет существенное значение для тех граждан, чья деятельность не связана с постоянным местом пребывания (геологи, моряки, представители других профессий значительную часть жизни проводят в экспедициях, плавании, и т.п.) В подобных случаях местом жительства признается место, где гражданин проживает больше, чем в других местах.

Анализ п. 3 ст. 22 ГК Монголии и п. 2 ст. 20 ГК России показывает совпадение правил определения места жительства для несовершеннолетних и иных недееспособных лиц. И в Монголии, и в России местом жительства этих категорий граждан будет являться место жительства их законных представителей.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к единому мнению в определении места жительства — это место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Регламентация гражданского законодательства вопроса о месте жительства имеет важное практическое значение, направленное на охрану прав и интересов граждан, обеспечение стабильности и устойчивости гражданских отношений, учет государственных общественных интересов. От определения места жительства зависят и многие институты гражданского права, например, место исполнения обязательства, место жительства может иметь значение для определения подсудности дел, для объявления гражданина умершим в случае длительного отсутствия по месту жительства, также признание гражданина безвестно отсутствующим и т.д.

Длительное отсутствие лица в месте его жительства при неизвестности места его нахождения может в определенной степени дестабилизировать гражданский оборот. Поэтому в ГК предусмотрены специальные нормы, образующие в своей совокупности институт безвестного отсутствия, суть которого в том, что гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение определённого времени в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания.

Законодательством России и Монголии институт безвестного отсутствия регулируется схожими, по своему содержанию, нормами, но отличия, безусловно, присутствуют.

Согласно ГК РФ гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания; в ГК Монголии же уточняется, что не только отсутствие сведений о месте его пребывания, но и о нём самом влияет на решение суда, кроме этого, срок отсутствия этих сведений равняется двум годам.

Признание гражданина безвестно отсутствующим как в ГК России, так и в ГК Монголии возможно только по решению суда. Суд устанавливает управление и охрану имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим и передачу имущества на основании решения суда лицу, которое определяется органом опеки и попечительства. В ГК РФ предусматривается порядок передачи имущества, которая осуществляется на основании договора о доверительном управлении с органом опеки и попечительства. В кодексах обеих стран существует норма, которая заключается в том, что из имущества гражданина, признанного безвестно отсутствующим, выдается содержание гражданам, который безвестно отсутствующий обязан содержать, и погашается задолженность по другим обязательствам безвестно отсутствующего.

Признание гражданина безвестно отсутствующим решением суда совсем не означает, что сведения, как и сам гражданин больше не появятся. Но что если гражданин всё-таки объявился? В таком случае, решение суда должно быть отменено, из-за отсутствия оснований, на которые опирался суд при вынесении решения, и снова в судебном порядке.

Статья 44 ГК РФ гласит: «В случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим, суд отменяет решение о признании его безвестно отсутствующим. На основании решения суда отменяется управление имуществом этого гражданина». В ГК Монголии имеется такая же норма, но тем не менее ГК Монголии более полно закрепляет последствия явки гражданина, признанного безвестно отсутствующим.

В частях 4–6 статьи 23 ГК Монголии описываются последствия явки лица, признанного безвестно отсутствующим; такое лицо имеет право требовать возврата, имеющегося в наличии или переданного другим своего имущества, кроме изъятого для содержания лиц, находящихся на его иждивении, для уплаты налогов и погашения задолженностей. Если управляющий имуществом продал это имущество, то суд может принять решение о выплате его цены; если управляющий растратил или нанёс порчу, то суд может принять решение о частичной или полной выплате с учётом степени вины. Также ГК Монголии закрепляет право управляющего имуществом требовать компенсации ущерба и понесённых расходов, связанных с хранением, охраной и использованием этого имущества.

Изучив институт безвестного отсутствия, можно подвести итоги. Законодательство Монголии и России о признании гражданина безвестно отсутствующим во многом совпадает, но различия имеются. Самым ярким отличием является срок отсутствия сведений о гражданине, который является важным условием для признания гражданина безвестно отсутствующим. В России этот срок составляет один год, в Монголии — два. Последствия признания гражданина безвестно отсутствующим в ГК Монголии и ГК России не имеют явных отличий, а вот последствия явки или

обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим, в ГК Монголии закрепляются наиболее подробно, чем в ГК РФ.

Институт объявления гражданина умершим является сходным с институтом признания гражданина безвестно отсутствующим, но не трудно заметить и наличие существенных различий (например, сроки).

В ГК Монголии нормы об объявлении гражданина умершим содержатся в статье 24, а в ГК России — в статье 45 и 46 (последствия явки гражданина, объявленного умершим).

Согласно ГК РФ гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, ГК Монголии закрепляет такой же срок. Но в ГК РФ, как и в ГК Монголии, предусмотрена ситуация, когда гражданин пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определённого несчастного случая. В таком случае гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение шести месяцев. ГК Монголии же предусматривает более длительный срок — один год. Одинаковый срок объявления судом умершим, в рассматриваемых кодексах, предусмотрен в отношении военнослужащих или иных граждан, пропавших без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий.

Что же касается дня смерти гражданина, объявленного умершим, то здесь оба Кодекса содержат абсолютно одинаковую по содержанию норму, а именно: днём смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим; в случае объявления умершим гражданина, пропавшего без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определённого несчастного случая, суд может признать днем смерти этого гражданина день его предполагаемой гибели и указать момент его предполагаемой гибели.

В случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, объявленного умершим, суд отменяет решение об объявлении его умершим (ч. 1 ст. 46 ГК РФ и ч. 6 ст. 24 ГК Монголии). Что же касается имущества гражданина, ошибочно объявленного умершим, то оно может подлежать возврату. В ГК РФ сказано, что гражданин, независимо от времени своей явки, может потребовать от любого лица возврата сохранившегося имущества, которое безвозмездно перешло к этому лицу после объявления гражданина умершим, за исключением денег и ценных бумаг на предъявителя, которые не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя. Кроме этого положения в ГК Монголии оговаривается, что в случае если имущество перешло в собственность государства и нет возможности его вернуть владельцу, выплачивается денежная компенсация. А ГК РФ дополняет: лица, к которым имущество гражданина, объявленного умершим, перешло по возмездным сделкам, обязаны возвратить ему это имущество, если доказано, что, приобретая имущество, они знали, что гражданин, объявленный умершим, находится в живых, а при невозможности возврата такого имущества в натуре возмещается его стоимость. На этом нормы об объявлении гражданина умершим заканчиваются.

ГК Монголии, в отличие от ГК России, предусмотрел, что отмена решения суда о признании умершим не является основанием считать недействительным новый брак мужа или жены лица, ранее объявленного умершим. В России же данный вопрос разрешается нормами семейного законодательства. В Семейном Кодексе сказано, что случае явки супруга, объявленного судом умершим или признанного судом безвестно отсутствующим, и отмены соответствующих судебных решений брак может быть восстановлен органом записи актов гражданского состояния по совместному заявлению супругов, но если же другой супруг вступил в новый брак, то в таком случае брак не может быть восстановлен [1, с. 72]. Т.е. в этом направлении законодательство России и Монголии также содержит одинаковую норму.

Таким образом, гражданское законодательство закрепляет такие институты как признание гражданина без вести отсутствующим и объявление гражданина умершим, поскольку в современном мире не редко мы сталкиваемся со случаями исчезновения людей, а это может дестабилизировать гражданский оборот, что является достаточно негативным последствием.

Близость ГК Монголии и ГК РФ объясняется тем, что советское право оказало непосредственное влияние на становление системы монгольского и, конечно, российского права. Нельзя отрицать, что под влиянием идей социалистического права формировалось, функционировало и развивалось монгольское право.

Литература

1. Быкова М. О., Пахно А. В. Некоторые проблемы института объявления гражданина умершим: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. — 2015. — С. 70–73.
2. Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник. — Изд. 2; перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 511 с.
3. Гражданский закон Монголии от 1 сентября 2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085340/Монголия%20МЧП.pdf>
4. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

Сравнительно-правовой анализ ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным по ГК России и Монголии

© *Н. В. Непомнящих*

студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: nepomnyashchikh.nadezhda@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ основных положений статей гражданских кодексов России и Монголии, регламентирующих вопросы ограничения дееспособности гражданина и признания его недееспособным. В частности, рассмотрены основания применения таких процедур, проведена параллель между порядком их совершения, кругом субъектов, а также последствий применения таких мер. Выявлены сходства и различия в порядке признания гражданина ограниченно дееспособным и недееспособным. Сделаны соответствующие выводы, полученные на основе проведенного анализа.

Ключевые слова: гражданский Кодекс России, Гражданский кодекс Монголии, дееспособность, ограничение дееспособности, признание гражданина недееспособным, сравнительно — правовой анализ.

Дееспособность гражданина — одна из составляющих правосубъектности гражданина. Она представляет собой способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [10, с. 127].

По ГК РФ и ГК Монголии лицо становится полностью дееспособным по достижении им семнадцатилетнего возраста [1; 2]. Оба Кодекса также выделяют несколько видов дееспособности граждан — недееспособный, частично дееспособный, не полностью дееспособный. В Монголии лицо, не достигшее 7 лет считается недееспособным [2]. В России лица до 6 лет не могут совершать сделки, однако ГК России не называет их недееспособными. Этот вопрос является дискуссионным. Оба Кодекса предусматривают специальный порядок, по которому лица, достигшие 16 лет, могут быть признаны полностью дееспособными.

В ГК РФ сказано, что субъектом ограничения дееспособности могут быть, во-первых, «Гражданин, имеющий пристрастие к азартным играм, злоупотребляющий спиртными напитками или наркотическими средствами, ставящий свою семью в тяжелое материальное положение» и, во-вторых, «Гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц» [1].

По ГК Монголии субъектом ограничения дееспособности является: «Достигший совершеннолетия гражданин, злоупотребляющий спиртными напитками или наркотическими и психотропными средствами, ставящий свою семью в тяжелое материальное положение» [2].

ГК Монголии в качестве одного из негативных пристрастий гражданина выделяет злоупотребление психотропными средствами, чего не предусматривает ГК РФ. Что же представляют собой психотропные средства? Психотропные средства — группа лекарственных веществ, оказывающих влияние на психические процессы, воздействующих преимущественно на высшую нервную деятельность [6]. В то же время ГК РФ дает возможность ограничить в дееспособности гражданина, имеющего психическое расстройство и не способного руководить своими действиями и понимать их значение без помощи других лиц, чего не предусматривает законодательство Монголии.

ГК России в отличие от ГК Монголии в качестве основания для ограничения дееспособности предусматривает пристрастие к азартным играм. Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части

первой Гражданского кодекса Российской Федерации», «под пристрастием к азартным играм, которое может служить основанием для ограничения дееспособности гражданина, следует понимать психологическую зависимость, которая помимо труднопреодолимого влечения к игре характеризуется расстройствами поведения, психического здоровья и самочувствия гражданина, проявляется в патологическом влечении к азартным играм, потере игрового контроля, а также в продолжительном участии в азартных играх вопреки наступлению неблагоприятных последствий для материального благосостояния членов его семьи» [5].

Ограничение дееспособности гражданина в России и Монголии проходит в судебном порядке. Порядок рассмотрения таких дел в Монголии подробно регламентирован Законом «О рассмотрении в суде гражданских дел», статьями 141-144. «Дело о признании гражданина ограниченно дееспособным вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами, либо недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия может быть начато по заявлению членов его семьи, других заинтересованных лиц, учреждений опеки и здравоохранения» [4]. В России такой порядок предусмотрен главой 31. Ограничение дееспособности гражданина, признание гражданина недееспособным, ограничение или лишение несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами ГК РФ статьями 281-286 — «Дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь» [3].

Российский и монгольский гражданские кодексы предусматривают одинаковые последствия признания гражданина ограниченно дееспособным. В случае признания судом гражданина ограниченным в дееспособности над ним устанавливается попечительство. Он может самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки, а остальные лишь с согласия попечителя.

ГК Монголии уточняет, что «лицо, с ограниченной дееспособностью гражданина может совершать сделки в пределах дееспособности, не подвергнутой ограничению и с согласия попечителя» [2], однако перечень таких сделок не раскрыт.

В российском правопорядке системе содержание последствий признания гражданина ограниченно дееспособным зависит от оснований признания его таковым. Из ст. 30 ГК РФ следует, что «гражданин с ограниченной дееспособностью вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки», «совершать другие сделки он может лишь с согласия попечителя», при этом получать и расходовать заработок, пенсию и иные доходы гражданина должен его попечитель. Статья 19 ГК Монголии этого не предусматривает.

В соответствии с ч. 2 ст. 30 ГК РФ, гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие психического расстройства, «совершает сделки, за исключением мелких бытовых сделок, с письменного согласия попечителя». При этом он «может распоряжаться выплачиваемыми на него алиментами, социальной пенсией, возмещением вреда здоровью и в связи со смертью кормильца и иными предоставляемыми на его содержание выплатами с письменного согласия попечителя, за исключением своего заработка, стипендии, которыми он вправе распоряжаться самостоятельно» [1].

Независимо от основания граждане, признанные ограниченно дееспособными самостоятельно несут имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред [1]. ГК Монголии не предусматривает такую обязанность.

Анализируемые гражданские кодексы содержат следующие положения: «Если основания, в силу которых гражданин был ограничен в дееспособности, отпали, суд отменяет ограничение его дееспособности. На основании решения суда отменяется установленное над гражданином попечительство» [1; 2]. Однако если ГК РФ предусматривает, что в случае изменения психического состояния гражданина, суд принимает одно из решений: либо признает его недееспособным, либо отменяет ограничение его дееспособности и установленное над гражданином попечительство. Аналогичная норма отсутствует в монгольском гражданском праве.

Ограничение дееспособности как мера наказания для гражданина, который своим негативным поведением ставит свою семью в тяжелое материальное положение, в России и Монголии имеет больше сходств, чем различий. И в российском и монгольском правопорядках для ограничения в правах гражданина необходимо установление судом факта, что такой гражданин приносит вред своей семье, ставит ее в тяжелое материальное положение. Порядок ограничения дееспособности

способности в обеих странах — судебный, также обязательно установление попечительства над такими лицами.

Различия проявляются в основаниях признания граждан ограниченно дееспособными, в определенных аспектах сделко- и деликтоспособности.

Порядок, определяющий признание гражданина недееспособным, закреплен ст. 29 ГК РФ и ст. 18 ГК Монголии. В монгольском праве установлено, что недееспособным может быть признан «гражданин, который вследствие психической болезни не может понимать значения своих действий или руководить ими», с установлением над ним опеки [2], в российском — наличие у гражданина психического расстройства, «в силу которого гражданин не может понимать значение своих действий или руководить ими. Над ним устанавливается опека» [1]. Различия между психическим расстройством и психической болезнью представляются несущественными и, скорее всего, эти два понятия можно рассматривать как синонимы в данном случае. Так, согласно медицинской энциклопедии [12], «Болезнь — это нарушение нормальной жизнедеятельности организма, возникающее под действием вредных для него факторов». Согласно же определению с сайта «Википедия» [11], «психическое расстройство — в широком смысле состояние психики, отличное от нормального, здорового».

Далее в Кодексах прописан круг лиц, которые осуществляют сделки от имени недееспособного лица. ГК Монголии закрепляет: «От имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершают его законные представители (родители, опекуны)». В российском гражданском праве закон регламентирует данное положение шире. ГК предусматривает условия осуществления сделок опекуном — «от имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун, учитывая мнение такого гражданина, а при невозможности установления его мнения — с учетом информации о его предпочтениях, полученной от родителей такого гражданина, его прежних опекунов, иных лиц, оказывавших такому гражданину услуги и добросовестно исполнявших свои обязанности». Таким образом, ГК РФ помимо собственно определения круга, так называемых, опекунов, определяет и условия совершения ими сделок — учет мнения недееспособного гражданина, его предпочтений, чего не предусмотрено в ГК Монголии.

Последним пунктом статей, регламентирующих признание гражданина недееспособным в России и Монголии, является пункт, посвященный отмене решения о признании гражданина недееспособным. По ГК Монголии: «Если основания, в силу которых гражданин был признан недееспособным, отпали, суд отменяет решение о признании гражданина недееспособным». То есть, кодекс регламентирует лишь один путь исхода действий — отмена решения о признании гражданина недееспособным, ничего не разъясняя о том, будет ли этот гражданин полностью или ограниченно дееспособным [8]. ГК РФ более подробно раскрывает этот вопрос. При развитии способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц суд признает такого гражданина ограниченно дееспособным, а при восстановлении способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими суд признает его дееспособным. При этом суд отменяет установленную над гражданином опеку и в случае признания гражданина ограниченно дееспособным устанавливается попечительство. То есть российский Гражданский Кодекс предусматривает возможность частичного и полного восстановления дееспособности гражданина. В этом случае можно сказать о некотором преимуществе российского гражданского права перед монгольским в регулировании этого вопроса [7].

Подводя итог, можно сказать, что законодательное урегулирование порядка ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным в России и Монголии не имеет существенных отличий и во многом схоже. В частности, частично совпадают основания применения указанных правовых институтов, порядок их совершения, круг участников, возникающие последствия. Однако, российское гражданское законодательство детальнее регламентирует некоторые вопросы в данной сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский Кодекс Монголии. Часть первая от 10.01.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/assets/civil.pdf> (дата обращения: 06.05.2018).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ 18.11.2002. (ч. I) № 46. Ст. 4532.

4. О рассмотрении в суде гражданских дел: закон Монголии от 10.01.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/assets/civil-verd.pdf> (дата обращения: 11.06.2018).
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/7dfbbad1b07c3c2ecd8579de98d8e8d2675dbc6e/ (дата обращения: 11.06.2018).
6. Кириченко О. В. Ограничение дееспособности гражданина в связи с психическим расстройством // Современное право. — 2014. — № 14. — С. 24–28.
7. Лященко А. С. Теоретический анализ понятия недееспособности в российском гражданском законодательстве // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2016. — № 17. — С. 208–213.
8. Щепкин К. Э. Современное гражданское право Монголии // Вестник Самарского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 14–21.
9. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. — URL: https://jurisprudence.academic.ru/9731/Ограничение_дееспособности_гражданина (дата обращения: 11.06.2018).
10. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. — URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/135201/Vol%27shoi_yuridicheskii_slovar%27.pdf (дата обращения: 11.06.2018).
11. Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Психическое_расстройство (дата обращения: 06.05.2018).
12. Медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.medical-enc.ru/2/bolezn.shtml> (дата обращения: 06.05.2018).

Особенности предоставления отпусков педагогическим работникам в РФ и КНР

© *В. А. Пинигин*

магистрант 1 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: pinigin.victor@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков педагогическим работникам, в первую очередь общеобразовательных организаций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Педагоги, как особая категория работников, имеют право на специальные условия труда, касающиеся, в том числе, и времени отдыха. При усиливающейся трудовой миграции между соседними государствами вопрос о регулировании труда отдельных категорий работников продолжает оставаться актуальным и востребованным среди исследователей. Также рассматривается вопрос о продолжительности отпусков учителей в РФ и КНР. На основании материалов исследования делается вывод о намного большем объеме прав, касающихся отпусков, у педагогических работников, осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации.

Ключевые слова: отпуск, продолжительность очередного оплачиваемого отпуска, педагогические работники, учителя, трудовое законодательство, гарантии и компенсации, длительный отпуск, минимальный стаж работы.

Оплачиваемый отпуск является одной из гарантий, составляющей право на труд, гарантированное конституциями Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Трудовая миграция, усилившаяся в последние годы, задает вектор развития исследований, направленных на изучение трудового законодательства соседних стран. Перемещение рабочей силы не обошло стороной и образование. Сегодня весьма актуальным видом педагогической деятельности среди российских граждан является работа учителем английского языка в китайских школах.

Педагогические работники являют собой особую категорию работников, права и обязанности, а также специфика организации трудовых отношений, с которыми прописывается в отдельном разделе трудового законодательства.

Особые условия касаются и вопросов регулирования предоставления отпусков. В частности, по трудовому законодательству РФ лица, работающие в сфере образования, имеют право на удлиненный основной ежегодный отпуск. А. В. Бондаренко указывает, что универсальным, а потому особо значимым среди всех видов отпусков, является ежегодный основной оплачиваемый отпуск, особую значимость которого подчеркнул законодатель, назвав его основным [1, с. 96].

Нормативная база. Законодательство РФ об отпусках педагогических работников весьма обширно. Оно представлено в первую очередь Трудовым кодексом РФ [7] (далее также ТК РФ), в

главе 52 которого представлены особенности регулирования труда педагогических работников. В соответствии со ст. 334 ТК РФ педагогические работники (в том числе учителя) имеют право на ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск. Продолжительность данного отпуска установлена Постановлением Правительства РФ от 14.05.2015 г. № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» [4]. Так, учителя общеобразовательных организаций имеют право на такой отпуск продолжительностью 56 календарных дней. В Республике Бурятия к основному отпуску устанавливается ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью 8 календарных дней [2].

В соответствии со ст. 45 Закона КНР от 05.07.2009 г. «О труде» (в некоторых источниках именуемый также Трудовым кодексом) в КНР установлена система ежегодных оплачиваемых отпусков. Особенностью предоставления отпуска является наличие у работника 1 года непрерывного трудового стажа. При этом не указывается, сколько лицо должно трудиться у одного работодателя. Из этого можно сделать вывод, что количество работодателей в течение данного периода для права на отдых значения не имеет. Подробные правила предоставления очередных отпусков устанавливаются Положением от 07.12.2007 г. «О ежегодном оплачиваемом отпуске работников» [3]. Специальные условия для педагогов школ в КНР отсутствуют. Они, как и остальные категории работников, имеют следующую продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска:

- при трудовом стаже от 1 года до 10 лет — 5 календарных дней;
- при трудовом стаже от 10 до 20 лет — 10 календарных дней;
- при трудовом стаже от 20 лет и выше — 15 календарных дней.

Отпуска в КНР одни из самых коротких в мире.

Длительные отпуска. В Российской Федерации педагогическим работникам помимо основного отпуска предоставляются и иные отпуска. Так, в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 31.05.2016 г. № 644 «Об утверждении Порядка предоставления педагогическим работникам организаций, осуществляющих образовательную деятельность, длительного отпуска сроком до одного года» [6] педагогические работники, замещающие должности, поименованные в разделе I номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2013 г. № 678 имеют право на длительный отпуск не реже чем через каждые десять лет непрерывной педагогической работы» [5]. Данный отпуск не относится к разряду оплачиваемых, однако позволяет сохранить место работы. Порядок предоставляет право образовательным организациям самим решать вопросы оплаты такого отпуска из собственного бюджета, даты его предоставления посредством закрепления их в коллективном договоре организации.

Порядок предоставления. В РФ порядок предоставления отпусков учителям школ не имеет значительных отличий от такого же порядка в КНР. Очередные оплачиваемые отпуска предоставляются ежегодно. В связи с особенностями работы образовательных организаций происходит это преимущественно в летний период, поскольку распределение почасовой нагрузки происходит до начала нового учебного года на весь его срок. Отсюда определенные сложности ухода в отпуск или его часть, например, в зимнее время. Единственно когда это возможно — период каникул. В КНР летние и зимние каникулы длятся от 4 до 6 недель, в РФ данное время увеличено.

Компенсация за неиспользованный отпуск так же предусмотрена трудовым законодательством обеих стран. При этом в РФ работник обязан отдохнуть полные 28 календарных дней, а оставшейся частью может распорядиться по своему усмотрению, например, получив денежную компенсацию. В Китае работник может и не поступать аналогичным образом. Положение об отпусках предусматривает возможность полной замены ежегодного отпуска компенсацией в денежной форме в размере 300% от среднедневного заработка за каждый неиспользованный день отпуска.

Таким образом, педагогические работники, осуществляющие свою деятельность в Российской Федерации, в отношении права на отдых имеют целый ряд преимуществ по сравнению со своими коллегами в Китайской Народной Республике. В России учителя имеют один из самых продолжительных оплачиваемых работодателем отпусков, который длится от 56 дней, а в районах с особыми климатическими условиями может достигать почти трех месяцев. Данного времени вполне достаточно, чтобы полноценно отдохнуть от трудовых обязанностей. Помимо этого каждый учитель в России может получить удлиненный отпуск сроком до одного года каждые 10 лет непрерывного стажа педагогической деятельности. В большинстве работодатели не оплачивают

время нахождения в данном отпуске в связи с недостаточностью средств, поэтому в основном в длительный отпуск до одного года уходят педагоги, планирующие работать в иной организации или за границей, а также для занятия научной деятельностью, поскольку педагогический стаж в данном случае не прерывается.

В Китае у учителя нет столь длительных периодов отдыха, как у его российского коллеги. В целом страна, как указывалось ранее, имеет одни из самых коротких отпусков в мире. Это, в первую очередь, сказывается на качестве труда и здоровье работников, связанных с педагогической деятельностью, требующей наибольших интеллектуальных затрат. Тем не менее, власти КНР осознают проблемы несбалансированности времени труда и отдыха и стараются найти пути выхода из сложившейся ситуации.

Литература

1. Бондаренко А. В. Правовое регулирование отпуска как времени отдыха // Современное общество и право. — 2015. — № 4(21). — С. 94–99.
2. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: закон Российской Федерации [принят Гос. Думой 19 февраля 1993 г.] // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 16. — Ст. 551.
3. О ежегодном оплачиваемом отпуске работников: положение Государственного совета КНР от 07.12.2007 г. [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/labour_law/china_paid_annual_leave_2007_russian/ (дата обращения: 15.06.2018 г.).
4. О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках: постановление Правительства Российской Федерации от 14.05.2015 г. № 466 // СЗ РФ. — 2015. — № 21. — Ст. 3105.
5. Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников, организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: постановление Правительства Российской Федерации от 08.08.2013 г. № 678 // СЗ РФ. — 2013. — № 33 — Ст. 4381.
6. Об утверждении Порядка предоставления педагогическим работникам организаций, осуществляющих образовательную деятельность, длительного отпуска сроком до одного года: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 31.05.2016 г. № 644 // Российская газета. — 2016. — № 152.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон [принят Гос. Думой 21 декабря 2001 г.] // СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.

Институт диффамации в России и США: сравнительный анализ

© *Т. А. Савельева*

студентка 3 — го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: ts.162307.ts@gmail.com.

Настоящая статья посвящена институту диффамации, рассмотрены основные сходства и различия данной правовой категории в России и США, признаки и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации в России и США, виды ответственности за диффамацию, проанализированы преимущества и недостатки национального законодательства по данному вопросу.

Ключевые слова: диффамация, честь, достоинство, деловая репутация, признаки диффамации, способы защиты, компенсационные выплаты, штрафные выплаты.

В условиях развития современного гражданского общества остро встает проблема эффективной защиты нематериальных благ.

В создании эффективного института защиты чести, достоинства и деловой репутации, безусловно, немаловажную роль играет сравнительный анализ действующего законодательства, посвященного данному институту, с законодательством зарубежных стран, поскольку лучший передовой опыт зарубежных стран может быть использован для совершенствования российского законодательства.

Нематериальные блага выступают объектом целого ряда посягательств, нарушение происходит как путем распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности, так и достоверных сведений. Так, при распространении таких сведений как: состояние лица на учете в наркологическом диспансере, судимость, наличие определенного заболевания, излеченный алкоголизм, лицо способно испытать моральные и нравственные страдания, распространение таких

сведений, если оно не преследует общественно полезных целей, формирует отрицательное общественное мнение об этих гражданах, чем унижает их человеческое достоинство. Н. В. Витрук в одной из своих работ высказывался по этому поводу: «назрела необходимость в разработке теории личной безопасности граждан, не сводимой к набору традиционных институтов (охране от незаконных задержаний и арестов, незаконным обыскам и т.д.). Личная безопасность в современных условиях может означать экологическую, медицинскую, юридическую, интимную безопасность» [9, с. 287].

Распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию в странах англо-саксонской правовой системы принято называть диффамацией. Российское законодательство содержит достаточное количество норм, посвященных защите чести, достоинства и деловой репутации, однако в Гражданском кодексе РФ отсутствует легальное определение диффамации, в науке же гражданского права вопрос о содержании данной категории является дискуссионным.

Современные ученые рассматривают термин «диффамация» с различных точек зрения. Так С. В. Потапенко определяет диффамацию как «гражданско-правовой проступок, который направлен на умаление чести, достоинства и деловой репутации потерпевшего в глазах адекватных людей путем распространения о нем порочащих сведений (независимо от их подлинности), которые можно определить как злоупотребление свободой слова и массовой информации» [1, с. 226]. М. А. Ковалев, Г. М. Резник, как представители противоположной точки зрения, определяют диффамацию как распространение только правдивых нелюбезных или сомнительных для репутации, чести и достоинства сведений о физических и юридических лицах [2, с. 781]. А. М. Эрделевский и Д. А. Самородов полагают, что термин «диффамация» охватывает распространение любых порочащих сведений о лицах, независимо от степени их достоверности.

Несмотря на отсутствие в Гражданском кодексе РФ (далее ГК РФ) понятия «диффамация», стоит отметить, что данная категория признается российским правом, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» в п. 1 сказано, что «используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» [3]. Однако следует отметить тот факт, что в российском гражданском праве диффамация понимается гораздо уже, чем в США, в России за распространение достоверных сведений можно привлечь к ответственности только в случаях, предусмотренных законом, диффамационное право США предусматривает ответственность за распространение порочащих сведений, которые соответствуют действительности.

В США Закон о диффамации 1996 года распространение порочащих сведений дифференцирует на «libel» (квалифицированную клевету) и «slander» (простую клевету). Квалифицированная клевета — это клевета, выраженная в письменной форме, а также в любой другой форме, придающей распространяемым сведениям постоянный характер. «Slander» (простая клевета) выражается в устной (или иной другой) форме, такие сведения носят, как правило, временный характер [4]. В российском законодательстве понятия «клевета» и «диффамация» не отождествляются, поскольку, во-первых, клевета имеет заведомо ложный характер, во-вторых, диффамация в США рассматривается шире, поскольку включает и соответствующие действительности сведения. За клевету предусмотрена уголовная ответственность по статье 128.1 УК РФ. В цивилистической науке долгое время считалось, что гражданско-правовая диффамация отличается от клеветы в уголовном праве тем, что включает в себя любое распространение порочащих другое лицо сведений, в том числе и правдивых, либо только правдивых [6, с. 23].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» раскрывает основные признаки гражданско-правовой диффамации:

1. Должен быть установлен факт распространения сведений (передача устной (например, посредством выступлений перед публикой, по телевидению), печатной (например, в газетах, журналах), жестовой и иной информации (например, в сети Интернет) хотя бы одному лицу;

2. Сведения должны иметь порочащий характер, т.е. такими сведениями нарушаются соответствующие нематериальные блага (честь, достоинство, деловая репутация), например, утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, со-

вершении нечестного поступка, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота и т. п. [3]. Обязанность доказывания факта распространения сведений и их порочащий характер лежит на истце. В США на истце лежит обязанность не только доказать сам факт распространения ответчиком сведений, не соответствующих действительности, их порочащий характер, но еще и виновность ответчика (т. е. то, что сведения были действительно распространены именно ответчиком [8, с. 678];

3. Должен быть установлен факт несоответствия сведений действительности. Ответчик же должен доказать соответствие действительности распространенных сведений, т.е. можно говорить о презумпции несоответствия распространенных сведений действительности;

4. Распространенные, не соответствующие действительности, порочащие сведения должны касаться непосредственно истца, который должен быть четко идентифицирован, например, посредством указания на его фамилию, имя, отчество, место жительства, конкретную должность, товарный знак, фирменное название, коммерческое обозначение и т. п.;

5. Сведения должны представлять собой только утверждения о фактах, которые возможно проверить на предмет соответствия либо несоответствия их действительности, а не носить оценочный характер;

6. Гражданско-правовой диффамации не будет, если суд установит наличие «привилегий», освобождающих ответчиков (чаще всего СМИ) от гражданско-правовой ответственности. К таким «привилегиям» относятся, в частности, обстоятельства, указанные в ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Постановлении Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. (сведения присутствуют в обязательных сообщениях, сведения получены от информационных агентств, сведения содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию, сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок и т. п.).

В американском праве принято выделять следующие признаки диффамации:

1. Утверждение должно быть фактическим и дискредитирующим определенное лицо, то есть должно наносить вред репутации. Причём истец должен доказать в суде, что критическое утверждение нанесло ущерб его репутации;

2. Утверждение должно быть доведено до третьих лиц (через газеты, радио, телевидение). Понятие «распространение сведений» имеет схожее понятие с российским, т. е. это также сообщение данных сведений хотя бы одному лицу (за исключением самого потерпевшего);

3. Утверждение должно персонифицировать жертву клеветы, то есть третьим лицам должно быть ясно, что речь идет именно об этом человеке;

4. Утверждение не должно подпадать под категорию привилегированного. Американское право признает, что определенные заявления, хотя они и носят порочащий характер, должны быть ограждены от судебных разбирательств.

Таким образом, можно заметить, что в целом признаки диффамации в американском праве и признаки гражданско-правовой диффамации в России идентичны, основное отличие в том, что в США диффамация — есть распространение любых сведений, в том числе и соответствующих действительности, которые направлены на умаление чести, достоинства и деловой репутации субъекта права, в России же привлечение к ответственности за распространение порочащих сведений, соответствующих действительности, возможно лишь в случаях, прямо предусмотренных законом (например, за незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, либо публично (ст. 137 УК РФ), распространение сведений, составляющих тайну переписки и т.п., если таким распространением преследуется цель умаления чести, достоинства и деловой репутации (ст. 138 УК РФ), непредоставление до окончания срока предвыборной агитации возможности обнародовать (опубликовать) опровержение или иное разъяснение в защиту чести, достоинства или деловой репутации зарегистрированного кандидата (ст. 5. 13 КоАП РФ). В связи с этим, среди признаков диффамации в американском праве не названо то, что сведения должны представлять собой только утверждения о фактах, а не носить оценочный характер.

Известно дело, ставшее прецедентом в одном из штатов, оно касается Нью-Йоркского издателя «Нью-Йорк Уикли Джорнал» Джона Питера Зенгера. В его газете публиковались критические статьи в адрес губернатора Уильяма Косби (1690–1736). В 1734 г. Зенгеру было предъявлено

обвинение в публикации мятежных пасквилей против колониальных властей, после чего он был взят под стражу. Однако состоявшийся 4–5 августа 1735 года суд вынес издателю оправдательный приговор. Это решение стало первой победой в борьбе за свободу печати. Можно утверждать, что англосаксонское диффамационное право, как правило, ориентировано на защиту свободы слова, на выражение своего мнения и комментариев в отношении тех или иных физических и юридических лиц [7, с. 98].

Несмотря на то, что статьей 152 ГК РФ истцам предоставляется большая возможность на защиту чести и достоинства, а ответчик находится в менее выгодном положении, поскольку ему необходимо доказать соответствие распространенных сведений действительности, мы не можем говорить о достаточной степени защиты нематериальных благ, приоритете их над свободой слова, поскольку данные судебной статистики свидетельствуют о том, что количество таких дел, рассматриваемых ежегодно как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является стабильным. В среднем в год рассматривается 5000 дел в судах общей юрисдикции и 800 дел в арбитражных судах, при этом, например, в 2016 году из 878 дел в первой инстанции иск полностью или частично удовлетворялся не более чем в трети случаев [10]. Также, стоит отметить, что в последнее время увеличивается количество исков о защите нематериальных прав, нарушенных путем размещения порочащей информации в сети «Интернет». У истцов возникают сложности с представлением доказательств, подтверждающих факт распространения порочащих сведений в сети «Интернет».

Судебная практика показывает, что лица, оспаривающие информацию диффамационного характера, размещенную в сети «Интернет», до подачи иска в целях фиксации соответствующей интернет-страницы, как правило, обращаются к нотариусу за удостоверением ее содержания на основании статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Однако чаще всего спорную информацию сложно сохранить, поскольку в любой момент она может быть удалена разместившим ее автором [10].

Одним из основных способов защиты чести, достоинства и деловой репутации в странах англо-саксонской правовой семьи является компенсация нанесенного вреда. В зависимости от того, возмещение каких именно убытков требует истец, суд может применять различные правовые принципы. Американское право выделяет две формы убытков: компенсационные, которые присуждаются за понесенный ущерб, и штрафные, которые взыскиваются с целью наказания правонарушителя и предостерегающие его от будущих правонарушений.

К компенсационным выплатам относят возмещение морального вреда. В странах англо-саксонской правовой системы компенсация морального вреда выплачивается по специальной тарифной схеме. Тарифная схема применяется на основе принципа рассмотрения заявления с учетом фактических обстоятельств дела. Определяющее значение имеет субъективная сторона преступления, т. е. умысел или неосторожность. В романо-германском праве определение размера компенсации морального вреда определяется на основе понесенных нравственных и физических страданиях истца. Также, в праве США предполагается компенсация морального вреда за причинение эмоционального беспокойства. В том случае, если эмоциональное беспокойство как-то отразилось на физическом состоянии лица, то данный вред будет сопровождаться компенсацией. Если же истец при эмоциональном беспокойстве испытал только нравственные страдания, то компенсация взыскиваться не будет [5, с. 144].

Американский ученый Джеймс Х. Халм описал три нематериальных способа защиты чести, достоинства и деловой репутации, которые, на его взгляд, не позволяют восстановить нарушенное право, а именно: предписание редакции СМИ о запрете на публикацию выпуска, в котором имеется клеветническое утверждение, поскольку данный способ был отменен Верховным судом как не соответствующий праву на свободу слова, опровержение, поскольку считается, что диффамация наносит необратимый ущерб и опровержение является оправданным только в том случае, если оно является немедленным и достаточным, чтобы полностью исключить влияние диффамационного заявления, кроме того, по закону ответчик не может быть принужден к отказу от своих слов. Если ответчик отказывается отозвать заявление, истец должен действовать в соответствии с традиционной процедурой возмещения убытков. Право на ответ в американском праве также не применяется, так как наложение на издателя обязательств опубликовать ответ противоречит свободе прессы.

В России способы гражданско-правовой защиты от диффамации можно разделить на общие и специальные. К общим следует относить возмещение убытков и компенсацию морального вреда. К специальным же относят: опровержение, признание распространенных сведений не соответствующими действительности, отзыв или замена документа, порочащего честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, удаление информации, не соответствующей действительности, ответ. Важно заметить, что российское право, в отличие от американского, предоставляет больше гарантий истцу для защиты от диффамации, нежели ответчику для защиты от обвинений в диффамации.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что диффамация в российском и американском праве в целом рассматривается как одна и та же категория, однако существуют определенные различия, подход к рассмотрению этого вопроса у каждой из сторон разный. В России за распространение достоверных сведений можно привлечь только в случаях, предусмотренных законом, диффамационное право США предусматривает ответственность за распространение порочащих сведений, независимо от их достоверности. Кроме того, защита чести, достоинства и деловой репутации не исчерпывается нормами статьи 152 ГК РФ, сюда можно отнести ряд статей УК РФ, а также КоАП РФ, иными словами, правовое регулирование данного вопроса намного шире, чем в США, в связи с чем, в России более конкретно решен вопрос о компенсации морального вреда, также более тщательно проработан вопрос о доказывании в суде виновности или невиновности ответчика, свою невиновность ответчик доказывает сам.

Литература

1. Шабанов Д. С. Понятие диффамации // Вектор науки ТГУ. — 2010. — № 3. — 344 с.
2. Тимченко Я. И., Шанина Ю. В. Институт диффамации // Молодой ученый. — 2016. — № 8. — С. 779–782.
3. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 // Российская газета. № 50. 15.03.2005.
4. Российский правовой портал: библиотека Пашкова: закон о диффамации 1996 года (США) [Электронный ресурс]. — URL: <http://constitutions.ru> (дата обращения: 15. 06. 2018)
5. Тимешов Р. П. Понятие морального вреда в гражданском праве России // Российская юстиция. — 2008. — № 6. — 201 с.
6. Гаврилов Е. В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // Налог. — 2010. — № 29. — 56 с.
7. Астахов П. О защите чести и деловой репутации // Современное право. — 2008. — № 12. — 98 с.
8. Андреев Ю. Н. Личные неимущественные отношения как предмет гражданского права // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия. — 2008. — № 34. — 711 с.
9. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — СПб.: Нова. — 2010. — 344 с.
10. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71251694/#ixzz5JDulwvW> (дата обращения: 27.06.2018).

Сравнительно-правовой анализ института реорганизации и ликвидации юридического лица в России и Монголии

© *Е. Ю. Скляров*

студент 3 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
E-mail: novel.95@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ институтов гражданского права, таких как реорганизация и ликвидация юридических лиц на примере Российской Федерации и Монголии. Исследуются наиболее общие черты и особенности данных институтов в упомянутых странах, а также существующие между ними различия. Автором также анализируются основные подходы к построению правовых норм, касаемо реорганизации и ликвидации юридического лица.

Ключевые слова: реорганизация, ликвидация, юридическое лицо, понятие реорганизации, прекращение юридического лица, сравнительное правоведение, страны АТР, гражданское право России, гражданское право Монголии, сравнительно-правовой анализ.

Правовое регулирование юридического лица в качестве субъекта гражданских правоотношений включает в себя как нормы, устанавливающие основания и порядок его возникновения, так и нормы, регулирующие его изменение в процессе существования, а также процедуру прекращения, последствия его прекращения. Для наиболее наглядного анализа можно сравнить институт реорганизации и ликвидации юридического лица по российскому и монгольскому законодательству. Такой вид познания позволит увидеть положительные и отрицательные стороны данного явления, выявит законодательные пробелы, рассмотрит некоторые доктринальные отличия по данному вопросу, а также позволит обменяться правовым опытом в рассмотрении, изучении и обсуждении.

Актуальность данного сравнительного исследования состоит не просто в проведении параллелей сравнения и выявления достоинств и недостатков, но также в выявлении закономерностей построения правовых норм, сопоставлении юридического опыта сравниваемых стран и возможности обмена правовым опытом в данных вопросах.

Давайте рассмотрим институт реорганизации юридического лица подробнее. Начнем с российского гражданского права. Основные положения о реорганизации юридического лица содержатся в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ). Главное при реорганизации — решение вопросов правопреемства, что необходимо для обеспечения прав кредиторов юридического лица, в том числе исполнения перед ними обязательств реорганизованного юридического лица. В ст. 57 ГК РФ говорится следующее: «Реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлена по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом» [1 с. 57].

В ходе анализа выбранной темы можно отметить несколько аспектов.

Сразу же стоит выделить первый аспект реорганизации в РФ — отсутствие легального понятия «реорганизации». Данный факт предоставляет доктринальный простор ученым-цивилям, правоведам и практикам. Так, Н. Г. Маркалова, под реорганизацией понимает «прекращение деятельности юридического лица без полной ликвидации его дел и имущества» [2, с. 43]. Этот подход можно считать верным лишь частично, т.к., исходя из данного определения, оно затрагивает не все ее виды. Поэтому такой подход использовать при дальнейшем анализе будет некорректно. А. И. Кузьмин, например, трактовал реорганизацию юридического лица как «совокупность юридических фактов» [3, с. 22]. Подход данного ученого-цивиля отличается своей нейтральностью и подпадает под характеристику реорганизации. Однако совокупность юридических фактов присуще не только для института реорганизации, но и для ряда других институтов и потому для сравнительно-правового анализа он не подходит.

Наиболее удобное определение, затрагивающее признаки реорганизации предложил Поваров Ю.С.: «Реорганизацию любого юридического лица в самом общем виде можно дефинировать как особый процесс, в ходе которого происходит прекращение и (или) создание юридического лица (юридических лиц), сопровождающиеся переходом прав и обязанностей реорганизованного субъекта в порядке правопреемства к другой организации (организациям)» [4, с. 14]. Данный подход вполне отражает некоторые признаки рассматриваемого института и может быть использован для составления собственной дефиниции.

Таким образом, проанализировав несколько подходов к понятию реорганизации, я сформировал свое определение, которым буду руководствоваться в дальнейшем сравнительно-правовом анализе. По моему мнению, реорганизация юридического лица — особый видоизменяющий процесс, при котором в порядке правопреемства его права и обязанности (либо часть прав и обязанностей) переходят к созданным в результате данной процедуры юридическим лицам.

Второй аспект, который необходимо выделить из ст. 57 ГК РФ — это то, что реорганизация может быть осуществлена по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом, т.е. добровольная реорганизация. Но помимо этого, российский законодатель предусмотрел и принудительный порядок реорганизации, согласно п. 2 ст. 57 ГК РФ. Принудительный порядок также регламентирован и расписан в данной статье. Кроме того, в статье имеется отсылка на другие законы, которые еще более детально разбирают данный вопрос.

Третий аспект, на который следует обратить внимание — это разнообразие форм реорганизации юридического лица. Российский законодатель предусматривает пять форм реорганизации:

1) слияние — при слиянии юридических лиц права и обязанности каждого из них переходят к вновь возникшему юридическому лицу;

2) присоединение — при присоединении юридического лица к другому юридическому лицу к последнему переходят права и обязанности присоединенного юридического лица;

3) разделение — при разделении юридического лица его права и обязанности переходят к вновь возникшим юридическим лицам в соответствии с передаточным актом;

4) выделение — при выделении из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц к каждому из них переходят права и обязанности реорганизованного юридического лица в соответствии с передаточным актом;

5) преобразование — при преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией.

Анализ ст. 58 ГК РФ показывает, что законодатель нормативно закрепил все способы реорганизации юридического лица, а также описал, в каком объеме происходит правопреемство при каждом способе. Помимо этого имеется в ГК РФ и положения о передаточном акте при реорганизации путем разделения и выделения. Однако дефиниции данных понятий отсутствуют!

Последний аспект — наличие смешанной реорганизации, т.е. допускается реорганизация ЮЛ с одновременным сочетанием различных форм, предусмотренных абзацем 1 пункта 1 ст. 57 ГК РФ.

Теперь рассмотрим данный институт в монгольском гражданском праве. Основные положения о реорганизации юридического лица изложены в Гражданском Кодексе Монголии (далее — ГК М). Ей посвящена ст. 31 ГК М, которая трактует следующее: «Реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлена в порядке определённым законом по решению его владельцев либо органа, уполномоченного на то учредительными документами» [5, с. 14].

Как и в российском гражданском праве, ГК М не дает легального определения понятия «реорганизация». Поэтому здесь я буду анализировать исходя из сформулированного мной определения, а также признаков, которые содержит данная правовая норма.

Монгольский законодатель также нормативно закрепляет пять видов реорганизации юридического лица: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. Они закреплены в ст. 31 ГК М. Помимо этого в ней указаны как дефиниции видов реорганизации (кроме преобразования), так и порядок перехода прав и обязанностей от одного юридического лица к другому:

1. Слияние юридических лиц означает возникновение нового юридического лица путём делегирования ему всех прав и обязанностей двух или нескольких компаний с прекращением деятельности последних.

2. Прекращение деятельности юридического лица и передача его прав и обязанностей другому юридическому лицу называется присоединением юридического лица.

3. Разделением юридического лица признается прекращение деятельности юридического лица с полной передачей его прав и обязанностей двум или более вновь создаваемым юридическим лицам.

4. Выделением юридического лица называется создание нового юридического лица с передачей ему части прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица без прекращения деятельности последнего.

5. Юридическое лицо может быть преобразовано путём изменения вида и формы его организации и основных целей.

Последний признак, который содержится в правовой норме — добровольный порядок реорганизации. Особенностью здесь является и то, что в гражданском кодексе Монголии отсутствует положения о принудительной реорганизации. Однако это не означает, что принудительной процедуры нет. Так, в п. 18.2 ст. 18 Закона Монголии «О компаниях» от 06 октября 2011 г. говорится следующее: «В случаях, указанных законом, суд может вынести решение о разделении и выделении компании» [6, с. 11]. Предполагается, что имеются правовые ситуации, когда процедура реорганизации должна быть произведена уже не по волеизъявлению сторон, а по государственно-властному принуждению. И в частности при реорганизации путем разделения и выделения. Данная правовая норма носит бланкетный характер, т.е. отсылает правоприменителя к другому источнику права для более подробной информации.

Для сравнительно-правового анализа также стоит упомянуть о двух статьях встречающихся в ГК РФ, но отсутствующих в ГК М — это последствия признания недействительным решения о реорганизации юридического лица (ст. 60.1) и признание реорганизации корпорации несостоявшейся (ст. 60.2). Эти две правовые нормы были введены Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ. Связано это было с тем, что на практике возникало много казусов, которые требовали правового урегулирования. Суды по данным делам были неоднозначны в вынесении своих решений, т.к. фактически отсутствовала правовые нормы, регулировавшие данные вопросы. Но с обширной реформой 2014 г., которая внесла огромные изменения в институт юридических лиц, данные вопросы были решены. Что касается монгольского гражданского права, то подобные нормы в ГК М и других источниках права отсутствуют. На мой взгляд, это связано с тем, что в монгольской судебной практике подобные прецеденты возникали заметно реже, поэтому потребность в нормативном урегулировании не рассматривалась.

Теперь поговорим об институте ликвидации юридического лица. Начнем с анализа российского гражданского права. В ГК РФ институту ликвидации юридического лица посвящены ст. ст. 61-65.1. Согласно п. 1 ст. 61 ГК РФ ликвидация юридического лица признается его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам. По ГК РФ юридическое лицо может быть ликвидировано в одном из следующих случаях:

1. По решению учредителей (или так называемая добровольная ликвидация). В этом случае такое решение могут принять в связи с прекращением срока деятельности данного предприятия, достижением поставленных ранее целей или же признанием судом недействительности регистрации.

2. По решению суда (или так называемая принудительная ликвидация). Такое решение принимается из-за осуществления данной деятельности без необходимых документов или осуществление незаконной деятельности [7, с. 100].

Учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о ликвидации юридического лица, в течение трех рабочих дней после даты принятия данного решения обязаны сообщить в письменной форме об этом в уполномоченный государственный орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, для внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации, а также опубликовать сведения о принятии данного решения в порядке, установленном законом. Учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о ликвидации юридического лица, назначают ликвидационную комиссию (ликвидатора) и устанавливают порядок и сроки ликвидации в соответствии с законом.

Еще один способ ликвидации юридического лица — это банкротство. Данная процедура закреплена в ст. 65 ГК РФ. К такому способу прибегают в том случае, если у предприятия нет возможности ответить по своим обязательствам перед кредиторами, так как их размер превышает сумму активов компании. Процедуру банкротства можно начать в том случае, если сроки погашения долгов пропущены более чем на три месяца и общая сумма превышает 500 тысяч рублей. Посредством банкротства можно избежать ответственности и претензий по долгам. Вся кредиторская задолженность в этом случае на момент банкротства будет списана.

Что касается удовлетворения требований кредиторов, то согласно ГК РФ: «Требования кредиторов каждой очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований кредиторов предыдущей очереди, за исключением требований кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества ликвидируемого юридического лица». Анализ данной нормы показал, что из общего правила есть исключение.

В 2014 г. были внесены две новые статьи в ГК РФ, касаемо института ликвидации юридического лица — это ст. 64.1 (Защита прав кредиторов ликвидируемого юридического лица) и 64.2 (Прекращение недействующего юридического лица). Данные статьи также были добавлены в ГК РФ, т.к. появилась необходимость их регулирования, и стало возникать много подобных правовых ситуаций на практике. Особенный интерес представляет институт недействующего юридического лица. Юридическое лицо, которое в течение двенадцати месяцев, предшествующих его исключению из единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ), не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету считается фактически прекратившим свою деятельность и подлежит исключению из ЕГРЮЛ.

В ГК М институт ликвидации юридического лица закреплен в ст. 32. В самой статье отсутствует дефиниция понятия ликвидация юридического лица, но, исходя из признаков, присущих данной процедуре, можно сделать вывод о том, что ликвидация юридического лица по монгольскому гражданскому праву также не предполагает наличия правопреемства и означает фактическое и юридическое окончание статуса юридического лица. Также в сравнении с ГК РФ, ГК М все положения сконцентрированы в рамках одной статьи, которая имеет отсылочные нормы на другие законы. Регламентирована четкая очередность удовлетворения требований:

32.5.1. компенсация вреда за причинение вреда жизни или здоровью и другие выплаты по решению суда;

32.5.2. исполнительные затраты в рамках прав и обязанностей ликвидационной комиссии или приравненной к ней лиц;

32.5.3. требования по договорам и сделкам заключенным в период повторной капитализации ответчика в период банкротства;

32.5.4. денежные средства владельцев сбережений;

32.5.5. оплата труда с работающими по трудовому договору;

32.5.6. другими лицами в соответствии с законодательством.

Обеспечение требований к ликвидируемому юридическому лицу осуществляется по принципу удовлетворения каждой очереди после полного удовлетворения предыдущей очереди. Данное положение статьи предполагает, что требования каждой очереди необходимо удовлетворять в полном объеме, причем без полного удовлетворения требований прошлой очереди нельзя перейти к следующей. В монгольском источнике права исключения из правила или отсылка на имеющиеся исключения в других источниках права отсутствует, из чего можно сделать вывод о том, что норма применяется в таком порядке, в каком указано в ГК М.

Также по смыслу статьи 32 ГК М ликвидация юридического лица может быть как на добровольных началах, так и на принудительных.

Здесь следует отметить, что монгольское гражданское право закрепило несколько оснований ликвидации юридического лица. Например, такое основание ликвидации как в связи с истечением срока деятельности или на основании собственного решения о достижении цели и отсутствии необходимости продолжать деятельность. Исходя из данной статьи, можно сделать вывод о том, что ликвидация по данному основанию может быть как добровольной, так и принудительной.

Подводя итог, можно сказать следующее: процедура реорганизации и ликвидации юридического лица — очень важные юридические факты, которые влекут определенные правовые последствия. В анализируемых странах данные вопросы урегулированы: имеются как некоторые общие черты, так и особенности, которые присущи российскому гражданскому праву, но не нашли своего отражения в монгольском гражданском праве и наоборот. Сравнимые правовые институты в России и Монголии имеют некоторые схожие моменты, что объясняется правовым сотрудничеством и обменом юридическим опытом между странами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Гражданский Кодекс Монголии. Часть первая от 10.01.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/assets/civil.pdf> (дата обращения: 06.05.2018).

3. Закон Монголии «О компаниях» от 06 октября 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/profile.jsp?code=MN> (дата обращения: 06.05.2018).

4. Замула Д. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: общее и особенное // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. — 2018. — С. 43–45.

5. Кузьмин А. И. Возникновение, изменение и прекращение права участия в хозяйственных обществах на основании актов корпорации и ее участников [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юр. наук. — М., 2014. — 22 с. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из Электрон. библиотеки диссертаций Рос. гос. б-ки.

6. Поваров Ю. С. Реорганизация и ликвидация товарищества собственников жилья // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — Т. 2. — № 4. — С. 14–18.

7. Медведева Е. И. Основные способы ликвидации предприятий в Российской Федерации // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 частях. — 2017. — С. 100–102.

Отдельные аспекты правового регулирования возобновляемых источников энергии в России, США, Японии и Китае

© Д. Б. Цыденов

студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: dorzho.t@rambler.ru

Проблемы экологии с каждым годом становятся все более актуальными для человечества. Для разрешения этих проблем необходим комплекс мер, в частности включающих меры по эффективному правовому регулированию возобновляемых источников энергии. Автором статьи отмечается недостаточность какой-либо законодательной поддержки развития возобновляемой энергетики в Российской Федерации. В связи с этим, автор анализирует нормы действующего законодательства в США, Японии, Китае. На основе данного анализа, автор предлагает способы улучшения правовых механизмов, направленных на развитие возобновляемой энергетики.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, экологическая безопасность, ограниченность природных ресурсов, Статистический Ежегодник мировой энергетики, инвестиционный кредит, льготное налогообложение, льготные тарифы, Стандарты по возобновляемым источникам энергии, «зеленые» сертификаты, субсидии.

В 21 веке особенно актуальными проблемами для человечества стали проблемы, связанные с экологической безопасностью, ограниченностью природных ресурсов и, соответственно, ограниченностью энергетических возможностей на фоне стремительного роста их потребления, обусловленного увеличением населения планеты, развитием технологий. Одним из вариантов решения данных проблем является стимулирование развития альтернативной энергетики, в частности увеличения использования возобновляемых источников энергии.

Легальное определение возобновляемых источников энергии содержится в статье 3 Федерального закона «Об электроэнергетике». Следует отметить, что перечень возобновляемых источников энергии является закрытым, что создает некоторые проблемы, т.к., например, при открытии новых видов возобновляемых источников энергии для их использования возникнет необходимость вносить дополнения в данную статью.

Возобновляемые источники энергии — это энергетические ресурсы постоянно существующих в природе процессов, энергия которых используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной или иной деятельности. Характерной особенностью возобновляемых источников энергии является их не истощаемость или способность восстанавливать свой потенциал за короткое время в пределах жизни одного поколения людей.

Для осуществления реального развития использования возобновляемых источников энергии, в первую очередь необходимо соответствующее правовое регулирование данной сферы.

В связи с этим представляется интересным законодательства других стран, которые более успешны в развитии использования возобновляемых источников энергии. На основании данных Статистического Ежегодника мировой энергетики к таким странам можно отнести США, Японию, Китай. Доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии с 2005 года по 2016 год увеличилась в США на 6%, в Японии на 8%, в Китае на 9%, в то время как в России эта доля уменьшилась на 1%. Доля ветровой и солнечной энергии в производстве электроэнергии на 2016 год составляет в Японии 4,87%, в Китае 5,39%, в США 7,06%, а в России всего лишь 0,07% [1].

В США нормативно-правовое регулирование развития возобновляемых источников энергии осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов.

Закон «Об энергетической политике», принятый в августе 2005 года, в США является основой для развития энергетической эффективности и альтернативной энергетики. Этот закон продолжил программы поддержки, которые были установлены законом 1992 года, например:

- На технологии, которые основаны на использовании геотермальной и солнечной энергии, предоставляется 10% инвестиционный кредит.

- Льготное налогообложение в размере \$0,015 на 1 кВт (с последующей корректировкой на инфляцию), предоставляемое инвесторам-собственникам коммунальных и частных электростанций, использующих энергии ветра или биомассы замкнутого цикла, введенных в эксплуатацию.

- Предусмотрена система стимулирующих выплат в размере 0.015\$ за 1 кВт, применяемая к федеральным и муниципальным предприятиям, не имеющим возможности получения налоговых льгот, т.к. они не уплачивают федеральный подоходный налог.

Также, существуют льготные тарифы для продажи электроэнергии, преобразованной из возобновляемых источников энергии в сеть (feed-in tariffs). Можно выделить несколько видов подобных тарифов: фиксированная цена на электрическую энергию, преобразованную из возобновляемых источников; фиксированная надбавка к рыночной цене электрической энергии; квоты на объем электрической энергии, преобразованной из возобновляемых источников энергии.

В США установлены Стандарты по возобновляемым источникам энергии (Renewable portfolio standards), обязывающие розничных поставщиков электрической энергии поставлять фиксированный объем электроэнергии, получаемой при использовании возобновляемых источников энергии.

В штате Калифорния, в апреле 2011 года, был принят Закон «О ресурсах возобновляемой энергии», которым установлено, что с 2020 года доля энергии, произведенной при помощи возобновляемых источников энергии, в общей сумме потребляемой жителями штата энергии должна составлять не менее 33%.

Для энергии, полученной из возобновляемых источников применяются специальные «зеленые» сертификаты, которые используются для продажи потребителям, которые готовы платить за электрическую энергию, добытую при помощи возобновляемых источников. Также, допускается купля-продажа данных сертификатов. Например, в большинстве штатов в США используется «система кредитов возобновляемой энергии», при помощи которой субъекты, использующим энергию из возобновляемых источников в недостаточном количестве, имеют возможность обменивать и покупать «зеленые» сертификаты у других субъектов.

Помимо того, учитывая специфику использования возобновляемых источников энергии, нормативно закреплены гарантии охраны прав владельцев объектов, вырабатывающих энергию при помощи возобновляемых источников энергии, от действий лиц, препятствующих работе объектов. Например, в штате Калифорния действуют Закон о Солнечном контроле и Закон о Солнечных правах. Данные законы устанавливают запрет на необоснованные ограничения при установке солнечных генераторов, так, запрещается посадка растений, которые могут затенить солнечные батареи. В Колорадо некоторыми муниципалитетами проводилось «солнечное зонирование», в результате которого были установлены места, где должно быть запрещено любое строительство или посадка деревьев, нарушающих «солнечные права» соседей. Подобным образом законодательством штатов предусмотрены права на ветер, которые создают условия для использования ветрогенераторов.

Наиболее значительных успехов в развитии возобновляемой энергетики среди стран Азии добилась Япония. В Японии в 2011 году был принят Закон «О специальных мерах о приобретении электроэнергетическими компаниями электрической энергии, преобразованной из возобновляемых источников». Данный закон устанавливает право на гарантированное заключение долгосрочных контрактов на поставку энергии и беспрепятственную возможность подключения к электросетям в роли поставщиков электроэнергии для поставщиков энергии, получаемой при использовании возобновляемых источников энергии.

Помимо того, в Японии установлен целевой налог на стимулирование разработки новых источников электроэнергии, составляющий 2% от тарифа на электроэнергию. За счет средств, полученных с данного налога, наполняются фонды, из которых государство финансирует субсидии на осуществление закупок оборудования в сфере возобновляемых источников энергии.

В Японии, также, как и в США, действует «зеленый тариф» (feed-in tariff), который был введен в 2009 году и предполагает установление цен, которые будут покрывать все расходы на производство электроэнергии [2].

В соответствии с Законом Японии «О специальных мерах о приобретении электроэнергетическими компаниями электрической энергии, преобразованной из возобновляемых источников» все наиболее крупные региональные электроэнергетические компании-операторы энергосетей обязаны приобретать у внешних поставщиков всю электроэнергию, полученную в своем регионе из солнечной, ветряной, гидро- и геотермальной энергии, энергии биомассы.

Также в Японии принят акт под названием «Стандарты по возобновляемым источникам энергии» (Renewables Portfolio Standard, RPS). Данными «Стандартами» для электроэнергетических предприятий устанавливается минимальный процент в доле возобновляемых источников

энергии в их топливном балансе. Электроэнергия, получаемая при использовании возобновляемых источников, является отдельным видом продукции, обладающим самостоятельной ценностью. Каждая электроэнергетическая компания обязана каждый год отчитываться о достижении нормативов производства энергии, преобразованной из возобновляемых источников энергии. Конкретные показатели этого норматива каждый год устанавливаются постановлением Министерства экономики, торговли и промышленности Японии. В случае, если полученная энергия превышает норматив, то излишки могут быть как проданы другим компаниям, так и учтены в следующем году как достижение компании. Как следствие происходит формирование своеобразного рынка «зеленой энергии».

Не менее интересным представляется опыт развития возобновляемой энергетики в Китайской Народной Республике. Базовым для развития возобновляемых источников энергии в КНР является Закон «О возобновляемой энергии». В частности, данным законом установлена обязанность приобретения всей электроэнергии, полученной из возобновляемых источников энергии всеми сетевыми компаниями Китая.

Кроме того, при поддержке Правительства в Китае серьезно развито производство технологий производства энергии из возобновляемых источников [3]. Ветрогенераторы, фотоэлектрические панели, и солнечные батареи экспортируются из Китая в США и в страны Европы в значительном количестве, составляя острую конкуренцию европейским производителям.

В России правовое регулирование отношений, связанных с возобновляемыми источниками энергии, практически отсутствует. Основной и фактически единственной мерой стимулирования инвестиций во внедрение возобновляемых источников энергии являются субсидии в порядке компенсации стоимости технологического присоединения генерирующих объектов с установленной генерирующей мощностью не более 25 МВт, признанных квалифицированными объектами, лицам, которым такие объекты принадлежат на праве собственности или на ином законном основании [4]. Все остальные меры, либо не доработаны, либо сложно применимы. Поэтому необходимо совершенствовать существующие правовые механизмы стимулирования использования возобновляемых источников энергии, а также создавать новые, используя опыт зарубежных стран с развитой возобновляемой энергетикой.

Таким образом, прежде всего, необходимо принятие специального закона о возобновляемых источниках энергии. Это сделает регулирование развития возобновляемой энергетики системным.

В России необходимо законодательно установить полномочия органов власти субъектов в области возобновляемой энергетики. Региональная система поддержки возобновляемых источников энергии представляется очень эффективной, ведь успешное функционирование почти всех видов возобновляемых источников энергии во многом обусловлено климатическими и погодными условиями, которые в свою очередь уникальны для каждого региона. Кроме того, это позволяет учитывать всю специфику инфраструктуры энергетических рынков в конкретном регионе.

Следует принять Стандарт по возобновляемым источникам энергии, которым от предприятий электроэнергетики будет требоваться поставка определенного объема электроэнергии, производимой с использованием возобновляемых источников энергии.

Необходимо доработать сертификаты, подтверждающие объем производства электрической энергии на функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии квалифицированных генерирующих объектах, определить их статус, предусмотреть возможность их продажи.

Ввести льготные тарифы для продажи электроэнергии, преобразованной из возобновляемых источников энергии в сеть.

С учетом специфики возобновляемых источников энергии нормативно установить гарантии защиты прав владельцев объектов, генерирующих энергию с использованием возобновляемых источников энергии, перед лицами, которые создают препятствия к работе объекта.

Развитие возобновляемой энергетики необходимо, поэтому хочется верить, что в ближайшее время в России произойдут положительные изменения, касающиеся правового регулирования возобновляемых источников энергии.

Литература

1. Статистический Ежегодник мировой энергетики 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.yearbook.enerdata.ru> Загл. с экрана (дата обращения: 3.05.2018).
2. Стрельцов Д. В. Чистая энергетика в Японии // Восточная аналитика. — № 2. — 2011. — С. 108.

3. Чеснокова С. В. Китай сохраняет лидерство в развитии возобновляемой энергетики // Восточная аналитика. — № 3. — 2012. — С. 161–164

4. Об утверждении комплекса мер стимулирования производства электрической энергии генерирующими объектами, функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии: расп. Правительства РФ от 04.10.2012 № 1839-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 41. — Ст. 5671.

Сравнительно-правовой анализ правового регулирования потребительского кредитования в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© *А. У. Шоболова*

магистрант 2 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Sirempilova-25@mail.ru

Потребительское кредитование представляет собой одно из основных современных направлений деятельности банков. Будучи источником дополнительных доходов банка, потребительский кредит является одним из наиболее надежных и обеспеченных видов кредитования. За последнее время потребительский кредит быстро завоевал доверие клиентов и получил большое распространение во многих странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Целью работы является сравнительно-правовой анализ правового регулирования потребительского кредитования в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Основной метод для проведения исследований сравнительно-правовой. Результаты исследования выражаются в формулировании предложений для решения проблем потребительского кредитования некоторых государств, входящих в АТР. В качестве вывода отметим, что, рынок розничных банковских услуг является с точки зрения банков весьма привлекательным и перспективным. Однако наряду с открывающимися перспективами имеется большое количество проблем, связанных с потребительским кредитованием.

Ключевые слова: потребительский кредит, Азиатско-Тихоокеанский регион, заемщик, кредитор, банк.

В ближайшие годы прогнозируется рост рынка потребительского кредитования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР). Широкая доступность кредитов должна стимулировать расходы населения, что, возможно, повлечет за собой некоторое снижение объема личных сбережений населения и рост объема его долговых обязательств.

В странах АТР финансовый климат в последние годы претерпевает существенные изменения. Наряду с растущей урбанизацией, проявляющейся в быстром росте числа жителей азиатских городов, значительно изменяется потребительское поведение населения. Традиционная исторически сформировавшаяся склонность населения стран АТР к экономии и умеренность в потреблении в значительной мере уступает место новому потребительскому поведению. Люди становятся более активными потребителями, почувствовавшим вкус к совершению крупных и дорогих покупок [2].

В посвященном обзоре азиатских экономик пресс-релизе Мирового Банка отмечалось, что одной из положительных быстро развивающихся тенденций в экономиках стран АТР является быстрый рост потребительского спроса на фоне низких действующих процентных ставок. Популярность покупок в кредит быстро растет, увеличивается число финансовых институтов, предоставляющих населению услуги потребительского кредитования.

Происходящее явление руководство подразделения кредитного бюро Experian в АТР описывает следующим образом: «Происходят стремительные сдвиги в покупательских привычках населения. Потребители почувствовали преимущество такого рода покупок — широкий выбор товаров, предоставляемых в кредит, и низкие цены стимулируют спрос на кредитные услуги финансовых организаций» [7].

Быстро развивающийся спрос на услуги потребительского кредитования, безусловно, представляет собой позитивное явление, но при этом возникают некоторые проблемы, которые не могут быть оставлены без внимания. Основная проблема заключается в существовании серьезных рисков. Азиатские потребители в силу объективных причин имеют существенно меньший кредитный опыт, чем американские и европейские потребители. Проблема рисков усугубляется тем,

что азиатские кредитные рынки пока еще недостаточно развиты и поэтому не могут обезопасить заемщиков от принятия на себя повышенных рисков.

Серьезным поводом для беспокойства, представляется то, что в настоящее время для потребителей практически не имеется и препятствий по числу открываемых кредитов. Банки, по существу, предоставляют кредиты «вслепую», не имея возможности получить достоверную информацию о платежеспособности заемщика. В долгосрочном периоде такое положение дел может создать крупную проблему. В Азии имеются примеры последствий подобных процессов — в Гонконге и в Южной Корее. Оба указанных рынка понесли серьезные убытки от относительно небольшого числа клиентов.

Несмотря на то, что большинство заемщиков, открывающих кредитные линии, стремятся выполнять и фактически выполняют взятые на себя обязательства, определенная часть общего числа заемщиков оказывается не в состоянии соразмерить свои потребительские запросы и финансовые возможности в условиях всеобщего потребительского бума. Например, в Гонконге каждый заемщик, оказавшийся впоследствии неплатежеспособным, имел в среднем по 14 различных кредитных линий, а общий размер его кредитов составлял \$ 75000 [5].

На азиатских рынках уровень потерь по непогашенным кредитам быстро поднялся до уровня, характерного для западных стран. По имеющимся статистическим данным, в США каждый восьмой заемщик из тысячи человек оказывается несостоятельным. Подобное положение сегодня наблюдается в Гонконге, где ранее данный показатель составлял 1:1000, и в Южной Корее, где за более короткий период американские показатели были превзойдены.

По сравнению с Западом обмен кредитными данными из кредитного бюро в таких странах как Таиланд или Индия находится на довольно низком уровне. Определенное исключение представляют собой только Япония и Тайвань. Следует отметить, что отрицательный опыт Южной Кореи и Гонконга способствовал привлечению в этих странах внимания к положению в сфере кредитно-финансовой информации.

В условиях несовершенства рыночной структуры становится более важной роль внедрения и применения современных передовых методологий оценки и анализа кредитного риска и систем сбора информации. Однако, хотя основным источником риска является именно недостаток кредитной информации, это не означает, что банки не должны улучшать применяемые методы управления риском.

Даже в крупных банках, в которых имеется достаточно высокий уровень культуры риск-менеджмента, возникают проблемы, когда они оказываются в информационном вакууме. Одним из таких примеров может служить Гонгконг, где иностранные банки несут такие же потери, как и местные кредитные учреждения. Следует отметить, что методы риск-менеджмента, позволяющие работать в условиях недостатка информации, разработаны и доступны для применения в банковской практике.

Важной проблемой является также то, что азиатские банки стремятся умалчивать об истинных масштабах понесенных ими потерь в результате непогашенных кредитов. Такое поведение было ярко продемонстрировано даже таким развитым представителем азиатского региона, как Япония. Имеющиеся пробелы в представлении информации о реальных убытках ведут к необходимости в разработке и совершенствовании законодательства [1].

Потребительский кредит для заемщиков не является чем-то новым, скорее он уже стал нормой их жизни. Четко отрегулированные в праве процедура кредитования и средства защиты заемщиков позволяют последним довольно уверенно пользоваться данной услугой банков. Коммерческие банки со своей стороны также защищены от неправомерных действий и недобросовестности заемщиков развитой системой кредитных бюро.

Можно сформулировать следующие положения, относительно потребительского кредитования:

- 1) основой потребительского кредитования является взаимное доверие заемщика и банка друг к другу;
- 2) основой взаимного доверия заемщика и банка является информационная прозрачность и четкая законодательная и нормативно-правовая регламентация [4].

В настоящее время потребительское кредитование в странах АТР только входит в повседневную жизнь населения, рынок банковского потребительского кредитования активно развивается, покупки в кредит набирают популярность и потребительский спрос растет. Однако, хорошо отрегулированной правовой базы, на основе которой могли бы строиться доверительные отноше-

ния между коммерческими банками и их клиентами-заемщиками, пока не создано, а значит, не обеспечен достаточный уровень защиты населения от принятия на себя повышенных рисков. Одной из основных причин, вследствие которых коммерческие банки несут потери по непогашенным кредитам, является низкий уровень обмена кредитной информацией.

Можно констатировать, что все проблемы, с которыми сталкивается рынок потребительских кредитов в странах АТР, не являются принципиально неразрешимыми, однако для их решения необходим определенный период времени. Отметим, что коммерческие банки развивающихся стран стремятся использовать мировой банковский опыт и адаптируют его с учетом собственной специфики развития.

К примеру, потребительский кредит стал постоянным спутником городского населения Китая. После снятия основных ограничений на работу в КНР иностранных финансовых институтов два года назад, согласно требованиям ВТО, здесь активно трудятся десятки компаний из Европы и США. Например, голландская PPF Home Credit выдает в день более 5000 кредитов, в основном на покупку мобильных телефонов, мотоциклов и бытовой техники (фактически двукратный рост за год). Регион уже обогнал США по емкости потребительского рынка. По прогнозам Brookings Institution, к 2020 году в Азии будет находиться более половины всего среднего класса в мире (для сравнения: в 2009 году — всего четверть). Потому иностранные бренды пытаются максимально прочно закрепиться в регионе, в том числе и с помощью потребительских кредитов молодежи, которые, таким образом, могут себе позволить купить товары, до которых в обычных условиях им пришлось бы еще финансово расти несколько лет.

Хотя в целом уровень персональной задолженности во многих странах Азии существенно отстает от американского, в пересчете на подушевой доход уровень долга в Малайзии, Китае, Южной Корее, Таиланде, Индонезии и Индии уже выше, чем в США, на 10-30%. Пока экономика стран АТР растет, это не так опасно. Контролирующие органы уже начинают принимать превентивные меры, к примеру, Центральный банк Индонезии установил минимальный размер взноса при покупке мотоцикла или бытовой техники [6].

Тем не менее, очевидно, что объемы потребительского кредитования в государствах АТР будут только расти. Возможно, именно это станет тем решающим фактором, который изменит модель развития главного локомотива азиатской экономики — Китая. Общество, начавшее жить в кредит, как показывает опыт США и Западной Европы, очень неохотно отказывается от этой привычки.

Данные Центрального банка Китая показывают, что в потребительские кредиты в среднем в год показывают более 20% роста. Масштабы потребительского кредитования Китая будут расти и к 2019 году станут 37,4 млрд. юаней, что в пять раз больше чем в 2010 году.

Потребительский кредит рынок Китая прогнозируется дальнейший рост. В 2007–2017 годы, масштабы потребительского кредита Китая 24,7%, консервативный прогноз 2017–2027 годовой темп роста 15,0%, масштаб потребительского кредита более 35 трлн. юаней 2027, если годовой темп роста 18,5% потребительского кредита в 2027 году будет размер более чем 42 трлн юаней [3].

Вместе с тем решение проблем потребительского кредитования государств, входящих в АТР нами видится в следующем:

- должна быть законодательно закреплена защита прав потребительских кредитных услуг, ответственность сторон в случае нарушения потребительского кредитного договора;
- необходима налаженная системы кредитных бюро для сбора информации о заемщиках.

Полная регламентация нормативно-правовой базы обеспечивает защиту, как кредитора, так и заемщика от форс-мажорных обстоятельств, которые связаны с сознательным или вынужденным уклонением участника сделки от исполнения взятых на себя обязательств по договору потребительского кредитования. В таких случаях эффективное гражданское законодательство способно оперативно и с минимальными издержками защитить в судебном порядке финансовые интересы и права сторон.

Литература

1. Американская статистическая ассоциация [Электронный ресурс]. — URL: amstat.org/publications/jbes/index.html (дата обращения: 12.06.2018).

2. Журнал финансового и количественного анализа [Электронный ресурс]. — URL: <http://depts.washington.edu/jfqa> (дата обращения: 12.06.2018).

3. Специальное исследование потребительского финансирования [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.199it.com/archives/456343.html> (дата обращения: 12.06.2018).
4. Управление рисками потребительского кредитования на развивающемся рынке: пример Китая. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com> (дата обращения: 12.06.2018).
5. Финансовые посредники [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.apnet.com/www/journal/jf.htm> (дата обращения: 12.06.2018).
6. Ценность Китая [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.chinavalue.net/Media/Article.aspx> (дата обращения: 12.06.2018).
7. Шао Н. Развитие потребительского кредитования в Китае [Электронный ресурс]. — URL: <http://elib.spbstu.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

Некоторые различия в применении способов обеспечения исполнения обязательств по гражданскому законодательству России и Монголии

© *А. В. Эпова*

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: alena.epova.1997@mail.ru

В статье проанализирован институт обеспечения исполнения обязательств, характеризуются способы обеспечения исполнения обязательств. Обязательство предоставляет кредитору право требовать, однако это не всегда обеспечивает надлежащее исполнение взятого на себя обязательства. Вопрос обеспечения исполнения обязательств представляет собой особый интерес для участников гражданского оборота, в этом заключается актуальность данной темы и необходимость в ее изучении.

Ключевые слова: обязательство, должник, кредитор, неустойка, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж.

Обеспечение обязательств занимает важное место в системе институтов гражданского права. Смыслом существования данного института является то, что кредитор (управомоченная сторона в обязательстве) должен быть уверенным в том, чтобы должник (обязанная сторона в обязательстве) исполнил обязательство надлежащим образом, без каких-либо имущественных потерь, убытков, как для кредитора, так и для самого себя. Нередки те случаи, когда обязательство по тем или иным причинам не исполняется должником, а кредитор несет при этом существенные имущественные потери. Как быть в данном случае? Естественно, нужны такие способы, которые, с одной стороны — побудят должника к исполнению обязательства, а с другой — обеспечат кредитору восполнение тех имущественных потерь, которые он понес вследствие неисполнения должником своих обязанностей.

В Гражданском законодательстве Российской Федерации, в гражданском кодексе (далее ГК РФ) способам обеспечения исполнения обязательств отдельно посвящена глава 23. В соответствии с данной нормой, к таким способам относятся: неустойка, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж и другие способы, предусмотренные законом и договором.

В Гражданском законодательстве Монголии данному институту посвящена глава 19 гражданского кодекса Монголии (далее ГК Монголии), в соответствии с которой к данным способам относятся: неустойка, задаток, гарантия, залог, поручительство, договор передачи в собственность имущества для обеспечения исполнения обязательств (фидуция), иные способы, указанные в законе.

Первое, что необходимо отметить — законодатель не ограничился способами, указанными в данных главах. Перечень является открытым, что, в свою очередь, предоставляет кредитору либо право выбора между существующими, либо установление какого — либо иного способа, не указанного в данных статьях, который, по мнению кредитора и должника, будет способствовать надлежащему исполнению обязательств. Но здесь необходимо обратить внимание, что по российскому законодательству иные способы могут быть установлены как законом, так и договором между сторонами, по законодательству Монголии, исходя из формулировки статьи 231.1, следует, что иные методы могут быть установлены законом, про договор между сторонами ничего не сказано.

В Гражданском законодательстве Монголии отдельного регулирования заслужил договор о передаче имущества в собственность для обеспечения исполнения обязательств (фидуция), известный еще со времен римского права. По договору фидуции лицо, принимающее обязательства, в целях обеспечения исполнения основного обязательства по выплате денег, несет обязательство по передаче движимого имущества в собственность кредитору, а в случае исполнения основных обязательств в срок должником, кредитор несет обязательство по возвращению ему данного имущества соответственно. Договором может быть предусмотрено, что лицо, принявшее имущество, имеет право использовать его в своих личных целях. В законодательстве России такого способа обеспечения исполнения обязательства нет, судебная практика по этому вопросу различна, в литературе высказываются за введение этого способа в законодательство. Так, В. В. Скворцов предложил внедрить такую форму залога, которая будет представлять собой право присвоения (фидуциарный). Аналогичной позиции придерживаются Р. Хаметов и О. Миронова [1, с. 18]. Другие утверждают обратное: фидуциарный залог неприемлем для российского права. Третьи занимают умеренную позицию, говоря о том, что фидуциарный залог не противоречит закону.

В ГК РФ, в отличие от монгольского законодательства, закреплен такой способ как, удержание вещи должника. Профессор Д. И. Мейер определял удержание как право владельца чужой вещи не выдавать ее собственнику до исполнения лежащего на нем перед владельцем обязательства [2, с. 264]. Его сущность, исходя из данной формулировки состоит в том, что должник также становится заинтересованным в надлежащем исполнении обязательства, ведь чем быстрее он исполнит обязательство, тем быстрее удержанная вещь вернется к нему назад.

В современной российской практике залог является самым распространенным способом обеспечения обязательств. В Гражданском законодательстве России исследуемый институт является еще и самым регламентированным, по сравнению с другими способами обеспечения обязательств.

Залог по законодательству указанных стран означает право залогодержателя при неисполнении обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами. В ГК РФ закреплены статьи, регулирующие отдельные виды залога, например, залог товаров в обороте, залог вещей в ломбарде, залог обязательственных прав, залог прав по договору банковского счета, залог прав участников юридических лиц, залог ценных бумаг, залог исключительных прав. Полагаем, что в данном вопросе российский законодатель более подробно изложил сущность различных видов залога, тогда как по ГК Монголии специально регулируются вопросы залога движимого имущества и прав, а также недвижимости (ипотека), конкретизация на отдельные виды залога отсутствует.

Задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения. Соглашение о задатке, независимо от его суммы, согласно положениям ГК РФ должно осуществляться в письменной форме, аналогичного указания в ГК Монголии нет.

Существенным отличием является то, что по ГК Монголии, сторона, получившая задаток, не обязана к его возврату в двойном размере. Задаток возвращается, но лицо, внесшее задаток, вправе предъявлять требование по устранению причиненного вреда.

После нововведений 2015 года в Гражданском законодательстве России, а именно в статье 381.1 ГК РФ был закреплен такой способ обеспечения исполнения обязательств, как обеспечительный платеж. В самом общем виде, «обеспечительный платеж представляет собой способ обеспечения интересов кредитора, при котором контрагент, получающий с определенной периодичностью товары, (работы, услуги) на условиях отсрочки платежа, перечисляет кредитору определенную денежную сумму, которая находится на счету у кредитора, и в случае неисполнения контрагентом своих обязательств по оплате засчитывается кредитором для погашения образовавшегося долга [3, с. 154]. В ГК Монголии данный способ обеспечения исполнения обязательств отсутствует.

Понятие неустойки в данных странах аналогично. Под неустойкой понимается денежная сумма, которая должна быть выплачена другой стороне в соответствии с законом или договором стороной, неисполнившей или ненадлежащее исполнившей принятые на себя обязательства. По Гражданскому законодательству России, определение неустойки, штрафа и пени закреплено в статье 330. Тогда как по монгольскому законодательству, определение штрафа и неустойки конкретизируется в отдельных статьях Гражданского кодекса. Здесь же необходимо отметить, что в

ГК Монголии дается указание на то, что общая сумма неустойки не может превышать 50% от суммы неисполненных обязательств, в ГК России данное указание отсутствует. При очевидно большем размере неустойки суд может, с учетом условий и обстоятельств дела, снизить ее размер, — данное положение характерно как для Гражданского законодательства России, так и Монголии.

В ГК Монголии по договору поручительства поручитель обязуется перед кредитором отвечать за исполнение должником своих обязательств, а в случае неисполнения принимает обязательство на себя. В ГК РФ по договору поручительства поручитель обязуется перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Вероятно, формулировка ГК Монголии более точна, поскольку поручитель, прежде всего, исполняет долг должника, а затем уже и определенные неблагоприятные последствия. Схожим является и то, что договор поручительства может быть заключен в отношении обязательств, ожидаемых в будущем.

Что касается гарантии, то в статье 368 ГК РФ дается определение данному способу, в ГК Монголии законодательно не закреплено данное понятие, указано лишь то, что третье лицо для обеспечения исполнения обязательств, принятых на себя должником, может выдать гарантию кредитору. Наряду с обычной гарантией допускается банковская гарантия, где банк по письменному требованию кредитора от имени должника берет на себя обязательство исполнить денежный платеж, а должник обязуется выплатить платеж банку, выдающему гарантию.

Таким образом, Гражданское законодательство России и Монголии в части института способов обеспечения исполнения обязательств имеет как схожие черты, так и некоторые различия.

Обеспечение исполнения обязательств выполняет важную функцию в обязательственных отношениях, возникающих между кредитором и должником. Гражданский кодекс России и Гражданский кодекс Монголии содержит комплекс эффективных, на наш взгляд, правовых средств, направленных на обеспечение исполнения обязательств.

Литература

1. Хаметов Р., Миронова О. Обеспечение исполнения обязательств: Договорные способы // Российская юстиция. — 1996. — № 5. — С. 18–19.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. — Изд. 8, перераб. и доп. — М.: Статут. — 1997. — 455 с.
3. Маслов Ю. С. Обеспечительный платеж как поименованный способ обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России. — 2016. — С. 153–157.

Усыновление в России и США: сравнительный анализ

© *А. В. Эпова*

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: alena.epova.1997@mail.ru

Тема усыновления очень актуальна в настоящее время, как в России, так и за рубежом. В статье проанализированы источники, которые регулируют институт усыновления. Определены требования, предъявляемые к усыновителям и усыновляемым.

Ключевые слова: семья, усыновление, претендент, попечение, гомосексуальная ориентация, сиблинг, тайна усыновления.

Семья — это ячейка общества. Формирование полноценной личности, мировоззрения, начинается именно в семье, там же мы узнаем о главных жизненных ценностях, семья направляет нас на правильный жизненный путь. Это, действительно, счастье — жить и воспитываться в семье, в которой тебя любят, оберегают, поддерживают. Семья — это тепло и уют, это то место, которое дает почувствовать свою важность и нужность.

Но бывают случаи, когда дети по тем или иным причинам остаются без попечения и заботы родителей. Чтобы минимизировать ребенку потерю родителей, компенсировать их отсутствие, государство и общество принимает различные меры. Практика показала, что самой лучшей из имеющихся мер является усыновление (удочерение). Институт «усыновления» существует во многих странах мира. Рассмотрим более детально правовое регулирование этого правового института в России и США.

Усыновление в Российской Федерации регламентировано несколькими нормативно-правовыми актами:

- Семейным кодексом Российской Федерации, глава 19 (ст. 124–144);
- Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации, глава 29 (ст. 269–275);
- Федеральным законом «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» от 16.04.2001 № 44-ФЗ и другими.

При разрешении споров об усыновлении суды, государственные и правоохранительные органы также руководствуются разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей».

В США «усыновление регулируется унифицированным законом об усыновлении (Uniform Adoption Act), одобренным в 1994 году межштатным консультативным органом — национальной конференцией за единообразие законов штатов (National Conference of Uniform State Laws) и федеральным законом об иммиграции и гражданстве» [1, с. 2]. Кроме того, каждый штат вправе принимать нормативно-правовые документы по вопросам усыновления, которые действуют только на территории конкретного штата. В США в качестве источника права также используется прецедентная судебная практика.

Под усыновлением в России понимают «приоритетную форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей» [3]. Усыновление допускается только в отношении несовершеннолетних детей с учетом их интересов. Усыновить ребенка можно только с согласия его родителей или руководства детского учреждения, в котором находится усыновляемый. Исключение составляют случаи, когда местонахождение родителей неизвестно; родители являются недееспособными или лишены родительских прав. Разница в возрасте между усыновителем, не состоящим в браке, и усыновляемым ребенком должна быть, как правило, не менее шестнадцати лет. По причинам, признанным судом уважительными, разница в возрасте может быть сокращена. Например, «если ребенок привязан к лицу, желающему его усыновить, считает его своим родителем» [4]. При усыновлении ребенка отчимом (мачехой) наличие разницы в возрасте не требуется. В России обязательны следующие условия усыновления ребенка: требования к личности (возраст, отсутствие судимости, недееспособные, лишены родительских прав и т.д.); требования к условиям, в которых в дальнейшем будет проживать ребенок (санитарные, эпидемиологические, количество квадратных метров); соответствие дохода минимальному прожиточному минимуму; согласие родителей в случаях, если усыновляемый не достиг 16 лет либо органов опеки и попечительства при отсутствии родителей усыновляемого, если он достиг 10 лет; пропажа, недееспособность, лишение родительских прав и если родители по неуважительной причине более 6 месяцев проживают отдельно от ребенка, не оказывают должного воспитания; состояние здоровья должно позволять осуществлять уход за ребенком. Итак, усыновителями в России могут быть лица, которые:

1. достигли совершеннолетнего возраста;
2. не имеют проблем со здоровьем;
3. являются дееспособными;
4. не заключали брака с гражданином, который является недееспособным;
5. имеют достаточную прибыль;
6. владеют недвижимостью;
7. прошли специальный психологический и педагогический курс;
8. не имеют судимости;
9. не лишены родительских прав (не отменялось решение о попечительстве ранее).

Предпочтение, так же как и в США, отдается семьям родственников. Кроме этого, в России существует законодательный запрет, включая запрет на международное усыновление в страны, где разрешено усыновлять семьям с нетрадиционной ориентацией родителей. Однако следует отметить, что в России воспринята идея единоличного усыновления, при реализации которой сложно отследить попадание ребенка в однополую пару.

Законодательного закрепления понятия «усыновление» в США не существует. Однако есть мнение о том, что усыновление — это второстепенный тип родственной заботы. Отличие прослеживается и в том, что в США усыновить молодого человека можно в любом возрасте. Так, 25 штатов США позволяют усыновлять молодых людей старше 18 лет, но при определенных условиях:

1. если человек является недееспособным или умственно отсталым;

2. если кандидат в усыновление является недееспособным, или пасынком, отношения с которым уже существовали во время его несовершеннолетия;
3. если человек приходится усыновителю племянницей или племянником и проживал в течение трех месяцев с ним до наступления совершеннолетия;
4. если он моложе усыновителя не менее чем на 15 лет.

Существуют также определенные требования: ребенок может быть усыновлен только после того, как его родные родители будут лишены родительских прав (это может быть добровольно и принудительно); семейная пара должна состоять в браке не менее двух лет, причем возраст родителей должен быть не менее 25 лет и не более 43; уровень дохода семьи или одинокого усыновителя должен на 25% превышать средний уровень дохода для данного региона США; каждый претендент на усыновление должен сдать отпечатки пальцев и пройти проверку в полиции и ФБР.

Устройство в семью с нетрадиционной ориентацией в США разрешено не во всех штатах, и когда дети не соглашаются идти в семьи с нетрадиционной ориентацией, с ними ведется работа по разъяснению, цель которой уговорить ребенка принять решение прийти в такую семью [2, с. 176]. Право на усыновление однополыми партнерами рассматривается в трех аспектах:

1. усыновление однополый парой чужого ребенка;
2. усыновление человеком гомосексуальной ориентации чужого ребенка индивидуально;
3. усыновление гомосексуальным партнером ребенка партнера — биологического родителя усыновляемого.

В Семейном кодексе РФ установлено, что усыновление братьев и сестёр разными лицами не допускается, кроме случаев, когда это соответствует интересам детей. В США нет законодательного закрепления запрета на разделение сиблингов (потомков одних родителей). При устройстве в семью, специалисты, конечно, пытаются устроить их вместе, но на практике это получается редко.

В России и США существует тайна усыновления. Это напрямую связано с тем, чтобы ребенок в приемной семье жил в безопасности, был огражден от боли и эмоциональных переживаний.

Необходимо отметить тот факт, что в России процедура усыновления является бесплатной. Посредническая деятельность по усыновлению детей, то есть любая деятельность в целях подбора и передачи детей на усыновление от имени и в интересах лиц, желающих усыновить детей, не допускается (ст. 126.1 СК РФ). Не является посреднической деятельностью органов опеки и попечительства и органов исполнительной власти по выполнению возложенных на них обязанностей по выявлению и устройству детей.

В США данная процедура платная и это объясняется тем, что усыновлением чаще всего занимаются агентства. Деньги, которые платят усыновители, идут на заработную плату сотрудникам агентств, уровень образования которых должен быть не ниже уровня магистра. Те, в свою очередь, проводят различные исследования в области усыновления, предоставляют консультации по лишению родительских прав и осуществляют надзор за семьями, принявшими на воспитание ребенка.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых — целью государственной политики и в России, и в США является сохранение ребёнка в «кровной» семье, а в случаях, когда это невозможно — найти ему постоянное семейное устройство.

Во-вторых, усыновить ребенка — это достаточно сложный и долгий процесс, причем, не все кандидаты могут стать усыновителями, необходимо соблюдение определенных требований, которые в России и США различны.

Литература

1. Развитие законодательства об иностранном усыновлении в США, Италии, Испании, Канаде [Электронный ресурс]. — URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-167557.html>.
2. Семья Г. В. Сравнительный анализ систем защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в России и США // Петербургская социология сегодня. — СПб.: Нестор-история, 2016. — № 7. — С. 157–181.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Квалификация предметов преступления на примере России и Китая

© *О. С. Бадиева*

магистрант 1-го года обучения
Санкт-Петербургского института (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»
Россия, Санкт-Петербург
E-mail: badievaolgasol@mail.ru

Предмет и объект преступления имеют весьма схожие уголовно-правовые определения, однако эти понятия различны. Правильное разграничение данных терминов позволяет более четко усвоить их правовую сущность и природу. Как указывает в своей работе Б.В.Епифанов, диспозиции статей Особенной части российского уголовного законодательства не всегда точно указывают на объект и предмет преступления, поэтому с помощью приемов логического толкования приходится устанавливать их взаимосвязь и делать вывод, что объект преступного посягательства может быть определен через предмет посягательства и наоборот — верное понимание предмета преступного посягательства помогает лучше понять предмет преступления. Как полагает Н. А. Беляев, предмет посягательства — это элемент объекта посягательства, воздействуя на который преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение. Поскольку общественное отношение является охраняемым объектом, предмет посягательства рассматривается в качестве элемента объекта посягательства.

Как полагает Б. В. Епифанов, предметом преступления необходимо считать лишь вещи, материальные субстраты объективного мира, но не действия субъектов общественных отношений и не самих субъектов этих общественных отношений [5, с. 34–35]. В таком случае предмет будет являться исключительно материальным — в приведенном случае, к примеру, предметом преступления будет являться непосредственно объекты дикого животного мира, расположенные на территории РФ, объектом же выступает вся совокупность и общность нематериальных отношений по защите экологии на территории РФ.

М. П. Бикмурзин отмечает, что предмет преступления — это указанный в уголовном законе объект материального мира, либо информация, путем создания которых или воздействия на которые виновный непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления [4, с. 57].

В теории уголовного права объект преступления имеет четырехзвенное деление, принятое классическим — это видовой, родовой, общий и непосредственный объект преступления. Теоретическая научная классификация объекта всегда предполагала наличие видového объекта, который представляет собой систему однородных максимально сходных общественных отношений, охраняемых уголовным законом и расположенных в рамках родового объекта. К примеру, в сфере экологии именно видовой объект группирует такие преступления, как преступления в отношении объектов животного мира и преступления в отношении объектов растительного мира, а также преступления против окружающей среды [9].

Объект преступления выражает характер общественной опасности совершенного преступления, при этом размер причиненного охраняемому объекту ущерба является критерием определения степени общественной опасности. Отличие объекта преступления от предмета преступления состоит в том, что объект входит в уголовно-правовой состав преступления. Объект преступления — это охраняемые уголовным правом общественные отношения. При этом такие общественные отношения могут охраняться и иными видами правоотношений — гражданским, административным, конституционным, однако уголовное право применяется в случае наибольшей общественной опасности содеянного.

В. Ю. Шевченко в своей работе замечает, что предмет преступления не всегда может являться выражением объекта преступления. Таков он лишь в тех случаях, когда совпадает с предметом охраняемого общественного отношения. Так, к примеру, в случае совершения преступлений против собственности охраняемой общественной категорией выступает собственность в виде материальных вещей и предметов, а также прав на данное имущество. Предмет преступления совпа-

дает в таком случае с объектом, поскольку данная категория преступлений посягает на собственность в виде имущества или прав на имущество, что одновременно является и предметом преступного посягательства.

Предмет и объект преступления не совпадают, к примеру, в случае совершения фальшивомонетничества, предусмотренного ст. 186 Уголовного Кодекса РФ[1], предметом преступления являются фальшивые деньги, тогда, как объектом посягательства являются общественные отношения в сфере финансовой деятельности по защите подлинных денег и ценных бумаг. Таким образом, в данном случае предметом преступления считается предмет, несущий на себе следы преступного деяния, с помощью которого совершается преступление. Как указывает В. Ю. Шевченко, предмет преступления выступает самостоятельным факультативным признаком состава преступления [11, с. 20].

Объект преступления — это общественные отношения, которым причиняется вред совершением преступления. В рамках такого обязательного элемента преступления квалифицируется сам объект преступления как обязательный элемент состава преступления, а также предмет преступления и потерпевший как факультативные, то есть, дополнительные признаки состава преступления.

Из этого можно заключить, что предмет преступления факультативным признаком входит в состав объекта преступления, то есть, является одной из его составляющих частей [6, с. 23].

Китайское уголовное право также предусматривает четырехэлементную структуру состава преступления — объект, субъект, объективная и субъективная сторона деяния. Однако с начала 1990-х годов такая структура стала объектом критического анализа. Данная структура преступления была заимствована из советского уголовного права, однако в последнее время ряд китайских ученых предлагают включить в конструкцию состава преступления обстоятельства, исключающие преступность деяния, а также обстоятельства, подчеркивающие множественность преступлений[8, с. 1– 2].

Определение предмета преступления в китайском уголовном законодательстве может быть проанализировано, исходя из определения преступления в ст. 13 УК КНР. Преступлением является деяние, наносящее вред государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности государства, направленное на раскол государства, подрывающее власть народно-демократической диктатуры, направленное на свержение социалистического строя, нарушающее общественный и экономический порядок, посягающее на государственную и индивидуальную собственность граждан, на коллективную собственность трудящихся масс, а также наносящее вред обществу[10].

Из такого определения можно вывести исчерпывающий перечень объектов преступления, на которые может быть совершено преступное посягательство — это соответствующие общественно охраняемые сферы, прямо перечисленные в ст. 13 УК КНР. Из этого можно усмотреть определенные различия между уголовными законодательствами двух стран, хотя они и являются формальными. В УК РФ объект преступления не включается в определение преступления, как это сделано в УК КНР. Объекты преступления в российском уголовном праве определяются по главам Особенной части УК РФ, направленным на защиту тех или иных общественных отношений.

В теории уголовного права Китая господствует точка зрения, что деяние, которое не причиняет вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным правом, не является преступлением. Идеология оказала сильное влияние на теорию объекта преступления как совокупность общественных отношений в обоих государствах. Деидеологизация уголовного права в большей степени заметна в России и в меньшей степени — в Китае. Разница объясняется тем, что по Конституции Китайской Народной Республики идеи марксизма — ленинизма и Мао Цзэдуна до сих пор признаются господствующими [7].

Особенная часть УК Китая состоит из 10 глав, 350 статей. Каждая из них содержит описание признаков конкретного состава преступления. Статьи не имеют названия, как правило, состоят из одной или двух частей, в каждой из которых описан простой состав преступления либо в части второй содержатся указания на какие-либо обстоятельства, не связанные с квалифицирующими признаками. Уголовному праву Китая они неизвестны.

В этом имеется существенное различие способа построения уголовного законодательства России и Китая. Объект преступного посягательства не указывается специально в Особенной части УК КНР, а статьи УК КНР поделены по принципу важности и общественной опасности с точки зрения государства. Так, наиболее общественно опасными преступлениями являются преступ-

ления против государственной и общественной безопасности. Квалификация предмета преступления идеологизирована и сведена к ранее действовавшим нормам советского уголовного права, предусматривавшего господство коллективного над частным и всеобщего интереса над индивидуальным. Поскольку предмет преступления предусматривает дискретизацию общественно охраняемого отношения и сосредоточения на индивидуальном частном признаке уголовно-правовой охраны, квалификация предмета преступления в китайском уголовном праве не развита в такой же мере, как в российском УК РФ. Квалификация предмета преступления позволяет конкретизировать состав преступления и свести его от общего к более частному порядку, хотя и охраняемому в публичном порядке. Поскольку в китайском УК частные интересы явно ущемлены в сравнении с государственными и коллективными интересами, квалификация предмета преступления затруднена, что представляет определенную проблему квалификации состава преступления.

Представляется верным мнение большинства исследователей о том, что лишь деидеологизация уголовного права Китая способна улучшить ситуация с квалификацией предмета преступного посягательства [3, с. 108–110].

Литература

1. Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ — 17.06.1996 г. — № 25 ст. 2954.
2. Беляев Н. А. Курс советского уголовного права. — Т. 1. — Л., 1968. — 648 с.
3. Есаков Г. А. Уголовное право зарубежных стран: учебник / под ред. Г. А. Есакова. — М.: Юристъ, 2009. — С. 108–110.
4. Бикмурзин Н. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. — М., Юрлитинформ, 2006. 184 с.
5. Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России — 2015. — № 2(66).
6. Маслакова Е. А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений // Ученые записки Орловского государственного университета — 2015. — № 1(64).
7. Павлова М. О. Понятие объекта преступления в России и в Китае [Электронный ресурс]. — URL: <http://headinsider.info/1x48f.html> (дата обращения: 27.05.2018).
8. Сравнительное исследование учения о составе преступления в Китае и в России / под ред. Хэ Бинсуна, В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева. — Пекин, 2008. С.1–2.
9. Улезько С. Н. Классификация объектов преступления // Общество и право — 2013. — № 4(46).
10. Чайхай Лун. Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // LexRussia. — 2016. — № 9(118).
11. Шевченко В. Ю. Предмет и объект преступления // Юридические науки. — 2013. — № 1.

Новая норма о процессуально-правовом положении органов народной прокуратуры в «Разъяснениях относительно применения закона при рассмотрении судебных споров по искам органов народной прокуратуры, поданным в целях защиты общественных интересов»

© **Би Чжиюн**

магистрант Китайского политико-юридического университета
Китай, г. Пекин

Одной из надзорных функций народной прокуратуры являются возбуждение дел, административных или гражданских, в общественных интересах. В процессе народная прокуратура осуществляет процессуальные права и исполняет процессуальные обязанности. Правовое положение органов народной прокуратуры, выступающих в качестве процессуальных истцов, отличается от положения фактических истцов и положения органов народной прокуратуры в уголовном процессе. 2 марта 2018 г. Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура совместно опубликовали «Разъяснения относительно применения закона при рассмотрении судебных споров по искам органов народной прокуратуры, поданным в целях защиты общественных интересов» (далее — «Разъяснения»). Разъяснения на основе принципов гражданского процесса уточняют специфику процессуально-правового положения прокурора, отличного от процессуально-правового положения фактического истца.

Ключевые слова: народная прокуратура, Верховный народный суд, прокурор, истец, разъяснения, ГПК КНР, АПЗ КНР.

Согласно статье 4 Разъяснений в полномочия органов народной прокуратуры входит судебная защита общественных интересов, перечисленных как экологическая среда и ресурсы, безопас-

ность пищевых продуктов и наркотиков, государственное имущество, право на пользование государственной землёй.

До публикации Разъяснений статус прокурора в системе судебной защиты общественных интересов носил неопределенный характер.

В июле 2015 г. Постоянный комитет ВСНП уполномочил Верховную народную прокуратуру реализовать в 13 провинциях и городе Пекине двухлетний проект, связанный с защитой общественных интересов в судебном порядке. Несмотря на то, что достиг некоторых результатов, но ещё существует относительно статуса органов прокуратуры между представителями науки и практическими работниками.

В июне 2017 г. Постоянный комитет ВСНП внес изменения в Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (далее — ГПК) и Административный процессуальный закон Китайской Народной Республики (далее — АПЗ), в соответствии с которыми органы прокуратуры создают систему судебной защиты общественных интересов. Однако эти изменения не внесли ясность в вопрос о статусе прокурора как процессуального истца при защите общественных интересов.

Согласно статье 134 Конституции КНР и статье 1 Закона о народной прокуратуре КНР прокуратура является главным надзорным органом страны. В судебных разбирательствах по защите общественных интересов прокуратура, будучи государственным органом, исполняет обязанности по надзору за соблюдением законодательства [1, с. 2]. Статья 4 Закона о народной прокуратуре КНР гласит, что народная прокуратура осуществляет процессуальные права и исполняет процессуально-правовые обязанности в соответствии с ГПК и АПЗ, если иное не предусмотрено законом [2, с. 2].

Согласно Разъяснениям народная прокуратура имеет право возбуждать судебный процесс по защите общественных интересов, но это не означает, что прокуратура приобрела статус фактического истца. Статья 48 ГПК предусматривает, что граждане, юридические лица и другие организации могут быть истцами. В пункте 1 статьи 25 АПЗ предусматривается, что граждане, юридические лица и другие организации имеют право обратиться в суд. Как видно из содержания указанных статей, органы народной прокуратуры как государственные органы не имеют статуса фактического истца.

Изменения в ГПК (статья 55) и в АПЗ (статья 4), произошедшие в июне 2017 г., предоставили прокуратуре инициировать возбуждение гражданского дела по защите общественных интересов, но не затронули статью 48 ГПК и пункт 1 статьи 25 АПЗ. Таким образом, законодательный орган КНР прямо не отнес органы прокуратуры к числу процессуальных истцов.

Осуществляя надзорные права, прокуратура должна придерживаться принцип равенства сторон. Указанное процессуальное участие прокурора не должно влиять на независимый и справедливый суд дела в соответствии с законом. При рассмотрении дела о защите общественных интересов прокурор пользуется правами и обязанностями стороны судебного разбирательства, а не органа государственного надзора. В соответствии с Разъяснениями органы прокуратуры, не согласные с решением суда первой инстанции по делам о защите общественных интересов, могут подать апелляционную жалобу.

Подводя итоги анализа имеются следующие две особенности новой нормы о процессуально-правовом положении органов народной прокуратуры как процессуальных истцов при рассмотрении гражданских дел, возбужденных в общественных интересах.

С одной стороны, статус органов народной прокуратуры в делах о защите общественных интересов носит специальный по отношению к истцам характер. С другой стороны, органы народной прокуратуры инициируют возбуждение гражданских дел о защите общественных интересов в соответствии с правилами подачи исков, предусмотренных ГПК и АПЗ. Существует принципиальное различие между участием прокурора в делах о защите общественных интересов (ГПК и АПЗ) и в делах, связанных с уголовным преследованием (Уголовный процессуальный кодекс КНР).

Литература

1. Чжан Сюэбяо О Разъяснениях относительно применения закона при рассмотрении судебных споров по искам органов народной прокуратуры, поданным в целях защиты общественных интересов // Прокуратура. 17 марта 2018 г. № 3.

2. Цзян Биксин О применении Гражданского процессуального кодекса КНР и Административного процессуального закона КНР в части рассмотрения судебных споров по искам органов народной прокуратуры, поданным в целях защиты общественных интересов // Народный суд. 5 марта 2018 г. № 3.

Развитие наказания в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© *Б. И. Васильев*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

В статье рассматриваются особенности развития наказания в Японии, Китае, Вьетнаме на отдельных примерах разных периодов времени и особенностей указанных стран.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, история наказания, наказание.

Оптимизация организации отношений в группе людей и отношений группы к окружающему миру при усилении процессов дифференциации обществ, росте разнообразия их элементов, усложнении их структуры, сопутствовало требованию соблюдения установленных правил как-то и стало причинение боли и страданий [1, с. 388–389]. Как выражается Ф. М. Городинец: «Особенность правового воздействия этнического стереотипа поведения, обусловлена сложностью его структуры, включающей в себя цель, алгоритм воздействия и санкции» [2, с. 223–226].

В некоторых азиатских странах АТР, в частности Китая, Японии, Вьетнама, такими представлениями выступали идеи конфуцианства. Учение Конфуция составило идеи гармонично упорядоченном обществе и идеальном человеке. Идеалы Конфуция проникли глубоко в китайскую культуру, а также оказали большое влияние на некоторые другие страны.

Конфуцианство на протяжении более чем двух тысячелетий оказывало влияние Китайскую администрацию и жителей Китая. Несмотря ни на попытки ослабить в семейные отношения политических целях, ни на ослабление семейных связей с развитием земельных отношений, семейные отношения в Древнем Китае сохранялись на протяжении многих веков.

О системе права Древнего Китая свидетельствуют кодексы, принятые во времена династий Цин и Хан (правила 400 лет). В соответствии с семейными отношениями и выстраивались представления о праве. Власть старших была неограниченной, было возможна продажа детей, кроме старшего сына, безнаказанное избивание младших членов семьи и даже их убийства. Наказание за некоторые преступления зависело от возраста и положения в семье виновного. Например, старший брат, ударивший младшего, не несёт наказания; младший брат, ударивший старшего, мог быть наказан на 30 месяцев каторжных работ или 90 ударами бамбуковыми палками. За кражу имущества родителями у своих детей наказание не предусматривалось, в отличие от присвоения имущества родителей детьми. Тягчайшим преступлением являлся донос на старшего члена семьи, соответственно предусматривалось суровое наказание. В Древнем Китае были начальники тюрем, судебные исполнители. Система телесных наказаний и казнь постепенно вытеснили обычай кровной мести. Целью наказания было устрашение. Видами наказаний являлись: казнь в самых разнообразных видах, членовредительство, штрафы как откуп от наказания, тюремное заключение. Также применялось битьё палками, кастрация мужчин и превращение женщин в рабынь-затворниц, удары плетью клеймо тушью на лице и др. Наказание могло применяться выборочно (за исключением смертной казни) так и комплексно, например, битьё палками со штрафом. Однако не исключалась воспитательная функция, например, отрезание ноги заменялось покраской (тауировкой) колена, смертная казнь — ношением особой рубахи. [3, с. 676–677].

В средневековом Китае уже развивались правила назначения наказания. Так, по Законнику Тан наказание за хищение чужого имущества рассчитывалось на основе специальных формул для каждого состава. Они включали, например, способ совершения преступления, стоимость похищенного и коэффициент. Решающим был моральный облик виновного, о чем свидетельствовал способ совершения преступления. Например, согласно комментарию к ст. 140 «о чиновнике, взявшем в пределах полномочий имущество» Законника за это преступление, совершенное вымогательством, наказание увеличивается на 1 степень. А взятие имущества насильственным вымогательством, т.е. не в пределах полномочий, относится к составу другого преступления. В одном деле могли быть несколько преступлений, наказание определялось суммарной или «присоединенной в дополнение» стоимости, квалифицируемой как удвоенная [4, с. 94–95].

В истории права Китая выделяется феодальное право цинского Китая (1644–1912). Особенностью развития права Китая считается то, что последующие династии не меняли предшествующие им правовые уклады. Даже в 1644 г. не китайская маньчжурская династия Цин сохранила традиционное право Китая, адаптировав его к новым условиям. Используя законодательство предшествующей минской династии (свод законов Домин Люй) вместе с другим актом был издан Свод законов «Дацин люйли» включал преимущественно нормы уголовного права. Наибольшее число уголовных составов относилось к министерству уголовных наказаний. Считалось, для порядка в государстве, требуется множество наказаний, наказание должно быть устрашающей жестокой карой. Применялось объективное вменение, а за некоторые преступления наказывались близкие родственники по мужской линии [5].

В результате Синхайской революции 1911 г., была упразднена монархия и началось развитие буржуазных отношений и модернизация традиционного права Китая. Был издан новый уголовный закон — Уголовное уложение 1912 г., защищавший интересы буржуазии, и предусматривавший для ее противников смертную казнь и каторжную тюрьму. Из его содержания были исключены телесные наказания, назначение наказаний по аналогии, он включал статьи об уголовном осуждении и досрочном освобождении.

После объединения Китая изменилась правовая доктрина, началось возвращение к конфуцианству и восстановление традиционного права. Переворот Чан Кайши также установил личную диктатуру. По Уголовному кодексу 1928 г. уголовная ответственность следовала за преступные намерения и «опасные мысли», возвращался институт выкупа наказаний, отягчающим обстоятельством считалось посягательство на жизнь, здоровье и честь родственников по прямой восходящей линии.

После победы коммунистов, устанавливается коммунистическая идеология, и вытесняется наследие конфуцианства.

Географически обусловлена изоляция островной Японии от остальных стран. Ее связи ограничивались более развитыми Китаем и Кореей. Своеобразие развития японского государства заключается в борьбе кланов между собой и за ограничение императорской власти. Особенностью развития правовой системы Японии является отсутствие законов с записями обычного права, а создавались особые административные кодексы, регламентирующие систему государственного регулирования моральными предписаниями. В чем явно выражается влияние философии и государственного устройства Китая. До начала VII века право не обособлялось из нравственно-религиозных норм. По примеру Китая к исполнительной власти Государственного секретариата относилось ведомство наказаний.

В начале VII в. — второй половина X в. издаются первые письменные источники уголовного права, на которые было оказано значительное влияние китайского права.

Уголовный закон ТайхоРё или Тайху Рицу 757 г. включал тесно связанные нормы права и морали в духе конфуцианских традиций. Преступления более тяжкие назывались «небесными грехами»: мятеж, заговор против императора как символа власти, посягательство или разрушение на могилы царственных особ, дворцов и храмов, государственная измена, «великое убийство» — убийство членов семьи, родственников. Менее тяжкими грехи — просто убийство, хищения, в частности разбой и грабеж и др. В качестве наказаний были установлены: смертная казнь, ссылка, каторга, битье палками, сечение плетью. Строго регламентировалось тюремное заключение, порядок содержания под стражей. Зажиточные люди имели возможность откупиться от любого вида наказания вплоть до смертной казни. Имелись служебные преступления. Например, за разглашение гос. тайны следовала каторга в случае ее незначительности шестьюдесятью палочными ударами. За неявку на работу — 20 розог, за ошибки в документах на высшее имя — 50. Так, наказание предусматривало различную его меру. Строгое наказание полагалось и за чтение запрещенной литературы [4, с. 88–90].

Формальные кодексы Тайхо Рё существовали вплоть до буржуазной революции середины XIX в. хотя фактически уже с XIII в. действовали другие своды законов и многочисленные императорские указы текущего характера.

Современная правовая система Японии, сложилась в эпоху Мэйдзи («просвещенного правления»), начало которой определила буржуазная революция 1867–1868 гг. В 1880 г. по образцу УК Франции 1810 г. был издан новый УК Японии. Им были установлены важнейшие принципы, такие как смягчение наказания для пособников и за покушение, и сохранены положения старояпонского права: обязательное смягчение наказания за любое преступление, когда виновное

лицо добровольно сообщило властям о своем участии в его совершении. Упразднены телесные, позорящие наказания и квалифицированные виды смертной казни, наказание предусматривало цели устрашения и возмездия. Впоследствии влияние оказало германское право. В 1907 г. новый УК Японии установил широкое судебное усмотрение, которым устранялись пробелы в сфере уголовного права после введения новых видов преступных деяний и определялись размеры уголовного наказания в довольно широких пределах. [6, с. 524–525].

В дальнейшем до окончания второй мировой войны законодательство развивалось в реакционном направлении. После ее окончания же оно начало приобретать современный вид.

До X века во Вьетнаме из-за отсутствия письменности источником права являлось устные правовые обычаи. Они имели большое значение в феодальном обществе Вьетнама, особенно при регулировании общественных отношений, сложившихся в рамках сельских общин. После XI в. появилось писанное право, однако не имело большого значения. В настоящее время найдены и изучены источники после XV в.

В развитии права Вьетнама выделяется его правовой памятник Уголовный кодекс династии Ле, особенность которого в том, что он выходит за пределы уголовного права и представляет собой свод всех законов феодального Вьетнама XV в. В нем содержится общее понятие преступления в современном понимании, его некоторые положения почти совпадают с нормами общей части современного уголовного кодекса. Отличаются десять самых тяжких преступлений, «10 зол», сформированные в глубокой древности и просуществовавшие века в Китае и Вьетнаме. И на Вьетнаме было оказано влияние конфуцианства, нарушение конфуцианских нравственно-этических правил признавалось «тяжелым преступлением». Формальная неопределенность моральных норм, отсутствие в законе формулировок некоторых понятий приводило к неясности в разграничении в праве форм вины, часто использовались при назначении наказаний такие термины, как «невезение», «забывчивость», «ошибка». Эти понятия использовались в качестве оснований для помилования [7, с. 188–190].

В данном Кодексе были включены категории соучастия в преступлении, смягчающие вину обстоятельства, и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Наказание по Кодексу в соответствии с этико-моральным духом являлось средством, следующее за моральным воспитанием для обеспечения нормального развития общества. В Кодексе содержится система пяти форм наказаний в эпоху династии Ле (удары розгой, удары палкой, каторга, ссылка и смертная казнь), дополнительные наказания (клеймение, штраф, понижение в должности, конфискация имущества, лишение виновного жены или детей). В то же время наказания были чрезвычайно суровыми. Цель наказания состояла в устрашении народа. Были как и в Китае 5 основных видов наказаний.

В XV веке возникает прецедент. Императору как «сын Неба» имел всю полноту государственной власти. Он был верховным судьей, им рассматривались важные и громкие дела, и по его выбору решения по некоторым из них применялись в последующих аналогичных делах в качестве прецедентов и стали источником права [8].

В целом развитие права Вьетнама в доколониальный период происходило под влиянием китайского права, обусловленное тысячелетием правления китайских феодалов над вьетнамским народом и общностью влияния учения конфуцианства.

После установления в 1884 г. французского господства в стране начали постепенно внедряться западные юридические нормы и институты, чуждые традициям и правосознанию местного населения. В колониальное время территория Вьетнама была разделена на 3 зоны северную, центральную и южную, и в каждой действовало различное законодательство. Южный Вьетнам (Кохинхин) полностью подчинялся французскому законодательству. Оно действовало в соответствии с декретами Президента Франции, которые требовали для своего применения санкции Генерал-губернатора Индокитая. Статус колонии и соответственно аналогичный правовой режим имели также три города на севере страны: Ханой, Хайфон и Турань. Центральный Вьетнам (Аннам) был французским протекторатом и по договору, заключенному между Вьетнамом и Францией, Король Аннама делегировал свои административные и законодательные полномочия французскому Верховному комиссару, представлявшему в Северном Вьетнаме одновременно Францию и Короля Аннама. Северный Вьетнам также находился под протекторатом Франции, но подчинялся непосредственно французскому правлению.

После победы над французскими колонизаторами в 1954 г. Вьетнам обрел независимость. Но его территория была разделена (по 17-й параллели) на две части: Северную и Южную.

Таким образом, в рассматриваемых странах наказание отличается своим развитием как и уголовного права в целом с начинаний этико-моральных норм конфуцианства, государственность с развитой системой управления сформировалась намного раньше некоторых других государств. Наказание вместе с устрашением и жестокостью включало цель воспитания, предусматривало многие современные элементы такие как общие начала и специальные правила наказания, дополнительные наказания, совокупность преступлений, прецедент. В последствии испытывала колониальное влияние держав, и отличается в самих странах АТР своими особенностями.

Литература

1. Гилинский Я. И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. — № 2. 2007. — С. 388–389.
2. Городинец Ф. М. Саморазвитие общества посредством права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — №1 (65). — С. 223–226.
3. Скаун О. Ф. Теория государства и права: учебник. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
4. Иванов А. А. История государства и права зарубежных стран: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 343 с.
5. Право Китая [Электронный ресурс]. — URL: https://studme.org/93731/pravo/pravo_kitaya Загл. с экрана (дата обращения: 10.06.2018).
6. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. Д. Козочкина. — Изд. 3; перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 1056 с.
7. Иванов А. М., Корчагин А. Г. Преступление и наказание в странах Юго-Восточной Азии (общая часть) // Правоведение. — 2000. — № 2. — С. 188–197.
8. Май Ван Тханг Право феодального Вьетнама: основные особенности [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rusnauka.com/12.APSN_2007/Pravo/20702.doc.htm Загл. с экрана (дата обращения: 12.06.2018).

Сравнительная уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями в сфере нотариальной и аудиторской деятельности на примере России и Китая

© *Д. Д. Догоржапова*

магистрант 1-го года обучения Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»
Россия, Санкт-Петербург
E-mail: dogorzhapova@minjust47.ru

Уголовная ответственность за злоупотребление своими полномочиями нотариусами и аудиторами является преступлением, относящимся в соответствии с Уголовным Кодексом РФ к преступлениям против интересов службы в коммерческих или иных организациях. В статье же приводится сравнение уголовной ответственности нотариусов и аудиторов по уголовному законодательству России и Китая, что является очень интересной темой для исследования, поскольку Китайская Народная Республика известна своим очень жестким и нетерпимым отношением к преступлениям против интересов службы, а также к преступлениям коррупционной направленности.

Ключевые слова: аудитор, правовой статус нотариуса, частный нотариус, нотариальная деятельность, коррупция.

Уголовная ответственность за злоупотребление своими полномочиями нотариусами и аудиторами является преступлением, относящимся в соответствии с Уголовным Кодексом РФ [1] к преступлениям против интересов службы в коммерческих или иных организациях. В статье же приводится сравнение уголовной ответственности нотариусов и аудиторов по уголовному законодательству России и Китая, что является очень интересной темой для исследования, поскольку Китайская Народная Республика известна своим очень жестким и нетерпимым отношением к преступлениям против интересов службы, а также к преступлениям коррупционной направленности.

В России правовой статус нотариуса и аудиторов достаточно интересен, поэтому уголовная ответственность указанных лиц выделена в отдельную главу УК РФ, дифференцированную от уголовной ответственности за совершение преступлений против интересов государственной и муниципальной службы, а также против интересов государственной власти. Это связано с тем,

что в России нотариус не относится к числу должностных лиц, исполняющих государственные полномочия, находящегося на государственной или муниципальной службе, несмотря на то, что нотариусы фактически отнесены к подведомственности органов юстиции Министерства юстиции РФ, то есть, по сути, относятся к государственному ведомству.

Правовой статус нотариусов в России таков, что их нельзя отнести ни к государственным служащим, хотя они и обладают множеством соответствующих признаков государственного служащего, ни к служащим коммерческих организаций, как это можно сделать, к примеру, в отношении аудиторов. Нотариусов наряду с адвокатами относят к иным лицам, и их особый правовой статус позволяет им занимать совершенно особенное место среди всех должностных лиц и государственных служащих и в случае привлечения к уголовной ответственности. Так, ст. 202 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, выделена в главу 23 УК РФ. Необходимо также отметить, что объективный состав данного преступления предусматривает ответственность именно частного, негосударственного нотариуса, в то время, как государственный нотариус, очевидно будет приравнен к государственному служащему и понесет уголовную ответственность за злоупотребление в соответствии со ст. 285 УК РФ.

Для того, чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, приведем определение должностного лица, содержащегося в Примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Согласно данному Примечанию должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. Очевидно, что государственные нотариусы осуществляют организационно-распорядительные функции представителя власти, поэтому они подпадают под диспозицию ст. 285 УК РФ.

Между тем, государственных нотариусов в России практически не осталось, а весь нотариат перешел на частную основу.

Правовое регулирование нотариальной деятельности осуществляется в соответствии с Основами законодательства о нотариате в РФ №4462-1 [2]. Согласно ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. При этом нотариальная деятельность по закону не является предпринимательской и не преследует извлечение прибыли. В таком случае частные нотариусы по закону не могут считаться коммерческими агентами и относятся согласно диспозиции главы 23 УК РФ к служащим «иных» организаций.

Таким образом, частные нотариусы в случае совершения ими преступлений против интересов службы не могут нести уголовную ответственность по законодательству РФ наравне с государственными нотариусами и государственными служащими — в связи с этим для них была создана отдельная специализированная уголовно-правовая норма. При этом Основы законодательства РФ о нотариате предусматривают как государственные нотариальные конторы, так и частную практику нотариусов.

Несмотря на существование отдельной уголовно-правовой нормы для частных нотариусов и аудиторов, ее применение на практике встречается очень редко, и она практически является нерабочей. В этой связи интересно будет привести сравнение с нормами уголовного законодательства и практики КНР, которая отличается очень жестким подходом к случаям должностных и служебных злоупотреблений.

Так, приговором Верховного Суда Кабардино-Балкарской республики от 26 октября 2016 г. был отменен обвинительный приговор Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской республики от 13 июля 2016 г. в отношении Эристовой М. А., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 202 УК РФ, осужденной к 2 годам 6 месяцам лишения свободы и освобожденной от отбывания наказания за истечением срока давности уголовного пре-

следования с применением п.«а» ч.1 ст. 78 УК РФ и п.3 ч.1 ст. 24 УПК РФ. По материалам уголовного дела Эристова М.А. обвинялась в том, что в соответствии с приказом Министерства юстиции КБР от 10.01.1996 года № 5/к, являясь частным нотариусом Нальчикского нотариального округа КБР, на основании лицензии от 19.03.2007 года № 121, выданной Управлением федеральной регистрационной службы по КБР в порядке переоформления лицензии Министерства юстиции КБР от 24.09.1993 года № 24, наделенная полномочиями на осуществление нотариальных действий от имени Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации и «Основами законодательства Российской Федерации о нотариате», использовала свои полномочия вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для других лиц, чем причинила существенный вред правам и законным интересам ОАО «НК «Роснефть»-КБТК» и охраняемым законом интересам общества и государства. Обвиняемая незаконно внесла в реестр нотариальных действий фиктивное нотариальное действие, которым управляющим компании ОАО «НК «Роснефть»-КБТК» был незаконно назначен ФИО1 с передачей ему всех полномочий по совершению сделок с движимым и недвижимым имуществом компании ОАО «НК «Роснефть»-КБТК». В результате незаконных действий ФИО1 компании был причинен ущерб в особо крупном размере.

Между тем, в процессе апелляционного рассмотрения обвинительный приговор был отменен и вынесен оправдательный приговор, что подтверждает большую редкость применения данной статьи [4].

Приговором Прикубанского районного суда Карачаево-Черкесской республики от 28 декабря 2015г. был осужден Урусов П. Р., обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 202 УК РФ, ч. 1 ст. 202 УК РФ. По материалам уголовного дела Урусов П. Р. злоупотребил полномочиями частного нотариуса, то есть использовал полномочия частного нотариуса вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для других лиц, нанесения вреда другим лицам, причинив существенный вред правам и законным интересам потерпевших Титова В. А. и Титова М. А.

Событие преступления заключалось в том, что к обвиняемому обратилась ФИО6 с просьбой удостоверить на ее имя доверенность на продажу доли в праве собственности на домовладение, принадлежащую Титову В. А. и Титову М. А. в отсутствие последних. Получив от нотариуса данную доверенность, заверенную печатью, ФИО 6 заключила сделку по продаже данного домовладения с третьим лицом.

Между тем, в процессе рассмотрения уголовного дела нотариус хотя и был признан виновным, однако был освобожден от наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности [3].

Очевидно, что правоохранительная система чрезмерно лояльно относится к нотариусам, считая их «своими» и из ложной корпоративной солидарности освобождая их от уголовной ответственности, квалифицируя обвинение по более мягким статьям, чем это необходимо. Представляется, что все это происходит лишь потому, что имеется специальная уголовно-правовая норма для частных нотариусов, позволяющая им избегать уголовного наказания, пользуясь мягкостью статьи.

Рассмотрим аналогичные нормы законодательства в Китайской народной республике.

Так, в Китае нотариальная деятельность регулируется Законом о нотариате от 28 августа 2005 г. Согласно нормам данного закона нотариусы не могут заниматься практикой в каком-либо ином месте, кроме нотариальной конторы, которая нее является государственным органом. Нотариус при этом не является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, что аналогично российскому правовому подходу. Каждая нотариальная контора должна иметь руководителя, который назначается из числа нотариусов, имеющих опыт работы свыше 3 лет. Для учреждения нотариальной конторы в ней должно быть не менее 2 нотариусов, и она должна иметь необходимый капитал для осуществления нотариальной деятельности.

Нотариальные конторы в Китае контролируются учреждениями юстиции, в которые они должны ежегодно предоставлять отчет о своей деятельности. Правовой статус нотариусов определяется в данном законе как статус государственных должностных лиц, осуществляющих публичное удостоверение в нотариальных конторах. Нотариусы не могут быть младше 25 и старше 65 лет (в России не младше 25 и не старше 70 лет). Ответственность нотариуса в рамках Закона о нотариате предусмотрена в двух формах:

Гражданско-правовая ответственность, когда нотариальная контора самостоятельно несет ответственность за ущерб, причиненный в ходе нотариальной деятельности. Согласно ст. 43 Закона ущерб, причиненный неверным осуществлением нотариального действия, всегда возмещает нотариальная контора и только в случае грубой неосторожности или виновных действий нотариуса к нему может быть предъявлен регрессный иск.

Административная ответственность предусматривается за совершение незначительных административных правонарушений. Наказание предусматривается в виде выговора и, в некоторых случаях, денежного штрафа, налагаемого на нотариальную контору в размере от 10 000 до 50 000 юаней и на нотариуса в размере от 1000 до 5000 юаней, а также отстранения от нотариальной деятельности на срок от трех до шести месяцев. Наказания налагаются органом юстиции на уровне провинции.

За тяжкие правонарушения предусмотрены следующие наказания: выговор, денежный штраф в размере от 20 000 до 100 000 юаней, прекращение нотариальной деятельности на срок от трех до шести месяцев (для нотариальных контор); выговор, денежный штраф в размере от 2000 до 10 000 юаней, отстранение от нотариальной деятельности на срок от трех до двенадцати месяцев (для нотариусов). При особо тяжких нарушениях орган юстиции на уровне провинции лишает нотариуса сертификата на осуществление нотариальной деятельности.

К тяжким нарушениям относятся:

- 1) самовольное составление нотариального акта;
- 2) составление нотариального акта, содержание которого не соответствует действительности или противоречит закону;
- 3) противоправное присвоение нотариальной пошлины или использование ее для личных целей или противоправное присвоение или хищение имущества, предназначенного исключительно для целей нотариальной деятельности;
- 4) повреждение или подделка документов или нотариальных актов;
- 5) нарушение государственной тайны, коммерческой тайны, тайны частной жизни, о которой стало известно в ходе нотариальной деятельности;
- 6) иные действия, наказуемые законами или подзаконными актами.

Если в действиях нотариуса присутствует состав преступления, то он должен нести уголовную ответственность, при этом он лишается сертификата на осуществление нотариальной деятельности [5].

Между тем, самое основное отличие между российским и китайским уголовным законодательством заключается в том, что для нотариуса не существует отдельной специализированной уголовно-правовой нормы ответственности за незаконные и неправомерные действия. Нотариус подлежит уголовной ответственности как любой государственный чиновник и должностное лицо органа государственной власти на общих основаниях, при этом интересно, что нормы уголовной ответственности за подобные преступления находятся в составе главы 8 Уголовного Кодекса КНР [6], которая предусматривает уголовную ответственность за коррупцию и взяточничество, то есть, подобные преступления, в отличие от российского уголовного законодательства отнесены к наиболее жесткому и строгому разделу уголовного законодательства КНР, поскольку борьба с коррупцией и взяточничеством в КНР ведется очень строго.

При этом ряд статей УК КНР, предусматривающих ответственность за взяточничество и коррупцию, предусматривает наказание в виде бессрочного лишения свободы, то есть, пожизненного заключения. Очевидно, что в России таких жестоких мер наказания не предусмотрено. Тот факт, что нотариусы отнесены к государственным служащим по законодательству КНР, позволяет привлекать их к уголовной ответственности по общим и очень строгим основаниям, не допуская применения каких-либо специальных норм, как в России.

В целом можно сказать, что правовое положение нотариусов в КНР требует от них беспрекословного исполнения требований закона, поскольку они могут быть подвергнуты очень строгому наказанию, в России же нотариусы практически во всех случаях избегают наказания.

Литература

1. Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954
2. Основы законодательства РФ о нотариате №4462-1 от 11.02.1993 г. // Рос. газ — 1993. — № 49. — 13 март.
3. Приговор Прикубанского районного суда Карачаево-Черкесской республики от 28.12.2015 г. по делу №1-4/2015 г. [Электронный ресурс] // Судакт.ру. — URL: <http://sudact.ru>

4. Приговор Верховного Суда Кабардино-Балкарской республики от 26 октября 2016 г. по делу № 22-774/2016 г. [Электронный ресурс] // Судакт.ру. — URL: <http://sudact.ru>

5. Мизинцев Е. В. Правовое регулирование нотариата в Китайской народной республике. — <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=12&art=2315>.

6. Особая часть Уголовного Кодекса КНР [Электронный ресурс]. — URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/#8>

Опыт борьбы с коррупцией в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и возможности его применения федеральной службой исполнения наказания России

© **Б. Ш. Дугарова**

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: bairadugarowa@yandex.ru

Статья посвящена анализу антикоррупционного законодательства в системе государственной службы азиатских стран (Сингапура, Китая), возможности использования норм данного законодательства применительно к деятельности ФСИН России.

Ключевые слова: коррупция, законодательство, успешный опыт борьбы с коррупцией, применение законодательства.

«По данным неправительственной международной организации Трансперенси Интернешнл (TransparencyInternational), которая проводит исследования по вопросам борьбы с коррупцией во всем мире и ежегодно определяет индекс восприятия коррупции, Россия в 2017 г. занимает 135-е место из 180 стран, набрав 29 баллов (чем ниже балл, тем выше уровень коррупции)» [1].

Коррупция оказывает значительное влияние на дестабилизацию функционирования всей уголовно-исполнительной системы. Поэтому, на наш взгляд, необходимо рассмотреть положительный опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона по противодействию коррупции в государственной службе, который возможно будет использован в ФСИН России. «В связи с тем, что в соответствии с законодательством РФ одним из видов государственной службы является государственная правоохранительная служба, а ФСИН России относится к государственной правоохранительной службе, и соответственно этот опыт будет полезен для его использования в ФСИН России» [2].

За последние годы в сфере исполнения наказания наблюдается рост коррупции. Коррупционные преступления в данной сфере отличаются повышенной степенью опасности, потому что такие преступления совершаются лицами, которые должны оказывать исправительное и воспитательное воздействие на осужденных.

Мы исследуем опыт противодействия коррупции в государственной службе на примере Сингапура и Китая как стран, которые значительно снизили уровень коррупции за непродолжительный период времени.

От британского правительства Сингапuru досталось специальное постоянно действующее Бюро по расследованию случаев коррупции.

В обязанности Бюро входит проверка фактов злоупотребления государственными служащими и дальнейшее информирование о них надлежащим органам для принятия соответствующих мер. Также в обязанности бюро входит изучение методов работы государственных органов, которые вероятнее всего подвержены коррупции. Основная цель заключается в выявлении пробелов в системе управления для предупреждения коррупции.

«Функции Бюро:

— получать и исследовать жалобы, утверждающие бесчестные приёмы;

— исследовать злоупотребления служебным положением и проступков государственных служащих, содержащих признаки коррупции;

— предотвращать коррупцию, исследуя методы и процедуры в государственной службе, чтобы минимизировать возможности для бесчестных приёмов» [3].

Сотрудники данной организации имеют право на проверку имущества государственных служащих, их супругов, детей и других близких родственников.

Одной из особенностей государственной службы в Сингапуре является лишение неприкосновенности и презумпция виновности государственного служащего, подозреваемого в коррупционном преступлении. Любое вознаграждение, полученное государственным служащим от заинтересованного лица, будет считаться коррупционным действием, пока не доказано обратное.

Семья государственного служащего, совершившего преступление коррупционной направленности, будет считаться опозоренной, и никто из его членов семьи не сможет найти достойную работу в стране.

Государственный служащий, совершивший коррупционное преступление, и которому назначено наказание, обязан вернуть полученную преступным путем выгоду в государственную казну. Для того, чтобы снизить уровень коррупции среди государственных служащих, в Сингапуре было принято решение о повышении заработной платы таким лицам.

Таким образом, из положительного опыта Сингапура по борьбе с коррупцией в государственной службе возможно позаимствовать следующее:

- возможность создания органа на подобие Бюро по расследованию случаев коррупции;
- полезным было бы и введение презумпции виновности сотрудников ФСИН России, отвечающего принципу: «Любое вознаграждение, полученное государственным служащим от заинтересованного лица, будет считаться коррупционным действием, пока не доказано обратное».
- увеличение заработной платы для сотрудников ФСИН России.

Следующей страной Азиатско-Тихоокеанского региона является Китай, как государство, в котором применяются самые суровые наказания за коррупционные преступления.

В 2007 году руководство КНР приняло решение о создании специального органа — Государственного управления по предупреждению коррупции (ГУПК), в целях борьбы с таким негативным явлением. Данный орган обладает широким кругом полномочий по выявлению коррупции и разработке комплекса антикоррупционных мер. ГУПК проводит собственные расследования, берет под контроль подозреваемых лиц, в случае необходимости задерживают их.

Вопросы, связанные с прохождением государственной службы в Китае, регламентируется Временным положением о государственных служащих. В Китае существует особый порядок отбора и зачисления лиц на государственную службу. Сделано это для того, чтобы на раннем этапе исключить лиц, подверженных коррупционным преступлениям.

«Процедура поступления на службу детально регламентирована:

- 1) публикуется информация о наборе на вакантные должности;
- 2) проводится апробация компетентности кандидатов на службу;
- 3) организуется открытый экзамен для лиц, прошедших проверку компетентности;
- 4) в отношении лиц, сдавших экзамены, осуществляется проверка по идеологическим, политическим и морально-этическим качествам, способности к службе;
- 5) по итогам испытаний и проверки составляются списки предполагаемых лиц для зачисления сотрудников в отделы кадров народных правительств городов с районным делением и выше для ознакомления и принятия решения» [4].

В отношении сотрудников, которые впервые вступили в ряды государственных служащих, устанавливается испытательный срок, длительностью в 1 год. После годичного испытательного срока принимается решение об официальном назначении или решение о лишении статуса государственного служащего. Каждый год в отношении государственных служащих проводятся проверки. Проверки связаны с выявлением моральных качеств, способностей и успехов в работе. По результатам ежегодных проверок могут применяться меры поощрения или наказания государственных служащих, необходимость их обучения и переподготовки и т.д.

Помимо всего государственные служащие, как вновь принятые, так и перемещаемые по должности, проходят обучение и подготовку, куда входят и антикоррупционные аспекты.

Следующим способом противодействия коррупции в государственной службе является ротация кадров. Ротация представляет собой переводы на другие должности, перемещения по должности, назначения на замену должности. Еще одним методом борьбы с коррупцией является высокая заработная плата, начисляемая в зависимости от уровня ответственности и сложности выполняемой работы по единой тарифной сетке.

Согласно, Уголовному кодексу КНР, к коррупционерам могут применяться разные виды наказаний, в том числе и смертная казнь.

Итак, из положительного опыта Китая по противодействию коррупции для государственных служащих ФСИН России возможно позаимствовать следующее:

— увеличение испытательного срока, минимум до 1 года для лиц впервые принятых на службу в органы ФСИН России. В случае несоответствия сотрудника предъявляемым требованиям уволить со службы без права повторного приёма;

— проведение ежегодных комплексных проверок всех сотрудников уголовно-исполнительной системы;

— постоянная ротация сотрудников служб, подразделений и учреждений ФСИН России.

Подводя итог необходимо подчеркнуть, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона на примере Сингапура и Китая большое внимание уделяют борьбе с коррупцией. Внедрение такого успешного опыта в ФСИН России и в целом в работу других органов государственной власти положительно повлияет на уровень коррупции в нашей стране. Возможно, приведет к ее снижению.

Литература

1. TransparencyInternational: индекс восприятия коррупции 2017 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://gtmarket.ru> (дата обращения: 18.05.2017).

2. Яковлев Е. А. Возможности использования успешного опыта по борьбе с коррупцией азиатских стран в уголовно-исполнительной системе [Электронный ресурс]. — Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН, 2013. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21178344> (дата обращения: 28.05.2018).

3. Corrupt Practices Investigation Bureau // Prime Minister's Office Singapore. — 2010. — P. 3.

4. Мельников Н. А. Опыт борьбы с коррупцией в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс]. — Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН, 2016. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27437450> (дата обращения: 29.05.2018).

5. Гармаев Ю. П., Поликарпов Б. А. Меры предупреждения и пресечения незаконного использования в следственных изоляторах средств беспроводной связи // Российский следователь. — 2017. — № 12. — С. 40–44.

Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних на примере России и Китая

© *А. А. Еремеева*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
E-mail: Россия, г. Улан-Удэ

За последние годы возрастает количество преступлений, которые совершаются несовершеннолетними. Данная статья посвящена разбору особенностей применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних на примере таких России и Китая. Также мы рассмотрим возраст, с которого наступает уголовная ответственность несовершеннолетних в России и Китае. **Ключевые слова:** несовершеннолетний, уголовная ответственность, мера пресечения, заключение под стражу, арест

В настоящее время выросло количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Особенно частыми стали случаи совершения несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений, за которые в соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством возможно применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Существует определенный порядок, при котором несовершеннолетнего могут заключить под стражу.

Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, которая избирается в крайних случаях, при соблюдении определенных условий, которые указаны в законе.

В соответствии со ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод заключение под стражу несовершеннолетнего лица возможно только на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом.

Согласно Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, приняты 29 ноября 1985 г.), содержание под стражей несовершеннолетних до суда должно применяться лишь в качестве «крайней меры и в течение кратчайшего периода времени» (п. 13.1); предлагается во всех возможных случаях заменять содержание под стражей другими альтернативными мерами (п. 13.2) [3].

Прежде чем начать рассмотрение особенностей применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних на примере России и Китая, необходимо вы-

яснить возраст уголовной ответственности несовершеннолетних в России и Китае. Уголовная ответственность в Российской Федерации согласно ст. 20 УК РФ наступает с 16 лет. Однако за некоторые преступления ответственность предусмотрена с 14 лет.

В свою очередь в Китайской Народной Республике в соответствии со ст. 17 УК КНР к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие 16 лет. При этом, лица в возрасте от 14 до 16 лет подлежат уголовной ответственности, если они совершили убийство, причинили тяжкие телесные повреждения, совершили изнасилование, грабеж, распространение наркотиков, поджог, взрыв, отравление либо другие преступления, серьезно нарушающие общественный порядок.

Что касается Российской Федерации порядок избрания меры пресечения несовершеннолетнему в виде заключения под стражу подробно изложен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести.

В ходе предварительного расследования в России к несовершеннолетнему мера пресечения в виде заключения под стражу может применяться лишь в качестве крайней меры и на кратчайший период времени. Согласно ст. 423 УПК РФ, когда решается вопрос о применении в отношении несовершеннолетнего меры пресечения, в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 108 УПК РФ и ч. 6 ст. 88 УК РФ избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается (обвиняется) в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые. Применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу возможно лишь в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, с обязательным указанием правовых и фактических оснований такого решения [6].

Мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего может применяться только по решению суда. При задержании, заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого незамедлительно извещаются его законные представители.

Конституции КНР и России в качестве важнейших личных прав и свобод гражданина называют право на личную (физическую) свободу. Согласно ст. 37 Конституции КНР запрещается лишать или ограничивать свободу личности граждан незаконным заключением под стражу или другими незаконными действиями. Аналогичные по своему содержанию положения предусмотрены и в Конституции РФ (ст. 19, 22, 27 и 56). В связи с этим ограничение свободы человека допускается только на основании судебного решения и в случаях, прямо указанных в законе [1].

В Уголовно-процессуальном кодексе КНР отсутствует порядок избрания меры пресечения несовершеннолетнему в виде заключения под стражу, указаны лишь общие положения о такой мере пресечения как арест.

В статье 59 Уголовно-процессуального кодекса КНР указано, что для ареста подозреваемого или подсудимого должно быть разрешение Народной прокуратуры или решение Народного суда. Арест производится органами общественной безопасности. Кроме того, согласно Уголовно-процессуального кодекса КНР правом обратиться с просьбой об освобождении под поручительство до окончания дела могут воспользоваться находящиеся под стражей подозреваемые или подсудимые, их законные представители или ближайшие родственники.

Как мы видим, применение меры пресечения в виде заключения под стражу в Китае и России отличается. Во-первых, тем, что в Российской Федерации порядок избрания меры пресечения несовершеннолетнему в виде заключения под стражу подробно регламентирован в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, в Уголовно-процессуальный кодекс КНР отсутствует такой порядок. Во-вторых, мера пресечения в виде заключения под стражу применяется в Российской Федерации только на основании судебного решения, а в Китае может применяться также и на основании решения народной прокуратуры.

Литература

1. Волков К. А. Преступления против личной свободы человека в уголовном праве России и Китая, 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Гармаев Ю. П., Поликарпов Б. А. Меры предупреждения и пресечения незаконного использования в следственных изоляторах средств беспроводной связи // Российский следователь. — 2017. — № 12. — С. 40–44.
3. Лавдаренко Л. И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего. 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>
5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Рыжаков А. П. Уголовная ответственность несовершеннолетних. 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 1996, № 25. Ст. 2954.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
9. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. — URL: ru.china-embassy.org.
10. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. — URL: [// uuknr.ucoz.ru](http://uuknr.ucoz.ru)

Консерватизм уголовной политики Китая как положительный пример сохранения эффективности современной системы наказаний

© *Е. С. Качурова*

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
Юстиции (РПА Минюста России)
Россия, г. Иркутск
E-mail: Kachurova_ls@mail.ru

В статье анализируется генезис китайского законодательства в области назначения наказания, а также указывается на положительное влияние сохранения традиционной системы наказания на развитие современной пенитенциарной системы.

Ключевые слова: наказание, уголовная политика, уголовное право Китая.

В настоящее время в России происходит определенное обновление правовых институтов, с целью обеспечения их соответствия принципам демократического государства, а также международным стандартам защиты прав и свобод личности. Среди прочих к таким институтам относятся и современная система наказаний, которая во многом определяется государственным конституционным строем РФ. Наказание в России рассматривается как последний довод государства, когда иные средства воздействия на преступника неэффективны, существуют возможности освобождения от уголовной ответственности, активно применяются виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества. Тем самым Россия демонстрирует свою заинтересованность в либерально-гуманном развитии исправительной системы. Китайская же уголовно-правовая политика напротив, осуществляется согласно веками сложившейся, не имеющей аналогов, эффективно работающей системе наказаний. В уголовно-правовой политике Китая наказание призвано восстановить нарушенную преступлением гармонию человека и природы, что возможно лишь посредством назначения справедливого наказания, по степени суровости равного степени общественной опасности совершенного преступления.

Определенный консерватизм к назначению наказания и сохранение основных средств исправления осужденных в Китае позволяют уголовно-исполнительной системе оставаться эффек-

тивной, во многом не соответствуя международным правовым стандартам отбывания наказания. Так, труд для осужденных в Китае является обязательным и зачастую не учитывает индивидуальных особенностей личности, возраста и состояния здоровья.

В целом, уголовное законодательство в Китае призвано воспитать граждан в духе нравственности, трудолюбия, патриотизма. Насажение инородных идеалов, нравственное содержание которых вызывает опасение, чревато разрушением народного организма и всегда сопровождается ростом преступности [1, 262 с.]. Поэтому власти Китая не спешат внедрять зарубежный опыт исправления осужденных в деятельность исполнительных учреждений.

Назначение китайскими судами справедливого, но жестокого наказания подвергается критике европейского сообщества, однако цель применения суровых санкций — восстановление гармонии, нарушенной преступлением.

Проблемам наказания уделяли особое внимание древние философы Китая. Так, еще в XI в. до н. э. брат императора Ву разработал учение о наказании, которое должно назначаться благоразумно в согласовании с личной виновностью преступника, соответствовать тяжести совершенного преступления, быть строго индивидуальным. В свою очередь Чжоу-гун установил, что наказания должны быть дифференцированы по отношению к типам преступников и опасности совершенных ими преступлений [2]. Бесспорно, актуальные постулаты, то, к чему стремиться современное законодательство.

Конфуцианство, повлиявшее на формирование уникальной и самобытной уголовной системы в Китае, определяло человеческую природу заведомо позитивной, а вину за совершенное преступление и социальную дезорганизацию возлагало на правительство [3, с. 111–125]. В этом есть проявление китайской традиции, согласно которой наказание рассматривается как категория «космического порядка». Таким образом, само наказание для китайцев есть элемент постоянной системы традиционного социального контроля [4] и воспринимается, как естественное легальное насилие, необходимое для существования баланса и гармонии между государством и обществом.

Поскольку преступность в Китае понимается, как явление не детерминированное, спровоцированное обстоятельствами, так как любой человек по природе добр, то и связывается ее рост с модернизацией и изменениями современной экономики. Консерватизм и строгость при назначении наказаний призвано сохранить моральный и политический климат для дальнейшего экономического роста и благосостояния страны. В этой связи назначение справедливого наказания судами в Китае является мерой контроля и носит карательно-предупредительную функцию, демонстрируя тем гражданам, кто отошел от верных идеалов или помышляет о преступных соблазнах, чуждых социалистическому обществу возможности и пределы государственного принуждения.

Благодаря правильно избранным политической элитой главных приоритетов и трудолюбию нации, Китай достиг колоссального индустриального роста и экономической независимости. На пути к поставленным амбициозным целям и прогрессу, не должно быть сбоев системы, в виде коррупционеров, мошенников и прочих преступников, тех, кто ставит свои алчные интересы выше общественных. А значит, наказание должно быть жестоким, а осужденный за преступление — приносить пользу обществу, в этом смысл социального возмездия.

Тюремная система в КНР действует в соответствии с принятым 20 декабря 1994 г. Законом о тюрьмах, который предусматривает, что органы государственного совета осуществляет управление деятельностью тюремных учреждений, а Министерство юстиции создало Управление тюрьмами в качестве контролирующего органа. Провинциальные Управления юстиции, автономных районов и городов центрального подчинения под руководством местных управлений юстиции занимаются непосредственным управлением тюрьмами на определенной территории.

В китайских тюрьмах отбывают наказание приговоренные народным судом к заключению на определенный срок, к пожизненному лишению свободы, к смертной казни с отсрочкой на два года. В соответствии с мерой и сроком наказания в тюрьмах создаются отделения по категории преступления. Также существует деление по гендерному признаку. В женских тюрьмах все надзорные функции выполняет женский персонал тюремной народной полиции. Отдельно содержаться несовершеннолетние преступники, где им предоставляют особые права, к ним применяют более мягкие методы воспитания, однако высшая мера наказания, как и пожизненное лишение свободы к несовершеннолетним применимы.

Закон о тюрьмах определяет, что для перевоспитания преступника и его исправления, необходимо сочетание принципов возмездия и соединения перевоспитания с трудом [5].

Таким образом, Китай организовал уголовно-исполнительную политику государства на основе национальных традиций, позволяющих нивелировать проблемы пенитенциарной системы. Не ставя цели оценить соответствие системы наказаний в КНР современным требованиям мирового сообщества, не рассуждая о целесообразности длительных сроков заключения (а то и бессрочных), и тем, более не пытаясь перенять весь опыт сложившейся веками системы наказаний, хочется отметить действенность и эффективность ее работы. Думается, именно в силу определенной привычности для общества.

Отечественная система наказаний прошла сложный исторический путь и нельзя отрицать положительного наследия выработанных тысячелетиями инструментов сдерживания и перевоспитания преступников. Создавая новые способы и средства государственного принуждения, необходимо дорожить уже существующими в арсенале устоявшимися средствами исправления осужденных, без опасений критики со стороны мирового сообщества, с учетом национальных особенностей и менталитета. В этом аспекте, уголовная политика Китая может стать примером единения современных законов с традиционным колоритом. Ведь нет ничего хуже, чем жить во времена перемен, а если перемены неизбежны, задача государства адаптировать реформы, не разрушая положительного опыта системы исполнения наказаний.

Литература

1. Клейменов И. М. Сравнительная криминология. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 368 с.
2. Wong K. C. The Study of Criminology in China [Электронный ресурс]. — URL: http://works.bepress.com/kam_wong/ 19 (дата обращения: 19.04.2018).
3. Hsu Dau-lin. Crime and Cosmic Order // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1970. — Vol. 30. — 325 p.
4. McCormack G. Traditional Chinese Penal Law. Edinburgh, 1990.
5. Китайский информационный портал. Тюремная система [Электронный ресурс]. — URL: <http://China.org.cn> (дата обращения: 20.04.2018).

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства в сфере борьбы с подделкой денег

© Ю. Н. Ковзунович

магистрант 2 года обучения Академии управления при
Президенте Республики Беларусь
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
E-mail: kouzunovich@tut.by

В настоящей статье рассматриваются законодательные акты разных стран относительно норм уголовной ответственности за подделку денег.

Ключевые слова: подделка денег, борьба, ответственность.

Анализируя законодательные акты разных стран относительно норм уголовной ответственности за подделку денег, следует отметить документ, оказавший огромное влияние на их унификацию. Этим документом является Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков, заключённая в 1929 г. в Женеве (далее — Конвенция), в которой изложены основные начала международно-правового сотрудничества в борьбе с фальшивомонетничеством, определены виды уголовных преступлений, относящихся к категории фальшивомонетничества.

Государства — участники Конвенции договорились строго наказывать:

- все обманные действия по изготовлению или изменению денежных знаков, каков бы ни был способ, употребляемый для достижения этого результата;
- сбыт поддельных денежных знаков;
- действия, направленные к сбыту, ввозу в страну или получению, или добыванию для себя поддельных денежных знаков при условии, что их поддельный характер был известен;
- покушения на эти правонарушения и действия по умышленному соучастию;
- обманные действия по изготовлению, получению или приобретению для себя орудий или иных предметов, предназначенных по своей природе для изготовления поддельных денежных знаков или для изменения денежных знаков (ст. 3 Конвенции) [1].

Государствами — участниками Конвенции были приняты обязательства не устанавливать различий между подделкой собственных и иностранных денежных знаков.

Проведен сравнительный анализ особенностей уголовного законодательства об ответственности за подделку денег в странах бывшего СССР (Республика Беларусь, Россия, Украина, Республика Казахстан, Республика Азербайджан, Латвийская Республика, Эстонская Республика), а также стран «социалистического лагеря» (Республика Польша, Республика Болгария) и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония и КНР).

Изучение ситуации с подделкой денег и мер борьбы с нею в государствах с разными социально-правовыми установками дает более полную картину этого преступного явления. Так, уголовная ответственность наступает:

В Республике Беларусь за изготовление или хранение с целью сбыта либо сбыт поддельной официальной денежной единицы Республики Беларусь (национальной валюты), иностранной валюты, а также за те же действия, совершенные повторно, либо организованной группой, либо в особо крупном размере (ст. 221 УК Республики Беларусь) [2].

В Российской Федерации за изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты либо иностранной валюты, а равно хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты либо иностранной валюты, а также за те же деяния, совершенные в крупном размере либо организованной группой (ст. 186 УК Российской Федерации) [3].

На Украине за изготовление, хранение, приобретение, перевозку, пересылку, ввоз в Украину с целью сбыта, а также сбыт поддельной национальной валюты Украины в виде банкнот или металлической монеты иностранной валюты, а также за те же действия, совершенные повторно, или по предварительному сговору группой лиц в большом размере либо совершенные организованной группой в особенно большом размере (ст. 199 УК Украины) [4].

В Республике Казахстан за изготовление или хранение с целью сбыта, а равно сбыт поддельных банкнот и монет Национального Банка Республики Казахстан, а также за те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, либо неоднократно либо в крупном размере, либо совершенные организованной группой (ст. 206 УК Республики Казахстан) [5].

В Республике Азербайджан за изготовление в целях сбыта, а также приобретение или сбыт поддельных денег или иностранной валюты, а также за те же деяния, совершенные в значительном размере либо лицом, ранее судимым за изготовление, приобретение или сбыт поддельных денег либо если они совершены организованной группой либо в крупном размере (ст. 204 УК Азербайджанской Республики) [6].

В Латвийской Республике за изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных денежных знаков и монет Латвийского Банка или иностранной валюты, а также те же действия, совершенные повторно или в крупных размерах, или организованной группой (ст. 192 УК Латвийской Республики) [7].

В Эстонской Республике за изготовление с целью выпуска в обращение поддельных денег либо выпуск в обращение заведомо поддельных денег, а также за те же действия, совершенные систематически или в крупных размерах (ст. 85 УК Эстонской Республики) [8].

В уголовном кодексе Республика Польша содержит ряд самостоятельных статей, предусматривающих ответственность за подделку денег.

Так, ст. 310 УК Республики Польша, предусматривает, что тот, кто подделывает либо переделывает польский либо иностранный денежный знак либо с такого документа удаляет обозначение об его аннулировании, а также кто такие деньги выпускает в обращение либо с этой целью их принимает, хранит, перевозит, переносит, пересылает либо помогает в их сбыте или сокрытии либо кто совершает приготовление к преступлению. Ст. 312 УК Республики Польша, предусматривает, что тот, кто выпускает в обращение поддельные или переделанные деньги, указанные в ст. 310 УК, которые он сам получил как подлинные» [9].

В Болгарии уголовная ответственность за подделку денег наступает по ст. ст. 243–246 Уголовного кодекса Республики Болгария. В частности, за то, кто изготовит поддельные или фальсифицирует подлинные денежные знаки, имеющие хождение в стране или за границей (ст. 243 УК), кто пустит в обращение поддельные денежные знаки или другие знаки, указанные в предыдущей статье, или воспользуется таковыми, зная, что они поддельные, или ввезет в страну, а также же лицо, которое хранит такие знаки в большом количестве (ст. 244 УК), кто примет поддельный

денежный знак и после того, как ему станет известно, что он поддельный, сознательно пустит его в обращение в качестве подлинного (ст. 245), за приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 243 УК, или создание сообщества с такой целью или с целью распространения поддельных денежных знаков или других знаков, а также того, который изготавливает, хранит или укрывает предметы, материалы и орудия, о которых ему известно, что они предназначены или использовались для подделки денежных знаков (ст. 246 УК) [10].

В уголовном кодексе Японии содержится ряд самостоятельных статей, предусматривающих ответственность за подделку денег.

Так, за то, что лицо, подделывало или видоизменяло с целью использования находящиеся в обращении монеты, бумажные деньги или банковские билеты, а также которое использовало либо в целях использования передавало другому лицу или ввозило поддельные или видоизмененные монеты, бумажные деньги или банковские билеты (ст. 148 УК), за то, что лицо, подделывало или видоизменяло с целью использования находящиеся в обращении внутри страны иностранные монеты, бумажные деньги или банковские билеты, а также которое, которое использовало либо в целях использования передавало другому лицу или ввозило подделанные или видоизмененные иностранные монеты, бумажные деньги или банковские билеты (ст. 149 УК), за то, что лицо, приняло с целью использования подделанные или видоизмененные монеты, бумажные деньги или банковские билеты (ст. 150 УК), за то, что лицо покушалось на совершение деяний, предусмотренных ст. ст. 148-150 УК (ст. 151 УК), за то, что лицо, после принятия подделанных или видоизмененных монет, бумажных денег или банковских билетов использовало эти деньги или передало их другому лицу с целью использования, заведомо зная, что они подделаны или видоизменены (ст. 152 УК), за приготовление орудий или материалов с целью использования их для подделки или видоизменения монет, бумажных денег или банковских билетов (ст. 153 УК) [11].

Примечательно, что в качестве предмета преступления законодатель Японии рассматривает только ту иностранную валюту, которая имеет обращение внутри страны. Деньги, не имеющие хождения на территории Японии, не могут выступать в качестве предмета данного преступления.

В Китайской Народной Республике (далее — КНР) содержится ряд самостоятельных статей, предусматривающих ответственность за подделку денег.

Так, за изготовление фальшивых денежных знаков, а также за руководство группой фальшивомонетчиков либо изготовление фальшивых денежных знаков в особо крупных размерах либо наличие иных особо отягчающих обстоятельств (ст. 170 УК), за продажу, покупку фальшивых денежных знаков или перевозку заведомо фальшивых денежных знаков в сравнительно крупных размерах, а также за те же деяния, совершенные в особо крупных размерах либо за покупку работником банка или иного валютного органа фальшивых денежных знаков или использование преимуществ своего служебного положения для обмена фальшивых денежных знаков на настоящие (ст. 171 УК), за хранение и использование заведомо фальшивых денежных знаков в сравнительно крупных размерах либо за те же деяния, совершенные в крупных размерах, либо за те же деяния, совершенные в особо крупных размерах (ст. 172 УК), за подделку денежных знаков в сравнительно крупных размерах либо за то же деяние, совершенное в крупных размерах (ст. 173 УК).

Примечателен тот факт, что китайский законодатель, наряду с тем, что в ст. 171 УК КНР в качестве объективного признака отмечена перевозка, отдельно предусматривает уголовную ответственность за контрабанду поддельных денег (ст. 151 УК КНР) [12].

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил прийти к следующим выводам.

1. Предметом фальшивомонетничества во всех проанализированных странах являются поддельные деньги.
2. Признаки объективной стороны фальшивомонетничества в виде изготовления и сбыта совпадают с признаками указанными в уголовных кодексах всех перечисленных стран.
3. Субъективная сторона преступления во всех вышеуказанных странах квалифицируется только в форме прямого умысла.

Тенденция распространения фальшивомонетничества представляет реальную угрозу для экономической безопасности государств. В этой связи создание эффективной системы противодействия этому социальному злу, все более приобретающему глобальные масштабы, является первостепенной задачей для всех стран.

Для решения комплекса проблем следует реализовать ряд мероприятий:

- 1) повышение уровня финансовой грамотности населения;

- 2) создание оптимальной инфраструктуры безналичных расчетов;
- 3) модернизация детекторов подлинности на кассовом оборудовании;
- 4) оптимизация полного комплекса мероприятий противодействия фальшивомонетничеству с использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, позволяющего предупреждать, выявлять и пресекать преступную деятельность фальшивомонетчиков.

Литература

1. Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков (заключена в г. Женеве 20.04.1929) // Собрание Законодательства Союза ССР. — 1932. — № 6. — Ст. 62.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 29 янв. 2018 г. [Электронный ресурс]. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 10.05.2018).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 1996, № 25. Ст. 2954. ст. 186 УК РФ (дата обращения: 10.05.2018).
4. Уголовный кодекс Украины: закон от 05.04.2001 № 2341-III (в ред. 08.02.2018) [Электронный ресурс]. — Доступ из информ.-правовой системы «МЕГЕТ» (дата обращения: 10.05.2018).
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан: закон от 3 июля 2014 г. № 226-V (в ред. от 07.11.2014 г.) [Электронный ресурс]. — Доступ из информ.-правовой системы «Оділет» (дата обращения: 10.05.2018).
6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 250 с.
7. Уголовный кодекс Латвийской Республики. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 284 с.
8. Уголовный (пенитенциарный) кодекс: принят 06.06.2001 RT I 2001, 61, 364 (в ред. от 01.01.2018) [Электронный ресурс]. — Доступ из информ.-правовой системы «RT I, 05.12.2017, 2» (дата обращения: 10.05.2018).
9. Уголовный кодекс Республики Польша. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 320 с.
10. Уголовный кодекс Республики Болгария. — СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001. — 312 с.
11. Уголовный кодекс Японии. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 226 с.
12. Уголовный кодекс Китайской народной Республики. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 234 с.

Уголовное законодательство в сфере охраны интеллектуальной собственности в России и США: сравнительно-правовой анализ

© *О. Б. Куклин*

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: bogegipta@mail.ru

В статье на основе сравнительно-правового анализа уголовного законодательства России и США раскрываются особенности уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Подчеркивается, что выбор темы исследования обусловлен тем, что отечественное законодательство в сфере охраны права интеллектуальной собственности отличается относительной новизной, в связи с чем, представляется необходимым обратиться к анализу правового опыта США, поскольку законодательство США в области защиты права интеллектуальной собственности в настоящее время является наиболее эффективным в мире. В заключении отмечается, что уголовная ответственность за посягательства на объекты авторского и смежных прав в США характеризуется прагматичным подходом и предусматривает более суровые меры наказания, чем уголовное законодательство России.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, контрафактная продукция, преступления против интеллектуальной собственности, уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности, Закон США «Об авторском праве».

Контрафактная продукция представляет серьезную угрозу, поскольку ее распространение достаточно сложно контролировать. При этом следует отметить, что контрафактная продукция оказывает влияние не только на международную торговлю, но и на авторские права владельцев, что существенно снижает творческий процесс и общее культурное и интеллектуальное развитие общества.

Поскольку Россия вместе со всем цивилизованным миром вступила на инновационный путь развития и модернизации, где нет места производству и распространению контрафактной про-

дукции, особый научный интерес вызывает поиск оптимальных методов предупреждения и борьбы с этим негативным социальным явлением.

Представляется важным отметить, что в нашей стране с каждым годом увеличивается число преступлений в этой области. Так, по данным судебного департамента при Верховном Суде РФ за 12 месяцев 2017 г. по ч. 2 ст. 146 УК РФ было осуждено 198 лиц, по ч. 3 ст. 146 УК РФ — 283. Для сравнения: за 12 месяцев 2016г. по ч. 2 ст. 146 УК РФ было осуждено 269 лиц, по ч. 3 ст. 146 УК РФ-314 [7].

Представляется, что в сложившихся условиях, ведущую роль приобретает институт уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Данное утверждение, находит отклик и в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов, по мнению которых, обеспечить эффективную защиту интеллектуальной собственности можно обеспечить лишь за счет применения уголовно-правовых мер.

Справедливости ради, следует отметить, что Россия предпринимает определенные меры, направленные на совершенствование «антиконтрафактного» законодательства. Примером может служить ужесточение уголовной ответственности за нарушение авторского и смежных прав, посредством отнесения ч. 2 ст. 146 УК РФ к категории тяжких преступлений [10].

Поскольку отечественное уголовное законодательство в сфере охраны права интеллектуальной собственности отличается относительной новизной, представляется необходимым обратиться к зарубежному опыту государств, достигших наибольших успехов в этой сфере.

В контексте настоящего исследования, наибольший научный интерес представляет правовой опыт США, поскольку законодательство США в области защиты права интеллектуальной собственности в настоящее время является наиболее эффективным в мире. Подобных успехов удалось достичь благодаря современной законодательной базе, а также широкой практике применения и неотвратимости наказания.

В США сформировались давние традиции в области охраны объектов интеллектуальной собственности. В США отношения по поводу интеллектуальной собственности регулируются несколькими законами. К примеру, Законом «Об авторском праве» 1976 г., Законом «О предупреждении пиратства в отношении коллекций информации» 1999 г, Законом об авторском праве в цифровом тысячелетии» 1998 г, расположенных в титуле 18 «Авторское право» Аннотированного кодекса Соединенных Штатов и т.д. При этом статья 2319 «Преступное нарушение авторских прав» расположена в главе 133 «Похищенная собственность». Также в США действует закон «О нарушении товарных знаков» 1984 года и Акт об экономическом шпионаже 1996 года [6, с.69].

Уголовная ответственность за преступления, посягающие на авторские и смежные права, устанавливается Законом США «Об авторском праве» 1976 г. (далее — Закон) и уголовными законами Штатов. Запретительные нормы содержатся в титуле 17 «Авторское право» ст. 2319 «Преступное нарушение авторских прав» раздела 18 «Преступления и уголовный процесс» Свода законов США [5, с. 92].

Так, Закон устанавливает уголовную ответственность за использование объектов интеллектуальной собственности без разрешения автора, нарушение правил регистрации объектов интеллектуальной собственности, «а также за обход технических средств защиты и уничтожение либо изменение информации об управлении авторскими правами» [4, с. 60].

Нормы об ответственности за перечисленные деяния содержатся в ст. 506, 507, 509 и 511 Закона. Эти нормы расположены в главе V «Нарушения авторских прав и средства правовой защиты».

Согласно ст. 506 (а) Закона любое лицо, которое с умыслом нарушило авторские права с целью коммерческой выгоды или финансовой прибыли, либо путем воспроизведения или распространения в течение любого 180-дневного периода одной или более копии или фонограммы, содержащих одно или более охраняемое авторским правом произведение общей стоимостью более 2500 долларов США, должно быть осуждено в соответствии со ст. 2319 «Преступное нарушение авторских прав», расположенной в разделе 18 «Преступления и уголовный процесс» Свода законов США [9, с. 221].

Обозначенная правовая норма устанавливает различные сроки наказания к тюремному заключению и суммы штрафов, которые подразделяются в зависимости от тяжести совершенного преступления.

За совершение деяния, предусмотренного ст. 506 (а), предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Повторное либо последующее нарушение влечет назначение

наказания в виде лишения свободы сроком до десяти лет. Если в течение 180-дневного периода не было изготовлено указанное количество экземпляров либо репродуцирование или распространение работы не имели места, то действия нарушителя могут быть квалифицированы как мисдиминор (уголовно-наказуемое деяние). В случае со звукозаписями, фильмами и другими аудиовизуальными работами может быть назначен штраф достигающий 250 тыс. долл.

Ст. 506 (b) Закона за совершение преступлений, предусмотренных ст. 506 (a), предусматривает возможность применения по приговору суда, таких мер уголовно-правового воздействия как конфискация и уничтожение всех пиратских копий произведений и фонограмм, а также оборудования, использованного при их производстве.

Ст. 506 (c), (d), (e) Закона за помещение с мошенническими намерениями на любом предмете ложной информации об авторстве, а также распространение или импорт с целью распространения такого предмета; удаление или изменение с мошенническими намерениями любого уведомления об авторском праве, содержащемся на копии или фонограмме охраняемого авторским правом произведения; предоставление заведомо ложных данных в заявлении на регистрацию авторских прав или в любом ином документе, представленном в связи с регистрацией, предусматривается наказание в виде штрафа в размере до 2500 долл. США.

Законодательство США наделяет правоприменителя правом осуществлять уголовное преследование лица, виновного в совершении преступлений, предусмотренных ст. 506, в течение 3 лет с момента их совершения.

Полагаем, что отечественное уголовное законодательство отражает более последовательный и менее строгий подход к применению наказаний в отношении лиц, совершивших преступления против авторских и смежных прав.

В свою очередь сроки уголовного преследования зависят от характера и степени общественной опасности содеянного (ст. 15 УК РФ).

В соответствии со ст. 509 Закона суд вправе наложить арест и конфисковать в пользу США все копии звукозаписей, произведенных, воспроизведенных, распространенных, проданных или использованных иным способом с нарушением ст. 506 (a), все печатные формы, клише, матрицы, шаблоны, магнитные ленты, негативы фильмов и другие предметы, с помощью которых такие копии звукозаписей могут быть воспроизведены, все другое оборудование и приборы для изготовления, воссоздания или монтажа таких копий звукозаписи.

Согласно ст. 511 (a) Закона должностные лица и служащие любого штата не должны пользоваться иммунитетом, предусмотренным 11-й поправкой к Конституции США или иными доктринами личной неприкосновенности от разбирательства в федеральном суде, если они нарушили любое исключительное право владельца авторских прав [4, с. 62].

Исследование уголовного законодательства США в области патентной охраны изобретений и промышленных образцов, а также Закона о товарных знаках [2, с. 75] 1946 г. (известного как «Акт Лэнхема» [3, с.108]) свидетельствует о том, что на федеральном уровне не устанавливается уголовная ответственность за нарушение авторских прав в указанной сфере. При этом необходимо отметить, что в правовой литературе можно встретить иную позицию по данному вопросу.

В частности, в исследовании М.В. Пьяновой содержится ссылка на п. «а», «б» ст. 1114 Закона США «О товарных знаках» 1946 г. (Закон Лэнхема), согласно которой можно прийти к выводу об отсутствии наказаний, к примеру «...за подделку или имитацию зарегистрированного товарного знака...» [8, с. 126].

В свою очередь, законодательство штатов США предусматривает такую ответственность, к примеру, УК штата Монтана устанавливает уголовную ответственность за полное воспроизведение и (или) использование товарного знака, имеющего близкое сходство с товарным знаком, принадлежащим законному владельцу, где такое посягательство расценивается как преступление против собственности [8, с. 127], или УК штата Техас [11].

В целях пресечения нарушения авторских прав в указанной сфере применяется такая мера защиты как право на судебный запрет в отношении дальнейших действий с товарным знаком.

В то же время, следует отметить, что законодательство США предусматривает уголовную ответственность за «лжесвидетельство» при намеренном введении в заблуждение Патентного ведомства США в отношении своего авторства на изобретение. В США указанное деяние отнесено к числу тяжких преступлений [1, с. 66].

Подводя итог проведенному исследованию, представляется важным отметить, что уголовная ответственность за посягательства на объекты авторского и смежных прав в США характеризует-

ся прагматичным подходом и предусматривает более суровые меры наказания, чем уголовное законодательство России.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что законодательство США в области правовой охраны интеллектуальной собственности в большей мере способствует реализации гражданами своих конституционных прав на творческую деятельность и создает благоприятные условия для их защиты.

Литература

1. Берсон О. Некоторые аспекты патентного законодательства США // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2005. — № 4. — С. 66–73.
2. Дахно И. И. Перевод. Сборник текстов для самопроверки. — Киев, 2014. — 200 с.
3. Дахно И. И. Патентование и лицензирование. — Киев: МАУП, 2004. — 214 с.
4. Корчагина Д. Э. Юридическая ответственность за нарушение авторских и смежных прав в России и США // Право и управление. XXI век. — 2010. — № 1(14). — С. 59–63.
5. Кравчук О. В. Зарубежный опыт в противодействии преступлениям, связанным с нарушением авторских прав и смежных прав // Вопросы российского и международного права. — 2013. — № 4. — С. 92–111.
6. Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юр. наук. — Курск, 2014. — 235 с.
7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2016–2017 гг. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.06.2018).
8. Пьянова М. В. Ответственность за незаконное использование товарного знака в уголовном праве зарубежных государств // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 125–128.
9. Торопыгин О. Ю. Уголовное законодательство зарубежных государств по охране объектов интеллектуальной собственности (сравнительно-правовое исследование) // Вопросы российского и международного права. — 2016. — № 3. — С. 213–225.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
11. Уголовный кодекс штата Техас. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — 576 с.
12. Гармаев Ю. П., Ладоскин А. С. Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 8–9. — С. 210–214.
13. Попова Е. И., Гулина Е. В. К вопросу о защите прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / колл. авторов; под ред. В. М. Зимина; Т. Ю. Новиковой, Е. А. Ануфриевой, В. П. Бодаевского, Д. А. Захарова. — Симферополь: АРИАЛ, 2018. — С. 312–315.

Уголовная ответственность лиц, находящихся в состоянии опьянения, за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта в России и Китае: сравнительно-правовой анализ

© **Б. Б. Ламуев**

студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: buyanto.lamuev@mail.ru

В данной статье дается сравнительно-правовой анализ норм уголовного права, регулирующих уголовную ответственность лиц, находящихся в состоянии опьянения, за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по уголовным законодательствам России и Китая. Автором исследуется состояние безопасности дорожного движения в мире, определяя место в мировом рейтинге России и Китая, согласно источникам международных организаций. В работе приведена российская судебная статистика по состоянию судимости в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта лицом, находящимся в состоянии опьянения. Указываются недостатки положений статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, устанавливающей данную ответственность, в сравнении с нормами Уголовного Кодекса Китая.

Ключевые слова: уголовная ответственность, опьянение, дорожно-транспортное происшествие, судебная статистика, китайское законодательство, Уголовный Кодекс РФ.

Нарушение правил дорожного движения остаётся острой общемировой проблемой современности. Ни один человек, будь то водитель или пешеход, не защищен от существующих угроз на дороге. Осенью 2015 года опубликован знаменитый доклад Всемирной организации здравоохранения о состоянии безопасности дорожного движения в мире. Согласно официальной статистике во всем мире в результате ДТП ежедневно погибают более 3 тыс. людей и около 100 тыс. получают серьезные травмы. В результате за один год примерно 20-50 млн. людей получают травмы различного рода; ежегодно количество смертей на дорогах в результате аварий равен 1,25 млн человек (из них 186 тыс. — дети). К сожалению, огромные потери приходится на существенную долю молодежи. Как утверждает ВОЗ, на сегодняшний день основной причиной летальных исходов среди людей в возрасте от 15–29 лет является дорожно-транспортное происшествие [1, с. 1]. Россия в мировом рейтинге по количеству смертей в результате ДТП занимает 4 место (35 972 человека) после США (42 642 человека), Китай — на 2 (89 455 человек), уступая 1 место Индии (105 725 человек). Однако если рассматривать смертность на дорогах на 100 тыс. человек населения, то рейтинг выглядит иначе. Россия занимает 2 место в мире по данному показателю (25,20), опередив Мексику, Бразилию и Индию, но уступая 1 место Египту. Китай согласно этому рейтингу занимает 6 место, опередив США на одну позицию [7].

Причины такого положения дел во всем мире разные. Одна из них, самая распространенная — вождение в нетрезвом виде. Управление транспортным средством в состоянии опьянения, как правило, влечет за собой серьезные последствия, в том числе ДТП с людскими потерями. Даже сам факт нахождения человека за рулем под воздействием алкоголя или тем более наркотических средств априори делает движение транспорта не безопасным и потенциально приближает угрозу наступления общественно опасных последствий. Человек в состоянии опьянения теряет контроль над своими действиями, тем самым он не воспринимает ситуацию адекватно и переходит за «красную» черту, шагнув за рамки дозволенного поведения. Какова же особенность опьянения? Вообще под опьянением следует понимать «состояние, при котором вменяемое лицо не в полной мере осознает фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководит ими в результате осознанно-волевого употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ» [10, с. 107].

Обращаясь к национальному законодательству России, хотелось бы отметить, что УК РФ отдельно выделяет главу Особенной части «Преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта». Согласно ч. 2 ст. 264 УК РФ нарушение лицом, находящимся в состоянии опьянения, управляющим различными видами транспорта, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, наказывается принудительными работами на срок до 3 лет либо лишением свободы на срок до 4 лет. Часть 4 этой же статьи предусматривает, что то же деяние, но повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывается от 2 до 7 лет лишением свободы. То же деяние, повлекшее смерть двух или более лиц, наказывается лишением свободы на срок от 4 до 9 лет. И во всех случаях в качестве дополнительного вида наказания устанавливается лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет [9].

Анализируя китайское законодательство, стоит обратить внимание на то, что УК КНР, предусматривая уголовную ответственность за преступления против безопасности дорожного движения, в целом эти составы относит в главу Особенной части под названием «Преступления против общественной безопасности». Ст. 133 УК КНР закрепляет следующее: «нарушение правил транспортных перевозок, явившееся причиной серьезной аварии, повлекшей за собой человеческие жертвы — смерть или тяжелые увечья, либо причинившей значительный ущерб государственному или частному имуществу, наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или арестом. То же деяние, сопряженное с бегством с места аварии или наличием иных отягчающих обстоятельств, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет. То же деяние, если бегство с места аварии привело к смерти потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок свыше 7 лет» [8, с. 34]. Здесь необходимо акцентировать особое внимание на то, что в правовых нормах китайского уголовного закона, регулирующих транспортную безопасность, отсутствует такой квалифицирующий признак как состояние алкогольного или наркотического опьянения. Соответственно это «не является отягчающим вину обстоятельством» в Китае, тогда как в России это яв-

ляется квалифицирующим признаком, благодаря которому увеличивается размер наказания [5, с. 82].

Российская судебная практика по таким категориям дел выглядит следующим образом. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2017 году число лиц, осужденных по ч. 2 ст. 264 УК РФ, составило 1400 человек. По ч. 3 этой же статьи — 2637 (включая ч. 2 старой редакции УК РФ), по ч. 4 — 1048, ч. 5 — 445 (включая ч. 3) и ч. 6 — 152 [4]. В 2016 году картина выглядела так: по ч. 2 ст. 264 были осуждены 1237 человек, по ч. 3 — 2721 (включая ч. 2), по ч. 4 — 1148, по ч. 5 — 457 (включая ч. 3) и ч. 6 — 152 [3]. В 2015 году число осужденных по ч. 2 ст. 264 УК РФ составило 1244 человек, по ч. 3 — 2284 (включая ч. 2), по ч. 4 — 1645, по ч. 5 — 587 (включая ч. 3) и по ч. 6 — 262 человека [2].

Данная статистика за последние три года в целом имеет благоприятную тенденцию снижаться. Однако по ч. 2 ст. 264 УК РФ количество осужденных резко возросло с 2016 по 2017 годы.

На наш взгляд, российскому законодателю необходимо учитывать китайский опыт правоприменительной практики, касающийся диспозиции статьи 133 УК КНР. Но заимствовать с нашей точки зрения следует не всё, а только ту часть, где в качестве квалифицирующего признака устанавливается бегство с места ДТП, в результате которого наступила смерть потерпевших. Кроме того, считаем необходимым дополнить статью 264 УК РФ положением об усилении уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение значительного ущерба государственному или частному имуществу, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения или без такового. И по нашему мнению, скорректировав нормы о конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, в качестве дополнительного вида наказания следует установить в санкциях данной статьи изъятие транспортного средства или иного вида имущества.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Эффективность борьбы с нетрезвыми водителями в нынешних реалиях требует выработки новых законодательных подходов, как в Китае, так и в России. Китайским законодателям, как мы считаем, следует перенять российский опыт по ужесточению наказания пьяных водителей, а российскому законодательству, кроме введения ответственности за бегство с места ДТП и причинение значительного ущерба имуществу, необходимо предусмотреть конфискацию транспорта. По нашему убеждению, России стоит заимствовать некоторые нормы уголовного закона Китая, базируясь при этом на собственных представлениях правоприменительной практики. В современных условиях вероятность наступления множественных угроз безопасности на дорогах остается высоким. Основное значение для предотвращения подобного рода преступлений имеет не только совершенствование закона и неотвратимость наказания, но и профилактические меры среди водителей и пешеходов по предупреждению ДТП. А для этой цели необходимо уделять должное внимание комплексной борьбе с алкоголизмом и наркоманией, здоровой пропаганде в СМИ, включая сеть «Интернет», правовой культуре населения в стране и правильному воспитанию молодежи.

Литература

1. Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире 2015 [Электронный ресурс] / Всемирная Организация здравоохранения. — URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2015/GSRRS2015_Summary_RU.pdf?ua=1 (дата обращения: 11.06.2018).

2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год [Электронный ресурс] / Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k3-svod-2015.xls (дата обращения: 11.06.2018).

3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год [Электронный ресурс] / Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10a-svod-2016.xls (дата обращения: 11.06.2018).

4. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год [Электронный ресурс] / Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls (дата обращения: 11.06.2018).

5. Петров С. А. Уголовная ответственность за нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта по уголовному законодательству России и Китая // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2014. — № 1. — С. 80–83.

6. Попова Е. И., Латыпова К. С. Инсценировка ДТП, связанного с наездом на пешехода: постановка проблемы // Закон и право. — 2017. — № 2. — С. 89–91.

7. Статистика по смертности ДТП // Россия в мировом рейтинге [Электронный ресурс] / Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. — URL: http://crimestat.ru/world_ranking_road_traffic_deaths (дата обращения: 11.06.2018).

8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bs.u.ru/content/page/13369/uk-knr-1997.doc> (дата обращения: 11.06.2018).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 1996, — № 25. — Ст. 2954.

10. Шапошников В. Л., Шумский В. В. Средства массовой информации в системе профилактики преступлений, совершаемых лицами в состоянии алкогольного опьянения // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2016. — № 1. — С. 107–110.

Сравнительно-правовой анализ противодействия коррупции в России и Китае

© *Е. М. Линхоева*

студентка 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: elinhoeva99@mail.ru

«Мягкой рукой с преступностью не повоюешь и социальные уродства не выведешь»
Дэн Сяопин

В настоящей статье затрагивается одно из актуальных направлений современной уголовно-правовой политики России — противодействие коррупции. Автором проанализированы показатели индекса восприятия коррупции, ежегодно публикуемые международной неправительственной организацией «Transparency International» и отражающие независимую оценку аналитиков и предпринимателей относительно уровня восприятия коррупции в разных странах, приведены статистические данные отражающие состояние преступлений коррупционной направленности. Проведен компаративистский анализ противодействия коррупции в России и Китае. По результатам проведенного исследования, с учетом положительного опыта Китая — одного из лидеров в деле борьбы с коррупцией, предложен комплекс мер, которые, по мнению автора, могут способствовать повышению эффективности противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовный закон, коррупция, преступления коррупционной направленности, противодействие коррупции.

На сегодняшний день борьба с коррупцией является одним из актуальных направлений современной уголовно-правовой политики России. Коррупция является сложным социальным, политическим и экономическим явлением, которое, так или иначе, затрагивает интересы практически каждого государства и расценивается как одна из серьезных угроз национальной безопасности.

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2017 году за совершение преступлений коррупционной направленности судами было вынесено 17334 обвинительных приговора, осуждено 9489 лиц. Всего по составам 204-204.2, 290-291.2 УК РФ было вынесено 8598 обвинительных приговора, осуждено 5323 лица [7].

В настоящее время большинство государств мира находятся в поиске оптимального механизма противодействия коррупции, который бы включал в себя комплекс мер, позволяющих эффективно воздействовать на причины и условия ее распространения и как следствие, предупреждать ее проявления во всех сферах жизнедеятельности общества.

Одним из признанных лидеров в числе стран с наименьшим уровнем коррупции является Китай. Для сравнения, приведем показатели Индекса восприятия коррупции, подготовленного международной неправительственной организацией «Transparency International» за 2017 год, согласно которому, Россия занимает 135-место из 180 стран, в то время как Китай находится на почетном 77 месте [9].

К числу основных причин высокого уровня коррупции в России могут быть отнесены: неэффективность ключевых политических институтов; протекционизм, низкий уровень правосознания и правовой культуры, отсутствие независимой судебной системы, СМИ, слишком мягкие меры наказания за не декларирование доходов и имущества, а также конфликт интересов. Приведенные

обстоятельства свидетельствуют о несовершенстве отечественной уголовной политики в сфере борьбы с коррупцией и вызывают объективную необходимость в поиске оптимальных механизмов противодействия коррупции с учетом опыта стран, добившихся наибольших успехов в этом направлении [5, с. 56].

Как было отмечено ранее, Китай — страна, чей положительный опыт борьбы с коррупцией является одним из эталонных примеров последовательной, отличающейся применением суровых мер наказания, но при этом, доказавшей свою эффективность государственной уголовной политики.

Анализируя правовую основу противодействия коррупции в Китае, следует отметить, что в отличие от России, здесь отсутствует нормативно-правовой акт, определяющий понятие коррупции и основные направления государственной политики в области противодействия ей.

Приведенные обстоятельства позволяют утверждать, что антикоррупционное законодательство России наиболее развито по сравнению с Китаем. В Китае основные понятия и правовые положения в области противодействия коррупции закреплены в отдельных многочисленных подзаконных актах, инструкциях, ведомственных приказах. Основная часть документов, регламентирующих сферу коррупции, принимается местными органами власти и управления [6, с. 98].

Говоря о субъектах противодействия коррупции, на которых государство возлагает обязанность выявлять, предупреждать, пресекать, а также иными способами бороться с коррупцией, следует отметить, что в России к их числу относятся: МВД, Следственный комитет, Прокуратура РФ и др. государственные органы. В Китае противодействием коррупции занимается ведущая политическая Коммунистическая партия.

Коммунистической партией Китая разработаны программные документы по противодействию коррупции, которые носят внутривнутрипартийный характер. К ним относится План работы по созданию и совершенствованию системы профилактики и противодействию коррупции на 2018–2022 гг. Срок их действия существенно отличается от России и составляет 5 лет [6, с. 99].

К числу ключевых направлений противодействия коррупции в Китае относятся:

1. Контроль над расходами чиновников всех уровней. Так, например, согласно ст. 395 УК КНР в случаях, когда собственность и расходы должностного лица не соответствуют его законному доходу, и он не может объяснить их возникновение, то эта определенная часть имущества признается результатом незаконного дохода и подлежит изъятию в пользу государства, а для нарушителя предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет либо арест [1];

2. Строгое применение системы материального обеспечения руководящих кадров. В Китае существует запрет на превышение установленных норм при использовании жилых и деловых помещений, служебных машин, на излишнее количество охраны и секретарей с регулированием вопросов стоимости, вида и количества мебели, необходимой для кабинетов чиновников различных уровней;

3. Ротация кадров во всех органах власти;

4. Работа Независимой комиссии по борьбе с коррупцией. Для сотрудников данной комиссии предусмотрена стабильная высокая зарплата, они проводят профилактику коррупционных преступлений, в том числе самих выявленных фактах коррупционных преступлений;

5. Повышение уровня открытости судопроизводства, усиление общественного контроля над выносимыми народными судами КНР решениями и приговорами по гражданским, уголовным и административным делам. Публичная трансляция через сети Интернет, которая предусмотрена в Китае в любом случае, способствует снижению уровня коррупции в судах, так как из любой точки Китая и мира можно следить в онлайн-режиме за происходящим процессом. Данная мера по борьбе с коррупцией предотвращает возможность подкупа судебных и правоприменительных органов при вынесении решений, постановлений.

6. Самая строгая мера наказания — смертная казнь [4, с. 267].

Смертная казнь закреплена в УК КНР еще с 1982 года. Существует два вида смертных приговоров: с немедленным исполнением и отсрочкой до двух лет. Двухлетняя отсрочка исполнения приговора предусматривает возможность замены смертной казни на пожизненное заключение, с условием, что коррумпированный будет вести себя примерно и искренне раскается в содеянном преступлении. К тому же за этим следует дополнительное наказание — конфискация имущества.

Согласно статье 384 УК КНР смертная казнь также назначается за использование в личных целях средств, предназначенных для помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для оказания материальной помощи, поддержки малоимущих, переселенцев, для оказания иной экстренной помощи [1]. Схожей статьи в УК РФ не закреплено.

В 2017 году в Китае свыше 159 тысяч человек получили различные наказания за нарушение партийной дисциплины и коррупции, также возвращены около 1,3 тысяч коррупционеров, включая 347 членов КПК и государственных чиновников [8]. Такой ротации кадров в правящей партии не было со времен культурной революции. Это связывают с большой антикоррупционной компанией, проводимой Генсеком компартии КНР Си Цзиньпином.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности борьбы с коррупцией в России, представляется необходимым перенять опыт Китая, в части, касающейся ужесточения уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности. Кроме того, необходимо ввести в действие норму о конфискации имущества, приобретенного за счет незаконных доходов, которое занимает ведущее место в УК КНР, в качестве мер борьбы с коррупцией.

Кроме того, представляется необходимым повышать уровень правовой культуры и правового воспитания молодого поколения, прививая им нетерпимость коррупции. Полагаем, что любая победа с коррупцией возможна в том случае, если будущее поколение будет воспитываться соответствующим образом. К примеру, в Китае, в рамках дошкольной и основной образовательной программы предусмотрена постановка спектаклей, проведение форумов и конференций на тему коррупции. Для студентов разработана видео-игра «Неподкупный боец», снят фильм «Роковое решение» просмотр которого является обязательным. Повысить уровень открытости судопроизводства, сделать его открытым через сети Интернет, данная мера в любом случае понизит взяточничество судей и других должностных лиц.

Изучив основные способы противодействия коррупции в Китае необходимо обратить внимание на положительный опыт в противодействии коррупции, чтобы определять, какие меры наиболее эффективны. Учет такого опыта позволит нашей стране существенно снизить уровень коррупции во всех сферах.

Литература

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. — URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/criminal/> (дата обращения: 02.08.2017).
2. Гармаев Ю. П., Фалилеев В. А. Реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры во взаимодействии с юридическими вузами // Государственная власть и местное самоуправление. — М., 2015. — № 1. — С. 11–15.
3. Кулакова В. А., Чердакова Т. Б. Противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами в России и Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества, 2014. — С. 265–269.
4. Луданова В. Г. Опыт противодействия коррупции в азиатских странах // Символ науки. — № 10, 2017. — С. 58–59.
5. Савин П. Т. Противодействие коррупции в Китае: история и современность // Проблемы современной науки и образования, 2017. — № 20(102). — С. 55–58.
6. Севальнев В. В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект) // Журнал российского права. — № 2, 2015. — С. 95–100.
7. Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям УК РФ по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 18.07.2018).
8. Отчет центральной комиссии Коммунистической партии Китая о делах о коррупции и нарушениях партийной дисциплины [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4859925> (дата обращения: 07.01.2018).
9. Трансперенси интернешнл. Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. — URL / (дата обращения: 08.02.2018).

Сравнительный анализ института присяжных заседателей в странах АТР на примере России и США

© Т. Р. Лубсанов

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: T23L@mail.ru

Данная статья посвящена сравнительному анализу института присяжных заседателей в США и Российской Федерации. В ходе исследования выявлены основные отличия института присяжных заседателей США от России.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели.

Основные принципы осуществления правосудия являются одной из немногих проблем, которые регламентируются Конституцией. Деятельность судебных органов во всех странах, идущих по пути правовой государственности, характеризуется использованием полного набора этих принципов, что предопределено тем, что все они закреплены основополагающими международно-правовыми актами и имплементированы в правовую систему этих государств.

Суд присяжных в большей мере, чем другие методы осуществления правосудия, отвечает требованиям правового государства [3, с. 62]. Принцип участия населения в отправлении правосудия выражается прямым текстом в немногих конституциях. Значительно чаще он выражен другим путем — указанием на ту форму, в какой это участие осуществляется.

По распространенному мнению, США в наибольшей степени отвечает задаче сравнительно-правового анализа института суда присяжных в силу сопоставимости территориальных размеров и федеративного государственного устройства.

Более двухсот лет назад Конституция США установила, что «все дела о преступлениях, за исключением рассматриваемых в порядке импичмента, подсудны суду присяжных» (разд. 2 ст. III) [2, с. 529]. Это не означает, что все дела такого рода рассматриваются судом присяжных (в общем числе рассматриваемых дел они не преобладают), но его широкое использование — одна из характерных черт американского правосудия. Согласно Конституции США, в федеральных судах для рассмотрения уголовных дел привлекаются двенадцать присяжных заседателей, тогда как в судах штатов это число колеблется. Например, в штате Висконсин для рассмотрения тяжких и менее тяжких преступлений коллегия состоит из двенадцати присяжных, а в уголовных судах штата Вайоминг — из шести присяжных. Предполагается, что основанием для уменьшения состава жюри, рассматривающего уголовные дела в судах штата, послужило решение, которое было принято по делу *Williams v. Florida*, в котором Верховный суд США постановил, что состав жюри из двенадцати человек является просто «исторической случайностью». В США суд присяжных рассматривает также некоторые категории гражданских дел. При этой форме в ее классическом варианте двенадцать граждан, заслушав прения сторон, проходящие под председательством профессионального судьи, выносят единогласный вердикт, главное содержание которого — ответ на вопрос, виновен или нет обвиняемый в деянии, которое имело место. Мету наказания в случае признания лица виновным назначает судья. Число присяжных различается в зависимости от характера дела. В некоторых штатах оно равняется шести, в других число присяжных может изменяться от шести до двенадцати.

Присяжные заседатели отбираются на основе случайного выбора и из различных слоев общества. Суд имеет право воспользоваться различными источниками: списками зарегистрированных избирателей или теми, кто имеет водительское удостоверение, телефонными книгами или по усмотрению специальной комиссии. Тем не менее, чаще всего используется усовершенствованная компьютерная система.

В некоторых штатах, сфера профессиональной деятельности является основанием освобождения от долга выполнения обязанностей присяжного. К примеру, врач, услуги которого важны для общества; либо юрист, обладающий профессиональными знаниями, которые могут повлиять на других присяжных и тем самым на исход дела. Федеральный суд может освободить от процесса общественных деятелей, сотрудников полиции и пожарной охраны. На данный момент такая практика уже не так актуальна. Такие основания как возраст до восемнадцати лет, наличие судимости, предыдущее участие либо осведомленность о деле могут привести к незамедлительной

дисквалификации присяжного. К примеру, в Калифорнии не применяются автоматические исключения из числа присяжных [5, с. 5]. В случае неявки по повестке в суд в качестве присяжного заседателя на лицо налагается штраф или тюремное заключение.

В России судопроизводство с участием присяжных заседателей закреплено в ч. 4 ст. 123 Конституции РФ. Под судом с участием присяжных заседателей УПК РФ понимает рассмотрение уголовного дела федеральным судьей (областного звена) и коллегии из 12 присяжных заседателей. Обвиняемый может ходатайствовать о рассмотрении дела судом присяжных при его подсудности. Полномочия между коллегией присяжных заседателей и профессиональным судьей, председательствующим по делу, разграничены. Юристы-профессионалы ведут процесс, решают правовые вопросы, формулируют вопросы для жюри, напутствуют присяжных, после этого согласно их вердикту составляют приговор, иными словами подбирают надлежащую статью уголовно-материального права и назначают наказание. Присяжные не несут ответственности за свой вердикт, не объясняют его и наделены правом безмотивного оправдания [1, с. 80]. Только в России существует такое правило о раздельном разрешении вопросов факта (только коллегией присяжных) и права (профессиональным судьей) и в связи с этим отдельном от судьбы обсуждении и принятии вердикта коллегией присяжных.

Формирование коллегии присяжных заседателей включает в себя порядок составления списков присяжных заседателей, их отбор для осуществления правосудия и формирование коллегии непосредственно в судебном заседании. Обязанность по подготовке списков кандидатов в присяжные заседатели возложена на Высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, который каждые четыре года составляет общий и запасной списки присяжных на основании поступивших от исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований списков кандидатов в присяжные заседатели. Данные списки публикуются в официальной прессе. До публикации списка кандидатов в присяжные гражданин вправе отказаться от этого почетного звания. В списки присяжных заседателей не включаются лица: не достигшие возраста 25 лет; имеющие непогашенную или неснятую судимость; признанные судом недееспособными или ограниченными судом в дееспособности; состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств. Аналогичный метод составления списков кандидатов в присяжные заседатели применяется и в США.

С июня 2018 г. в России вступают в силу основные изменения в соответствии с ФЗ от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». В частности, расширился перечень составов преступлений, по которым дело может быть рассмотрено судом с участием присяжных заседателей; рассмотрение дел с участием присяжных заседателей отнесено к компетенции районных судов и гарнизонных военных судов; в районных и гарнизонных судах коллегия будет состоять из 6 присяжных; в вышестоящем суде коллегия присяжных заседателей будет состоять из 8 человек [4].

Подводя итоги, обозначим основные отличия института присяжных заседателей США от России:

- в США к участию в процессе допускаются лица достигшие возраста 18 лет, а в России 25 лет;
- в некоторых штатах США определено наказание за неявку по повестке в суд в качестве присяжного заседателя в виде штрафа или тюремного заключения; в России наказание не предусмотрено;
- в США все уголовные дела рассматриваются с участием присяжных заседателей. На федеральном уровне отказ подсудимого от суда присяжных требует согласия прокурора. В России в последнее время круг уголовных дел, которые могут рассматривать присяжные, резко ограничен;
- 7 поправка Конституции США обеспечивает право на суд присяжных по гражданским делам. В России у граждан нет такого права;
- в США вердикт присяжных заседателей должен быть единогласным, то есть 12-0. При не согласии одного присяжного, коллегия распускается, и дело рассматривается заново с новым составом коллегии присяжных. В России же выносятся либо обвинительный вердикт, если по всем 3 вопросам большинство присяжных заседателей проголосовали утвердительно; либо оправдательный вердикт, если хотя бы по одному вопросу больше 6 присяжных заседателей ответили отрицательно;

- в России судопроизводство с участием присяжных заседателей делится на «судей права» и «судей факта».

По нашему мнению, при должной адаптации под российские правовые реалии умеренное перенимание зарубежных концепций послужит удовлетворению потребностей современного правового регулирования. В этом будет состоять сочетание правомерных заимствований и национальной правовой традиции.

Литература

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б. А. Золотухин. — М.: Республика, 1992. — 111 с.
2. Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост.: В. В. Маклаков. — Изд. 3, перераб. и доп. — М.: БЕК, 2002. — 592 с.
3. Николайчик В. М. Суд присяжных как «символ демократии» // США: Экономика. Политика. Идеология. — М., 1997. — № 9.
4. Реформа суда присяжных. Изменения, которые вступят в силу с 1 июня 2018 года [Электронный ресурс] // Гарант.ру. — URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/pogulyaev/1156054>
5. Теймен С. Формирование скамьи присяжных в России и США (сравнительный анализ) // Российская юстиция. — 1994. — № 7.

Судебный штраф в уголовном законодательстве РФ и штраф как наказание в США: сравнительно-правовой анализ

© *Н. С. Луценко*

адъюнкт 1-го курса Дальневосточного
юридического института МВД России
Россия, г. Хабаровск
E-mail: nadezdastar1010@mail.ru

В статье впервые проводится сравнительно-правовой анализ нового института судебного штрафа, закрепленного в уголовном законодательстве РФ, и штрафа как наказания в США. В основе анализа исследуемых уголовно-правовых институтов двух стран определены такие критерии, как характер тяжести совершенного преступления, наличие возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, наличие (отсутствие) судимости при применении указанных уголовно-правовых институтов, размер денежного взыскания, возможность его замены на более строгое наказание, наличие (отсутствия) признания вины, лицом, совершившим преступление. По результатам проведенного анализа делается вывод об уникальности нового российского уголовно-правового института судебного штрафа и соответствии его либерально-гуманным требованиям нынешнего времени.

Ключевые слова: судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, судимость, штраф, размер штрафа.

Современная уголовная политика во всем мире становится все более ориентированной на модель восстановительного правосудия, которая имеет огромный потенциал в урегулировании уголовно-правового конфликта, максимальном решении проблем возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, восстановлении социальной справедливости и нарушенных прав потерпевшего [4, с. 6].

Политика Российской Федерации в данной векторе развития не является исключением. Так, в качестве приоритетного направления в концепции долгосрочного социально-экономического развития нашей страны на период до 2020 года указана необходимость формирования и развития механизмов восстановительного правосудия, их реализация и проведение примирительных процедур [2].

В российском уголовном законодательстве меры восстановительного правосудия, выражаются, прежде всего, в институтах освобождения от уголовной ответственности, перечень которых в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) продолжает расти. К таковым, на сегодняшний день, относятся: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75); в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76); по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1); в связи с истечением сроков давности (ст. 78); с назначением судебного штрафа (ст. 76.2) [1]. Последний институт освобождения от уголовной

ответственности является самым «молодым» и вызывает особый научный и практический интерес у представителей уголовно-правовой науки.

Новинкой и в то же время особенностью института освобождения от уголовной ответственности — судебного штрафа является отказ государства в лице судебных органов от уголовного преследования лица, совершившего преступление, если последний совершил преступление небольшой или средней тяжести впервые, возместил ущерб или иным образом загладил причиненный преступлением вред и выплатил в бюджет государства денежное взыскание, так называемый «судебный штраф», который не является наказанием, в отличие от «традиционного» штрафа, а имеет статус «меры уголовно-правового характера» и, соответственно, не влечет за собой правовые последствия и иные ограничения, связанные с судимостью.

В период современности органы власти стремятся избежать применения мер наказания в тех случаях, когда можно компенсировать вред потерпевшему за счет виновного лица и возместить отчасти расходы, затраченные на правосудие. Действительно, новый институт освобождения от уголовной ответственности — судебного штрафа имеет ряд преимуществ для всех его участников, начиная от государства и заканчивая лицом, в отношении которого применен судебный штраф. Во-первых, данная уголовно-правовая мера побуждает лицо, совершившее преступление, к возмещению ущерба или заглаживанию причиненного вреда; во-вторых, позволяет привлечь в бюджет государства дополнительные средства за счет выплат судебных штрафов; в-третьих, не ставит на виновном «клеймо судимости», дав шанс встать на путь исправления, реализуя принципы справедливости и гуманизма.

Исследуя институт судебного штрафа, интересным представляется анализ законодательства зарубежных стран, регламентирующих аналогичные институты. В рамках настоящей статьи обратимся к опыту США. Отметим, что понятие освобождения от уголовной ответственности в США не применяется. Тем не менее, схожими по своему механизму являются такие альтернативные способы урегулирования конфликтов, как медиация, трансакция (для налоговых преступлений) и отказ от уголовного преследования ввиду его нецелесообразности [6, с. 81].

С одной стороны, институт судебного штрафа схож с вышеуказанными способами урегулирования уголовно-правового конфликта, а именно в максимальном достижении возмещения ущерба и компенсации вреда, причиненного преступлением, и «благосклонным» отношением к лицу, совершившему преступление.

С другой стороны, российская мера уголовно-правового характера «судебный штраф» во многом напоминает штраф как наказание в США. Выделим их общие характеристики.

Во-первых, сравним характер тяжести преступлений, за совершение которых может быть назначен судебный штраф в законодательстве РФ и штраф как наказание в США. Отметим, что США не известны понятия преступлений небольшой и средней тяжести, но в то же время в американском уголовном законодательстве применим такой критерий, как характер и степень общественной опасности деяния. С этой точки зрения, все деяния подразделяются на две группы — фелонии (более тяжкие преступления, представляющие большую общественную опасность) и мисдиминоры (менее тяжкие преступления, представляющие меньшую общественную опасность, по сравнению с предыдущей группой). В свою очередь, фелонии и мисдиминоры в зависимости от тяжести преступления делятся еще и на классы. Поэтому условно возможно сравнение преступлений небольшой и средней тяжести с преступлениями мисдиминорами, а тяжких преступлений и преступлений особой тяжести — с фелониями, при этом ориентируясь не на название вида (категории) преступления, а на пределы его уголовной наказуемости [5, с. 81]. Для применения судебного штрафа необходимо совершение преступления небольшой и (или) средней тяжести, которые сопоставимы с преступлениями «мисдиминорами», за которые часто и применяется штраф как наказание.

Однако Нормал Моррис, эксперт-криминолог, преподаватель права, в своей книге «Между тюрьмой и пробацией» указал на значительную роль штрафа как наказания в США и пояснил, что штраф может стать финансовой высшей мерой наказания. Так, согласно Уголовного кодекса штата Гавайя (Запада США) «штраф может быть назначен в качестве единственного наказания за преступление любой категории, если, принимая во внимание характер и особенности преступления и личности правонарушителя, суд придет к выводу, что этого наказания будет достаточно для «защиты интересов общества» [9, с. 209–210]. Но это, скорее, не правило, а исключение из правила.

Во-вторых, обязательным условием применения судебного штрафа в России является возмещение ущерба или заглаживание вреда, нанесенного в результате совершения преступления. В американском уголовном законодательстве параллельно с назначением наказания в виде штрафа виновный часто вынужден возместить материальный и моральный вред потерпевшему, что, безусловно, делает его схожим с российским судебным штрафом.

В-третьих, как отмечено ранее, лицо, в отношении которого применяется судебный штраф, автоматически освобождается от применения к нему института судимости и его последствий. Вместе с тем, здесь справедливо следует заметить, что сам факт привлечения к уголовной ответственности бесследно не проходит, и эпизод совершения преступления навсегда запечатлевается в информационной базе Министерства внутренних дел РФ. В случае последующего совершения преступления тем же лицом эти данные в обязательном порядке запрашиваются правоохранительными органами и учитываются как сведения, характеризующие личность виновного, и влияют на решение суда, а также лица, ведущего предварительное расследование (например, на решение следователя об удовлетворении (отказе) ходатайства обвиняемого о прекращении уголовного дела либо о возбуждении ходатайства перед судом прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа).

В уголовном законодательстве США применяется «диапазон судимостей» (Criminal history), который сводится к шести категориям. Каждая из этих категорий предусматривает свои баллы. Балльность зависит от количества и характера предыдущих судимостей, рассматриваемых как факты осуждения, в том числе и при назначении штрафа как наказания, имевшего место ранее в судьбе виновного [8, с. 363]. В случае, как и с судебным штрафом, судьей учитывается произошедший ранее факт вынесения в отношении виновного судебного решения, т.е. суд обязан принять во внимание предыдущие «заслуги» привлекаемого лица, что поможет ему составить мнение о его опасности для общества, выставив за это определенное количество баллов.

Майкл Тонри, ведущий эксперт-криминолог, преподаватель права, к одному из условий назначения штрафа в США выделяет то, что преступник не должен быть угрозой для окружающих и нуждаться в постоянном контроле со стороны правоохранительных органов во избежание его дальнейшего противоправного поведения. В этом условии акцент делается на личность осужденного, его психологическое состояние, причины и мотивы совершения им преступления, наличие осуждения в прошлом [10, с. 111].

В-четвертых, согласно ст. 104.5 УК РФ при определении размера судебного штрафа суд должен учитывать тяжесть совершенного преступления, имущественное положение лица, в отношении которого применяется судебный штраф, и его семьи, а также возможность получения указанным лицом заработной платы или иного дохода [1].

Согласно положениям Свода законов США сумма штрафа должна быть соразмерна тяжести совершенного преступления, при этом необходимо учитывать финансовые возможности подсудимого, источники его доходов и иные обстоятельства, изложенные в указанных нормах [9, с. 212].

В-пятых, мера уголовно-правового воздействия «судебный штраф» и штраф как наказание в США назначаются только судом, а сам размер штрафа в законодательстве двух стран является фиксированным (а не дифференцированным, как в некоторых странах Западной Европы). В уголовном праве США штраф определяется как установленная в законодательстве сумма, подлежащая уплате по приговору суда. Так, согласно федеральному законодательству минимальный размер штрафа составляет 250 долларов, максимальный — 250 тыс. долларов [9, с. 209]. Согласно УК РФ размер судебного штрафа не может превышать 250 тыс. рублей, если штраф (как наказание) не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части данного кодекса, а если предусмотрен, то не может превышать половину максимального размера такого штрафа [1].

В-шестых, характерная черта денежных взысканий рассматриваемых стран заключается в возможности замены штрафа в США и судебного штрафа в РФ на другое более тяжкое наказание в случае его невыплаты или злостного уклонения от выплаты. Так, в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется, и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. При этом отмена судебного штрафа означает одновременно и отмену освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 76.2 УК РФ. Согласно требованиям законодателя штраф должен быть уплачен не только в срок, но и в полном объеме. Если судебный штраф отменяется, но при этом, если он был частично уплачен, то данное обстоятельство должно быть учтено судом при назна-

чении наказания [3, с. 270]. Подобные положения предусмотрены и законодательством США: в случае неуплаты штрафа может заменен на более строгое наказание, в том числе и тюремное заключение.

В-седьмых, предполагается, что одним из условий назначения штрафа как основного вида наказания в США является признание вины лицом, совершившим преступление, которое свидетельствует об осознании своего противоправного поведения и возможном исправлении в дальнейшем. В нормах уголовного законодательства РФ, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не содержится обязательного условия признать вину либо деятельно раскаяться, однако в практической деятельности органов предварительного расследования определенно наметилась тенденция направления уголовных дел с ходатайством перед судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера судебного штрафа, где лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, признает свою вину и в содеянном раскаивается.

Подводя итог сказанному, можно констатировать факт, что новый институт освобождения от уголовной ответственности в российском законодательстве — судебный штраф является уникальным. В таком виде, каким он предусмотрен в уголовном законодательстве РФ, его нет в законодательстве штатов. Однако, как выше отмечено, по многим характеристикам судебный штраф как мера уголовно-правового характера схож со штрафом как наказанием в законодательстве США. Судебный штраф является таким уголовно-правовым институтом, который содержит в себе и «карательные элементы», и «элементы воспитания и исправления», выраженные в самом факте привлечения к уголовной ответственности лица и выплате так называемого «судебного штрафа», а также одновременно предусматривает и максимальное восстановление прав потерпевшего и «щадающее отношение» к лицу, совершившему преступление. По основным позициям штраф в США является более суровым по сравнению с судебным штрафом РФ («балльность судимости», перевод штрафа в тюремное заключение в случае его неуплаты, да и сам размер штрафа штатов «режет слух»). Сказанное позволяет сделать вывод о том, что новый институт освобождения от уголовной ответственности — судебный штраф является наиболее ярким новым «продуктом» грамотно выстроенной либерально-гуманной уголовной политики РФ, отвечающим требованиям современности, что, несомненно, делает его интересным как с научной, так и с практической стороны для представителей научных кругов и правоприменительных органов.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»): распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Абашина Л. В., Минаков Г. Л. Судебный штраф — новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 2. — С. 266–274.
4. Арутюнян А. А. Понятие и сущность восстановительной юстиции // Мировой судья. — 2010. — № 10. — С. 5–7.
5. Магомедов Г. Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. — М., 2015. — 172 с.
6. Матвеева Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. — СПб., 2016. — 222 с.
7. Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право. — М.: Наука, 1990. — 256 с.
8. Филиппов В. В. Учет опыта назначения наказаний в США для оптимизации российской уголовной политики // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3(14). — С. 360–369.
9. Шагидуллина Ж. В. Штраф как вид уголовного наказания в США // Вестник ТИСБИ. — 2013. — № 1(53). — С. 207–214.
10. Morris N., and Tonry M. Between prison and probation: Intermediate punishments in a rational sentencing system. — New York: Oxford University Press, 1990. — 304 p.

Новая норма о смертной казни в поправках к Уголовному кодексу КНР (№ 8)

© Лю Жуйшу

магистрант Китайского политико-юридического университета
Китай, г. Пекин

В статье раскрывается новая норма о смертной казни, согласно которой она не должна применяться к лицам, достигшим к моменту вынесения судом приговора семидесятипятилетнего возраста за исключением преступлений, совершенных с особой жестокостью и повлекших смерть пострадавшего. Подчеркивается, что выбор темы исследования обуславливается введением данной нормы. В заключении отмечается, что положения о наказании за преступления, совершенные пожилыми людьми в «Поправках к Уголовному кодексу КНР (№ 8)» не только восполнили пробел в уголовном законодательстве Китая, но и сделали Уголовный кодекс более гуманным.

Ключевые слова: поправки к Уголовному кодексу КНР (№ 8), смертная казнь, социальный прогресс, Конвенция ООН.

25 февраля 2011 года на 19 сессии Постоянного комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей КНР 11 созыва были приняты «Поправки к Уголовному кодексу КНР (№ 8)», которые вступили в силу с 1 мая 2011 года.

Важной составляющей частью Поправок является норма об обстоятельствах, при которых смертная казнь не применяется. В соответствии с Поправками смертная казнь не должна применяться к лицам, достигшим к моменту вынесения судом приговора семидесятипятилетнего возраста исключением преступлений, совершенных с особой жестокостью и повлекших смерть пострадавшего (ч. 2 ст. 49 УК КНР).

Эти поправки вызвали в обществе горячие споры. Одни ученые считают, что это будет попустительствовать преступным действиям пожилых людей, а также будет противоречить «равенству перед законом». Другие, наоборот, полагают, что возраст может быть еще снижен в целях осуществления принципа применения уголовного наказания «слияния снисходительности и строгости».

Эта новая норма применилась на практике впервые в 2015 году. Ван Лунье (1940 года рождения, торговец наркотиками) был приговорен к смертной казни в 2013 году. Спустя один год суд второй инстанции оставил приговор в силе, потому что тогда ему было 74 года, к такому возрасту нет ограничения применения смертной казни. В 2015 году на этапе пересмотра смертного приговора подсудимому исполнилось 75 лет, и Верховный народный суд изменил приговор о смертной казни на пожизненное заключение. Это было первое дело, в котором Верховный народный суд в соответствии со статьей 49 УК не назначает смертную казнь лицу свыше возраста 75 лет. В последние годы сложилась такая практика, что согласно принципу «слияния снисходительности и строгости» Верховный народный суд уже не утверждает смертной казни для лиц старше 70 лет, возможно и для лиц свыше 65 лет.

С учетом реальной обстановки в Китае неприменение смертной казни к пожилым людям в возрасте старше 75 лет не только соответствует закономерностям исторического развития Китая, а также отвечает тенденциям гуманизации уголовного наказания в мире.

Во-первых, неприменение смертной казни к пожилым людям старше 75 лет отражает закономерности исторического развития.

Нельзя не признать, что в многолетней истории Китая идея «милосердие к пожилым и малым» всегда являлась законодательным духом Китая. Еще в период династии Западная Чжоу (1027–770 гг. до н. э.) существовало правило освобождения от уголовной ответственности пожилых людей, достигших восьмидесятилетнего возраста. В «Новом уголовном уложении династии Цин (1644–1911 гг.)» четко предусматривается, что при одинаковой степени социальной опасности преступления выносят пожилым людям более мягкие приговоры [1, с. 2]. Особое внимание вызывает то, что в «Положении КНР о взысканиях за нарушение общественного порядка», обнародованном в 2005 году, впервые законодательном уровне уточняется неисполнение административного задержания лиц старше семидесяти лет. Кроме того, 3 ноября 2014 года опубликованы «Поправки к Уголовному кодексу КНР (№ 9)». В этих новейших Поправках предусматривается уменьшение числа преступлений, за которые выносятся смертные приговоры. В целом за последние годы Китай принял ряд действенных мер по сокращению применения смертной казни. Это означает, в сегодняшние дни права человека в Китае более эффективно гарантируются, что содействует всестороннему созданию правового общества в нашей стране.

Отсюда следует, что при непрерывном развитии общества постоянно совершенствуется правовая система, углубляется концепция законности, назначение наказания в отношении пожилых людей становится более разумным. Проявление снисхождения к пожилым людям соответствует закономерностям исторического развития, что способствует ведению правовых плодов и достижений цивилизации Китая к блеску и величию.

Во-вторых, неприменение смертной казни к пожилым людям старше 75 лет отражает социальный прогресс.

По предварительным данным, в 58 странах смертная казнь является установленным законом наказанием; в 98 странах она отменена в рамках закона; 7 стран отменили смертную казнь только за общеуголовные преступления; в 35 странах смертная казнь фактически не применяется на практике [2, с. 61]. Можно сказать, что большинство стран уделяет достаточное внимание защите прав человека. Неприменение смертной казни к пожилым людям старше 75 лет не только является культурным наследием от предшественников, но также соответствует судебной практике и инициативе смягчения наказания в Китае. Для реализации этих поправок необходимо провести реформы наказания, на законодательном уровне обеспечить особую защиту в отношении пожилых людей.

Кроме политического и экономического прогресса, развитие страны также проявляется в непрерывном продвижении верховенства закона. Неприменение смертной казни к пожилым людям является первым шагом к полной отмене смертной казни, что может лучше отражать цивилизацию и гуманизм социалистического уголовного права с китайской спецификой и способствовать социальной гармонии [3, с. 1].

Запрещается, в первую очередь, применение смертной казни к особой группе, которая включает в себя несовершеннолетних и пожилых, это для нашей страны является неизбежным этапом постепенного ограничения, сокращения и полной отмены смертной казни. Это не только важное содержание инициативы в Конвенции ООН, а также успешный опыт по смертной казни во многих странах.

Положения о наказании за преступления, совершенные пожилыми людьми в «Поправках к Уголовному кодексу КНР (№ 8)» не только восполнили пробел в уголовном законодательстве Китая, но и сделали наш Уголовный кодекс более человечным и более целесообразным.

Литература

1. 李芳晓. 老年人犯罪从宽处罚的合理性探析[J]. 政法论坛, 2011, 29(05):143-150. — С. 2.
2. Peter Benenson House. Death sentences and executions in 2014[M]. London: Amnesty International Ltd, 2015. — С. 61.
3. 李丹. 试论我国老年人刑罚从宽处理原则之合理性[J]. 价值工程, 2012, 31(03):274. — С. 1
4. 胡亮. 老年人犯罪从宽处罚的合理性探讨[J]. 法制与经济(中旬刊), 2011 (09):35-36.
5. 卢建平. 宽严相济与刑法修正[J]. 清华法学, 2017, 11(01):54-69.

Анализ современной ситуации в сфере сетевых финансовых преступлений в Китае

© Лю Хунфэн

магистрант Китайского политико-юридического университета
Китай, г. Пекин

Интернет-финансы — это слияние Интернета и денег, которое относится к сфере финансового инновационного бизнеса. С быстрым развитием сетевой экономики растут и процветают сторонние платежи, сетевой кредит, краудфандинг и другие интернет-финансовые услуги. Поскольку он может похвастаться такими преимуществами, как короткий цикл, удобное управление, высокая эффективность и так далее, в то время как продвигаются финансовые инновации и экономическое развитие, он также ведет к размножению и распространению финансовых преступлений в Интернете. Финансовые преступления в Интернете и традиционные преступления имеют свои уникальные черты, отличные от других. Поскольку Китай все еще находится в процессе своего развития, финансовые преступления в Интернете повлияли на развитие финансовых инноваций. В данной статье делается попытка проанализировать современную ситуацию в Китае финансовых преступлений в Интернете, направленная на предоставление небольшого вклада для предотвращения и контроля финансовых преступлений в Интернете.

Ключевые слова: Интернет-финансы, преступления, современная ситуация, судебные дела.

Интернет-финансы относятся к новому виду финансов, которые используют интернет-инструменты, такие как оплата, облачные вычисления, социальные сети и поисковые системы, чтобы реализовать размещение средств, платежных и информационных посреднических услуг, и это новая область, объединяющая традиционную финансовую отрасль с духом Интернета [1]. 18 июля 2015 года Руководящие принципы по содействию здоровому развитию интернет-финансов (*Guidelines on Promoting the Healthy Development of Internet finance*) были совместно выпущены десятью министерствами, в том числе Народным банком Китая, Министерством общественной безопасности, Министерством финансов, Комиссией по регулированию банковской деятельности Китая и другими соответствующими министерствами, что указывает на то, что интернет-финансы — это новый тип финансовой бизнес-модели, в которой традиционные финансовые учреждения и интернет-компании используют информационные и коммуникационные технологии для реализации размещения средств, платежей, инвестиций и информационных посреднических услуг [2]. В основном это интернет-платеж, кредитование P2P, краудфандинг и другие новые сферы финансовых услуг. Интернет, как основная движущая сила глубокого развития социальной информации, способствует быстрому развитию экономики, культуры и общества. Ускоряющаяся интеграция Интернета и финансов способствует дальнейшему развитию финансовых инноваций и повышению эффективности распределения финансовых ресурсов. Интернет-финансы стали горячей точкой и сосредоточились в области экономического развития благодаря своим разнообразным инновационным моделям и быстрому расширению. Пока Интернет-финансы как развивающаяся отрасль демонстрируют энергичную жизнеспособность, не хватает административного надзора и управления в силу отсутствия самодисциплины в отрасли, а финансовые преступления в Интернете, производные от интернет-финансов, также приобретают все большую тенденцию, финансовые преступления в Интернете стали скрытой угрозой экономического развития, что серьезно сказывается на стабильности финансового порядка. В этой статье мы считаем, что финансовые преступления в Интернете относятся к преступлениям в сфере Интернет-финансов, и в отличие от традиционных преступлений, которые нарушают порядок управления финансами и преступления финансового мошенничества, финансовые преступления в Интернете являются общим термином для новых типов криминальных моделей. В частности, финансовые преступления в Интернете являются преступлениями, которые нарушают порядок в финансовой сфере с использованием технологий Интернета и коммуникационных технологий.

1. Современное положение финансовых преступлений в Интернете

Интернет-финансы — это развивающаяся индустрия, которая совсем недавно появилась в уголовном праве. В связи с непрерывной инновацией и развитием Интернет-финансов уголовное законодательство сильно отстает, существенные положения в действующем уголовном праве сформулированы в отношении традиционных финансов [3, с. 95]. В сочетании с текущей ситуацией экономического развития Китая и положениями уголовного закона в настоящей статье анализируются преступления, связанные с Интернет-финансированием в двух основных категориях, основанных на характере преступлений. Первая категория — преступления, связанные с полномочиями (*The crime oriented on access qualifications*) то есть уголовное право, путем включения механизма доступа к финансовому рынку Интернета в сферу регулирования, криминализации и наказания хозяйствующих субъектов, которые не имеют соответствующей квалификации, и это должно регулировать безопасность Интернет-финансовых операций и стабильность финансового рынка. Вторая категория — преступления, ориентированные на операционные средства, то есть когда преступление совершается через финансовую платформу Интернета, что выступает средством преступления.

(I) Преступления, связанные с полномочиями (*The crime oriented on access qualifications*)

Поскольку рыночная экономическая система Китая существует не так давно, государство не полностью развило финансовый рынок, почти все финансовые ресурсы Китая монополизированы государственными финансовыми институтами, а финансовые активы и рынки в большей степени контролируются государственными банками. Чтобы сохранить ситуацию с государственной финансовой монополией и облегчить макроэкономический контроль, соответствующие законы и положения Китая строго контролируют привлечение государственных средств [4]. Некоторые законные операторы Интернет-финансовой службы, такие как сторонняя Интернет-платформа, будут иметь приток и отток капитала во время операции, при этом сумма капитала на счете относительно стабильна и обычно называется отложением капитала, [5] потому эти операторы не совершили преступления путем получения определенных полномочий или одобрения участия в особой фи-

нансовой деятельности. В основном это касается видов преступлений, предусмотренных в третьей главе Особой части Уголовного кодекса Китая.

1. Такие преступления как незаконные деловые операции и создание банковского учреждения без разрешения.

В настоящее время большинство поставщиков Интернет-финансовых услуг в Китае являются Интернет-предприятиями или негосударственными финансовыми кредитными компаниями без лицензий и законность деятельности этих подразделений еще не сертифицирована [6]. Многие финансовые операции в Интернете включают в себя ценные бумаги, фонды, оплату и расчет средств, а также другие финансовые услуги. Если нефинансовые учреждения управляют этими финансовыми услугами за рамками их собственного бизнеса, без одобрения административных органов, можно считать, что они совершили такое преступление как незаконные коммерческие операции, предусмотренные в статье 225 Уголовного кодекса. Если эти интернет-сервисы финансовой службы без одобрения национальных компетентных ведомств управляют финансовым бизнесом от имени коммерческих банков, фондовых бирж, фьючерсных бирж, ценных бумаг, фьючерсных брокерских компаний, страховых компаний или других финансовых учреждений, они совершают такое преступление как установление банковского учреждения без разрешения, предусмотренное статьей 174 Уголовного кодекса Китая.

2. Такие преступления как незаконное поглощение публичного депозита, мошенничество при финансировании, выпуск акций, корпоративных и корпоративных облигаций без разрешения.

Некоторые Интернет-финансовые учреждения, которые не получили разрешение для осуществления самофинансирования бизнеса в ходе своей деятельности, пропагандируют, мобилизуют средства и обещают преимущества неспециализированному обществу через сеть с инвестициями, кредитными проектами или фиктивными инвестиционными кредитными проектами, формируя общий фонд средств с привлечением средств индивидуальных инвесторов, достигая определенного количества средств или людей. Это такой состав преступления как незаконное поглощение публичного депозита, предусмотренный в статье 176 Уголовного кодекса. Если у этих Интернет-финансовых учреждений имеют своей целью незаконное владение в вышеупомянутой предпринимательской деятельности, а собранные средства используются для разбазаривания, перечисления, и они отказываются возвращать средства, это мошенничество по сбору средств, предусмотренное в статье 192 Уголовного кодекса. Если Интернет-финансовые учреждения без одобрения соответствующих государственных органов осуществляют трансляцию, выпуски акций или корпоративных облигаций в замаскированном виде путем выпуска акций и передачи акций неспециальным социальным объектам и т. п. или выпуска акций или корпоративных облигаций более чем на 200 специальных объектов в замаскированном виде, это такой вид преступлений как выпуск акций, облигаций компании и предприятия без разрешения, предусмотренный в статье 179 Уголовного кодекса.

(II) Преступления, ориентированные на операционные средства.

Преступления, ориентированное на операционные средства, относятся к типу преступления, которые совершаются с использованием Интернет-финансов в качестве средства совершения преступления. Поскольку бизнес и риск-контроль Интернет-финансов осуществляются с помощью компьютерных программ и программных систем, техническая и управленческая безопасность электронной информационной системы по-прежнему имеет большой недостаток, и некоторые преступления вызваны этим недостатком. Например, отмывание денег, хищение капитала, посягательство на пошлины, мошенничество, кража, продажа пирамид и утечка информации и другие преступления относятся к уголовным преступлениям, полученным из Интернет-финансов.

1. Такое преступление, как придание доходам законного характера («отмывание денег»).

Поскольку Швейцарская Банковская Корпорация оглашает подробную информацию о счетах иностранцев, преступники начинают переносить в Интернет средства для придание доходам законного характера, они делают Интернет одним из важных способов «отмывания денег», используя быстрый денежный поток, анонимность, сокрытие и другие характеристики финансовой деятельности в Интернете [7]. В финансовой деятельности в Интернете любая связь, связанная с обращением средств, может быть использована как преступное «отмывание денег». Это в основном отражается на использовании сторонней платформы для перевода средств, онлайн-азартных игр, незаконного сбора средств, осуществления подпольных банковских операций с сетевыми банками, в режиме онлайн спекуляции в иностранной валюте, инвестирование в золото и незаконную и преступную деятельность ценных бумаг и фьючерсов. Каким бы то ни было образом, оператор

может «отбелить» характер и источник незаконных денег, полученных от других лиц путем передачи их на сетевую платформу стороннего платежного учреждения, а затем перевести соответствующий фонд с платформы.

2. Преступления отвлекающего фонда (The crime of diverting fund) или преступления посягательства на пошлину.

Хотя китайское Интернет-финансирование развивается быстро, оно еще не сформировало систему, и вся индустрия по-прежнему не имеет необходимого внутреннего и внешнего надзора и ограничений. Правовой статус сторонних платежей был признан в определенной степени, в основном формируя модель отраслевой самодисциплины, осуществляемой Ассоциацией платежей и клиринговых операций в Китае под надзором Отдела платежей Центрального банка. Однако ограничение и регулирование по-прежнему небрежно, особенно различные финансовые услуги, полученные от сторонних платежей, далеки от формирования полных руководящих принципов и эффективного регулирования[8]. Некоторые Интернет-финансовые компании будут использовать законодательные лазейки, чтобы произвольно растратить или даже неправильно присвоить суммы вкладов инвесторов в ходе деловых операций, что составляет преступление отвлекающего фонда (The crime of diverting fund) или посягательство на пошлину, как это предусмотрено Уголовным кодексом.

3. Мошенничество, воровство.

В области Интернет-финансов помимо преступлений, совершаемых самими поставителями финансовых средств в Интернете, также совершаются преступления, совершаемые обычными участниками из Интернет-финансовых компаний. Многие Интернет-финансовые услуги приняли нестандартную бизнес-модель приемных терминалов, а процедуры и системы для идентификации клиентов и обеспечения безопасности информации о клиентах еще не идеальны, что приводит к тому, что некоторые участники Интернет-финансовых услуг используют эти лазейки для получения информации от других, совершать сделки и осуществлять мошенничество, или использовать полученную информацию, чтобы украсть средства других клиентов. Например, в начальный период операции «Yu'E Bao» произошел ряд инцидентов, в которых были похищены средства [9].

4. Продажа пирамиды и раскрытие информации.

Некоторые предприятия, от имени Интернет-компаний и сетевого финансирования, взимают комиссию за «регистрационный сбор» или становятся участниками закупок продуктов веб-сайта или виртуальных продуктов, взять по скидке сотрудников по вопросам развития в качестве приманки, чтобы побудить сотрудников предприятия продолжать развивать своих участников, образуют иерархию в соответствии с отношениями между начальством и подчиненными, начальники будут давать скидку на доходы подчиненного персонала развития. Если количество участников превышает 30 и иерархия достигает трех уровней, предприятия могут подозреваться в организации и ведении деятельности по продаже пирамид. Поскольку курс операции связан с использованием средств, все Интернет-финансовые предприятия требуют от клиентов предоставления реальной информации об идентификации и коммуникации, некоторые Интернет-финансовые компании собирают и продают данные и информацию о клиентах для получения прибыли, а в серьезных случаях они могут подозреваться в нарушении личной информации граждан.

II. Характеристики финансовых преступлений в Интернете.

Финансовые преступления в Интернете — это преступления в сочетании с быстрым развитием и другими характеристиками времен Интернета и мобильных интеллектуальных терминалов, и, сравнивая с традиционными преступлениями, финансовые преступления в Интернете имеют свои собственные уникальные характеристики:

(I) Высокоуровневые разумные и замаскированные средства.

Сами интернет-финансы строятся на основе высокоинтеллектуальной работы, корпоративная платформа состоит из людей, которые имеют профессиональные знания в области сетевого, финансового, правового и других аспектов и знакомы с различными режимами работы интернет-финансов, которые блуждают на грани финансовых инноваций и законов, и правил. Преступники общаются с помощью телефонов и интернета, и они вряд ли спровоцируют ожесточенный конфликт в уголовном процессе по осуществлению мошенничества и незаконному присвоению средств клиентов.

Более того, вклад и вывод, оборот и погашение средств имеют временные требования, а последствия преступлений обычно обнаруживаются через определенный промежуток времени. А некоторые дела нарушают общественные интересы, где прямых жертв нет, и отсутствует своевре-

менный отчет, из-за чего многие дела остаются незамеченными. Преступления часто совершаются более чем одним человеком посредством разделения труда, в то время как участники могут работать через Интернет и совместно совершать преступление в разных местах, что нелегко обнаружить. Средства, последствия и субъекты преступления являются относительно скрытыми.

(II) Многочисленные объекты преступления, большое количество преступлений как трансрегиональных, так и трансграничных.

Со стремительным развитием финансового рынка, различные финансовые инструменты постоянно избавляются от устаревших и порождают новые, а развитие интернет-финансов расширяет сферу преступности и восстанавливает преступные средства. Основываясь на высокоэффективной транзакции, широкой применимости и других свойствах интернет-финансов, ограничений на объекты сетевых транзакций не так уж много, что приводит к появлению широкого спектра нарушенных объектов, которые часто появляются в группах, а также огромное количество связанных с делом денежных средств. Продвижение и развитие интернет-технологий делают поведение транзакций в интернет-финансах свободным от ограничений времени и пространства, а с развитием глобализации экономические связи между различными странами становятся все более тесными, деловые операции между финансовыми институтами становятся все более частыми, а финансовые преступления в Интернете также представляют очевидные характеристики трансрегиональных и трансграничных преступлений.

(III) Низкая цена преступления и большой социальный вред.

С быстрым развитием интернет-финансов целая система эко-промышленных цепочек постепенно формируется в различных областях.

Некоторые интернет-финансовые компании могут совершать преступления посредством закупок или аренды, дизайна веб-сайта, производства и обслуживания и других сторонних услуг, и создания недорогих финансовых платформ. Поскольку в отношении объектов, открытых на терминалах Интернета, в основном нет региональных ограничений, у клиентов практически нет порога, каждый может стать участником интернет-финансовой платформы, количество вовлеченных людей является неопределенным и обширным. Как только интернет-финансовые предприятия будут вовлечены в преступления, будет привлечено большое количество клиентов, и это приведет к огромным потерям собственности и серьезному социальному эффекту.

III. Причины финансовых преступлений в Интернете

На современном этапе феномен интернет-финансовых преступлений часто происходит, в дополнение к быстрому развитию, широкому спектру участия, эффективности транзакций и другим атрибутам интернет-финансовой индустрии, которые легко используются преступниками, есть и другие причины для интернет-финансовых преступлений:

(I) Дисбаланс в интенсивности корректировки обвинения в уголовном праве. В действующем уголовном законодательстве существует проблема дисбаланса интенсивности корректировки при рассмотрении некоторых предполагаемых преступлений в процессе финансового развития Интернета. Например, в отношении преступления, связанного с эксплуатационными квалификациями, интенсивность корректировки уголовного права явно серьезная.

Преступление, связанное с эксплуатационной квалификацией, только уничтожает порядок управления государством на финансовом рынке, но не приводит к потере имущества, а страна повышает его до уровня преступности из-за необходимости административного управления.

Например, преступление, связанное с созданием банковского учреждения без разрешения, преступления незаконного присвоения государственных депозитов, преступления с выпуском акций, корпоративных и корпоративных облигаций без разрешения, преступления незаконных коммерческих операций и других сборов, почти включает все новаторские поведения в области интернет-финансов в сфере регулирования уголовного права, что в определенной степени увеличивает количество преступлений.

(II) Отсутствие надзора напрямую приводит к потенциальному спросу на интернет-преступления. Интернет-финансы развиваются на основе серии инноваций, они могут похвастаться преимуществами мгновенной передачи средств, свободных от ограничения пространства и т. п., а также есть инновации в способе оплаты. Если в инновационном процессе отсутствует контроль, интернет-финансы, вероятно, станут дикими сорняками, риски которых не будут устранены, но будут быстро распространяться на все большее число мошенников.

(III) Непродуманные функции распознавания личности. Хотя в «Правилах управления платежными услугами нефинансовых организаций» предусмотрено, что платежные учреждения

должны проверять свои действующие документы, удостоверяющие личность, и регистрировать основную информацию о личности клиента в соответствии с положениями, особенность Интернета делает невозможным проверку идентификационной информации клиентов лицом к лицу, как у банковской стойки. Таким образом, они могут распознать личность посредством ввода отпечатка пальца, коротких сообщений, сканирования ID-карты и других средств, которые определяют, что эта функция распознавания личности аналогична функции банков, и тут возникает увеличение вероятности ложной идентификации, что закладывает опасность интернет-преступлений. (Fu Yuejian, Fu Junmei. Internet Financial Crimes and Criminal Remedy Path, recorded in "Research on Rule of Law", Issue 11, 2014).

(IV) Финансовые положения отстают, финансовые продукты на рынке обобщены, но отсутствуют четкие юридические концепции, а также совершенные поддерживающие законы и нормативные акты для стандартизации. И все еще существуют регуляторные лазейки в финансовых продуктах, продаваемых субъектами рынка, отличных от банков, ценных бумаг и страхования, и других формальных финансовых институтов, а отсутствие правил затрудняет выявление законности продукции и, таким образом, легко обманывает общественность.

(V) У инвесторов есть недельная осведомленность о профилактике и отсутствие финансовых знаний. Знания и информированность людей об инвестиционной активности, очевидно, не могут идти в ногу со скоростью развития интернет-финансов. Это требует определенных профессиональных знаний для входа в финансовую отрасль Интернета, у обычных людей, как правило, нет такого резерва знаний, а равнодушие к инвестиционным рискам дает легкодоступные возможности для совершения преступлений.

IV. Думая о предотвращении и контроле финансовых преступлений в Интернете.

В качестве основных финансовых инноваций интернет-финансы значительно изменили традиционную финансовую бизнес-модель, улучшили эффективность использования и распределения социального капитала, повысили уровень финансовых услуг, снизили стоимость финансовых услуг и сыграли большую роль в стимулировании экономического развития. Учитывая это, важно поощрять и защищать здоровое развитие интернет-финансов, с одной стороны, и строго контролировать случаи финансовых преступлений в Интернете, с другой стороны. С точки зрения этой ситуации в настоящей статье рассматриваются следующие соображения:

(I) Укрепить административный контроль и усовершенствовать самодисциплину интернет-финансовой индустрии.

В судебной практике, когда интернет-финансы подозреваются в совершении уголовного преступления, они часто неотделимы от соответствующей оценки административного права в области интернет-финансов. Таким образом, необходимым предварительным условием для предотвращения финансовых преступлений в Интернете и контроля за ними является совершенствование интернет-финансовых административных правил и соответствующих судебных интерпретаций; включение различных видов финансовой деятельности в Интернете и отраслевых форматов в систему надзора с соответствующими и эффективными правилами финансового надзора, чтобы изменить текущую ситуацию с неэффективным надзором; обнародование отраслевых стандартов интернет-финансов; уточнение механизма дисциплинарных наказаний в сфере интернет-финансов и укрепление обязательной силы отраслевых правил и отраслевых стандартов, которые могут уменьшить уголовные преступления в практике интернет-финансовых инноваций.

(II) Обновить законодательные идеи и оставить пространство для инноваций.

Уголовное законодательство должно учитывать основные атрибуты финансовых преступлений в Интернете. Как своего рода инновация, интернет-финансы должны уважать особенности инноваций, то есть достигать исходные цели, преследовать новые и допускать ошибки. Степень инноваций в области правового вмешательства влияет на судьбу его развития, слишком большое вмешательство будет сдерживать рост, в то время как слишком маленькое вмешательство приведет к хаосу. Нужно декриминализовать возможные риски, вызванные надлежащими финансовыми инновациями, преобразовать законодательную концепцию финансового уголовного права из абстрактного опасного обвинения в обвинение в материальном ущербе для уменьшения применения уголовного права. Например, предлагается отменить преступление незаконного присвоения государственных депозитов и ограничить применение наказания за преступления незаконных коммерческих операций, преступления выпуска акций, облигаций компании и предприятия без разрешения и преступления мошенничества при финансировании.

Уголовное законодательство должно координироваться с основным законодательством. В процессе вмешательства в уголовное право необходимо четко обозначить границы между различными законами департамента, координировать их между собой, создать ступенчатую систему надзора и инкриминировать интернет-финансовые предприятия, которые стремятся действовать законно за нарушение административного управления.

(III) Повышать профилактическое просвещение самих финансовых потребителей Интернета и укреплять сотрудничество в области международного уголовного правосудия.

Для самих потребителей, как участников интернет-финансов, важно выявлять преступное поведение, расширить возможности самозащиты и повысить осведомленность о предотвращении различных связей между финансовыми транзакциями в Интернете, чтобы не допустить жертв финансовых преступлений в Интернете. Ввиду все более глобализованных финансовых преступлений в Интернете рекомендуется поощрять международное сотрудничество в области уголовного правосудия и активно участвовать в соответствующих международных конвенциях, таких как Международная конвенция о киберпреступности в 2001 году. В рамках Международной конвенции следует проводить международное уголовное судебное сотрудничество активно участвовать в борьбе с финансовыми преступлениями в Интернете в международном масштабе.

Заключение

В последние годы Китай изменил политику финансовых репрессий и постепенно реализовал политику финансового углубления, интернет-финансы стремительно развились и оказали большое влияние на исходную финансовую правовую систему как на одну из самых разнообразных финансовых продуктов. Из-за того, что они создают противоречия с затяжными надзорными мерами и законами, возникает большое количество уголовных дел. При осуществлении уголовно-правового регулирования незаконного явления в интернет-финансах мы должны соответствовать основному уровню рынка финансового углубления и понимать масштабы уголовных санкций в отношении финансовых преступлений в Интернете. В случае, если предприятия осуществляют финансовую предпринимательскую деятельность в Интернете, которая неизбежно или непреднамеренно нарушает уголовное законодательство для проведения законных операций, предполагается, что их должны в меньшей степени ограничивать и принимать гражданские и административные меры, чтобы избежать уголовного преследования во время развития интернет-финансов.

Литература

1. Liu Kun, Gao Chunxing. Research on the Characteristics of Internet Financial Crimes and Investigation and Prevention Countermeasures, recorded in Journal of Shandong Police College, September 2015, Issue 5/143 issues in total.
2. Edited by Liu Xianquan. The Criminal Law Principles of Financial Crimes, Shanghai People's Publishing House, Edition 1, July 2017. — P. 552.
3. Wei Jiaran. Analysis of Internet Financial Crimes, recorded in Electromechanical Technology Applications, March 2017 (I). — P. 116-117
4. Gao Yuan. Research on the Perfection of the Criminal Law Governance of Internet Financial Crimes, recorded in Journal of Yanbian University, Issue 1, Volume 51, January 2018,
5. Xie Ping. New Internet Financial Model, recorded in New Century Weekly, Issue 24, 2012.
6. Gu Haihong. The Criminal Risks in the Innovation and Development of Internet finance and the Countermeasures of Judicial Prevention and Control, recorded in Criminal Research, Issue 2, 2017.
7. Wang Fang. An Analysis of the Types, Characteristics, Prevention and Control Countermeasures of Current Internet Financial Crimes, recorded in Legality Vision, 2016.9.
8. Fu Yuejian, Fu Junmei. Internet Financial Crimes and Criminal Remedy Path, recorded in Research on Rule of Law, Issue 11, 2014.
9. Yang Huahui. The Transformation of the Legal Concept of Financial the Criminal Law under the Background of Internet finance, recorded in Beijing Finance, Issue 2, 2017.

Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств в России и отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© А. А. Пастушенко

аспирант юридического факультета

ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права»

Россия, г. Хабаровск

E-mail: Gotthard89@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой защиты бюджетных средств на примере уголовных законов отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Проведен сравнительный анализ норм УК РФ и уголовного законодательства зарубежных стран, по результатам которого выявлены специальные и общие черты правового регулирования вопросов уголовной ответственности за посягательства на бюджетные средства.

Ключевые слова: бюджетные средства, Уголовный кодекс КНР, нецелевое расходование, бюджет, нецелевое использование, страны АТР.

Создание эффективной системы охраны бюджетных средств является одной из задач любого современного государства. Формирование правовых механизмов такой защиты в отдельно взятых странах носит специфический характер.

Однако постоянные интеграционные процессы, происходящие в современном мире приводят не только к сближению различных государств в социально-экономической и политической сферах, но и способствует глобализации правовых систем. Такая тенденция повышает интерес к компаративному методу исследования, который активно применяется, в том числе при изучении вопросов уголовной ответственности за посягательства в сфере бюджетного регулирования.

В рамках настоящей статьи проведем сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств в России и отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Уголовный кодекс КНР [1] (далее — УК КНР), вступивший в силу с 01 октября 1997 г., содержит несколько норм, устанавливающих ответственность за посягательства в финансово-бюджетной сфере.

Например, ч. 1 ст. 384 УК КНР предусматривает ответственность государственных служащих, воспользовавшихся преимуществами своего служебного положения, использовавших казенные средства в личных целях для ведения противозаконной деятельности, либо использовавших сравнительно крупную сумму казенных средств для ведения деятельности с целью получения прибыли, либо пользовавшихся сравнительно крупной суммой казенных средств в течение более 3 месяцев и не возвративших указанную сумму. Указанные лица считаются совершившими преступление, именуемое как использование казенных средств не по назначению.

Таким образом, УК КНР содержит понятие «использование казенных средств не по назначению», которое лингвистически идентично понятию, используемому в российском уголовном законодательстве — «нецелевое расходование бюджетных средств». Однако юридический анализ этих категорий свидетельствует о том, что они имеют разное смысловое значение, а соответственно, не идентичны.

Так, из описательной диспозиции ч. 1 ст. 384 УК КНР следует, что преступными признаются «использование казенных средств в личных целях для ведения противозаконной деятельности»; «использование сравнительно крупной суммы казенных средств для ведения деятельности с целью получения прибыли»; «пользование сравнительно крупной суммой казенных средств в течение более 3 месяцев и не возвращение указанной суммы».

Специфичность нормы УК КНР, заключается в том, что в отличие от ст. 285.1 УК РФ, ее объективная сторона носит ограниченный характер. Российский законодатель при изложении ст. 285.1 УК РФ исходил из строго целевого характера бюджетных средств, поэтому любое нецелевое расходование, совершенное на определенную сумму будет носить преступный характер. Буквальное же толкование УК КНР показывает, что для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 384 УК КНР требуется именно совершение любого из трех вышеуказанных действий.

Кроме того, из первых двух способов совершения использования казенных средств не по назначению видно, что в отличие от норм, регламентированных в российском законодательстве, квалифицирующее значение имеет корыстный мотив или цель его совершения.

Обратим внимание и на различность субъектов анализируемых составов преступлений. В отличие от УК РФ, где субъектом преступления является должностное лицо получателя бюджетных средств, ч. 1 ст. 384 УК КНР предусматривает, что субъектом использования казенных средств не по назначению является любой государственный служащий, воспользовавшийся преимуществами своего служебного положения. Такой подход позволяет прийти к выводу, что государственный служащий не обязательно должен иметь допуск к осуществлению операций с казенными средствами.

Необходимо учитывать и то, что понятие «государственный служащий», используемое в УК КНР, в отличие от аналога «должностное лицо» УК РФ включает большее количество субъектов.

Кроме того, ст. 384 УК КНР, также как и ст. 285.1 УК РФ содержит неопределенные категории. Например, «сравнительно крупная сумма», «отягчающие обстоятельства», «крупный размер». Отсутствие конкретных параметров этих категорий указывает на дефектный характер нормы. При этом отметим, что ст. 285.1 УК РФ содержит описание аналогичных категорий, однако диспозиция нормы содержит понятия, которые не раскрываются ни в уголовном законодательстве, ни в иных правовых актах («уведомление о бюджетных ассигнованиях», «сметы доходов и расходов»).

Интересным представляется и тот факт, что УК КНР в вопросах защиты бюджетной сферы не ограничивается только ст. 384. Так, в ст. 273 УК КНР устанавливается уголовная ответственность за использование не по назначению средств, предназначенных для помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для принятия предупредительных мер против паводков, для оказания материальной помощи, поддержки малоимущих, переселенцев, для оказания иной помощи, при отягчающих обстоятельствах причинившее значительный вред государственным и народным интересам, в отношении лиц, несущих непосредственную ответственность.

Эта же группа общественных отношений, связанных с ликвидацией стихийных бедствий фигурирует в ч. 3 ст. 384 УК КНР, однако в отличие от ст. 273 УК КНР, в ней субъект преступления является специальным (государственный служащий). Кроме того, субъективная сторона ч. 3 ст. 384 УК КНР требует наличия у лица личных целей совершения указанных деяний.

Из диспозиции ст. 273 УК КНР видно, что законодателем сделан акцент на целевой направленности казенных средств, что сближает данную норму с положениями ст. 285.1 УК РФ. Однако, в отличие от нормы УК РФ, для наступления ответственности по ст. 273 УК КНР необходимо наступление общественно опасных последствий («отягчающие обстоятельства, причинившие значительный вред государственным и народным интересам»).

Продолжая анализ уголовного законодательства стран АТР, отметим, что уголовное законодательство таких социально-экономически развитых стран как Япония и Республика Корея не содержит специальных норм, устанавливающих ответственность за посягательства в финансово-бюджетной сфере.

При этом уголовные законы указанных стран включают в себя нормы, определяющие ответственность за совершение общих должностных преступлений.

Так, в ст. 123 УК Республики Корея [2] предусматривается ответственность за злоупотребление властью, которое состоит в том, что должностное лицо путем злоупотребления своими полномочиями вынуждает другое лицо совершить действия, совершать которые данное лицо не желало, либо отказаться от осуществления принадлежащих данному лицу прав.

Буквальное толкование указанной нормы не позволяет говорить о возможности квалификации действий должностного лица, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов). Дополнительно отметим, что настоящая статья УК Республики Корея по своему юридическому содержанию не является аналогом ст. 285 УК РФ.

Таким образом, УК Республики Корея не содержит ни специальных норм, устанавливающих меры уголовно-правового воздействия за посягательства на финансово-бюджетную сферу, ни общих норм, регламентирующих ответственность за должностные преступления, как это регламентировано в российском законодательстве.

Похожая ситуация прослеживается при системном анализе УК Японии [3], который содержит аналогичную по содержанию УК Республики Корея ст. 193, предусматривающую ответственность за злоупотребление присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица.

Продолжая сравнительный анализ уголовного законодательства стран АТР, остановимся на стране уголовный закон, которой предусматривает специальную норму в сфере защиты бюджетных средств.

Так, Пересмотренный УК Филиппин [4], включает в себя главу «Злоупотребление государственными средствами и имуществом», в которой содержится ст. 220 «Незаконное использование государственных средств или имущества».

Диспозицией указанной нормы определено, что под незаконным использованием государственных средств или имущества необходимо понимать использование должностным лицом, уполномоченным на распоряжение государственными средствами или имуществом, таких средств или имущества в целях, не предусмотренных законом для этих средств или имущества.

Толкование указанной нормы позволяет говорить о ее правовой идентичности правовым нормам, предусмотренным ст. 285.1 и 285.2 УК РФ. Однако определенные отличия между статьями УК Филиппин и УК РФ имеются.

Так, УК Филиппин в одной статье устанавливает ответственность за нецелевое использование любых государственных средств, всеми должностными лицами. Данное утверждение подтверждается ст. 222 УК Филиппин, в соответствии с которой положения настоящей главы применяются к физическим лицам, которые в любом качестве несут ответственность за любые островные, провинциальные или муниципальные средства, доходы или имущество, а также к любому администратору или депозитарию средств или имущества, прикрепленному, изъятому или сданному на хранение государственным органом, даже если такое имущество принадлежит частному лицу.

В отличие от российского законодательства, УК Филиппин не предусматривает за вышеуказанное преступление наказания, связанного с лишением или ограничением свободы. Кроме того, степень суровости наказания напрямую зависит от факта причинения преступлением ущерба или подрыва авторитета государственной службы и не зависит от суммы незаконно используемых средств.

Завершая оценку уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств в отдельных странах АТР, обратимся к Закону о Федеральном Уголовном кодексе Австралии 1995 года (далее — УК Австралии).

Указанным правовым актом вопросы ответственности должностных лиц, за нарушения, связанные с посягательством на бюджетные средства, регламентированы в рамках установления общих составов преступлений должностного характера. Так, ч. 1 ст. 142.2. УК Австралии «Злоупотребление должностным титулом (положением)» определено: «Публичный чиновник Австралийского Союза является виновным в преступлении, если:

(а) данный публичный чиновник: (i) осуществляет любое влияние, которое способно оказать должностное лицо в качестве публичного чиновника Австралийского Союза; или (ii) участвует в любой деятельности на основе осуществления должностных обязанностей публичного чиновника Австралийского Союза; или (iii) использует любую информацию, которую данное должностное лицо имеет по своей должности публичного чиновника Австралийского Союза; и

(б) данное должностное лицо действует таким образом с умыслом:

(i) нечестного получения выгоды для себя непосредственно или для другого лица; или (ii) причинения нечестным путем вреда другому лицу.

Наказание: лишение свободы на срок 5 лет».

Таким образом, должностное лицо в целях совершения преступления, может, как непосредственно осуществлять действия в рамках своих должностных обязанностей, так и использовать полученную по должности информацию, а также в целом использовать правовой статус должностного лица в целях влияния на других лиц. Кроме того, в отличие от близкой по характеру ст. 285 УК РФ, настоящая норма не предусматривает в качестве обязательного условия привлечения к ответственности наступления общественно опасных последствий.

Особенностью ст. 142.2 УК Австралии также является распространение ее действия на лиц, которые утратили статус должностного лица.

Подводя итог, отметим следующее:

1. Большинство из рассмотренных уголовных законов стран АТР не предусматривают специальных составов преступлений в сфере финансово-бюджетного регулирования, аналогичных статье 285.1 УК РФ.

2. В подавляющем большинстве стран АТР общедолжностные составы преступлений доминируют над специальными нормами, предусматривающими ответственность за посяательства на бюджетную систему государства.

3. Законодатели тех стран АТР, которые выделяют специальные составы преступлений, посягающих на бюджетную систему государства, по-разному подходят к определению объекта уголовно-правовой охраны, в качестве которого могут выступать и общественные отношения в экономической сфере, и общественные отношения в сфере государственной службы.

Литература

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / пер. с китайск. Д. В. Вичикова; под ред. А. И. Коробеева. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — 176 с.

2. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева; пер. В. В. Верхолякова. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 240 с.

3. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А. И. Коробеев. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 226 с.

4. Пересмотренный Уголовный кодекс Филиппин (Закон от 08.12.1930 г. № 3815). — URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=3465>.

Нормативное регулирование преступлений в сфере компьютерной информации в странах Китайской Народной Республики и Японии

© *Д. А. Петров*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: PetrovDA95@mail.ru

В статье на основе сравнительно-правового анализа уголовного законодательства Китайской Народной Республики и Японии раскрываются особенности уголовно-правового регулирования преступлений в сфере компьютерной информации. Подчеркивается, что выбор темы исследования обусловлен тем, что отечественное законодательство в сфере компьютерной информации отличается относительной новизной, в связи с чем, представляется необходимым обратиться к анализу правового опыта Китайской Народной Республики и Японии.

Ключевые слова: информационные технологии, научно-технический прогресс, IT — технологии, киберпреступления, совершение преступлений в сфере компьютерных технологий.

Развитие информационных технологий обусловило появление преступлений в сфере компьютерной информации. С развивающимся научно-техническим прогрессом будет возрастать число преступлений в этой сфере, чем быстрее развитие, тем все более сложные и изощренные преступления. В век информации законодательство должно соответствовать темпу информационного развития общества.

Научно-практический интерес представляет уголовный кодекс Китайской Народной Республики. По предоставленным данным Верховной народной прокуратуры Китая (ВНПК), с января по сентябрь 2017 года органы прокуратуры предъявили в Народный суд КНР 334 обвинения на 710 человек, подозреваемых в совершении киберпреступлений, в том числе незаконного вторжения в компьютерно-информационную систему. Эти данные на 82,5% и 80,7% больше по сравнению с аналогичными показателями в 2016 году [1]. Китай переживает этап бурной компьютеризации, помимо бурного роста производства и продажи вычислительной техники доступ к информационным сетям получают граждане КНР, которые ранее не имели такой возможности.

В УК Китайской Народной Республики [4] в главе 6 «Преступления против порядка общественного управления», в §1 «Преступления против общественного порядка», в статьях 285, 286, 287 предполагается уголовно-правовая ответственность за правонарушения в области компьютерной информации. Уголовно-правовое последствие предусмотрено за: «Незаконное вторжение в компьютерные информационные системы, имеющие отношение к новейшим научно-техническим разработкам, к строительству системы государственной безопасности и государственным делам» (ст. 285), (ч. 1) «Незаконное совершение с компьютерными информационными системами таких действий, как сокращение (изъятие) текста, исправление, дополнение, создание помех, приведшее к невозможности нормального функционирования компьютерной информации»

онной системы, если это повлекло серьёзные последствия», (ч. 2) «Незаконное совершение с передаточными, оперативными и хранящимися в базе данными компьютерных информационных систем таких действий, как сокращение, исправление, дополнение, повлекшее серьёзные последствия», (ч. 3) «Умышленное создание и распространение компьютерных вирусов и иных программ деструктивного характера, оказывающих влияние на нормальное функционирование компьютерных систем, повлекшее серьёзные последствия» (ст. 286), «Использование компьютера для завладения деньгами путём мошенничества или их хищения, для взяточничества и нецелевого использования общественных средств, для завладения путём хищения государственной тайной и совершения иных преступлений» (ст. 287) [4].

Япония является одним из лидеров в области интернет и IT — технологий, так как с развитием информационного общества увеличиваются и преступления в сфере компьютерной информации, необходимо рассмотреть опыт нормативного регулирования данных преступлений в УК Японии. Глубокая компьютеризация коснулась и властных структур, что привело к огромному цифровому документообороту. В Японском уголовном законодательстве имеется собственная систематизация преступных деяний в области компьютерной информации, позволяющая классифицировать точный вид преступного деяния в сфере высоких технологий, а также статистику преступлений в сфере компьютерной информации.

Первый тип уголовных правонарушений связан с получением незаконного доступа к компьютеру. Их можно разделить на: компьютерное мошенничество; повреждение информации (информационных носителей) и создание помех бизнесу; преступления, связанные с платежными картами; незаконному доступ к компьютеру. Другая группа уголовных правонарушений состоит из деяний, относящихся к эксплуатации сети Интернет: нарушение авторских прав; рассылка писем непристойного характера; мошенничество; распространение материалов, связанных с детской порнографией [2, с. 144]. Во второй группе уголовных правонарушений, предусмотренных японским законодательством, имеется значительная разница с российским законодательством. В первую очередь, это касается самого понятия «преступления, связанные с использованием сети Интернет». В российском уголовном праве отсутствует такой квалифицирующий признак. Вместо него используется понятие «совершение преступлений в сфере компьютерных технологий». Вторым отличием является отношение к авторскому праву. В японском законодательстве нарушение авторского права с использованием сети Интернет предусматривает уголовную ответственность, тогда как в российском законодательстве нарушение авторского права защищается сферой гражданского законодательства.

В УК Японии в главе 35 «Преступления против кредита и профессиональной деятельности» предусматривается наказание за «Препятствование выполнению профессиональной деятельности путём повреждения ЭВМ или другим способом» (234-II) и в главе 37 «Преступления, состоящие в мошенничестве и вымогательстве» предусматривается наказание за «Противоправное извлечение выгоды путём изготовления электромагнитной записи, противоречащей истине» [5].

Указанные нормативно-правовые акты, регулирующие преступления в сфере компьютерной информации, имеют значительные различия как по форме, так и по содержанию. Прежде всего они различаются по расположению соответствующих статей в разделах, главах и параграфах своих уголовных кодексов. В УК Японии они размещены в ряде глав, тогда как в УК КНР они расположены в одной главе и соответственно регламентируют общественные отношения в области общественной безопасности и общественного порядка. Различия имеются в количестве статей, а так же в количестве возможных правонарушений, рассматриваемых этими статьями. Квалифицирующие признаки в уголовных кодексах КНР и Японии характеризуют как объективную и субъективную стороны составов преступлений в сфере компьютерной информации, так и субъекта. Статьи, регламентирующие преступления в сфере компьютерной информации УК КНР, не имеют своих названий, ограничиваясь лишь номером [3, с. 285].

На наш взгляд, нормы, регулирующие преступления в сфере компьютерной информации, представленные УК КНР и Японии, раскрыты не до конца. В УК КНР все преступления в сфере компьютерной информации уместаются в трех статьях, отчасти это необходимо для того чтобы не перегружать УК КНР, который и так состоит из 452 статей. В свою очередь УК Японии преступления в сфере компьютерных преступлений не выделяются в отдельные главы, необходимые статьи равномерно распределены по УК. Проблема этих стран имеет определенное сходство с проблемой российского законодательства, проблемы квалификации и наказания, проблемы выявления и раскрытия. Сфера компьютерной информации относительно молода и эволюция уголовного

законодательства будет продолжаться, однако опасения представляет сильное отставание этого законодательства от информационного развития общества.

Литература

1. Жэньминьжибао // [Электронный ресурс]: — URL: <http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2017/1024/c31521-9284151.html> (дата обращения: 19.06.2018).
2. Морозов Н. А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии // Общество и право. 2014. — № 2. — С. 141–145.
3. Петров А. А. Зарубежное уголовное законодательство о преступлениях в сфере компьютерной информации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского [Электронный ресурс]. — 2012. — № 3 (1). — С. 283–285. — URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_3/48.pdf
4. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 20.06.2018).
5. Уголовный кодекс Японии // [Электронный ресурс]: — URL: <https://www.twirpx.com/files/law/criminal/foreign/codes/> (дата обращения: 20.06.2018).

Криминологические проблемы борьбы с преступностью на российском Дальнем Востоке и в странах АТР

© Л. И. Романова

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Юридической школы
Дальневосточный федеральный университет
Россия, г. Владивосток
E-mail: romanova.li@dvfu.ru

В статье поднимается проблема борьбы и роста преступности на Дальнем Востоке России и странах АТР.

Ключевые слова: борьба с преступностью, криминологические проблемы, угроза национальной безопасности, Россия, АТР.

В последние годы напряженность в мире по разным направлениям многократно возросла, повысилось число источников, от которых исходит реальная опасность, снизилась безопасность жизни населения ряда стран, заметно ухудшилась международная обстановка. Россия оказалась в центре многочисленных бездоказательных обвинений, к ней применяется большое количество санкций, она оказывается втянутой в различного рода конфликты. Политики все чаще прибегают к надуманным заявлениям, лицемерию и даже открытому вранью. В таких условиях интерес объединения усилий различных государств в борьбе и противодействию преступности отходит на второй план. Представители международных криминальных структур в полной мере пользуются благоприятной для них обстановкой неразберихи в применении уголовно-правовой политики; противостоянии группировок, наделённых властью; опрометчивом принятии ряда непродуманных законов; беспомощностью в решении проблем, возникшими с новыми угрозами безопасности жизни и здоровья их граждан. Данное положение наблюдается во многих государствах Европы, Ближнего Востока, в странах АТР.

Представляется, что даже, не прибегая к углубленному анализу исследования состояния и структуры преступности, с большой очевидностью можно назвать резкое ухудшение показателей незаконной и криминальной миграции, роста наркопреступности и доставки наркотиков, увеличение актов терроризма, национализма, экстремизма, религиозного фанатизма, повышение уровня работорговли, продажи человеческих органов, торговли культурными ценностями, редкими животными, ценными породами природных ресурсов, криминального автобизнеса и т.д.

По данным исследователей, среди преступлений, создающих сегодня реальную угрозу национальной безопасности стран АТР, наибольшее распространение получили: незаконный оборот леса, объектов флоры и фауны, биоресурсов (66,9%), незаконный оборот наркотиков (47,8%), криминальный автобизнес (42,3%), незаконный оборот оружия (5,9%) и торговля людьми (5%). Все указанные выше проявления преступной деятельности, как правило, связаны с теневой и криминальной экономикой, коррупцией в различных эшелонах власти [8].

Преступность в странах Европы, Азии и АТР имеет свои криминологические характеристики, некоторые специфические черты и отличительные особенности. В данных государствах значи-

тельно различается национальное уголовно-правовое законодательство в борьбе с отдельными видами преступлений, существенно отличается уголовная политика этих государств и практика применения законов. Так, например, за многие наркопреступления, совершаемые на территории Китая, в УК КНР предусмотрены самые жесткие уголовные наказания в виде длительных сроков лишения свободы и смертной казни, но власть безразлично относится к тому, что препараты китайского производства с наркотическими добавками, большими партиями изготавливаются и поставляются за рубеж. Так, например, в течение многих лет китайские таблетки для похудения, содержащие наркотические средства, предназначались для российских потребителей, они беспрепятственно преодолевали пограничные, таможенные, административные барьеры, легко пересекали государственные границы и успешно реализовывались на российском Дальнем Востоке и других регионах страны.

Российские специалисты в китайских таблетках нашли сибутрамин. Это химическое вещество блокирует чувство голода и грубо вмешивается в обмен веществ, благодаря чему человек действительно стремительно худеет. А заодно сибутрамин бьет практически по всем жизненно важным органам и психике человека, приводя до 44 побочных эффектов от китайских таблеток. Врачи говорят, что в Украине бывали отдельные случаи гибели людей после употребления этих «чудо-капсул». Кроме того, что китайцы «по секрету» пихали в каждую капсулу наркотик, они еще и не скупилась на него. Мол, получайте, глупые иностранцы, похудение по полной программе. В Китайских капсулах наркотика в 5 раз больше, чем в таблетках. Большинство средств для похудения китайского, да и в целом восточного производства, включают психо-стимулирующие вещества, главным образом амфетамины [2].

Проблема криминального наркотизма является одной из сложных и трудноразрешимых для всех стран АТР, включая Россию. В первую очередь она касается российского Дальнего Востока. Сюда наиболее часто доставляются наркотики из Китая, Вьетнама, Афганистана. Крупным поставщиком тяжелых синтетических наркотиков является Северная Корея. Транзитные каналы, по которым перемещаются наркотики, обслуживаются представителями азербайджанской, чеченской, китайской и корейской диаспор. Многочисленные партии наркотиков из стран АТР транзитом идут через Приморье вглубь Дальневосточного региона и в другие российские территории. В то же время наблюдается и обратный поток, когда наркодельцы пытаются морским путем доставить производные из маньчжурской конопли или наркотика среднеазиатского происхождения в страны АТР и другие государства [9].

В полной мере такие же подходы «двойных стандартов» наблюдаются, когда незаконными браконьерскими способами уничтожаются многие ценные представители животного мира Дальнего Востока, затем из них подготавливаются большие партии для контрабандной доставки в страны АТР, в первую очередь — в Китай, Корею, заведомо зная, что данный товар очень востребован и его практически безнаказанно здесь можно легко сбыть.

Так, например, январе 2018 г. сотрудники Дальневосточной оперативной таможни совместно с Пограничным управлением ФСБ и УФСБ России по Приморскому краю предотвратили попытку нелегального вывоза в Китай беспрецедентно крупной партии дериватов (частей) диких животных Дальнего Востока. В изъятых у контрабандистов мешках обнаружены шкура и кости пяти особей амурского тигра, 867 лап, а также когти и желчные пузыри бурого и гималайского медведей, хвосты и половые органы изюбра и оленей, десятки килограммов высушенного жира и семенников лягушки. Ориентировочная стоимость только медвежьих лап — 55 млн рублей. На некоторых упаковках имелась информация на китайском языке [3].

Подобные, как принято говорить, двойные стандарты в привлечении к уголовной ответственности за совершенные преступления «своих и чужих» прослеживаются по многим категориям дел.

Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из центров черного рынка по торговле редкими видами животных. Однако данная проблема не получает должного внимания со стороны властей государств Юго-восточной Азии. Так в интернете, в открытом доступе на сайтах есть подробная информация о покупке и доставки редких видов животных. А в интернете также можно найти точные расценки на животных в ЮВА: гориллы по \$8,131, тамарины по \$2,500, слоновая кость и поделки из нее по \$18,000. Активно идет продажа животных на границах стран, так как законодательное регулирование и контроль в этих регионах несколько снижен (Лаос, Китай, Вьетнам). Китай, в свою очередь, является одним из главных покупателей животных, в том числе

для использования в традиционной медицине. Основными поставщиками животных являются Индонезия, Вьетнам, Малайзия и Таиланд [1].

Очень близко к проблеме истребления и уничтожения ценных представителей животного мира примыкает проблема незаконного вылова редких пород рыбы и морепродуктов. В Дальневосточном регионе хищнически истребляются крабы, трепанги, гребешки, морские ежи и т.д.

Несмотря на международные соглашения по борьбе с незаконным, несообщаемым, нерегулируемым (ННН) промыслом, страны АТР остаются доминирующими участниками и покупателями российского краба. Главным местом сбыта нелегально добытого российского краба после рынков Южной Кореи и Японии в последние годы становится Китай. По оценке эксперта, потери России от нелегального вывоза краба за 15 лет составили почти 9 млрд долл., неуплаченные таможенные пошлины — 92 млн долл. [4].

Большая часть дальневосточных морепродуктов и рыбы уходит на экспорт, и в основном контрабандно. Согласно данным Счетной палаты РФ, ежегодный объем неучтенного экспорта дальневосточных водных биоресурсов в стоимостном выражении составляет 15–30 млрд рублей. Зарубежная статистика лишь подтверждает оценки российских аудиторов. Так, в 2008 г. неучтенный доход, фиксируемый в расхождении данных по объему и стоимости экспорта водных биоресурсов таможен Японии, Южной Кореи, Китая и Федеральной таможенной службы России, составлял 2,5 млрд долларов, в 2009 и 2010 гг. — около 1 млрд долларов, в 2011-м — 1,8 млрд долларов. В 2012 г. только в Японию данные по объемам поставок расходились в 4,7 раза, а в денежном выражении — в 13,2 раза. Например, в промысловом сезоне 2012 г. российский общий допустимый улов краба составил приблизительно 9,3 тыс. тонн. Однако японские и американские компании, осуществляющие закупки камчатского краба, приобрели 19,8 тыс. тонн живого краба, что превышает российский допустимый улов 2012 г. более чем в два раза [10].

Правительства стран АТР живут своими финансовыми интересами, экономическими выгодами и вряд ли они будут проявлять обеспокоенность к безжалостному истреблению или полному уничтожению ценных природных ресурсов России. Они давно заинтересованы превратить российское государство в сырьевой придаток высокоразвитых стран. Для реализации этих планов они успешно опираются на коррумпированных продажных чиновников, недалёковидных политиков, используют непоследовательность в принятии и реализации природоохранных и экологических законов.

Преступность активна, инициативна, у нее рыночный «характер». Она мгновенно заполняет все появляющиеся и доступные ей неконтролируемые или слабо контролируемые обществом ниши, непрерывно изобретает новые изощренные способы совершения преступлений и не связывает себя никакими правилами [7].

Еще одно направление криминального бизнеса в российском Дальневосточном регионе и странах АТР связано с незаконными массовыми вырубками леса, особенно ценных пород, и контрабандным вывозом дешевой необработанной древесины в соседние государства. Навести порядок в этом деле, начиная с 90-х годов и по настоящее время не удастся. Законы оказываются бессильными перед сверхприбылью, коррупцией, корыстными интересами чиновников, обеспечивающих безопасность данного бизнеса, безработицей и единственно возможным местом для трудоустройства населения, проживающего в отдаленных районах Дальнего Востока. На территории Дальнего Востока все эти годы вырубались кедр, сосна, лиственница и другие ценные породы деревьев, являющихся кормовой базой для многих животных тайги. Бесконтрольно уничтожалась липа, без которой в Приморье в последние годы стало убыточным пчеловодство.

Также истребляют леса ежегодные пожары в Приморском, Хабаровском краях, Амурской области и других районах Дальнего Востока, от которых так и не найдено эффективной защиты, несмотря на все прилагаемые усилия. В огне погибают редкие представители флоры и фауны, существенно нарушается экологическая обстановка в регионе. В этом же ряду находятся преступные нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ, охраны и использования недр, порча земли, нарушения режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов и многие другие экологические преступления. Практика передачи земли в аренду на длительные сроки китайским рабочим для сельскохозяйственных работ, которые ради высоких урожаев бесконтрольно использовали большое количество удобрений, различных химикатов, что в конечном итоге приводило к крайне негативным последствиям и необратимым процессам. После такого варварского использования земли, на ней ничего не произрастало, почва становилась непригодной для сельского хозяйства на десятилетия вперед.

За такую бездумную политику государственных чиновников еще длительное время будет расплачиваться население не только подорванным здоровьем из-за некачественной, а порой ядовитой и непригодной в пищу китайской продукцией, но и перечеркнутым будущим, так как возделывать сельскохозяйственные культуры на выжженной химикатами земли не возможно. Но, к сожалению, некоторые представители власти никогда не видят и не признают допущенных ошибок, а уж тем более не исправляют их.

Поэтому никаких реальных мер по изменению подобной ситуации, не предвидится. Наоборот, 29.12.2014 г. был принят далеко неоднозначный Федеральный закон о создании территорий опережающего развития (ТОР) (ФЗ № 473), которым определены первые три территории — в Хабаровском крае и Приморье. Согласно данному закону, эти территории на 70 лет (с правом пролонгирования) могут быть сданы в аренду иностранцам, иностранным рабочим не требуется разрешение на работу, нет ограничительных квот для завоза иностранной рабочей силы, вводится свободная таможенная зона, допускается изъятие земельных участков и расположенных на них объектов недвижимого имущества у граждан России по ходатайству управляющей компании. Кроме того, иностранцам позволяют добывать и вывозить минералы, углеводороды, вырубать лес, ловить рыбу, отстреливать животных в любом количестве и без возмещения убытков [5].

Обсуждая данный закон на заседании Круглого стола, специалисты пришли к общему мнению, что в связи с очевидным нарушением Конституции РФ необходимо обратиться в Конституционный суд РФ с иском о признании данного закона не конституционным и его отмене. В резолюции было высказано требование к высшим органам власти РФ — немедленно отменить закон о ТОР, а к правоохранительным органам — возбудить уголовное дело по факту государственной измены, которая нашла отражение в законе о ТОР и ряде сопутствующих его принятию законов [6].

Список преступлений, совершаемых на российском Дальнем Востоке, на которые влияют многие негативные факторы, исходящие из соседних стран АТР, не является исчерпывающим, его можно продолжать. Поэтому так важно предпринять все возможное для сдерживания криминального натиска в стратегически важном Дальневосточном регионе России.

Литература

1. Авдонина Е., Соколова Е. Преступность в АТР [Электронный ресурс]. — URL: <http://vostalk.net/prestupnost-v-atr/> (date of access: 01.06.2018).
2. В китайских таблетках для похудения нашли сибутрамин [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ledilid.com/2013/02/kitay-tabletki/> (date of access: 03.02.2018).
3. В Приморье задержали крупнейшую в истории контрабандную партию медвежьих лап и частей тигра. Новости Владивостока на VL.Ru [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.newsvl.ru/society/2018/01/29/167185/#ixzz59EPHwIwr> (date of access: 04.06.2018).
4. Двойнова Т. Дальневосточный краб ползет в Поднебесную [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ng.ru/regions/2015-07-09/1_primorie.html (date of access: 01.06.2018).
5. За последние 25 лет Россия отдала Китаю столько земли, сколько тот не мог забрать в течение полтора предыдущих веков [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.yaplakal.com/forum7/topic1555079.html> (date of access: 03.06.2018).
6. Закон о ТОР — угроза национальной безопасности России. [Электронный ресурс]. — URL: http://communitarian.ru/novosti/npsr/zakon_o_tor_ugroza_nacionalnoy_bezopasnosti_rossii_10022015/ (date of access: 02.06.2018).
7. Лунеев В. В. Проблемы международного криминологического сотрудничества. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1226209> (date of access: 03.06.2018).
8. Моргунова Н. В., Овчинникова Т. А Проблемы незаконного оборота наркотиков в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rusnauka.com/33_PRNIT_2012/Pravo/2_119399.doc.htm (date of access: 02.06.2018).
9. Романова Л. И. Наркопреступность в Дальневосточном регионе. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — 164 с.
10. Шебзухова О. Браконьеры зарабатывают миллионы на крабе [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/article/20913-bpakyonyepu-zapabyvayut-milliony-na-kpabe.html> (date of access: 04.06.2018).

Противодействие коррупционным преступлениям в Республике Казахстан

© С. П. Сверкунов

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

Коррупция на сегодняшний день является основной проблемой современного мира. Одной из самых приоритетных задач во многих странах является противодействие этому негативному социальному явлению. Республика Казахстан, как и многие другие государства, уделяет огромное внимание проблеме противодействия коррупции для обеспечения формирования авторитета государства и развития гражданского общества.

Ключевые слова: коррупция, план нации, общественные советы, антикоррупционная служба.

Исторически противодействие коррупционным преступлениям в Республике Казахстан берет свое начало с Указа президента от 17 марта 1992 года «О мерах по усилению борьбы с организованными формами преступности и коррупцией». Данный документ уже тогда содержал в себе запреты на получение и принятие должностными лицами подарков, а также устанавливал обязательность подачи декларации об имущественном положении своей семьи для лиц, занимающих руководящие должности в органах государственной власти [3]. В последующем был разработан первый стратегический документ «Казахстан-2030», который заложил основу по ужесточению борьбы с коррупцией. Вследствие чего в июле 1998 года принят Закон РК «О борьбе с коррупцией», который стал одним из первых подобных законодательных актов на постсоветском пространстве.

Данный закон долгое время был весьма актуален, так как постоянно подвергался изменениям. Исследование в 2012 году профессора М.В. Сандрачука на предмет эффективности антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов показало, что система мер по противодействию коррупции в Казахстане на 72% состояла из мер уголовного преследования и только на 28% из мер по предупреждению и профилактики коррупционных правонарушений [9].

Таким образом, принятый уже в 2015 году Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» заимствовал опыт предыдущего закона и определил новое направление антикоррупционной политики путем совершенствования действующих нормативных правовых актов и принятия новых.

Так, был принят 23 ноября 2015 года Закон РК «О государственной службе», который обеспечил условия для внедрения принципов меритократии на государственной службе через механизмы открытого конкурсного отбора, карьерного продвижения на основе компетентности. Утвержден Указом Президента РК от 29 декабря 2015 года Этический кодекс государственных служащих, который устанавливает основные требования к морально-этическому облику государственных служащих, а также базовые стандарты их поведения [4].

Кроме того, был принят Закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 383-V «Об общественных советах», который способствует повышению прозрачности и подотчетности государственных органов, а также члены общественного совета выдвигают и разрабатывают свои методы по противодействию коррупции [2]. Необходимо отметить, что каждый государственный орган, разрабатывая нормативные правовые акты, обязан представить их на рассмотрение общественного совета и учесть их замечания.

По итогам 2017 года на постоянной основе работают 229 общественных советов. На республиканском уровне и на уровне областей, городов Астана, Алматы их по 16, в городах и районах — 197 советов. В деятельности общественных советов участвует более 4 тысяч человек, в том числе 75% — это представители гражданского общества [7].

Модернизация нормативно-правовых актов, предоставляет нам абсолютно новые формы противодействия коррупции, а именно: антикоррупционный мониторинг коррупционных рисков, формирование и соблюдение антикоррупционных стандартов, предотвращение и разрешение конфликта интересов, меры противодействия коррупции в сфере предпринимательства, формирование антикоррупционной культуры, формирование и публикацию Национального доклада о противодействии коррупции.

Необходимо отметить, что разработаны новые антикоррупционные стратегии, «Казахстан-2050» и План Нации «100 конкретных шагов» по противодействию коррупционным преступлениям.

Стоит обратить внимание, что данные стратегии действуют весьма эффективно. Результаты социологических исследований показали, что уровень доверия к антикоррупционной политике государства в 2015 году составил 57,9% (52% в 2013 году). В 2017 году по сравнению с 2015 годом на 17,9% (с 55,5% до 73,4% соответственно) возросла доля граждан, выразивших доверие к антикоррупционной политике государства

В рамках реализации Плана Нации «100 конкретных шагов» были внесены изменения, которые затронули судебную систему. На данный момент был осуществлен переход от пятиступенчатой системы, к трёх уровневой, а также внедрение системы ситуационных тестов для проверки профессиональных навыков и умений, использование непрерывной записи судебных процессов и был принят новый этический кодекс судей [8]. Данные изменения произошли с целью снижения уровня коррупционных рисков и правонарушений со стороны судебных органов.

Наряду с судебной системой концептуальные реформы осуществляются в системе Министерства внутренних дел, Генеральной прокуратуры и других правоохранительных органов, обеспечивающих законность и правопорядок в обществе. Изменения были внесены в п. 1 ст. 83 Конституции РК — появился высший надзор, который представляет интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование [1].

На сегодняшний день, по данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК в 2017 году зарегистрировано 2452 коррупционных правонарушений, что на 13% меньше показателя 2016 года (в 2016 году — 2807). При этом увеличилось выявление тяжких и особо тяжких коррупционных преступлений. Среди зарегистрированных коррупционных преступлений основную массу составляют факты взяточничества — 51% (1245), хищений и мошенничества — 21% (808) и злоупотреблений — 16% (388).

По данным Антикоррупционной службы возросло количество уголовных дел, которые завершены расследованием. Так, из общего числа уголовных дел 87% завершены расследованием, тогда как в прошлом году этот показатель составлял 79%. При этом, увеличилось число дел направленных в суд с 27% до 38%. Из 1146 лиц, привлеченных за коррупцию, передано суду 828, что на 13% больше аналогичного показателя 2016 года. В 2017 году изблечено 19 руководителей центральных государственных органов и их подведомственных организаций, 98 — областных, 152 — городских и районных органов.

В результате реализации глубоких оперативных разработок в 2017 году пресечено 108 системных фактов коррупции (в 2016 — 92), с установлением всей цепочки от исполнителей до организаторов, а так же усилена работа с точечным реагированием в направлениях, где население наиболее часто сталкивается с проявлениями коррупции. Так, в системе образования пресечен 201 факт коррупции, в сфере здравоохранения — 101 факт коррупции, в сфере сельского хозяйства — 183, в правоохранительных и судебных органах — 290 [7].

В Республике Казахстан стараются минимизировать любые проявления коррупционной преступности. Так была создана электронная платформа «Открытое правительство». Создание электронной платформы позволило обеспечить доступ каждому гражданину к информации о бюджетных расходах, участие в обсуждении проектов нормативных актов, обращение онлайн за консультациями и с жалобами, а также открыто оценивать эффективность госорганов.

Помимо электронной платформы реализуется принцип «одного окна», который позволяет оказывать государственные услуги через интернет, тем самым исключает прямой контакт с госслужащим.

Переход в электронный режим позволяет контролировать работу госорганов и отслеживать текущее положение дел. Так, например, был запущен проект «Айкын» предусматривающий прозрачность процедуры прохождения обращений, а также исключат личный контакт чиновников и граждан как предпосылки коррупционным действиям. Кроме того, был запущен пилотный проект «Электронный протокол» цель которого позволяет ускорить работу правоохранительных органов, избавляет от бумажной работы, а самое главное исключает коррупцию при возбуждении и рассмотрении дела [6].

Несмотря на множество запущенных пилотных проектов, наиболее эффективными инструментами, по мнению респондентов, признаны разъяснительные мероприятия в трудовых коллективах и трансляция видеороликов по местным телеканалам и LED-экранам. Исследование Стратегического центра «Социумзерттеу» показало, что социальная антикоррупционная реклама как один из каналов противодействия коррупции получила положительную оценку 56,7% опрошенных, особенно у представителей НПО — 62,4% опрошенных [7].

Данное положение свидетельствует о том, что в рамках программы противодействия коррупции происходит реализация проекта «Страна без коррупции — процветающая страна», который направлен на формирование антикоррупционного воспитания и повышения правовой грамотности населения.

На сегодня Казахстан в рейтинге стран по Индексу восприятия коррупции в 2017 году набрала 31 балл, и заняла 122 место, улучшив свои показатели по сравнению с 2012 годом на 11 позиций. Результаты 2017 года являются для Казахстана лучшими за все время нахождения в рейтинге Транспаренси Интернэшнл [5].

Положительные изменения рейтинга Республики Казахстан в индексе восприятия коррупции — это результат проведенных реформ и обозначает только одно, выбрана правильная антикоррупционная политика, а самое главное реализуется антикоррупционная стратегия и план нации на всех уровнях республики. Ведение такой политики действительно дает надежду на то, что бы приблизиться к отметке «нулевой» терпимости и противостоять этому негативному социальному явлению.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.05.2018).

2. Об общественных советах: закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 383-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2018 г.) // Казахстанская правда от 10 ноября 2015 г. — № 215.

3. О мерах по усилению борьбы с организованными формами преступности и коррупцией: указ Президента от 17.03.1992 N 684 (ред. от 08.08.1995) [Электронный ресурс]. — URL: <http://kazakhstan.news-city.info> (дата обращения: 25.05.2018).

4. О мерах по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 (с изменениями по состоянию на 01.06.2017 г.) // Казахстанская правда от 31 декабря 2015 г. — № 250.

5. Индекс Восприятия Коррупции [Электронный ресурс]. — URL: <https://transparency.org.ru> (дата обращения: 26.05.2018).

6. Комитет по правовой статистике и специальным учетам генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — URL: pravstat.prokuror.kz

7. Национальный доклад о противодействии коррупции Астана-2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://kyzmet.gov.kz> (дата обращения: 01.06.2018).

8. План нации — 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева [Электронный ресурс]. — URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 04.06.2018).

9. Турецкий Н. Н. Антикоррупционная политика Казахстана на современном этапе // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 4(24) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 09.06.2018).

10. Бальхаева В. В., Попова Е. И., Гулина Е. В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве в некоторых зарубежных странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — VI: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. — С. 129–132.

Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание в уголовном праве России и Монголии

© А. Э. Селиверстов

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

В статье рассматривается сравнительный анализ смягчающих и отягчающих обстоятельств в уголовном праве России и Монголии.

Ключевые слова: смягчающие и отягчающие обстоятельства, сравнительный анализ, исчерпывающий перечень.

Новый Уголовный кодекс, отменяющий смертную казнь за все преступления, вступил в силу 1 июля 2017 года после того, как был принят монгольским парламентом 3 декабря 2015 года [1]. В новый закон внесено множество изменений, однако именно Уголовный кодекс Монголии 2002 г. закрепил исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание, который не подлежит расширительному толкованию [2]. Были внесены значительные коррективы в уголовное законодательство Монголии. Изменился подход к формулированию некоторых обстоятельств. Проанализируем обстоятельства, отягчающие наказание (ст. 56 УК Монголии), сопоставив их с системой отягчающих наказание обстоятельств, указанных в ст. 63 УК РФ [3].

Под отягчающими обстоятельствами в уголовном законодательстве Монголии рассматриваются объективные и субъективные признаки, относящиеся к деянию или личности виновного, повышающие степень общественной опасности преступного события либо лица, его совершившего. Таким обстоятельством, согласно п. 1 ч. 1 ст. 56 УК Монголии отмечена неоднократность совершения преступлений. К совершению повторных преступлений могут привести ряд причин:

- а) наказание за прошлые преступления было неправильно назначено;
- б) оказалось неэффективным его исполнение администрацией исправительных учреждений;
- в) после освобождения не было помощи в решении вопросов по трудоустройству, жилью и т.д. органами внутренних дел, общественности [4].

В УК РФ более четко сформулировано это отягчающее обстоятельство — рецидив преступлений.

2. Следующее отягчающее обстоятельство, выделенное в УК Монголии — совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) — п. 2 ч. 1 ст. 56 УК. В УК РФ также выделен данный способ группового совершения преступления, но наряду с ним, в качестве самостоятельного обстоятельства выделяет и «особо активную роль в совершении преступления». В данном случае упор делается на особую активность, присущую организатору, руководителю, конкретным исполнителям, подстрекателям совершения преступления [5].

3. Согласно УК Монголии, в отягчающие обстоятельства (п. 3 ч. 1 ст. 56 УК) включено и совершение преступления с привлечением лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а также невменяемых лиц. Законодатель РФ рассмотрел это обстоятельство детальнее. Включены лица, страдающие тяжелыми психическими расстройствами либо находящиеся в состоянии опьянения, малолетние (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК). Если в совершение преступления вовлекаются лица, психическое заболевание которых исключает вменяемость, либо лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, то происходит посредственное исполнение преступления. Противозаконные действия субъекта, вовлекшего таких лиц в совершение преступления, будут квалифицированы как его исполнение и дополнительно по ст. 114 УК Монголии за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

4. При назначении наказания суд обязан учитывать причинение преступлением тяжких последствий (п. 4 ч. 1 ст. 56 УК Монголии). УК РФ также учитывает данное отягчающее наказание обстоятельство (п. «б» ч. 1 ст. 63). Статья 56 УК Монголии акцентирует внимание именно на таких тяжких последствиях, которые по объему выходят за пределы состава преступления. Именно их причинение считается отягчающим обстоятельством. Например, субъект предпринял попытку убийства женщины при ее малолетнем сыне, в результате чего у сына возникло психическое заболевание. Суд обоснованно учел заболевание ребенка в качестве отягчающего обстоятельства.

5. Преступления, совершенные с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего, также отягчают наказание (п. 5 ч. 1 ст. 56 УК Монголии). Чтобы садизм, жестокость были признаны отягчающими обстоятельствами необходимо установить субъективное отношение к нему виновного. В уголовном праве Монголии оговаривается, что «особая жестокость» является родовым понятием по отношению к садизму и мучениям. Поэтому изложено в следующей редакции — «совершение преступления с особой жестокостью и издевательствами» [6].

6. Законодатель Монголии утвердил в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в отношении женщины, находящейся заведомо для виновного в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица, либо лица, находящегося в зависимости от виновного (п. 6 ч. 1 ст. 56 УК Монголии). Объект преступления не может защитить себя, свои интересы, все это усугубляет степень общественной

опасности совершенного преступления. УК России предусматривает аналогичное отягчающее обстоятельство (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Здесь необходимо отметить, в отличие от УК Монголии, устанавливается одно непереносимое условие: заведомость, т. е. преступник знает, что его жертва беременна и его посягательства повлекут отрицательные последствия для здоровья ребенка. Отягчает наказание и преступное посягательство на лица, находящиеся в зависимости от виновного. Такими потерпевшими могут быть лица, находящиеся на иждивении у подозреваемого субъекта, подчиненные по службе, дети, престарелые родители и др. лица [7].

7. Следующим отягчающим обстоятельством выделено совершение преступления в условиях стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках (п. 7 ч. 1 ст. 56 УК Монголии).

Подобное отягчающее обстоятельство предусмотрено в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Законодатель Монголии и России резюмирует, что процесс совершения преступления в данном случае облегчается, так как органы правопорядка заняты происходящими катаклизмами.

8. Пункт 8 ч. 1 ст. 56 УК Монголии выделяет также отягчающее обстоятельство — совершение преступления в отношении лица или его близких в связи со служебной деятельностью этого лица или выполнением им общественного долга. В рамках этого обстоятельства выделяются две группы потерпевших: а) лица, осуществляющие служебную деятельность или выполняющие общественный долг; б) их близкие (супруги, родственники, а также иных лиц, судьба которых небезразлична названному гражданину, например, близкий друг). Наказание при наличии данного обстоятельства возрастает в результате стремления виновного повлиять на служебную деятельность лица или выполнение им общественного долга.

Российский Уголовный закон также предусматривает подобное отягчающее обстоятельство (п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК).

9. Продолжает перечень отягчающих обстоятельств совершение преступления опасным способом, а также с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов (п. 9 ч. 1 ст. 56 УК Монголии). Отягчение наказания можно аргументировать следующим: а) применяемые средства виновному легче совершить преступление и при этом причинить физический вред потерпевшему; б) возможно причинение вреда жизни или здоровью многих лиц, уничтожение большого количества материальных ценностей. Данное отягчающее обстоятельство присутствует и в Уголовном кодексе РФ (п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ), но оно более масштабное. Также виновные могут применить взрывные или имитирующие их устройства, специально изготовленные технические средства, наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые и радиоактивные вещества, а также применить физическое или психическое принуждение.

10. Еще одним отягчающим обстоятельством, согласно Уголовного кодекса Монголии признано совершение преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (п. 10 ч. 1 ст. 56 УК Монголии). Уголовный кодекс России также дополнил ст. 63 УК частью 11. Однако, здесь предусмотрено именно право суда признать состояние алкогольного или наркотического опьянения отягчающим обстоятельством. В данном случае целесообразно признать трактовку указанного отягчающего обстоятельства в УК Монголии более предпочтительной [8].

11. Следующее отягчающее обстоятельство, выделенное п. 11 ч. 1 ст. 56 УК Монголии — совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Если после совершения преступления виновный преследует цель — облегчить совершение другого преступления, но не успевает его совершить, то ответственность наступает за преступление, совершенное с целью облегчить совершение другого преступления, и по совокупности за приготовление к другому преступлению.

В России Федеральным законом РФ от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ введен п. «е¹» ч. 1 ст. 63 УК, предусматривающий усиление ответственности за совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Поэтому, совершение преступления из мести будет расценено как отягчающее наказание обстоятельство. В данном случае присутствуют два самостоятельных посягательства: у субъекта было намерение совершить несколько преступлений, даже если второе не доведено до конца по независящим от виновного причинам [9].

12. Пункт 12 ч. 1 ст. 56 УК Монголии формулирует: повторное совершение преступления в течение отсрочки исполнения приговора суда или в течение испытательного срока условного

осуждения, либо лицом, имеющим судимость, признается отягчающим наказание обстоятельством. В Российском законе данное обстоятельство не выделено.

Наряду с рассмотренными отягчающими наказание обстоятельствами, имеющими место в уголовном законодательстве обеих стран, в УК РФ включены и иные обстоятельства, не включенные в УК Монголии.

Что касается обстоятельств, смягчающих наказание, необходимо отметить, что Уголовный кодекс Монголии закрепил исчерпывающий перечень обстоятельств смягчающих наказание, в отличие от УК РФ.

Такие смягчающие наказание обстоятельства, как: 1) Совершение впервые преступления небольшой тяжести или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств (п. 1 ч. 1 ст. 55 УК Монголии); 2) Совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. 4 ч. 1 ст. 55 УК Монголии); 3) Совершение преступления вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, случившихся с виновным, с его семьей, а также с другими лицами (и 6 ч. 1 ст. 55 УК Монголии); 4) Несовершеннолетие виновного (п. 7 ч. 1 ст. 55 УК Монголии); 5) Беременность и наличие малолетних детей у виновной женщины (п. 8 ч. 1 ст. 55 УК Монголии); 6) Чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления (п. 9 ч. 1 ст. 55 УК Монголии); 7) Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. 10 ч. 1 ст. 55 УК Монголии) присутствуют и в УК России.

В Уголовном кодексе Монголии есть и некоторые обстоятельства, не нашедшие свое отражение в УК РФ.

Предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления (п. 2 ч. 1 ст. 55 УК Монголии) рассматривается как вид деятельного раскаяния. Предотвратить вредные последствия возможно, когда состав преступления исполнен так, что по окончании преступления, возникают вредные последствия или объект находится в опасности причинения вреда. Добровольное возмещение ущерба либо устранение причиненного вреда (п. 3 ч. 1 ст. 55 УК Монголии). Если нанесенный ущерб носит материальный характер, он может быть возмещен.

Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего (п. 5 ч. 1 ст. 55 УК Монголии). Здесь подразумевается присутствие состояния аффекта, возникновение сильного душевного волнения у лица, совершившего преступление, т.к. действия преступника часто зависят от поведения потерпевшего.

Во втором параграфе — «Практика учёта судами обстоятельств, смягчающих наказание» — рассматриваются вопросы, связанные с особенностями учета конкретных видов обстоятельств, смягчающих наказание, из практики судов Монголии. Второй параграф ст. 61 УК РФ информирует о том, что список обстоятельств, смягчающих наказание также может быть расширен.

Сравнительный анализ обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание в уголовном законодательстве Монголии и России позволяет сделать вывод о схожести Уголовных кодексов рассматриваемых стран в данном вопросе. Однако, присутствуют и различия в применении судами обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание. В уголовном законе Монголии, например, отягчающим обстоятельством может быть признано обстоятельство, когда присутствует попытка убийства либо само убийство женщины в присутствии ее малолетнего ребенка. В результате которого возникает психическое заболевание ребенка. Российский УК также раскрывает многие обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание и представляет несомненный интерес для изучения и внедрения в законодательство Монголии.

Литература

1. С 1 июля в Монголии официально отменены пытки и смертная казнь [Электронный ресурс]. — URL: <http://asiarussia.ru/news/16864/>
2. Монголия сейчас [Электронный ресурс]. — URL: http://news.mongolnow.com/04_12_002.html
3. Батбаяр Энхээ. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, по уголовному законодательству Монголии: автореф. ... дис. канд. юр. наук. — Краснодар, 2005.
4. Алтанзул Алтангэрэл. Понятие наказания, его цели и виды по уголовному законодательству Монголии: автореф. ... дис. канд. юр. наук. — Краснодар, 2005.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

6. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Новый подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы междунар. науч.-практ. конф. КСЭИ, 20 мая 2012. — Краснодар, 2012.

7. Уголовный кодекс Монголии [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bsru.ru/university/departments> (дата обращения: 4.06.2018).

8. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. — М., 2014.

9. Бешукова З. М., Прохоров Л. А. Законодательные и правоприменительные аспекты противодействия экстремизму: анализ опыта Чешской Республики // Российский следователь. — 2011. — № 21.

Предупреждение дачи взяток сотрудникам уголовно-исполнительной системы России и меры уголовной ответственности в сравнении с законодательством Китайской Народной Республики и Республики Корея

© *Р. А. Татаринов*

УФСИН России по Республике Бурятия

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: r.tatarinov-rb@mail.ru

Статья посвящена отдельным аспектам функционирования подразделений собственной безопасности уголовно-исполнительной системы России по предупреждению дачи взяток сотрудникам ведомства. Исходя из коррупционных рисков, приведены виды деяний, за которые осужденные, подозреваемые, обвиняемые (их близкие) наиболее часто дают взятки персоналу уголовно-исполнительной системы. Проведено сравнение мер уголовной ответственности за взяточничество в России с законодательством Китайской Народной Республики и Республики Корея. Уделено значительное внимание вопросам антикоррупционного просвещения и профилактики коррупционной преступности в пенитенциарной системе. Делается упор на необходимость повышения уровня правосознания сотрудников и работников ведомства при борьбе со взяточничеством. Для достижения положительного результата и повышения качества противодействия коррупционным преступлениям в уголовно-исполнительной системе, предлагается перечень профилактических мероприятий по их возможному искоренению.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, оперативно-розыскная деятельность, подразделения собственной безопасности, оперативно-розыскные мероприятия, коррупционные преступления, взяточничество, предупреждение дачи взятки.

Проблема борьбы со взяточничеством в уголовно-исполнительной системе (далее — УИС) России стоит особо остро. На его искоренение нацелена основная оперативная работа подразделений собственной безопасности пенитенциарной системы. Ведь взяточничество, относящееся к коррупционной преступности, разлагая тюремное ведомство, подрывает авторитет государства среди лиц в нем проживающих и мировой общественности в целом. Сводит на нет работу по исправлению и перевоспитанию осужденных, а также их последующую ресоциализацию. Как может исправиться осужденный и в последующем стать полноценным членом социального общества, если он, находясь в местах лишения свободы, дает взятки за те или иные действия (бездействие) персоналу, обязанному контролировать соблюдение им установленного порядка отбывания наказания, назначенного по приговору суда. Также взяточничество несет негативные последствия для сотрудников УИС берущих взятки, как собственно и для лиц их им дающих, в виде назначения различных видов наказаний по статьям 290-291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1]. Хотя уголовные наказания за такие преступления в России гораздо мягче чем, например, в Китайской Народной Республике и Республике Корея.

Согласно Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (далее — УК КНР), совершение таких преступлений как коррупция (статья 382) и взяточничество (статья 385), эти деяния, между прочим, у них не тождественны, карается сурово, вплоть до бессрочного лишения свободы с конфискацией имущества или смертной казнью [4]. А Уголовным кодексом Республики Корея за преступления, относящиеся к взяточничеству (статьи 129-133), широко применяется такой вид наказания как каторжные работы [5].

В рассматриваемом случае хотелось бы из всех составов преступлений, квалифицируемых как взяточничество, вычленив и осветить вопросы оперативно-розыскного предупреждения дачи взяток сотрудникам УИС, основанного на их правосознании.

Антикоррупционное просвещение персонала УИС направлено на повышение уровня правосознания, в том числе по исполнению обязанности, предусмотренной статьей 9 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», сообщать о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений [8]. Данная норма закона детализируется в ведомственном «Порядке уведомления федеральными государственными служащими Федеральной службы исполнения наказаний о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений», утвержденном приказом ФСИН России от 29.05.2010 № 256 [11], для аттестованных сотрудников УИС. А равно и в «Порядке уведомления работодателя о фактах обращения в целях склонения лиц, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях (учреждениях, предприятиях) уголовно-исполнительной системы, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, к совершению коррупционных правонарушений», утвержденном приказом ФСИН России от 29.07.2015 № 666 [12], для вольнонаемных работников УИС.

Неукоснительное исполнение вышеуказанных нормативно-правовых актов является важным и необходимым условием пресечения коррупционных преступлений по статьям 291 или 291.2 УК РФ в отношении осужденных, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц. То есть, проявленное персоналом УИС правосознание по уведомлению о фактах склонения к коррупционным действиям, уберегает их самих от уголовного преследования по статьям 290 или 291.2 УК РФ и повышает степень чистоты рядов системы.

Просвещение персонала является частью профилактической работы подразделений собственной безопасности УИС в ходе повседневной борьбы с коррупционной преступностью в учреждениях и органах УИС. Так как личный состав необходимо беречь, наставлять на правильный путь законопослушного поведения, повышая тем самым правосознание [15, с. 58].

Ю. П. Гармаев подчеркивает, что в рамках антикоррупционного просвещения необходимо разъяснять:

1. Отдельные нормы антикоррупционного, в том числе, а может и прежде всего, уголовного законодательства;
2. Типичные заблуждения относительно разграничения преступных коррупционных посягательств и правомерного поведения;
3. За какого рода типичные коррупционные деяния, в каких типичных ситуациях, привлекаются к юридической ответственности работники именно данной сферы деятельности;
4. Яркие примеры из судебной практики по делам соответствующей категории с указанием на избранные судом строгие, но справедливые меры наказания;
5. Как и кем, какими средствами и методами ведется борьба с этими преступлениями, как противостоять провокациям и иным незаконным методам псевдоборьбы с коррупцией. Здесь уместно важное ограничение — недопустимость «инструкций по совершению преступлений», а также завуалированных рекомендаций о том, как уйти от ответственности за их совершение;
6. Как не допустить вовлечение себя в коррупционные отношения в типичных, хорошо знакомых слушателям ситуациях;
7. Следует также информировать о том, что вокруг должностных лиц государственных органов и учреждений часто разворачивают преступную деятельность различные «мнимые посредники», которые берут взятки «под них» и без их участия, фактически торгуя их полномочиями и услугами [14, с. 240].

Несомненно, предупреждение взяточничества, как со стороны сотрудников УИС, так и со стороны осужденных и лиц, содержащихся под стражей (их близких), является всеобщим благом и одной из задач оперативно-розыскных органов, предусмотренной статьей 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7]. Зачем сотруднику УИС брать взятку, а осужденному ее давать. Если первый — потеряет службу, авторитет, источник стабильного дохода и «заработает» судимость. Второй — получит дополнительное уголовное наказание. А они оба — общественное порицание.

Необходимо добиться формирования в сознании персонала УИС, осужденных, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц того, что взяточничество это зло, как для них самих, так и для общества в целом. Это возможно через осознанное соблюдение и уважение закона, своих и чужих прав и обязанностей, завязанные на страхе неотвратимости наказания.

Особенности функционирования пенитенциарной системы России диктуют существование следующих видов дачи взяток сотрудникам УИС:

1. Дача взятки за действия входящие в должностные полномочия:

- при отбывании наказания в исправительных учреждениях (колонии общего, строгого и особого режимов, колонии-поселения, тюрьмы, воспитательные колонии), за: применение мер поощрения (статьи 113, 134 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) [2], подготовку положительной характеристики, распределение по отрядам, камерам и рабочим объектам, перевод на облегченные условия отбывания наказания (части 2 статей 120, 122, 124, части 4 статей 127, 132 УИК РФ), представление к изменению вида исправительного учреждения (статья 78 УИК РФ), предоставление длительного свидания с правом совместного проживания с иными лицами (часть 2 статьи 89 УИК РФ), разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (статья 96 УИК РФ), разрешение выезда за пределы исправительных учреждений (статья 97 УИК РФ), представление к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания (статья 79 УК РФ), представление к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (статья 80 УК РФ);

- при содержании под стражей (следственные изоляторы), за: применение мер поощрения (статья 37 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [6]), подготовку положительной характеристики, распределение по камерам, обеспечение телевизором, холодильником и вентиляционным оборудованием (статья 23 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ), оказание дополнительных платных услуг (статья 26 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ), оставление осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (статья 77 УИК РФ);

- при исполнении наказания, не связанного с изоляцией от общества (уголовно-исполнительные инспекции), за: представление к отмене условного осуждения и о снятии судимости (статья 74 УК РФ), представление о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости (статья 82 УК РФ); при исполнении наказания в виде ограничения свободы — за применение мер поощрения (статья 57 УИК РФ).

2. Дача взятки за бездействие при исполнении должностных полномочий:

- при отбывании уголовного наказания в исправительных учреждениях (колонии общего, строгого и особого режимов, колонии-поселения, тюрьмы, воспитательные колонии) и содержании под стражей (следственные изоляторы), за: непринятие мер реагирования при нарушении установленного порядка отбывания наказания, режима содержания;

- при исполнении наказания, не связанного с изоляцией от общества (уголовно-исполнительные инспекции), за: не проведение проверок по месту жительства, объекту работы, неявку на регистрацию (отметку) в инспекцию, не выход на работу, покидание пределов муниципального образования, не проведение первоначальных мероприятий по розыску осужденных скрывшихся от наказания, не направление в суд представления о замене условного осуждения реальным лишением свободы.

3. Дача взятки за совершение заведомо незаконных действий:

- за доставку для осужденных на режимную территорию пенитенциарных учреждений запрещенных предметов, указанных в приложении № 1 правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16.12.2016 № 295 [10], а для подозреваемых и обвиняемых предметы, за исключением тех, которые перечислены в приложении № 2 правил внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14.10.2005 № 189 [9].

Хотелось бы отметить, что Шиханов В. А. и Долганова Н. В. предлагают ввести в УК РФ дополнительную статью «Обращение с запрещенными для осужденных веществами, вещами и предметами», а в УИК РФ внести полный перечень запрещенных к использованию осужденными вещей и предметов [16, с. 135]. Чтобы осужденные под угрозой уголовного наказания боялись совершать подобные действия, в том числе не давали взяток персоналу УИС.

- за любые действия сотрудника УИС, в нарушение действующего уголовно-исполнительного законодательства России.

4. Дача взятки в контрактной системе:

- за лоббирование интересов определенного потенциального коммерческого партнера при заключении государственного контракта (общее покровительство, заявка требований контрактной

документации «под конкретного лица», сообщение ему о ценах, представленных иными конкурентами);

- за перечисление денежных средств из бюджета по фактически неисполненному (не надлежаще исполненному) государственному контракту (не поставлен товар, не выполнены работы, не оказаны услуги).

Разумеется, вышеуказанный перечень не является исчерпывающим.

Дача взятки сотруднику УИС, согласно УК РФ, может быть в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав [1]. В соответствии же со статьями 385-393 УК КНР, под взяткой ёмко и содержательно понимается любое имущество и выгода [4], полученные или переданные взяточниками.

В России уголовная ответственность за преступления, в том числе взяточничество, предусмотрена только в отношении физических лиц. Взятки персоналу УИС даются осужденными и лицами, содержащимися под стражей (их близкими), а также лицами, причастными к коммерческой деятельности в рамках государственных контрактов.

Под близкими осужденных, подозреваемых и обвиняемых, следует понимать родственников и иных лиц, поддерживающих с ними отношения: сожительницы (сожители), друзья (в том числе освободившиеся из мест лишения свободы), бывшие коллеги по работе и учебе, соседи, земляки и прочие. То есть субъектов, судьба осужденных которым небезразлична в силу сложившихся определенных жизненных отношений.

В Китае уголовной ответственности за дачу взяток государственным служащим также подлежат организации в виде назначения им штрафа, а их руководители и другие лица, несущие непосредственную ответственность, наказываются лишением свободы или арестом (статья 393 УК КНР) [4]. В России же, наложение штрафа на юридических лиц за незаконное вознаграждение от их имени является лишь правонарушением, предусмотренным статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3].

Согласно статье 391 УК КНР, взятка может передаваться и государственным организациям (для России это была бы, например, исправительная колония), государственным предприятиям (в России, скажем, один из ФГУП ФСИН России). А также организацией по отношению к организации. В первом случае это карается лишением свободы или арестом для взяткодателя физического лица. Во втором, применением штрафных санкций для взяткодателя организации, а для его руководителей и других лиц, несущих непосредственную ответственность, лишением свободы или арестом [4].

Не мешало бы некоторый опыт борьбы с взяточничеством, имеющийся в Китае, применить и в России. Ведь жесткие меры наказания, на мой взгляд, один из лучших способов решения имеющихся коррупционных проблем. А то, как показывает практика, в России большинство осужденных по преступлениям за взяточничество ограничивается условными сроками лишения свободы и штрафами. А также, возможно, предусмотреть уголовную ответственность для юридических лиц.

В целях повышения качества борьбы с дачей взяток сотрудникам УИС представляется необходимым:

1. Проведение специальных занятий с персоналом УИС, осужденными и лицами, содержащимися под стражей, по изучению нормативно-правовых актов в сфере борьбы с коррупцией и разъяснению статей УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение коррупционных преступлений. Направление информационных обзоров по учреждениям и органам УИС о раскрытых фактах коррупции, в целях детерминирования негативного отношения к коррупционным проявлениям под страхом уголовного наказания.

2. Осуществление сотрудниками подразделений собственной безопасности УИС профилактических бесед с конкретными лицами, которые, по оперативной информации, вынашивают преступные коррупционные намерения («ходят по лезвию ножа»), но еще не совершили преступления, с отбором у них расписок об ознакомлении с нормами антикоррупционного законодательства России и предупреждении об ответственности за их нарушение [15, с. 58]. Вплоть до вручения персоналу УИС официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, предусмотренного приказом ФСИН России от 21.12.2017 № 1225 [13]. Целесообразно подобный нормативный акт разработать и для осужденных, подозреваемых, обвиняемых.

3. Издание ФСИН России ведомственного нормативно-правового акта о премировании персонала УИС за подтвердившиеся уведомления о попытках склонения их к совершению коррупци-

онных преступлений, предусмотрев исключение аспекта провоцирования дачи взятки своим поведением.

Вышеуказанными оперативно-розыскными и организационными мерами, возможно повысить уровень правосознания, направленный на недопущение совершения коррупционных действий и повышение мотивации уведомления о фактах склонения к коррупции. И как следствие — пресечь попытки дачи взяток сотрудникам УИС.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.05.2018).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 24.05.2018).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.05.2018).

4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 [Электронный ресурс] // Бизнес в Китае. — URL: <http://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/#8> (дата обращения: 24.05.2018).

5. Уголовный кодекс Республики Корея от 18.09.1953 [Электронный ресурс] // Всё о Корее. — URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnyye-pravovye-akty/ugolovnyj-kodeks-respubliki-koreya.html> (дата обращения: 24.05.2018).

6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ [Электронный ресурс]: Гарант. — URL: <http://base.garant.ru/1305540/> (дата обращения: 24.05.2018).

7. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 24.05.2018).

8. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 24.05.2018).

9. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 14.10.2005 № 189 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56436/ (дата обращения: 24.05.2018).

10. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210064/ (дата обращения: 24.05.2018).

11. Об утверждении Порядка уведомления федеральными государственными служащими Федеральной службы исполнения наказаний о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений: приказ ФСИН России от 29.05.2010 № 256 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102380/ (дата обращения: 24.05.2018).

12. Об утверждении Порядка уведомления работодателя о фактах обращения в целях склонения лиц, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях (учреждениях, предприятиях) уголовно-исполнительной системы, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, к совершению коррупционных правонарушений: приказ ФСИН России от 29.07.2015 № 666 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184878/ (дата обращения: 24.05.2018).

13. Об утверждении Порядка объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, формы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, а также перечня категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение (предостережение): приказ ФСИН России от 21.12.2017 № 1225 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287759/ (дата обращения: 24.05.2018).

14. Гармаев Ю. П. Криминалистические средства предупреждения коррупции // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. — № 6(18). — С. 238–242.

15. Татаринов Р. А. О некоторых аспектах деятельности подразделений собственной безопасности уголовно-исполнительной системы по борьбе с преступлениями коррупционной направленности // Вопросы безопасности. — 2018. — № 1. — С. 52–59.

16. Шиханов В. А., Долганова Н. В. Проблемы предупреждения поступления запрещенных предметов в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы и меры противодействия // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2017. — С. 131–135.

Сравнительно-правовой анализ закона о стрелковом оружии РФ и КНР

© Д. И. Темников

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

В данной статье рассматривается в сравнении законодательство об оружии РФ и КНР, их сходство и различия. При увеличении преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия в указанных странах, усматривается необходимость в развитии и совершенствовании законодательства в этой области. Проведен всесторонний анализ законов, используемых понятий в целом, а также определение огнестрельного оружия.

Ключевые слова: стрелковое оружие, боеприпасы, федеральный закон, огнестрельное оружие, закон.

Стрелковое оружие — это такое огнестрельное оружие, которое поражает цели пулями. К подобному виду оружия можно отнести следующее: пистолеты, пистолеты-пулемёты, пулемёты, револьверы, автоматы, автоматические винтовки, различные виды спортивного и охотничьего огнестрельного оружия. На сегодняшний день практически все виды стрелкового оружия автоматические. Такое оружие используют для того, чтобы поразить живую силу и огневые средства противника, а некоторые крупнокалиберные пулемёты — и для того, чтобы поразить лёгкобронированные и воздушные цели. У рассматриваемого нами вида оружия довольно высокая эффективность стрельбы, надёжность действия, а также маневренность. Подобное оружие удобное и простое в использовании при относительной несложности устройства, которая позволяет производить оружие в массовом количестве.

В данной статье поставлена следующая цель: показать историю появления стрелкового оружия Российской Федерации и Китайской Народной Республики, сравнить законы указанных стран о стрелковом оружии.

Родиной стрелкового оружия считается Восток. Предполагается, что сам порох был изобретен в Китае приблизительно в XV в. до н.э., то есть около 3,5 тыс. лет назад. Но некоторые исследователи считают, что родиной пороха является Индия. Так или иначе, войска Александра Македонского, которые легко прошли через всю Азию, во время осады индийских крепостей столкнулись с «громом и молниями», которые метали со стен противники. Преодолеть столь неожиданное сопротивление не смогли даже самые стойкие воины. Правда, именно стрелковым оружием такие «гром и молнии» считать не следует: скорее, это были пороховые прародители современных гранат и снарядов [6].

Первые образцы огнестрельного оружия также появились на Востоке. В 690 году во время осады Мекки арабы применяли один из древнейших видов стрелкового оружия — модфу. Такое подобие ручной мортиры состояло из короткого кованого ствола, которое было укреплено на древке. Через несколько столетий огнестрельное оружие появилось и у европейцев в виде так называемой петринали — точной копии арабской модфы. Очевидно, что крестовые походы, которые волнами катились от Европы в Палестину с 1096 по 1271 г., поспособствовали взаимообмену с Востоком военным опытом и оружием.

По другим данным порох на Ближний Восток привезли завоеватели-монголы в XIII веке. Оттуда порох, а именно, идея пороха и огнестрельного оружия пошла в Европу. На вопрос: «почему артиллерия впервые появилась именно у европейцев?» можно ответить следующим образом: они имели довольно развитую металлургию. Огнестрельное оружие, которое, в первую очередь, появилось в Северной Италии в начале XIV века, в 1340–1370-х годах распространяется по остальным европейским странам.

Именно тогда такой вид оружия, как стрелковое, появилось и на Руси, о чем говорят летописные источники. В 1376 году московско-нижегородское войско воеводы Боброк-Волынца, который в будущем стал героем Куликовской битвы, идет на волжских болгар. На поле боя их противник вывел верблюдов, надеясь, что эти звери напугают русских коней, а со стен города Болга-

ра обороняющиеся пускали «громы». Но ни верблюды, ни «громы» наших воинов не испугали... [1]

Применение стрелкового оружия во всем мире регулируется законодательством и рассматриваемые нами страны не исключение.

В нашей стране использование подобного рода оружия регламентировано Федеральным законом от 13 декабря 1996 N 150-ФЗ «Об оружии». Указанный закон регулирует правоотношения, которые возникают при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации. Закон направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия. Положения Федерального закона «Об оружии» распространяются и на оборот боеприпасов и патронов к оружию [2].

Согласно данному закону, а именно статье 5, в нашей стране стрелковым оружием считается такое оружие, которое предназначено для того, чтобы решать боевые и оперативно-служебные задачи [3].

Дополнительно к Федеральному закону в законодательстве нашей страны существует постановление от 15 октября 1997 года, которое регламентирует порядок оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему в государственных военизированных организациях, который определяется Правительством Российской Федерации [4]. Правила, которые раскрываются в данном постановлении, касаются:

- производства оружия;
- продажи, передачи и приобретения оружия;
- коллекционирования и экспонирования оружия;
- учета, хранения и ношения оружия;
- перевозки и транспортирования оружия
- изъятия и уничтожения оружия;
- вывоза из Российской Федерации и ввоза на территорию Российской Федерации оружия;
- использования оружия ведомственной охраной государственных военизированных организаций;
- контроля за оборотом оружия.

Оборот оружия, о котором говорится в постановлении, осуществляется в воинских частях и организациях Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Федеральной службы охраны, Федеральной службы войск национальной гвардии, Государственной фельдъегерской службы, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной таможенной службы, Службы специальных объектов при Президенте, прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета.

Федеральный закон «Об оружии» состоит из 32 статей, Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях» — из 10 разделов, включающих в себя 34 пункта.

В Китайской Народной Республике так же существует закон, который регламентирует применение стрелкового оружия. Данный закон появился 5 июля 1996 года и называется Закон КНР «О стрелковом оружии». Этот закон был выработан и принят для того, чтобы усилить контроль за обращением стрелкового оружия, поддержать систему общественной государственной безопасности и гарантировать общую безопасность в стране. За обладание стрелковым оружием, его изгот овление, переделку, продажу, покупку, аренду, если перечисленные действия были совершены в нарушение закона, государство прибегает к строгим санкциям [5].

Использование стрелкового оружия в Китае осуществляется народной полицией в составе структур общественной безопасности, государственных структур общественной безопасности, тюрем, организаций трудового обучения и воспитания, полицейскими органами юстиции в народных судах, полицейскими органами юстиции в составе учреждений прокуратуры и прокурорскими работниками, занятыми оперативно-розыскной деятельностью, таможенными работниками, занятыми розыском контрабандистов. Перечисленные лица вправе получить оружие для

служебного пользования во время исполнения служебных обязанностей и в том случае, когда использование стрелкового оружия действительно необходимо. Также оружие для служебного пользования во время осуществления служебных обязанностей, когда использование стрелкового оружия действительно необходимо для охраны может получить персонал, который охраняет военные предприятия, финансовые учреждения, хранилища, научно-исследовательские учреждения, другие организации государственного значения, а также перевозки грузов.

В статье 6 рассматриваемого нами закона о стрелковом оружии перечислены различные организации, которые могут быть оснащены данным видом оружия. Вот некоторые из них: охотничьи угодья, которые были созданы компетентными административными органами лесного хозяйства правительств провинций и организациями более высокого уровня (могут быть оснащены охотничьим стрелковым оружием); организации, которые занимаются охраной диких животных, их кормлением, наблюдением и уходом за ними (могут быть оснащены охотничьим стрелковым оружием, с помощью которого производятся усыпляющие инъекции) и так далее.

Дополнительно к Закону о стрелковом оружии в Китайской Народной Республике существуют определенные инструкции по оснащению служебным, гражданским стрелковым оружием, которые вырабатываются министерством общественной безопасности Госсовета совместно с соответствующими государственными органами на основе принципов строгого контроля и вступают в силу после утверждения Госсоветом.

Закон Китайской Народной Республики «О стрелковом оружии» состоит из 8 глав, которые, в свою очередь, включают в себя 50 статей.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать следующие выводы. Сравнивая историю появления стрелкового оружия в Китайской Народной Республике и в нашей стране, мы четко видим, что своему появлению подобного рода оружие обязано Востоку. В нашей же стране стрелковое оружие появилось благодаря тому, что оно из Китая, путем различных нашествий, войн и битв, распространяясь по всей Европе, дошло и до нас. Сравнивая законодательство двух стран, которое регламентирует использование стрелкового оружия, мы можем увидеть как их сходства, так и различия. Сходство Федерального закона Российской Федерации «Об оружии» и Закона Китайской Народной Республики «О стрелковом оружии» в том, что в них говорится о том, что:

- такое оружие предназначено для решения различных боевых и служебных задач;
- оба закона приняты для того, чтобы контролировать оборот стрелкового оружия внутри страны;
- в каждом законе подробно описано, какие лица имеют право на ношение и использование оружия, а какие вправе на это лишь при необходимости;
- к каждому закону существуют различные дополнения в виде постановлений или инструкций.

Говоря о различиях рассмотренных нами законов, отметим следующее:

- закон Китайской Народной Республики более детально регламентирует порядок использования стрелкового оружия, чем закон Российской Федерации;
- китайский закон о стрелковом оружии был принят несколько раньше, нежели закон российский;
- также, закон КНР немного обширнее, чем Федеральный закон «Об оружии».

По всему миру оружие с каждым годом все больше совершенствуется, появляются новые подвиды, и стрелковое оружие здесь не исключение. Для того, чтобы урегулировать порядок его применения, в законодательство, регламентирующее данный порядок, должны своевременно вноситься изменения. Такие изменения позволят не допускать ошибок и сомнений в применении оружия.

Литература

1. Первое огнестрельное оружие на Руси [Электронный ресурс]. — URL: http://wordweb.ru/sto_voentain/23.htm (дата обращения: 06.06.2018).
2. Об оружии: федеральный закон [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 06.06.2018).
3. Об оружии: статья 5 ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/16b8a011b540bf462ae471897ed0f6bad090196f/ (дата обращения: 06.06.2018).

4. Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях: постановление Правительства РФ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16460/#dst100009 (дата обращения: 06.06.2018).
5. Закон КНР о стрелковом оружии [Электронный ресурс]. — URL: <https://asia-business.ru/law/law3/arm/> (дата обращения 06.06.2018).
6. Стрелковое оружие [Электронный ресурс]. — URL: <https://works.doklad.ru/view/8Da799gxrcw/4.html> (дата обращения: 06.06.2018).

Защита прав несовершеннолетних в Российской Федерации: законодательные аспекты

© *Цзюй Ди*

магистрант политико-юридического университета
Китай, г. Пекин

Статья посвящена защите прав несовершеннолетних в РФ с точки зрения законодательного регулирования. Основное внимание в работе автора уделяется вопросам просвещения и рассуждениям о Законе КНР о защите прав несовершеннолетних, касающихся игры «синий кит».

Ключевые слова: защита прав несовершеннолетних, самоубийство, синий кит, группы смерти.

«Синий кит» — виртуальная игра, распространившаяся за последние три года в интернете. Это игра побудила более 100 человек по всему миру к совершению самоубийства. В России игра получила широкое распространение в 2013 году после запуска так называемых «групп смерти» в сети «В контакте». Первое самоубийство, связанное с «Синим китом» произошло в 2015 году [1].

Создатель «Синего кита», бывший студент-психолог Филипп Будейкин, был исключен из своего университета, взят под стражу и осужден за подстрекательство к самоубийству как минимум 16 человек. Российская сторона приняла меры по предотвращению самоубийств и информированию других стран о феномене «Синего кита».

В мае 2017 года Следственный комитет связал рост самоубийств среди подростков с активностью «групп смерти», а в июне Президент РФ Владимир Путин подписал закон об уголовной ответственности за склонение детей к суициду. Впоследствии были арестованы несколько организаторов «групп смерти». За последний год интерес к сообществам самоубийц в социальных сетях несколько угас [2].

В настоящее время различные формы агрессивного обращения с несовершеннолетними по своим масштабам и глубине последствий представляют серьезную угрозу основам национальной безопасности России. В этой связи в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что «главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков». Осуществление этой стратегической задачи требует разработки новых и совершенствования существующих криминологических и уголовно-правовых средств защиты несовершеннолетних, что подтверждает актуальность настоящего диссертационного исследования.

Трагические события произошли не только по причине отсутствия достаточной заботы или небрежного обращения с детьми, но и по причине наличия дефектов в законодательстве. Право ребенка быть защищенным от «всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая «сексуальное злоупотребление» понимается в международном праве как абсолютное право, принадлежащее ему от рождения, и подлежащее защите государством, которое должно принимать «все необходимые законодательные, административные и другие меры» (ст. 4 Конвенции «О правах ребенка»). Широко известно, что скорость развития законодательства не может сравниться со скоростью развития технологий. Но необходимость разработки соответствующего законодательства, формулирования политики и развития правоохранительных органов, действительно существует. Если мы хотим более эффективно бороться с преступностью, мы должны идти в ногу с темпами технологического развития. Есть много проблем, которые были решены, но в будущем технологии будут продолжать развиваться, и это вопрос, требующий сотрудничества. Наш опыт показывает, что никто не может решить эту проблему самостоятельно.

Вместо этого необходим разносторонний подход и взаимодействие специалистов из всех областей [3].

Для совершенствования законодательства возможно использование закона о защите несовершеннолетних в Китае. Закон Китайской Народной Республики «О защите несовершеннолетних» был принят в сентябре 1991 Седьмым Конгрессом народных представителей на 21-ом заседании. Закон «О защите несовершеннолетних» содержащий общие принципы, положения о защите семьи, защите школы, социальной защите, судебной защите, юридической ответственности, Глава 72, вступил в силу 1 июня 2007 года.

В этом законе воплощается самый важный принцип для развития несовершеннолетних — забота. Необходимо совершенствовать закон в этом направлении. Родители или другие опекуны несовершеннолетних должны заботиться не только о физическом, но и о психологическом состоянии подростков. Заботиться об их жизни, здоровом мышлении, соответствующих методах образования и воздействия, чтобы направить их полезную деятельность.

Школы должны быть ориентированы на укрепление безопасности образования для несовершеннолетних и на принятие мер по защите безопасности несовершеннолетних. Персонал школы должен проявлять внимание, любовь и уважение к ученикам [4].

Крайне важно, чтобы были созданы соответствующие законопроекты, направленные на установление наказаний за совершение действий преступниками, связанными с подстрекательством, побуждение или помощью несовершеннолетними в совершении самоубийства. Должен быть установлен более длительный срок лишения свободы в соответствии с серьезностью обстоятельств [5].

Автором в целях достижения целей принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, эффективности их применения выдвигаются предложения по принятию нового законопроекта в РФ в отношении несовершеннолетних. В социальном плане система правосудия в отношении несовершеннолетних является системой защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, которая включает не только специализированный суд по делам несовершеннолетних, но и различные специализированные службы правоохранительных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также общественные правозащитные организации. Определенная правовая база для обеспечения эффективного применения реабилитационных и воспитательных мер в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушения, уже имеется, однако отсутствует взаимодействие суда со специальными службами. Задача состоит не только в совершенствовании действующей системы, но и в создании принципиально нового реабилитационного законодательства в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 28.06.1999. — № 26. ст. 3177.
2. Перчиков В. А. Проблемы детской беспризорности и безнадзорности в 1941–1945 гг. / Проблемы истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. — Самара, 1999. — Вып. 5. — С. 51–55.
3. Закон КНР о защите несовершеннолетних января 2013, вторая редакция [Электронный ресурс]. — URL: http://ru.swewe.net/word_show.htm/?1124953_1&Закон_КНР_о_защите_несовершеннолетних.
4. Смирнова Н. В. Отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Народного комиссариата внутренних дел / Российский следователь. 2008.
5. Тимофеев В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. — Чебоксары, 1999. — С. 12–15.

Меры противодействия рецидивной преступности: российский и американский опыт

© *Д. Г. Цивилев*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

Автор данной статьи рассматривает уголовно-процессуальные меры предупреждения и противодействия рецидивной преступности через призму сравнения российского и американского законодательства и практики. В статье содержится подробный анализ мер противодействия рецидивной преступности в национальной практике и полезные выдержки из зарубежной правоприменительной практики.

Ключевые слова: предупреждение рецидивной преступности, сравнительный анализ законодательства, рецидив.

Предупреждение рецидивной преступности является важнейшей задачей государства и общества. Человек, совершающий повторно тяжкие и особо тяжкие преступления, зачастую нуждается в реабилитации и поддержке. Многочисленные исследования показывают, что суровое наказание, назначаемое «преступникам» не является лучшим и оптимальным способом борьбы с рецидивной преступностью, эффективным средством профилактики преступности и в как следствие, не способствует сглаживанию правового конфликта в обществе.

Следующее, что необходимо отразить в рамках настоящего исследования — статистика. Автором было исследовано 200 личных дел осужденных, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Республики Бурятия в период с 2012 по 2014 годы, и изучено их поведение в течение трех лет после отбытия наказания и освобождения.

Криминологический рецидив со стороны осужденных к ограничению свободы, которые совершили преступление после отбытия наказания за период до трех лет, составляет, по нашим данным, 25,6%. Наиболее криминогенной группой с точки зрения её предшествующей преступной деятельности являются осужденные за преступления против жизни и здоровья — 12%.

Картина вторичных преступлений, совершенных осужденными к ограничению свободы после отбытия наказания, выглядит следующим образом: за причинение тяжкого вреда здоровью — 5,26%, убийство — 5,26%.

Среди рецидивистов, в отличие от общей массы осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, преобладают лица мужского пола, причем большая часть из них — не имеют постоянной работы, уровень образования ниже, чем у основной массы, срок отбывания наказания зачастую установлен от 1 года до 2 лет.

Кроме того, согласно данным исследования, 75 % лиц, совершивших преступление после отбытия наказания в виде ограничения свободы, ранее привлекались к уголовной ответственности. В этой связи инспектор должен обращать внимание не только на наличие судимостей у осужденного, но и иметь информацию об истории преступной деятельности лица, которая в настоящий момент могла потерять своё юридическое значение.

По нашим наблюдениям, 57 % лиц отбывали наказание за тяжкие преступления, 35% — за преступления средней тяжести. Таким образом, одним из признаков будущего преступного поведения является факт привлечения его к уголовной ответственности, что еще больше повышает степень актуальности данного исследования, так как государство и общество заинтересовано в несовершении преступлений и сглаживании конфликта интересов потерпевшего и преступника.

Из этого следует сделать вывод о том, что при работе с осужденными к ограничению свободы особое внимание необходимо уделять лицам, которые ранее привлекались к уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений против жизни и здоровья.

Необходимо заметить, что правовая природа рецидивной преступности очень специфична и многогранна. Для целей эффективного предупреждения и профилактики рецидива недостаточно знать их состояние и личность рецидивиста. Предупреждение рецидивной преступности должно быть изучено подробно и исследование должно носить комплексный системный характер. Таким образом, архиважным аспектом здесь является осведомленность о зарубежном опыте исправления осужденных и приобщения освобожденных от наказаний к честной трудовой жизни, а также возможность применения этих моделей в российской практике.

Это объясняет то, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года отмечает, что национальная российская пенитенциарная система учитывает нахождение России в международном правовом поле, в частности разделяет международные стандарты обращения с заключенными. Поэтому столь важно адаптировать передовой опыт работы по предупреждению рецидива.

Немаловажную роль играют цели потерпевших, большинство из них, возможно за исключением жертв особо тяжких преступлений, более заинтересованы в реституции, возмещении причиненного преступником ущерба, чем в его наказании. Но уголовное законодательство концентрирует своё внимание на наказании преступника и предполагает, что после классического судебного разбирательства потерпевший должен удовлетвориться лишь тем, что преступник наказан, не более.

Особое внимание следует уделить восстановительному правосудию и медиации, которые помогают преодолевать разрыв между интересами потерпевшего и наказанием преступника, тем самым восстанавливая равновесие в обществе.

В западных странах медиация проводится на разных этапах судебного разбирательства, целью которой является урегулирование конфликта путем примирения жертвы и правонарушителя; конечная цель — достижение социальной справедливости.

Безусловно, мы не можем утверждать, что необходимо внедрять такую процедуру в уголовный процесс национального права, так как существует множество психологических, социальных и экономических факторов, которые могут стоять против применения процедуры медиации. На настоящий момент использование медиации находится на стадии развития, и наиболее часто этот институт используется в разрешении гражданско-правовых, семейных, жилищных споров.

Но в целом, стоит отметить, что в период отбывания наказания в виде ограничения свободы необходимо применять комплекс мер исправительно-индивидуального воздействия.

К примеру, в американской системе отбывания наказания существует обязательное выполнение трудовой деятельности.

Отсутствие трудовой деятельности осужденного ведет к тому, что преступления в определенных случаях становятся для него средством заработка. Негативные характеристики лица также способствуют совершению преступлений.

Обогащение содержания наказания в виде ограничения свободы, по нашему мнению, будет способствовать решению такого рода проблем.

В США лица, отбывшие часть срока заключения (как минимум одну треть) и получившие право на условно-досрочное освобождение, чтобы подготовиться к жизни в обществе на свободе, проходят профилактическую реабилитацию в общественных исправительных центрах.

В таких центрах осужденные начинают самостоятельно подыскивать себе работу, устанавливают контакты с родными и близкими, а также другие связи, необходимые для успешной адаптации в новых условиях жизни на свободе. Этому способствует то, что осужденные работают, как правило, вне центра, хотя его сотрудники периодически осуществляют контроль за их поведением в течение рабочего дня.

Они могут посещать своих родственников и знакомых с согласия администрации центра. Автор полагает, что все это вкуче способствует ресоциализации преступников. Средний срок, в течение которого они пребывают в центре, составляет шесть месяцев.

Обращаем внимание на то, что ресоциализация преступников проходит несколько стадий и не осуществляется одним этапом.

Так, как только осужденные прибывают в центр в течение первой недели им запрещено выходить за пределы здания. Далее они могут покидать центр на пять часов в день, но при этом не получают наличных денег.

На первом этапе, пока они не устроились на работу, им дважды в день выдается бесплатно пища, а работающие осужденные переходят уже на свое содержание. На заработанные деньги они питаются, приобретают необходимые вещи, пользуются платным телефоном. Осужденные, находящиеся в центре могут быть подвергнуты обыску с целью изъятия запрещенных предметов. Как и в исправительном учреждении, в центре существует система поощрений и наказаний. За хорошее поведение осужденный может быть, к примеру, переведен из общей спальни в двухместную комнату. В отношении нарушителей режима после трех предупреждений решается вопрос о возвращении в места заключения. Наряду с осуществлением полицейского надзора за рецидивистами, создан единый информационный банк данных, в котором имеется информация о неоднократно судимых лицах, их социально полезных или негативных контактах.

Мероприятия по ресоциализации освобождаемых из мест лишения свободы оказывают органы опеки за молодежью, а также социальные кураторы, работающие в отделах социального обеспечения, в которых работают юристы, педагоги, социальные работники. Они обеспечивают трудовое и бытовое устройство освобождаемому и оказывают необходимую ему помощь.

Разумеется, они взаимодействуют с правоохранительными органами, которых они обязаны предупреждать в случаях, если располагают сведениями о неправомерном поведении поднадзорных.

Таким образом, стоит отметить, что в рамках изучения опыта зарубежных стран особо актуален для России опыт работы по постпенитенциарной адаптации осужденных, отбывающих длительные сроки, лишения свободы или пожизненное лишение свободы. Актуальность этого вопро-

са обуславливается тем, что в России уже есть осужденные к пожизненному лишению свободы, которые могут освободиться досрочно.

Такие изменения должны повлечь за собой снижение показателей рецидивной преступности осужденных как в период отбывания наказания в виде лишения свободы так и после его отбытия.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. — 1995. — 5 апр.
2. О мировых судьях в Российской Федерации: федер. закон от 17.12.1998. № 188-ФЗ // Российская газета. — 1998. — 22 дек.
3. Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: монография / под ред. М. Б. Костровой. — М.: Юрлитинформ, 2013.
4. Тепляшин П. В. Уголовное наказание в виде ограничения свободы: проблемы законодательной регламентации и эффективности в специальном предупреждении преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 4. — С. 51–57.
5. Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. — Томск, 1984.

Уголовное преследование: некоторые проблемы теории и практики

© *Д. Н. Щедрин*

студент 4-го курса юридического института
ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ»
Россия, г. Красноярск
E-mail: denis-shd@mail.ru

В данной статье рассматриваются вопросы уголовного преследования лиц в интернете за использование «лайков» или репостов в контексте анализа российского уголовно-процессуального законодательства и опыта противодействия экстремизму в Китае, Таиланде, Сингапуре, а также использование в социальных сетях слов-маркеров, которые могут быть рассмотрены в качестве объекта деятельности правоохранительные органы.

Ключевые слова: репост, правовое просвещение, уголовное преследование, экстремизм.

Развитие и массовое использование международной информационной сети Интернет является общемировой тенденцией развития последнего времени. И в последнее время, участились случаи, когда в отношении граждан-пользователей велось уголовное преследование в сети интернет за высказывания на личной странице в социальной сети или за репост [4]. Орган, осуществляющий надзор за «глобальной паутиной» является Бюро Специальных Технических Мероприятий. Сотрудники бюро проводят мониторинг на протяжении 10 лет и за все это время количество пользователей и материала возросло. Первой массовой кампанией уголовно-правового характера, прямо направленной против пользователей интернета, стало преследование «групп смерти». Кураторы «групп смерти» наполняли группы в социальных сетях странными символами — надписями на иврите, цифрами-кодами, картинками и видео, призывающие к суицидальным действиям [11]. Вообще, сотовая связь, мультимедиа, компьютерные технологии трансформировали межличностную и групповую коммуникацию до масштабов массовой. Это могут быть форумы, чаты, блоги, которые стали достоянием широких слоев интернет-аудитории.

Можно сказать, что в современной России традиционные СМИ утрачивают уникальность в создании информационного пространства, уступая позиции сети Интернет сообществам блогеров, живым журналам. Интернет перестает быть комментатором новости и становится создателем и транслятором, как телевидение или радио. Диссонанс между новостными сообщениями официальных СМИ и информацией, поступающей через Интернет, отчетливо указывает на грубый популизм в существующей политической системе, что увеличивает негативное отношение интернет-сообщества к власти в целом и отдельным персонам, и партиям в частности [7]. При этом большинство аккаунтов в социальных сетях следует разделить на два вида. Первый цитирует наиболее актуальные публикации из лент новостей, которые впоследствии обрастают массой комментариев равнодушных пользователей. Аккаунт второго вида представляет собой личные страниц пользователей, на которых нередко публикуются фото- и видеоматериалы, а также эмоциональные сообщения и рассуждения экстремистского характера [8].

За какие публикации в социальных сетях в отношении пользователей может вестись уголовное преследование и какую профилактику можно и нужно вести, чтобы обезопасить себя, своих родных и близких от возможного обвинения в совершении того или иного преступления, а в частности — в экстремизме?

В сентябре 2015 года общественный деятель Дмитрий С. был признан виновным в том, что распространял на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» карикатуру на лицо, замещающее высокий должностной пост федеральной государственной службы, в папаше, в которой криминалистическая комиссия усмотрела «призыв к физическому уничтожению русских». Сам пользователь отрицал какие-либо обвинения, указав, что поставил «лайк» тексту, который был описан под карикатурой. Но суд постановил признать Дмитрия С. виновным, в совершении публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности, и назначил штраф в размере ста пятидесяти тысяч рублей. Более того, решением суда Дмитрий С. освобожден от наказания путем присоединения к делу акта об амнистии в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. В апреле 2016 года адвокат Дмитрия обратился в Европейский суд по правам человека, так как Дмитрий С. считает, что в процессе уголовного преследования были нарушены его право на справедливое судебное разбирательство, и свобода выражения мнения. В 2016 году он уехал жить в Литву [13].

С учетом складывающейся политической обстановки в международных отношениях, в частности на фоне раздора между Россией и Украиной, в социальных сетях началась информационная война. Были созданы группы в социальных сетях с призывами, побуждающие к межнациональной розни. Так, в Екатеринбурге местный суд признал мать-одиночку виновной в возбуждении межнациональной ненависти и вражды. Екатерину В. осудили по статье 282 УК РФ за репосты в социальной сети «ВКонтакте» нескольких записей сообществ «Украинской народной самообороны» и организации, которая запрещена в России — «Правый сектор». Сама Екатерина в суде объяснила, что выступала против вовлечения российских военных в вооруженный конфликт на востоке Украины, а также надеялась поспособствовать сближению славянских национальностей. Данное дело получило большой резонанс, в итоге на вынесение приговора прибыли французские и немецкие дипломаты. Екатерина была приговорена к 320 часам обязательных работ. Более того, в качестве дополнительного наказания суд постановил у подсудимой изъять и уничтожить ноутбук, компьютерную мышь и зарядное устройство [4].

Для многих религия является смыслом жизни и любое высказывание, для религиозного человека, будет оскорбительным. К примеру, двадцатиоднолетний житель Бердска Новосибирской области Максим К. был признан виновным по части 1 статьи 282 УК РФ, устанавливающей ответственность за разжигание ненависти по религиозному признаку. В качестве санкции был приговорен к году и трём месяцам колонии-поселения за репост и резкое высказывание в адрес православных. По данным следствия, в январе 2016 года Максим посредством репоста из сообщества в «ВКонтакте» разместил на своей странице фото купающихся граждан в проруби и нелестно прокомментировал действия этих граждан. Данную запись увидел православный общественный деятель Юрий Задоя, который обратился с жалобой в Следственный комитет на комментарий. Религия всегда была острым вопросом, поэтому высказывания на эту тему лучше выразить в более нейтральном ключе.

Нехватка интернет-грамотности является еще одной опасностью. В марте 2016 года от неосторожных репостов пострадал 64-летний пенсионер. Николая Е., который работал охранником на асфальтобетонном заводе, обвинили в экстремизме за репост в «ВКонтакте» материала Бориса Стомахина, пост которого был ранее признан экстремистским по содержанию. Адвокат обвиняемого сообщил, что его подопечный «не размещал никаких публикаций у себя на странице, а доступ к его аккаунту в силу небольших его познаний специфики Интернета имеет неограниченное количество людей». Необходимо внимательно относиться к безопасности своих аккаунтов в социальных сетях и не позволять другим публиковать любой материал от своего имени [3].

Весьма резонансное дело с привлечением к ответственности за фотоматериал Великой Отечественной войны, Второй Мировой войны со свастикой произошло с Полиной П., журналисткой города Смоленск. В январе 2015 года девушка выложила на странице в социальной сети «ВКонтакте» фотографию своего дома времён нацистской оккупации. Сотрудников, осуществляющих уголовное преследование заинтересовало изображение флага Третьего рейха, которое было видно на документальном снимке. В конечном счёте Полину оштрафовали на тысячу рублей за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики закон о наказании за реабили-

тацию нацизма был принят в России осенью 2014 года. Однако, позже Роскомнадзор уточнил, что изображения свастики без целей пропаганды допустимы [12].

Анализируя происходящую практику уголовного преследования необходимо уточнить: является ли репост выражением своего мнения или можно считать это как распространение чужой информации? В российском законодательстве нигде не закреплено такого понятия, как репост. Поэтому любой случай так называемого репост материалов в социальной сети можно квалифицировать как высказывание самого владельца аккаунта или одобрение скопированной записи. Мы предлагаем ввести понятие репоста в действующее законодательство, в частности в Федеральный закон об «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», с такой формулировкой: «репост — это акт копирования информации, который размещен не только в социальных сетях, но и в иных ресурсах, при этом не меняя её содержания и оставляя ссылку на исходный сайт, в котором автор отобразил свою информацию». Включив данное понятие, мы сможем снять с себя ответственность. А именно: через несколько часов этот материал может содержать совершенно иную информацию. Тем самым мы себя обезопасим от того, что этот текст принадлежит нам.

Помимо отсутствия чётко выстроенной нормативно-правовой базы противодействия экстремизму в информационном пространстве также имеются проблемные вопросы относительно технического плана: А) идентификация лица как автора или издателя экстремистского или террористического материала, а не просто как владельца средства вычислительной техники, посредством которого в сети был размещен материал; Б) установление лица, разместившего в сети экстремистский или террористический материал. Современные технологии беспроводного доступа в сеть, например, Wi-Fi, имеющиеся в свободной продаже сетевые платы с динамическим IP-адресом фактически исключают обнаружение такого лица.

Более того, сейчас пользователи социальных сетей активно используют VPN (Virtual Private Network) подключение, которое затрудняет идентификацию лица, как автора. Осуществляя такое соединение VPN происходит изменение, шифрование в результате пользователи могут обойти настройки и правила провайдера.

Таким образом, учитывая вышесказанное мы считаем, что российское законодательство за действия в интернете, предусматривающая ответственность, сформулировано нечетко, и под него могут подпадать тысячи граждан. Необходимо предусмотреть разделение на оригинальные и процитированные сообщения и, соответственно, предусмотреть разные формы ответственности для каждого из сообщения.

Экстремизм в социальных сетях за достаточно короткий отрезок времени превратился в серьезную проблему как для Российской Федерации, так и для зарубежных стран. И если в прошлом веке существовали отдельные регионы, в которых угроза терроризма и экстремизма была повышенной, например, Ближний Восток, то теперь такое явление, как экстремизм, затронуло практически все страны [14].

Социальные СМИ, Facebook, Twitter, MySpace и Telegram наиболее популярны и чаще всего используемые группами экстремистов сайты. Веб-страницы, создаваемые на этих ресурсах, помогают экстремистам завладеть большой аудиторией и распространять свои взгляды и идеи. Так, в Китае такие социальные сети страны WeChat, Weibo и Baidu Tieba. Их подозревают в нарушении законов об информационной безопасности, ибо эти интернет-площадки используют для распространения материалов, связанных с терроризмом и экстремизмом, слухов и непристойностей. Данные социальные сети активно используются гражданами Китая. Вообще, в Китайской Народной Республике не составляет труда отследить авторов сообщений по их зарегистрированным телефонным номерам. Отсюда большинство пользователей прекрасно знают, обсуждения каких тем лучше избегать и какие свои взгляды, в частности не только политические, лучше держать при себе.

Однако, несмотря на жесткий надзор и цензуру, в интернете время от времени появляются материалы с экстремистским содержанием и в преддверии осеннего съезда правящей Коммунистической партии китайские власти еще больше усиливают контроль в онлайн-среде.

Власти Китая жестко контролируют интернет, периодически блокируя контент и поисковые запросы или попросту удаляя сообщения на неприятные темы. Также они блокируют социальные сети, которые популярны в Европе, Америке и других континентах земли, к примеру: фейсбук, твиттер и инстаграм. Заблокирован доступ к поисковой системе гугл. Более того, ограничена возможность использования многих других иностранных СМИ [15].

В большинстве государств мира власти избегают тотальных запретов на пользование социальными сетями, однако находят способы регулировать их содержимое. Так, в Таиланде приговоры суда выносятся за репосты сообщений, содержащих экстремистские высказывания, в том числе караемое в этой стране «оскорбление величия» [16].

Отдельно хотелось бы рассмотреть практику противодействия экстремизму, в том числе и в социальных сетях в странах азиатско-тихоокеанского региона на примере Сингапура. При регламентации ответственности за преступления, совершенные по мотиву расовой или религиозной ненависти, законодатель опирается на так называемый принцип ужесточения наказания. В разделе 74 (1) Уголовного кодекса Сингапура указано, если лицо виновно в совершении преступления, которое отягчено расовым или религиозным мотивом, суд имеет право вынести обвиняемому приговор, в 1,5 раза строже приговора, назначаемого за базовое преступление. Следует отметить, что назначение более строгого наказания лицу, виновному в преступлении экстремистского характера, является не обязанностью суда, а его правом. Важной особенностью законодательства Сингапура служит положение, согласно которому министр внутренних дел может выносить запретительный приказ в отношении любого священника, монаха, пастора, имама или любого другого лица, которое состоит в управлении любой религиозной группы или организации, или в отношении ее членов, если у министра имеются основания полагать, что это лицо совершило любое из следующих действий или покушается на его совершение:

- а) вызывает чувство вражды, ненависти, неприязни или враждебности между различными религиозными группами;
- б) осуществляет деятельность в целях содействия политическому делу или делу какой-либо партии под видом пропаганды или практики любого религиозного убеждения;
- в) осуществляет подрывную деятельность под видом пропаганды или практики любого религиозного убеждения;
- г) возбуждает недовольство против президента и правительства под видом пропаганды или практики любого религиозного убеждения.

Также следует упомянуть, что на территории Сингапура запрещена деятельность таких религиозных организаций, как «Церковь объединения» и «Свидетели Иеговы», не допускается использование письменных материалов, опубликованных международной ассоциацией «Исследователей Библии» и трактатов общества, как изданий «Свидетелей Иеговы». На основании этого можно констатировать, что в Сингапуре имеется довольно развитая система норм законодательства, направленных на противодействие различным формам проявлений экстремизма [17]. Необходимо подчеркнуть, что рассматриваемое законодательство отличается достаточной суровостью, а некоторые подходы в регламентации ответственности за преступления экстремистского характера могут представлять определенный интерес для России.

Анализируя зарубежный опыт, мы приходим к выводу о том, что исходя из современного состояния и уровня распространения данных преступлений эффективно противодействовать проявлениям экстремизма возможно только совместными усилиями всех государств мира в рамках международного сотрудничества и путем формирования единых подходов к пониманию этого явления.

Для того чтобы минимизировать риск привлечения к уголовной ответственности за экстремизм в социальных сетях необходимо в рамках правового просвещения распространять памятки с указанием слов-маркеров, которые могут заинтересовать правоохранительные органы.

Проблематику правового просвещения и правового информирования в уголовном процессе и криминалистике поднимает профессор Ю. П. Гармаев [1], который отмечает, во-первых, их важность как для общества, так и для государства, во-вторых, констатирует отсутствие как теоретических разработок монографического характера, так и комплексных прикладных просветительских разработок, а в-третьих, что этому вопросу, как правило, не уделяют должного внимания и учебные дисциплины юридического профиля. Тем не менее, именно через данное направление (правовое информирование, правовое просвещение) и происходит сближение теории и практики, на что, по итогу, и нацелена криминалистика. Кроме того, это соответствует и государственной политике России в сфере развития правовой грамотности, одним из направлений которых названы именно и правовое просвещение, и правовое информирование [12, ст. 15], а также это соответствует и цели государственной политики России в сфере развития правовой грамотности, к которым отнесены [12, ст. 14]:

- 1) формировать устойчивое уважение к закону в обществе и преодолевать правовой нигилизм населения;
- 2) повышать у граждан уровень правовой культуры, в том числе их юридическую грамотность и правовую осведомленность;
- 3) создать совокупность стимулов, побуждающих граждан к законопослушанию, и сделать это основной моделью социального поведения в обществе;
- 4) внедрять в общественное сознание граждан идеи о добросовестности исполнения ими своих обязанностей и о соблюдении ими правовых норм и предписаний.

Более того, по мнению С. М. Трашковой, [2] профилактику преступлений следует рассматривать и как часть криминалистики, и как одну из ее задач, что позволяет говорить уже непосредственно о криминалистическом просвещении. Тем самым данная терминология будет ориентировать на соблюдение границ предмета криминалистики, что, безусловно, важно, ибо, как отмечается в литературе, применительно к криминалистической профилактике «...разработка средств, приемов и методов профилактического характера всегда была предметом научного поиска в криминалистике. Однако в разные периоды задачи криминалистики в области профилактики либо слишком расширялись (за счет решения задач процессуально-надзорного и массово-разъяснительного характера), либо значительно сужались и сводились лишь к разработке и применению средств технической защиты документов, ценных бумаг и различных запорных устройств... Доминирует же в криминалистике мнение о том, что следственная и экспертно-криминалистическая профилактика является предметом и видом криминалистической деятельности и что чрезмерное расширение, а равно и сужение ее предмета одинаково неприемлемы для криминалистики, ибо не соответствуют ее служебной роли». Безусловно, в рамках криминалистического просвещения без предупреждения как одного из обязательных элементов общей задачи криминалистики не будет достигаться ее социальное предназначение прикладной науки по борьбе с преступностью.

В конце хотелось бы сказать о том, что информационный экстремизм в социальных сетях представляется как многоуровневое понятие, объединяющее манипуляцию сознанием масс, разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, распространение искусственно созданных слухов, осуществляемые в бескрайнем пространстве Интернета, что, вполне может рассматриваться как реальная угроза не только стабильному существованию социума в коммуникационной системе, а также информационной безопасности России в целом.

Литература

1. Гармаев Ю. П. Правовое просвещение и правовое информирование в уголовном процессе и криминалистике [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.iaaj.net/node/1768>.
2. Трашкова С. М. Некоторые вопросы понимания криминалистической профилактики на современном этапе [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34872397>.
3. Ответственность за репост и публикацию в социальных сетях интернет и что под запретом [Электронный ресурс]. — URL: <http://advokatorium.com/index.php/ru/news> — Загл. с экрана.
4. Россиянку осудили за репосты украинских организаций “ВКонтакте” [Электронный ресурс]. — URL: https://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160220_russia-vk_repost_court — Загл. с экрана.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // СЗ РФ. 2001. — № 52. — Ст. 4921.
6. Абдрахманов Р. С. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. — 2003. — № 3. — С. 21–22.
7. Мельников В. Ю. О совершенствовании норм УПК РФ, связанных с задержанием подозреваемого // Журнал российского права. — 2003. — № 12. — С. 59–69.
8. Воронович Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. [Электронный ресурс]. — URL: vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/78315
9. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А., Новиков Д. В. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе. — Симферополь, 2016.
10. Переписка ценою в жизнь [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2017/09/11/kuratorami-gruppsmert-okazalis-podrostki.html>
11. Указ Президента РФ от 28.04.2011 № Пр-1168 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» // Российская газета. — 2011. — № 151.
12. Журналистка из Смоленска предстанет перед судом из-за фото в «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/news/2015/03/02/petrusevaphoto>

13. Активист «Открытой России» оштрафован за репосты фото Милонова [Электронный ресурс]. — URL: <https://meduza.io/news/2016/11/16/aktivist-otkrytoy-rossii-oshtrafovan-za-repost-foto-milonova>.
14. Нурлыбаева Г. К. Молодежный экстремизм и особенности противодействия ему со стороны полицейских служб Великобритании // Российский следователь. — 2011. — № 10.
15. Активист «Открытой России» оштрафован за репосты фото Милонова [Электронный ресурс]. — URL : <https://www.bbc.com/russian/news-40898988>.
16. Уголовный кодекс Таиланда ст. 112, 113 [Электронный ресурс]. — URL crimpravo.ru/codecs/thai/2.doc.
17. Бешукова З. М. Противодействие экстремизму в странах азиатско-тихоокеанского региона: правовой опыт Сингапура // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 5.
18. Гармаев Ю. П., Попова Е. И. Организация антикриминального и антитеррористического просвещения в Крымском федеральном округе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 270–279.

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

Особенности применения полиграфа в уголовном процессе России и США

© *Е. Э. Балданова, И. В. Буторин, В. И. Калашникова*
студенты 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: katyaha99@mail.ru, kvikai@mail.ru, Gazgolder122@gmail.com

В настоящей статье на основе анализа законодательства и правоприменительной практики раскрываются особенности использования полиграфа (детектора лжи) в уголовном процессе России и США. Отмечается, что в настоящее время в отечественной уголовно-процессуальной доктрине и судебной следственной практике нет единства во мнениях относительно допустимости использования результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в качестве доказательств по уголовному делу. Подчеркивается, что у полиграфа есть как сторонники, так и противники. Обращается внимание, на то, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство, весьма неоднозначно: оно допускает применение полиграфа в ходе предварительного расследования, но при этом не конкретизирует правила его применения. В свою очередь в США допускается приобщение результатов, полученных с использованием полиграфа в качестве доказательств по уголовному делу. В заключении, авторы отмечают, что дальнейшее совершенствование законодательного механизма и методики проведения исследования при помощи полиграфа может способствовать достижению истины в уголовном процессе.

Ключевые слова: доказывание в уголовном процессе, полиграф, детектор лжи, психофизиологическое исследование, специалист-полиграфолог.

Полиграф — это техническое устройство, пассивный регистратор процессов, происходящих в организме человека, медико-биологический прибор, предназначенный для регистрации нескольких параллельно протекающих психофизиологических процессов [5, с. 82]. На сегодняшний день психофизиологические исследования с использованием полиграфа активно проводятся как в России, так и в ряде зарубежных стран.

В этом отношении признанным лидером являются США, поскольку в этой стране ежегодно проводится более миллиона проверок с использованием полиграфа, то есть больше, чем во всех остальных странах мира. Кроме того, именно здесь были разработаны модели полиграфов, которые стали основой современного оборудования, а большинство специалистов-полиграфологов из разных стран мира проходили подготовку именно в США [9, с. 183].

Представляется важным отметить, что правовая основа применения полиграфа в разных штатах существенно отличается: в одних возможность применения полиграфа полностью исключается, в других — результаты исследований, полученных с помощью полиграфа, могут использоваться в суде в качестве доказательств (например, в штатах Калифорния, Техас, Пенсильвания) [2, с. 55].

После многих лет применения полиграфа в различных областях в США в 1988 году был принят «Закон о защите служащих от полиграфа», который детально регламентировал методику проведения подобных исследований, как в государственной, так и в коммерческой сферах [9, с. 183].

Этот закон установил ряд правовых гарантий, обеспечивающих защиту граждан США от неоправданно излишнего использования полиграфа работодателем, что затрагивало конституционные права. Также в соответствии с требованиями данного закона были разработаны правила (стандарты) проведения полиграфического тестирования для федеральных служащих, изложенные в разделе 801 Титула 29 «Труд» Приложение к Закону о защите служащего от полиграфа», которые детализируют процедуру, порядок тестирования и использования результатов [10, с. 196].

Что же касается России, то в данный момент, в нашей стране отсутствует нормативно-правовой акт, регламентирующий порядок применения полиграфа.

При этом следует отметить, что 24 декабря 2010 г. в Государственную Думу был внесен Проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа», который предусматривал

ряд значимых положений о применении тестирования с использованием полиграфного оборудования, в том числе: обязательность прохождения исследований сотрудниками правоохранительных органов; определен порядок подготовки специалистов-полиграфологов; установлен порядок прохождения исследований, права и обязанности опрашиваемого лица и прочее. Законопроект также предусматривал добровольность прохождения тестирования [9, с. 183]. Депутаты Комитета по безопасности и противодействию коррупции решили вернуть данный законопроект субъектам законодательной инициативы для доработки его текста [4].

Говоря о применении полиграфа в правоохранительной деятельности, следует отметить, что его использование закреплено в ст. 6 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ: «При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: 1. Опрос...» К процедуре опроса граждан можно отнести полиграф, хотя фактически в законе это не прописано, тем не менее, если толковать буквально, такой вариант возможен. Так же указывается, что опрос имеет добровольный характер. Указанное, свидетельствует о том, что применение полиграфа при опросе, допускается только с согласия опрашиваемого лица [7].

В США процедура исследования с использованием полиграфа также носит добровольный характер. Перед проведением проверки на полиграфе, тестируемое лицо, подписывает письменное согласие на данную процедуру. Кроме того, ему разъясняются следующие права: хранить молчание, в любой момент остановить ход исследования, право адвоката присутствовать во время проверки на полиграфе, право воспользоваться помощью адвоката на любом этапе испытания на полиграфе [2, с. 55].

Следует отметить, что и в США, и в России допускается отказ тестируемого лица от проведения исследования с использованием полиграфа. Опрос проводится исключительно с письменного разрешения тестируемого, который вправе прервать проверку после любого вопроса. Однако, отказ лица от прохождения проверки на полиграфе, может быть воспринято, как свидетельство того, что тестируемое лицо пытается что-то скрыть [7].

На сегодняшний день в отечественной уголовно-процессуальной доктрине и судебной следственной практике — нет единства во мнениях относительно допустимости использования результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в качестве доказательств по уголовному делу.

У проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа и последующего использования их результатов в качестве доказательств по уголовным делам есть как сторонники, так и противники.

Главным аргументом сторонников использования результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам является предположение о существовании некоего психофизиологического феномена. Оно заключается в том, что слово, фотография или какой-то предмет (так называемые раздражители или стимулы), связанные с событием, имеющим значение для лица, запечатленным в его памяти, неизбежно вызывают физиологические реакции, которые превышают реакции, вызванные предъявлением информации, не связанной с событием и, соответственно, не отраженной в памяти [3].

В свою очередь противники использования результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам выдвигают другие аргументы. Например, сам факт использования полиграфа расценивается ими как вторжение в компетенцию уполномоченных субъектов, которые призваны устанавливать истину по делу. Как критически замечает В. М. Бозров, использование полиграфа в доказывании означает перевод правосудия из социального явления в техническое с ликвидацией всего современного уголовного судопроизводства, поскольку достаточно будет заслушать обвиняемого и потерпевшего, с помощью полиграфа определить, кто из них говорит правду, и принять решение по существу [1, с. 199].

Примечательно, что некоторые судьи склонны рассматривать психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа как подмену судебной оценки доказательств. По их убеждению, полученные с помощью полиграфа сведения не являются доказательствами, поскольку реакции лица на раздражители позволяют оценить всего лишь наличие или отсутствие в его памяти того или иного события и прийти к выводу о достоверности (или недостоверности) сообщенной лицом информации. При этом полиграф не позволяет получить сведения, имеющие значение для дела. Заключение полиграфолога не может быть тождественным заключению эксперта.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации заключается в том, что данный вид экспертизы является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям статьи 74 УПК РФ. «Данные использования полиграфа при проверке достоверности показаний подсудимых не являются доказательством. Подсудимые непосредственно были допрошены в судебном заседании, и оценка их показаний относится к компетенции присяжных заседателей, а не эксперта» [6].

Говоря о допустимости использования результатов исследования с применением полиграфа в качестве доказательств в уголовном процессе США, следует отметить, что здесь применяется «правило Дауберта», согласно которому, только судья решает принимать заключение полиграфолога как доказательство или нет. Это решается в отдельном судебном заседании, в котором изучается правильность применения метода и его обоснованность [8, с. 71].

Здесь выявляется проблема полиграфических исследований: существует множество методов проведения испытания, но нет официального, «идеального», который не ставил бы под вопрос обоснованность применения данного метода.

В начале XXI века полиграф был подвергнут критике в США. Высказывались негативные замечания, сомнения в непогрешимости и эффективности результатов тестирования. Психолог Леонард Сейкс заметил: «Из-за природы обмана нет хорошего способа обосновать тест для судебного разбирательства о преступном поведении. Нет универсального средства против обмана» [11]. Также сложно проверить правдивость результатов исследования, что создает благоприятные условия для их подлога.

Можно заметить, что полиграф на современном этапе всё же не является панацеей доказывания. Порой оборудование совершает ошибки, множество методик проведения исследования, которые зачастую значительно отличаются друг от друга. Сведения, полученные в ходе исследования с использованием полиграфа, не являются официальным источником доказательств ни в России, ни в США (хотя в США есть возможность применения их в качестве таковых). Многие ученые придерживаются мнения, что полиграф не может быть достоверным источником, который точно может определить, где правда, а где ложь. Но мы считаем, что дальнейшее изучение особенностей человеческого организма, совершенствование оборудования, методик, углубление знаний в этих областях смогут способствовать созданию универсального оборудования, которое в большей степени сможет помочь достичь истины.

Литература

1. Бозров В. М. «Лай-детектор» и правовое заключение ученых в уголовном процессе: реальность и перспективы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 6(11). — С. 197–202.
2. Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. — Москва: Мир безопасности, 2000. — 160 с.
3. Васюков И. Г. Использование заключения психофизиологической «экспертизы» в качестве доказательства в уголовном процессе [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravorub.ru/articles/31867.html> (дата обращения: 27.06.18).
4. Госдума вернула проект закона о «детекторе лжи» на доработку [Электронный ресурс]. — 9 февраля 2012. — Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/68454/> (дата обращения: 27.06.18).
5. Иванова А. А. Об использовании полиграфа в антикриминальной практике // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 4(36). — С. 78–84.
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2012 г. № 41-О12-57 СП [Электронный ресурс]. — URL: http://www.vsrfg.ru/stor_pdf.php?id=503746 (дата обращения: 27.06.18).
7. Ключникова Р. Законность применения полиграфа [Электронный ресурс]. — URL: <https://psymod.ru/detektor-lzhi/332-primeneniye-poligrafa> (дата обращения: 27.06.18).
8. Миرونюк О. В. Применение полиграфа в уголовном процессе // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства: материалы VI Междунар. науч. конф. студентов и магистрантов (Симферополь, 15 декабря 2017 г.). — Симферополь, 2017. — С. 70–71.
9. Ушаков А. Ю., Беркович О. Е. Основные тенденции применения полиграфа при расследовании преступлений в России и за рубежом на современном этапе // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1(29) — С. 183–186.
10. Филиппов В. В. Использование психофизиологических исследований для предупреждения коррупции в органах власти США и возможности применения американского опыта в России // Власть и управление на востоке России. — 2011. — С. 194–201.
11. The polygraph in doubt [Электронный ресурс]: — URL: <http://www.apa.org/monitor/julaug04/polygraph.aspx> (дата обращения: 27.06.18).

Контроль и запись телефонных переговоров в уголовном процессе РФ и США: правовая регламентация и особенности производства

© А. Н. Бахаев, А. А. Шатаева

студенты 2-го курса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: bakhaev.andreyka@mail.ru

E-mail: ashataeva98@mail.ru

В данной статье рассматривается правовая регламентация и особенности производства такого следственного действия, как контроль и запись телефонных переговоров в США и РФ. Также были выявлены сходства и различия по основным понятиям, касающихся контроля и записи телефонных переговоров; основаниям производства; срокам и сохранению конфиденциальности от посторонних лиц.

Ключевые слова: контроль и запись телефонных переговоров, устные сообщения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Закон США «О борьбе с преступностью и безопасностью на улицах».

XXI век — век высоких информационных технологий. На сегодняшний день общество стремительно развивается, а вместе с ним телекоммуникационная инфраструктура. Люди в современном мире в основном используют для общения мобильную связь, различные месенджеры («WhatsApp», «Viber» и т.д.), «Skype» и т.п. Этими же средствами коммуникации пользуются не только добросовестные и порядочные граждане, но и преступники в целях связи для совершения преступления.

Несмотря на высокий уровень демократизации общества, преступность заставляет использовать правоохранительные органы такие методы борьбы с ней, которые нарушают конституционные права граждан. Статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право на: «тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» [1, с. 23].

В свою очередь, в IV Поправке к Конституции Соединенных Штатов Америки сказано, что право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту» [2, с. 41]. Соответственно, законодательство обеих стран строго охраняет данные права в области коммуникации.

Также в статье 23 Конституции РФ сказано, что ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. В свою очередь, в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предусмотрена статья «Контроль и запись переговоров», определяемая как следственное действие при предварительном расследовании. Данное понятие означает: «прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм» [3]. В статье говорится о том, что при наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, их контроль и запись допускаются при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях на основании судебного решения [4, с. 131].

В свою очередь, в законе США «О борьбе с преступностью и безопасности на улицах» содержатся такие понятия, как телефонная связь и устное сообщение. «Телефонная связь» означает любое сообщение, совершенное полностью или частично посредством использования средств для передачи сообщений с помощью провода, кабеля или другого аналогичного соединения между точкой отсчета и точкой приема, предоставляемой или эксплуатируемой любым лицом, являющееся общим перевозчиком при предоставлении или эксплуатации таких объектов для передачи межгосударственных или иностранных сообщений. «Устное сообщение» означает любое устное сообщение, произнесенное лицом, которое ожидает, что такое сообщение не подлежит перехвату в обстоятельствах, оправдывающих такое ожидание. Под «перехватом» понимается слуховое приобретение содержимого любого телефонного разговора или устного сообщения посредством использования любого электронного, механического или другого устройства [5].

Также в законе говорится о том, что для защиты частной жизни невинных людей прослушивание телефонных и иных разговоров, когда ни одна из сторон сообщения не согласилась на пе-

рехват, должна допускаться только при разрешении судом компетентной юрисдикции и должна оставаться под контролем и надзором суда. Перехват телефонных и иных разговоров должен ограничиваться некоторыми основными видами преступлений и конкретными категориями преступлений с заверениями в том, что перехват оправдан и что полученная информация не будет использована неправильно [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательство РФ дает определение понятию «контроль телефонных и иных переговоров», в свою очередь закон США не дает определение данному понятию, но закрепляет в себе такие ключевые понятия, как «телефонная связь», «устное сообщение», «перехват». Также законодательства предполагают использование данного процессуального действия только с разрешения суда, что говорит о высоком уровне демократии в этих странах.

Одним из этапов производства данного следственного действия является ходатайство следователя о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров. В нем указываются:

1. Уголовное дело, при производстве которого необходимо применение данной меры;
2. Основания, по которым производится данное следственное действие;
3. Фамилия, имя и отчество лица, чьи телефонные и иные переговоры подлежат контролю и записи;
4. Срок осуществления контроля и записи;
5. Наименование органа, которому поручается техническое осуществление контроля и записи [3].

В свою очередь, законодательство США предусматривает два пути использования такой процедуры, как контроль и запись телефонных переговоров. Первый путь предполагает наличие ордера, который выдается строго определенным кругом судей, только на основании полицейских обращений, подписанных высшими должностными лицами атторнейской службы. Ходатайство о разрешении прослушивания представляется письменно и под присягой и содержит в себе следующие 7 пунктов:

1. Детали расследуемого преступления;
2. Описание лиц, возможно участвующих в преступлении, чьи разговоры планируется контролировать;
3. Наиболее точное описание местонахождения и характера средства связи, подлежащего прослушиванию;
4. В какие сроки планируется осуществляться данная процедура;
5. Цели расследования;
6. Заявление, которое содержит в себе информацию о том, какие процессуальные методы были осуществлены и их результаты;
7. Идентификация любых других ходатайств о прослушивании, касающихся того же самого лица, средств связи или места, независимо от того, были эти ходатайства удовлетворены или нет.

При этом суд перед тем, как выдать ордер должен убедиться в том, что альтернативные процессуальные действия, которые не нарушают конституционных прав и свобод человека, были использованы, но не достигли желаемых результатов или попытка их использования является опасной для жизни и здоровья [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в американском уголовно-процессуальном законодательстве производство контроля и записи телефонных переговоров в США более детально регулирует данное следственное действие, нежели законодательство России, так как из закона можно сделать вывод, что к перехвату сообщений следователи прибегают лишь в крайних случаях.

Что касается сроков, то в законе США «О борьбе с преступностью и безопасности на улицах» действие ордера, выданного судом, данный срок составляет до 30 суток с правом продления еще на 30 суток [5].

В УПК РФ производство контроля и записи телефонных и иных переговоров может быть установлено на срок до 6 месяцев и прекращается по постановлению следователя, если необходимость в данной мере отпадает, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу [3].

Таким образом, срок производства в РФ намного рациональнее и эффективнее, так как за 6 месяцев можно получить больше необходимой информации, чем за 30 суток.

В законодательстве обеих стран предусмотрен пункт, в котором уделяется внимание о неразглашении информации, полученной в результате производства контроля и записи телефонных переговоров (В США — § 2517. «Разрешение на раскрытие и использование перехваченных телефонных разговоров или устных сообщений»; В РФ — ч. 8 ст. 186 УПК РФ).

Так, в российском законодательстве закреплено, что фонограмма используется как вещественное доказательство хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания [3].

В свою очередь, в законодательстве США данный пункт регламентирован строже, так как помимо лиц, не относящихся к делу, любой сотрудник следственного или правоохранительного органа, который получил информацию о содержании любого телефонного или устного сообщения или доказательств, полученных от него, может раскрыть такое содержание другому следователю или сотруднику правоохранительных органов в соответствии с надлежащим исполнением служебных обязанностей должностного лица, производящего раскрытие.

В связи с этим, можно сказать, что законодательство США намного строже подходит к вопросу охраны прав конституционных прав, свобод и законных интересов своих граждан. В свою очередь Российская Федерация также создает все необходимые условия для сохранности данных от посторонних лиц.

Также в законе США «О борьбе с преступностью и безопасности на улицах» закрепляются положения, содержащие в себе подробную информацию о проведении такого процессуального действия, как контроль и запись телефонных переговоров (§ 2518. «Процедура перехвата телефонных переговоров или устных сообщений»), а также положения, которые определяют порядок восстановления гражданских прав (§ 2520. «Восстановление гражданских прав»), которые, к сожалению, не прописаны в уголовно-процессуальном кодексе РФ и иных законах [5].

На данный момент мы понимаем насколько это процессуальное действие значительнее других, так как лицо, на которое направлен контроль и запись телефонных и иных переговоров даже не догадывается об этом. И эта опасность не мнима. Например, Эдвард Сноуден в 2013 году открыл всему миру, что Агентство национальной безопасности Соединенных Штатов Америки проводит радиоэлектронную разведку, посредством слежения через электронные гаджеты, как утверждает правительство Америки, с целью обеспечения информационной безопасности США. И сейчас, в 2018 году уже не секрет, что почти все передовые страны используют программы компьютерного слежения и радиоэлектронной разведки. В том числе и Российская Федерация. В 2016 году был принят так называемый закон (пакет) Яровой, который лишил личного пространства всех пользователей сети «Интернет», так как он расширил полномочия правоохранительных органов (Федеральной службы безопасности) в области сбора информации. Также мы видим, как государству важно контролировать нашу деятельность в сети «Интернет», так как совсем недавно на наших глазах происходила настоящая битва «Роскомнадзора» с мессенджером «Telegram» по причине того, что данное приложение не предоставляло ключи шифрования.

Таким образом, при проведении сравнительно-правового анализа проведения контроля и записи телефонных переговоров можно сделать вывод о том, что американское уголовно-процессуальное законодательство всеобъемлюще и подробно регламентирует это следственное действие. Поэтому мы предлагаем внести дополнения касательно самой процедуры следственного действия в уголовно-процессуальное законодательство России. По нашему мнению, следует принять отдельный Федеральный закон, который будет более детально регламентировать отдельные вопросы, касающиеся контроля и записи телефонных переговоров. Также правительство должно помнить, что вмешательство в частную жизнь граждан должно оправдываться созданием улучшенной охраны их прав, свобод и законных интересов, а не ущемлять их.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.
2. Конституция Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс]. — URL: <http://brightonbeachnews.com> (дата обращения: 13.06.2018).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // СЗ РФ. 2001. — № 52. — Ст. 4921.
4. Смолькова И. В. Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие / И. В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — С. 128–137.

5. Omnibus crime control and safe streets Act of 1968 — Комплексный закон о борьбе с преступностью и безопасности на улицах 1968 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://transition.fcc.gov> (дата обращения: 13.06.2018).

Соглашение о сотрудничестве с обвинением в странах АТР (компаративный анализ)

© *Л. В. Бертовский*

профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Юридического института
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Россия, г. Москва
E-mail: bertovskiy_lv@pfur.ru

В статье анализируется практика применения института соглашения о сотрудничестве в странах Азиатско-тихоокеанского региона, в первую очередь на примере России и США. Выявлены негативные тенденции в правоприменительной практике применения норм исследуемого института. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации. Статья может быть интересна. Рекомендуется научным работникам, сотрудникам органов дознания, предварительного расследования, студентам юридических учебных заведений.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, соглашений о признании вины, сделки с правосудием, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, уголовно-процессуальное законодательство, прокуратура, права человека.

Определяя сущность соглашения о сотрудничестве, профессор А. С. Шаталов отмечает, что соглашение с обвинением сейчас сильно распространено во многих странах мира. Существуют два типа соглашений, которые больше других влияют на формирование российского досудебного соглашения о сотрудничестве. Самый используемый вид соглашения — это договор с прокуратурой, в соответствии с которым прокурор снижает квалификацию преступления на менее тяжкое взамен на признание им своей вины. Другим типом сделки с правосудием является договор, в соответствии с которым лицо получает прокурорский иммунитет в обмен на показания против сообщников. В США эту сделку с правосудием принято называть превращением в свидетеля обвинения.

Из странах Азиатско-Тихоокеанского региона только в Северной Америке сделка с правосудием получила наиболее широкое распространение, в азиатской части идет активная работа по формированию правовой базы сходных институтов, а меньше всего развит рассматриваемый институт в Океании.

Так, в Японии сделки с правосудием не получили широкого распространения, поскольку японцы воспринимают различного рода сделки как противоречащие национальному менталитету. [24, с. 142–145]. Но в этой стране признание своей вины по делам небольшой тяжести влечет за собой вынесение решения без исследования доказательств.

В настоящее время на основной сессии Палаты представителей Парламента Японии утверждён проект закона о реформировании уголовно-процессуальной системы. Изменения предусматривают внедрение практики заключений соглашений о признании вины (сделок с правосудием), а также обязательное ведение служащими полиции и прокуратуры видео- и аудиозаписи следственных действий с подозреваемыми. Как ожидается, после рассмотрения в Палате советников этот законопроект вступит в силу уже в ходе работы нынешней парламентской сессии. Согласно законопроекту, сделки с правосудием будут допускаться главным образом при расследовании преступлений экономического характера, в том числе коррупции, а также случаев незаконного оборота стимулирующих веществ и огнестрельного оружия.

В Индии сделка с правосудием была введена в 2006 г., но возможны сделки лишь по уголовным делам, максимальное наказание за которые не превышает 7 лет лишения свободы. Эти сделки не могут быть заключены по уголовным делам о преступлениях против женщин и детей, а также о посягательствах на государственный строй.

Совсем другая картина в Соединенных штатах Америки. Уже к 1839 г. в штате Нью-Йорк (по данным американского юриста Р. Молли) суды заключили «сделки о признании» по 22% приговоров уголовных дел; к 1869 г. суды заключили сделки по 70% приговоров всех уголовных дел; в 1920 г. суды заключили сделки по 88% всех уголовных дел [28, с. 10]. По данным К. Ф. Гуценко,

в 60-х гг. прошлого столетия в США уже более 90% уголовных дел решались без проведения судебного разбирательства [2, с. 26]. Приблизительно такое же положение остается и в наше время. Без «сделки о признании вины» механизм уголовной юстиции США не смог бы справиться с потоком уголовных дел.

Ф. Истербрук, Р. Скотт и В. Штунц «сделку с правосудием» считают «куплей-продажей» прав, она обеспечивает, по их мнению, независимость и эффективность, уменьшает неясность, экономит время и деньги [12, с. 12].

Профессор права Мишель Александер (Michelle Alexander), в своей статье в *New York Times*, отмечает что всю судебную систему США можно быстро, а главное — законно, уничтожить, всего лишь применив Конституцию.

То есть, в случае заключения соглашения о сотрудничестве обвиняемому предлагается полностью признать свою вину в обмен на условный, а не реальный срок. По мнению Александер, если все американцы, попавшие в такое положение, банально воспользуются шестой поправкой — «право на суд присяжных», судебная система просто не сможет функционировать и соответственно, все ее проблемы автоматически станут повесткой дня — как для общества, так и для власти [9].

Сама сделка о признании вины, как правовой институт, получила законодательное закрепление в правиле № 11 (п. «е») Федеральных правил уголовного судопроизводства, принятых Верховным судом США, включенных в разд. 18 Свода законов США, вступивших в силу 21 марта 1946 г. Шесть пунктов этого правила детально регламентируют порядок заключения и последствия сделки о признании вины [7, с. 117–118].

Сущность англосаксонских сделок с обвинением состоит в том, что если стороны обвинения и защиты захотят отказаться от «состязания», это приводит к решению уголовного дела по существу. Если сторона обвинения откажется от уголовного преследования, то суд не вправе вынести обвинительный приговор, даже если он убежден в его полной обоснованности. В то же время если обвиняемый признает себя виновным, то суд обязан вынести обвинительный приговор и назначить наказание, убедившись в добровольности признания.

Такая трактовка положения состязательности и *guilty plea* повлекли появление «сделок о признании» (*plea bargaining*). Взаимосвязь *guilty plea* и *plea bargaining* неделима, раздельно существовать друг без друга они не могут. Признание вины связывает суд и избавляет сторону обвинения от доказывания, но если отсутствует строгий порядок проведения предварительного производства (где дело ведет следственный судья, следователь и т.п.), ничего не мешает сторонам обвинения и защиты «договориться», чтобы обвиняемый признал свою вину и подвергся уголовному наказанию взамен на некоторые преимущества, например, устранение из обвинительного акта отдельных эпизодов обвинения, более мягкую квалификацию и т.п. Так как обвиняемый связывает суд не только своим признанием вины, но и рамками предъявленного обвинения, в этом случае стороны могут обеспечить себе процессуальные и материально-правовые гарантии.

Можно привести примеры из судебной практики. В первом случае обвиняемому, который не сумел договориться с девицей легкого поведения об оплате ее услуг и был обвинен ею в изнасиловании, дали 9 лет. Присяжные так и не узнали, что потерпевшая имела 3 привода в полицию за занятие проституцией. Судья просто не имел права огласить такие сведения. Во втором случае за изнасилование сразу 2 женщин, причем благопристойных, которое сопровождалось ограблением, преступник был осужден на 5 лет тюрьмы. В этом случае все фигуранты были гражданами Камбоджи. Законы этой страны позволяют мужчине развестись с женой, если ее изнасиловали. Поэтому с ним было заключено соглашение, и в итоге он признал себя виновным лишь в ограблении [5].

Сторонники концепции, которые отрицают сделки о признании, утверждают, что сделка может привести к возможному осуждению невиновного; фактически это предоставление преступнику возможности избежать справедливого наказания, которое он заслуживает по закону и получил бы в полной мере. Все это влечет за собой ущемление прав потерпевших, которым совершенным преступлением причинен какой-либо ущерб.

Интересным примером применения сделки с обвинением является «дело Кеннета Фостера» [16], которое поставило перед исследователями и законодателями два вопроса: об этичности сделок с правосудием и об отмене смертной казни. Афроамериканец К. Фостер в 1996 г. в штате Техас был приговорен к смерти за убийство, при котором он даже не присутствовал. Это было тра-

гическое стечение обстоятельств. К. Фостер состоял в банде с Д. Стином и М. Брауном, занимавшейся вооруженными разбоями на улицах Сан-Антонио. При этом К. Фостер непосредственно активного участия в преступлениях не принимал (он сидел в машине и выполнял функции водителя). 14 августа 1996 г. М. Браун вылез из машины, собираясь ограбить одну из прохожих, но она бросилась от него бежать. Он побежал за женщиной, та побежала к своему знакомому М. Лахуда. Между М. Брауном и М. Лахуда завязалась драка, в ходе которой М. Браун застрелил М. Лахуда. По мнению стороны обвинения, остальные участники во время убийства сидели в автомобиле в 25 км от места убийства и слышали лишь хлопок. Д. Стин сразу стал сотрудничать со следствием, поэтому М. Браун и К. Фостер стали главными обвиняемыми. Прокуратура потребовала для обоих смертную казнь. В мае 1997 г. суд вынес смертный приговор М. Брауну и К. Фостеру. В 2006 г. приговор в отношении М. Брауна был исполнен, и его казнили. На тяжесть обвинения К. Фостера и признание его соучастником убийства повлияли показания Д. Стина, который утверждал, что «вполне понимал» действия М. Брауна и что между ним и М. Брауном существовал сговор об убийстве. Следствие и суд посчитали, что К. Фостер тоже знал о готовящемся убийстве.

Во многих штатах США, как и в Техасе, соучастник убийства несет равную ответственность и наказание с непосредственным убийцей.

К. Фостер неоднократно пытался обжаловать этот приговор, но безуспешно. В судебном решении говорилось, что К. Фостер не мог не знать, что в ходе вооруженных ограблений, организованных им вместе с сообщниками, может быть совершено убийство.

Казнь К. Фостера была запланирована на 30 августа 2007 г. Решение губернатора о помиловании пришло в тюрьму за 2–3 ч. до казни.

Еще одним примером заключения сделки с обвинением является дело Альфонса Фьорелло Капони. ФБР искало новые методы борьбы с мафиозными структурами в 1930 г. Тогда было трудно собрать доказательства причастности главарей организованной преступности к многочисленным убийствам. Первый раз А. Капоне был осужден в 1929 г. за незаконное ношение оружия и провел в заключении 10 месяцев. В 1930 г. он вновь был арестован и фактически был вынужден согласиться со своими адвокатами на признание вины в неуплате налогов в обмен на отказ государственного обвинителя от предъявления ему обвинения в организации убийств и других тяжких преступлениях. Но сделка была расторгнута по инициативе судьи. В ходе судебных заседаний А. Капоне так много говорил о заключении сделки, что председательствующий судья посчитал возможным расторгнуть сделку с ним. 22 октября 1931 г. присяжные заседатели приговорили его к 11 годам тюремного заключения за неуплату налогов. Это был самый известный преступник, с которым заключали сделки.

подавляющее большинство уголовных дел в Соединенных Штатах решаются сделкой о признании вины, а не в суде присяжных [17]. Количество уголовных дел, направляемых в суд в США со сделками о признании вины, выросло с 84% случаев в 1984 г. до 94% случаев в 2001 г. [21, с. 300], то есть за 15 лет рост составил 10%, что свидетельствует об успешном использовании рассматриваемого правового института.

Однако есть и негативные последствия применения рассматриваемого института. Правоведы в области уголовного судопроизводства США считают, что большинство подсудимых, заключивших сделку о признании вины, поступают невольно, что приводит в итоге к значительному росту числа невиновных. Данный факт вызывает озабоченность в обществе по поводу конституционности [12, с. 51–97] реализации института сделки о признании вины.

Такого же мнения придерживается Мартин Янт, который в своей книге пишет, что сделка о признании вины является одним из наиболее часто применяемых институтов в системе правосудия Соединенных Штатов Америки. Хотя большинство авторов учебной литературы указывают на то, что суд присяжных является краеугольным камнем американской судебной системы, но более 94 % уголовных дел не доходят до суда присяжных. Они проходят через процедуру сделок о признании вины, когда подсудимые признают себя виновными в обмен на сокращение сроков до вынесения приговора [11, с. 172].

В Соединенных Штатах наличие института сделки о признании вины, а еще более — его эффективность, — несмотря на более чем столетнюю историю применения, до настоящего времени вызывает споры. В частности, правоведами, занимающимися исследованием проблем применения сделок, в качестве недостатков отмечается их формальный характер, нежелание прокуроров и судей вникать в суть дела, стремление граждан избежать ответственности за совершение более

тяжкого преступления путем согласия с менее тяжким обвинением и снижением срока заключения. Отмечалось, к примеру, что почти по 90% дел прокуроры принимают ту квалификацию преступления, которую предлагает полиция, по более чем 83% исследованных дел отмечается отсутствие интереса у судей к реальным событиям деяния. Беспокойство исследователей вызывает и то, что в качестве традиционного недостатка респондентами-гражданами США и практикующими юристами при опросах называется несоответствие информации, представляемой сторонами, фактическим обстоятельствам происшедшего и нежеланием судей обращать на это внимание [15].

Профессор Бахадир Исламович Исмаилов, исследовавший применение сделок в зарубежных странах, считает, что сила доказательств обвинения по делу является критическим фактором в принятии решения о том, надо ли принять сделку о признании вины либо идти на судебный процесс, исследования показывают, что существует простая обратная зависимость- чем слабее доказательства по делу, тем более вероятно заключение сделки о признании вины. Самые благоприятные сделки о признании вины с наибольшей вероятностью заключаются там, где прокурорская версия по делу самая слабая, то есть ценность сделки о признании вины обратно пропорциональна вероятности обвинительного приговора [4].

Тимоти Линч (Timothy Lynch), директор проекта уголовного правосудия в институте Като (Cato Institute), заметил, что «применение «сделки с правосудием», действительно, ускоряет судебное разбирательство, но делается это «неконституционными способами» [26].

М. Кинсли в своей статье «Почему невинные люди признаются» акцентировал внимание на том, что «создав такой вариант, американская система подталкивает невинных сознаваться в том, чего они не совершали» [25].

Несколько по-иному выглядят современные подходы к «сделкам с правосудием» в России. И, наверное, это не в последнюю очередь связано с уровнем и структурой преступности.

В январе–декабре 2016 г. на территории России было зарегистрировано 2160,1 преступлений, что на 228376 преступлений больше, чем за аналогичный период предыдущего года (+9,6%).

Почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж — 871,1 тыс. (-14,5%), грабежей — 61,5 тыс. (-6,4%), разбоев — 11,4 тыс. (-16,3%).

Не раскрыто 983,4 тыс. преступлений, что на 6,1% больше аналогичного показателя 2015 г.

Конечно, хорошо, что уровень современной преступности, хоть и ненамного, но падает, однако делать такие выводы только на основании статистических данных, думается, преждевременно. И это подтверждают сотрудники отдела проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования Академии Генеральной прокуратуры РФ, которые проводили исследование латентной преступности в РФ в течение 10 лет (с 2001 г.).

За период с 2001 по 2008 г. реальная преступность непрерывно росла. По результатам изучения латентной преступности количество незарегистрированных преступлений в России составляет не менее 23 млн. В 2007 г. в РФ прокурорами было отменено 1,6 млн постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе с одновременным возбуждением уголовного дела по фактам совершения 60 532 преступлений, которые не были своевременно зарегистрированы органами внутренних дел. Приблизительно такая же ситуация сохраняется и в настоящее время. Только за период по март 2015 г. отменено 612 501 аналогичных постановлений с той лишь разницей, что теперь у прокурора нет права возбуждать уголовное дело.

Все это говорит о том, что пока прилагаемые усилия, направленные на борьбу с преступностью, не достаточны. Поэтому вполне очевидно, что для борьбы с латентной преступностью, коррупционными и экстремистскими преступлениями, терроризмом нужно более широко применять различные новые, а также уже используемые модернизированные формы и методы противодействия уголовным правонарушениям.

Перспективным с этой точки зрения выглядит институт досудебного соглашения о сотрудничестве, которой является принципиально новым в современном российском уголовно-процессуальном праве. Он появился в конце июня 2009 г., когда в УПК РФ была включена новая гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [6].

Сущность изучаемого института в РФ проявляется в тех целях, которые преследуют стороны при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, в ч. 2 ст. 317.1 УПК указываются цели заключения досудебного соглашения о сотрудничестве:

- содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления;

- изобличение и уголовное преследование других соучастников преступления;
- розыск имущества, добытого в результате преступления.

В соответствии с положениями гл. 40.1 УПК, *цели, преследуемые стороной обвинения*, можно представить следующим образом. Это:

- раскрытие ранее совершенных преступлений;
- раскрытие «латентных» преступлений, о совершении которых не было известно правоохранительным органам;
- получение доказательств, изобличающих соучастников по данному уголовному делу или лиц, которые не были привлечены к уголовной ответственности;
- установление местонахождения имущества, добытого в результате преступления и подлежащего конфискации.

Цель, преследуемая подозреваемым или обвиняемым, в законе прямо не указана, но эта цель очевидна: получение минимального наказания за совершенные преступления посредством активного сотрудничества со следствием. Лица, привлекаемые к уголовной ответственности, при осуществлении права на защиту всегда преследуют цель избежать осуждения и уголовного наказания либо свести его к минимуму любыми средствами и способами. Иными словами, при заключении соглашения о сотрудничестве сторона защиты должна знать вид и размер наказания, которые определяет объем обвинения: количество инкриминируемых деяний и их квалификацию.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет прийти к выводу о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве — это договор, заключаемый, с одной стороны, прокурором с целью оптимизации процесса выявления, раскрытия и предупреждения общественно-опасных деяний, а с другой — лицом, предоставляющим уголовно-релевантную информацию о совершенных им и другими лицами указанных деяний, а также оказывающий иную помощь правоохранительным органам с целью минимизации негативных для него правовых последствий за содеянное. При этом российское уголовное судопроизводство ставит во главу угла установление всех истинных обстоятельств произошедшего и только после этого достижение формального результата и сокращение времени и объемов уголовного процесса. Соглашение о сотрудничестве не повлияло на это, а наоборот, способствовало достижению истины, что выгодно отличает его от аналогичных правовых институтов зарубежных стран, в частности США.

Введение института досудебного соглашения о сотрудничестве должно было повлиять на раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений и на разоблачение членов преступных группировок, но, как мы видим из исследований латентной преступности реальная преступность непрерывно растет, а раскрываемость при этом низкая. Следовательно, нужно усовершенствовать этот институт таким образом, чтобы он выполнял поставленные цели, ради которых он внедрялся, а не являлся способом для виновных уходить от ответственности за совершенные деяния.

В этой связи, считаю возможным высказать некоторые соображения по поводу совершенствования данного института в России.

Во-первых, не совсем понятно, почему действующее законодательство (п. 61 ст. 5 УПК РФ) позволяет заключать подобные соглашения только лицу, имеющему статус подозреваемого или обвиняемого? А как быть, если человек, обладающий уголовно-релевантной информацией и желающий оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, хочет иметь соответствующие гарантии наступления, в этом случае, положительных для него правовых последствий, но не имеет подобного статуса? Почему его нужно лишать этой возможности?

А если лицо, желающее заключить соглашение, например, обладает депутатской неприкосновенностью? Для привлечения его в качестве обвиняемого субъектам уголовного преследования нужно соблюсти достаточно трудоемкую процедуру, с неочевидным успешным завершением, по лишению его этой неприкосновенности. Хотя, если бы было заключено соглашение, при наличии соответствующих гарантий он мог сам отказаться от такого иммунитета и существенно помочь в решении стоящих перед правоохранительными органами задач.

Представляется, что уголовно-процессуальный закон не должен связывать возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с процессуальным статусом этого лица.

Во-вторых, уголовно-процессуальный закон позволяет заключать вышеуказанные соглашения только по возбужденному уголовному делу. Однако, по мнению многих специалистов, да и

как следует из приведенных выше данных, уровень латентности преступлений достаточно высок, и ситуация, когда лицо, совершившее преступление желает сообщить информацию о нем (опять же при наличии гарантии смягчения наказания), а о самом преступлении еще нет вообще никаких сведений, не выглядит фантастично. Так почему не разрешить заключение досудебного соглашения до возбуждения уголовного дела?

Представляется, что необходимо предоставлять возможность заключения сделки и до возбуждения уголовного дела, особенно с учетом того, что идет активная полемика о необходимости этой стадии уголовного процесса.

В-третьих, нынешний процессуальный порядок предусматривает, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следователя (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ). Однако, если правоохранительным органам неизвестно о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении (как вышеуказанном случае), то соответственно, и нет еще следователя, расследующего дело через которого заинтересованное лицо может передать для прокурора такое ходатайство.

В связи с этим логично выглядит заключение такого соглашения с прокурором.

В-четвертых, в любом соглашении стороны рассчитывают на наступление определенных последствий в случае их положительного поведения в соответствии с условиями договора. В случае несоблюдения договора применяются определенные санкции. Не стало исключением и рассматриваемое соглашение. В соответствии со ст. 63.1 УК РФ, которая в качестве правовых последствий нарушения подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве предусматривает назначение судом наказания в общем порядке без применения положений частей второй, третьей и четвертой статьи 62 УК РФ, касающихся срока и размера наказания, и статьи 64 УК РФ [8]. Что, другими словами, означает прекращение действия соглашения со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но, к сожалению, законодатель не дает четкого ответа, какие последствия будут в случае, если лицо, заключившее договор, свои обязательства выполнило в полном объеме, а прокурор свои обязательства не выполнил или впоследствии суд назначил максимально возможное наказание, без учета всяких смягчающих обстоятельств.

Надо понимать, что лицо, планирующее по тем или иным причинам заключить соглашение о сотрудничестве, принимает такое решение не одномоментно, у него есть возможность обдумать свое решение, почитать юридическую литературу, исследовать различные сайты и форумы в сети «Интернет», посоветоваться с высококлассными юристами с целью объективной оценки и реальных преимуществ своего поступка. Однако, когда из анализа перечисленных многочисленных источников ему станет ясно, что никаких твердых процессуальных гарантий смягчения наказания со стороны правоохранительных органов он не получит, то и соглашение он заключать не будет. Это чревато дискредитацией института в глазах потенциальных подписантов соглашения со стороны защиты. Очевидно, что интересы правосудия состоят в укреплении авторитета данного института. Поэтому выглядит целесообразным введение норм, гарантирующих соблюдения интересов лица, заключившего подобное соглашение.

В-пятых, в отечественном уголовно-процессуальном законе достаточно четко определено, какие действия должно совершить лицо, заключающее соглашение: содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, при этом указания на то, какие условия может предложить, а затем и выполнить представитель правоохранительных органов — прокурор не установлено. Устранить этот недостаток можно, внося коррективы в статью 37 УПК, определяющую полномочия прокурора.

Хочется подчеркнуть, что мы стоим на той позиции, что заключение досудебного соглашения это право, а не обязанность прокурора. Серьезность преступления, компетентность, опыт и фактическое участие защитника, рациональность досудебного соглашения о сотрудничестве и темпы расследования дела, наличие комплекса доказательств — одни из многих факторов, которые должен учитывать прокурор, принимая решение. В ряде случаев, по делам, где вина подозреваемого доказана и прокурору нет необходимости в заключении соглашения, он может посчитать целесообразным продолжение уголовного преследования на общих основаниях.

Сделанные предложения влекут за собой корректировку еще целого ряда норм УПК РФ. Остались за рамками настоящей статьи и вопросы о положении потерпевшего, защите его прав и законных интересов, в случаях заключения с виновным соглашения о досудебном сотрудничестве.

Необходимо тщательно исследовать проблему ведомственного и судебного контроля за соблюдением законности при заключении рассматриваемых соглашений.

В заключении, хочется отметить, что в России как и в других странах, применяющих институты досудебного соглашения о сотрудничестве, или аналогичные ему, имеются определенные проблемы. Однако в целом, стоит отметить, что использование таких правовых инструментов идет на пользу общества, и основной задачей перед законодателями и правоприменителями найти такой разумный баланс интересов государства и лица, совершившего преступления, который бы соответствовал целям уголовного судопроизводства.

Литература

1. Бертовский Л. В., Эдилова П. В. Проблемы развития института досудебного соглашения о сотрудничестве. «Черные дыры» в российском законодательстве. 3, 2015. — С. 132.
2. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия, США). — Вып. 1. — М.: Университет дружбы народов, 1969.
3. Исмаилов Б. И. Теоретические аспекты использования институтов. ускоренного порядка рассмотрения дел и «Сделок о признании вины» в. правоприменительной практике зарубежных государств [Электронный ресурс]. — URL: [http://www. Portalus.ru](http://www.Portalus.ru) (дата обращения: 22.07.2017).
4. Исмаилов Б. И. Теоретические аспекты использования институтов. ускоренного порядка рассмотрения дел и «Сделок о признании вины» в. правоприменительной практике зарубежных государств [Электронный ресурс]. — URL: [http://www. Portalus.ru](http://www.Portalus.ru) (дата обращения: 22.07.2017).
5. Котанян К. Как судят в Америке. Российские юристы на смотринах у заокеанской Фемиды // Время МН. 10.04.2003.
6. Статья 2 Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.
7. Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США: учеб. пос. — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2000. — С. 117–118.
8. Указания в этом перечне норм ч. 3 ст. 62 УК РФ, а также ст. 64 УК РФ некорректно. Так, если лицо совершило какое-либо преступление, из предусмотренных статьями 295, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, подпадающий под действие п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ (оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления и т.д.), но нарушивший досудебное соглашение о сотрудничестве (обманувший следователя или прокурора), имеет право на смягчение наказания в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ. В то же время, права подсудимых, нарушивших досудебное соглашение о сотрудничестве, оказались ущемленными ввиду запрета назначения им наказания с учетом положений ст. 64 УК РФ. Между тем, основания назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление не исчерпываются смягчающим обстоятельством, предусмотренным п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.
9. Чтобы уничтожить судебную систему США, нужно просто воспользоваться Конституцией / Право.ру / <https://pravo.ru/interpravo/news/view/69713>.
10. Fisher G. Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America. Stanford University Press, 2003. — P. 300.
11. Yant M. Presumed Guilty: When Innocent People Are Wrongly Convicted, 1991. — P. 172.
12. Dervan L.E. Bargained Justice: Plea Bargaining's Innocence Problem and the Brady Safety-Valve. — Utah Law Review, 2012. — P. 51–97.
13. Zeisel H. The Limits of Law Enforcement. Chicago, 1982. — P. 236.
14. Yant M. Presumed Guilty: When Innocent People Are Wrongly Convicted, 1991. — P. 172.
15. John H. Langbein. Torture and Plea Bargaining. 46 U. Chi.l.rev.1978.P. 3-22; Davis J. R. Criminal Justice in New York City. 1990. P. 75; Zeisel H. The Limits of Law Enforcement. Chicago, 1982. P. 236; Shapiro N. et al. The Criminal Justice in the City of New York: An Overview. New York, 1973. P. 3; Matthews. How to try a federal criminal case. — Buffalo, N.Y. 1960. — P. 354–358 .
16. Texas defies federal court with plan to execute man who did not kill. — URL: <http://www.theguardian.com/world/2007/aug/usa.danlaister> (дата обращения: 13.08.2015).
17. Interview with Judge Michael McSpadden PBS interview, 2003. — December 16.
18. Davis J. R. Criminal Justice in New York City, 1990. — P. 75.
19. Dervan L. E. Bargained Justice: Plea Bargaining's Innocence Problem and the Brady Safety-Valve. Utah Law Review, 2012. — P. 51–97.
20. Easterbrook F. Plea Bargaining as Compromise // Yale L.J., 1992, № 101.
21. Fisher G. Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America. Stanford University Press, 2003. — P. 300.
22. Interview with Judge Michael McSpadden PBS interview, 2003. — December 16.
23. John H. Langbein. Torture and Plea Bargaining. 46 U. Chi.l.rev. 1978. — P. 3–22.

24. Johnson D. T. Plea Bargaining in Japan // The Japanese Adversary System in context / ed. by M.M. Feeley & S. Miyazawa. USA. 2002. — P. 142–145.
25. Kinsley V. Why Innocent People Confess // www.washingtonpost.com
26. Linch T. The case against plea bargain // Cato Institute, 2003
27. Matthews. How to try a federal criminal case. — Buffalo, N.Y. 1960. — P. 354–358.
28. Moley R. Politics and criminal prosecution. — Batch: Mintion, 1929.
29. Shapiro N. et al. The Criminal Justice in the City of New York: An Overview. — New York, 1973. — P. 3.

Участие адвоката в уголовном судопроизводстве РФ и США

© Д. Е. Бохач

студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: denbohach@gmail.com

Статья посвящена анализу российского и американского уголовного судопроизводства при участии адвоката со стороны защиты. Автор повествует исследования по вопросам участия адвоката в уголовном процессе. Раскрывается понятие «адвокат» и акцентируется внимание на правовую защиту. Проанализирован порядок и способ реализации данного права. Регламентируется участие адвоката на всех стадиях (этапах) уголовного судопроизводства РФ и США. На основе проведенного исследования определяется сама конструкция права на защиту в государствах, относящихся к разным правовым системам.

Ключевые слова: функция защиты, адвокат, защитник, процессуальный статус защитника, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Конституция США.

Право на защиту является основополагающим конституционным правом, которое должно реализовываться в полном объеме и не подлежать никакому ограничению. Порождается оно тогда, когда должностные лица применяют к субъекту меры принуждения, ограничивая его права и свободы. Поэтому возникает проблема, связанная с обеспечением права на защиту в уголовном судопроизводстве.

Адвокат является единственным участником уголовного процесса со стороны защиты, на ком лежит бремя обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на такую защиту, поэтому он играет важную роль в уголовном судопроизводстве любого государства. Именно от его профессионализма и умений зависит, оправдает ли суд обвиняемого [9, с. 41]. Так как адвокат — это участник уголовного судопроизводства, то он имеет соответствующий статус и право осуществлять адвокатскую деятельность, оказывая квалифицированную юридическую помощь, основанная на принципах законности, независимости, самоуправления, а также принципа равноправия адвокатов [8]. Основные задачи адвоката во всех странах мира одинаковы, а именно: 1) представление интересов подзащитного; 2) доказывание его невиновности; 3) смягчение наказания [2, с. 16]. А вот средства, которые они используют для реализации этих задач разные.

В основном Законе, как в США, так и в РФ, у обвиняемого лица есть право на помощь адвоката для своей защиты. Данное право устанавливается Поправкой VI к Конституции США, которая предусматривает, что обвиняемый не может быть лишен права на присутствие защитника во время допроса в полиции, даже если против него не выдвинуто обвинение [4]. Часть 2 статьи 48 Конституции РФ провозглашает, что каждый задержанный, заключенный под стражу или обвиняемый имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) [3]. Понятие защитника в российском законодательстве шире, чем понятие адвоката, поэтому следует их различать. В соответствии со статьей 49 УПК РФ в качестве защитников допускаются адвокаты, а также один из близких родственников обвиняемого, а адвокат — это профессиональный юрист, сдавший экзамен на получение статуса адвоката и имеющий соответствующее удостоверение и ордер.

В США подзащитный имеет право на свидания с адвокатом, которые проводятся конфиденциально, это означает, что разговор между обвиняемым и адвокатом никто не услышит и не сможет подслушать [6]. Также гарантируется право на выбор адвоката, если заключенный выбирает конкретного адвоката, то обязанность полиции заключается в обеспечении возможности связаться с выбранным адвокатом перед допросом. Если лицо не воспользовалось данным правом, то предоставляется бесплатный государственный адвокат. Статья 53 УПК РФ устанавливает, что с

момента вступления в уголовное дело защитник вправе иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания [2]. Лицо также имеет возможность выбрать адвоката по желанию, оплачивая его услуги. Помимо этого, ч. 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь.

Существенное различие в правах и обязанностях адвоката проявляется на стадии, предшествующей судебному разбирательству, которое выражается в том, что в уголовном процессе США присутствуют элементы только состязательного процесса, а в России — как состязательно-го, так и инквизиционного. Имеется различие между органами государственного обвинения и адвокатами. Так, в США дела адвоката и прокурора не пересекаются между собой, хотя и одна сторона вправе просить информацию об обстоятельствах, касающихся определенного дела, то другая вправе не предоставлять данную информацию. В Российской Федерации уголовное дело на стадии предварительного расследования ведет следователь или дознаватель. В соответствии со статьей 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник знакомятся с материалами уголовного дела, а согласно ст. 53 УПК РФ вправе знакомиться со всеми материалами уголовного дела после окончания предварительного расследования, а также выписывать и снимать копии любых сведений в любом объеме. Таким образом, в уголовном судопроизводстве РФ у защитника есть возможность анализировать свои сведения со сведениями следователя или дознавателя, что позволяет выработать стратегию и тактику защиты [1, с. 147].

Присяжные заседатели в уголовном процессе США, участвующие в основном судебном разбирательстве и принимающие решение о виновности или невиновности подозреваемого лица, отбираются адвокатом. Во время судебного разбирательства выступление адвоката производится в нескольких частях, таких как: 1) выступление адвоката перед присяжными заседателями; 2) прямые и перекрестные допросы свидетелей, обвиняемого, потерпевшего. Первая часть начинается со вступительных слов адвоката, представляя свои доказательства, которые проверяются путем проведения защитником первого и повторного допроса своих свидетелей. Далее подводятся итоги рассмотрения доказательств со стороны защиты, и обвинитель дает свою оценку доказательствам. В Российской Федерации присяжных заседателей отбирает судья путем жеребьевки. Во время стадии судебного следствия с разрешения судьи защитник также имеет право задавать вопросы свидетелям, обвиняемому и потерпевшему. Различаются и процедуры допроса в рассматриваемых странах. В России свидетелю, потерпевшему или обвиняемому дается возможность самому дать конкретные объяснения по данному делу, а суд задает уточняющие вопросы, затем их задают стороны, если есть какие-либо вопросы к допрашиваемым. В американском судопроизводстве при перекрестном допросе (cross-examination) стороны в порядке очереди задают допрашиваемому вопросы, эффективность которых способствует благоприятной позиции соответствующей стороны дела. В российском законодательстве четко закреплен порядок прений сторон: изначально выступает сторона обвинения, а потом сторона защиты, доказывая свои позиции по рассматриваемому делу (ст. 292 УПК РФ).

Самозащита — то есть отстаивание своих прав и интересов в суде без участия адвоката, допускается как в США, так и в РФ. В России отказ от защитника выражается в двух формах: — полный отказ от защиты; — отказ от услуг определенного адвоката с последующим выбором другого. Если обвиняемый не является юристом, то процесс самозащиты является очень сложным, так как нужны соответствующие знания в областях права. В США, если обвиняемый не обладает достаточными знаниями для самозащиты, то судья может назначить ему со-адвоката (co-counsel), а в случае если вовсе не в состоянии представлять свои интересы в суде, то адвокат полностью берет функции защиты на себя. Часть 2 статьи 45 Конституции РФ также предусматривает самостоятельно защищать свои права и интересы. Однако, ст. 51 УПК РФ устанавливает условия участия защитника в обязательном порядке: 1) если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника; 2) подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним; 3) подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; и т. д.

Касаясь пересмотров решений по уголовным делам судами первой инстанции, то тут проявляется существенное различие. Это связано, прежде всего, с построением судебной системы в рассматриваемых государствах. В РФ производство по уголовному делу осуществляется в судах: 1) первой инстанции; 2) апелляционной инстанции; 3) кассационной инстанции; 4) надзорной инстанции, в США правосудие осуществляется судами первой, апелляционной и высшей инстанции. Приговор, вступивший в законную силу, формально никто не сможет рассмотреть, в связи с этим

отсутствует надзорная инстанция, а решение апелляционной инстанции в большинстве случаев является окончательным [5, с. 145]. В противоположном случае уголовное дело направляется в Верховный Суд США (высший суд), по их усмотрению. Различие судебной системы проявляется в том, что в США правом на подачу апелляции наделены лишь осужденный и его защитник, а также обвинитель, но только в случае, если суд признал подсудимого виновным и назначил ему наказание в крайне ограниченных пределах. Следовательно, объем права на подачу апелляции для стороны обвинения и стороны защиты неодинаков, а в Российской Федерации равный объем прав на апелляции и кассации, как для стороны защиты, так и для стороны обвинения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что расхождение участия адвоката в уголовном судопроизводстве в рассматриваемых странах связано: 1) с отличием в построении уголовного судопроизводства, т.е. в этапах (стадиях) движения уголовного дела; 2) с дифференциацией в конструкции процесса доказывания, в формах и способах собирания доказательств; 3) с различием в построении юридических институтов и организации субъектов, осуществляющие в процессе определенную функцию, их компетенции, структуре и задачах, объем прав и обязанностей. Несомненно, помимо отличий есть и сходства, например, право обвиняемого (подозреваемого) на защиту, свидание с адвокатом наедине, бесплатную юридическую помощь, самозащиту. Отличие выражается лишь в форме и порядке реализации данных прав. Во время судебного разбирательства, что в России, что и в США, у защитника и прокурора фактически равные возможности в отстаивании своих позиций по делу.

Литература

1. Буфетова М. Ш. Тактика защиты в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. / БГУЭП. — Иркутск, 2015. — Вып. 2(8). — С. 40–46.
2. Клишин А. А. Адвокатская практика: учебник / отв. ред. А. А. Клишин, А. А. Шугаев; МГИМО (У) МИД России. — М.: Статут, 2016. — 506 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) / СЗ РФ. 2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения: 18.05.2018).
5. Право на адвоката до задержания и после задержания [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.criminal-lawyers.ca/criminal-defence-news/the-right-to-counsel-on-arrest-or-detention-implementation-duties/> (дата обращения: 19.05.2018).
6. Стойко Н. Г. Обеспечение интересов общественной безопасности и права, гарантирующие судебную защиту в уголовном процессе США / Петербургский юрист. — 2017. — С. 131–150.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. — № 52. — Ст. 4921.
8. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2007 г.) // СЗ РФ. 2002. — № 23. — Ст. 2102.
9. Ходжаева Е.А., Рабовски (Шестернина) Ю.В. Стратегии и тактики адвоката в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. 2015. — Т. 27. — № 2. — С. 135–167.

Сравнительно-правовой анализ института поручительства в уголовно-процессуальном законодательстве России и Китая

© **В. В. Бочкарева, Т. Б. Тугулов**

магистранты 1-го курса юридического факультета
ВСФ ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Россия, г. Иркутск

E-mail: bochkareva11lera@yandex.ru, timurtugulov@gmail.com

В статье дан сравнительно-правовой анализ института поручительства в уголовно-процессуальном законодательстве России и Китая. Были рассмотрены основные черты, сходства и отличия данной меры пресечения в указанных странах. Сделан вывод о недостаточной конкретизации правоприменителем отдельных вопросов, связанных с личным поручительством.

Ключевые слова: мера пресечения, поручительство, право Китая.

В сравнении с достаточно широким перечнем мер пресечения, предлагаемых российским законодателем, круг мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законом Китая, на первый взгляд, весьма ограничен. Уголовно-процессуальный закон КНР предусматривает возможность назначения в отношении подозреваемого, обвиняемого привода, передачи под наблюдение по месту жительства, заключения под стражу либо поручительства.

Если первые три меры пресечения по своему содержанию во многом совпадают с аналогичными мерами, предусмотренными российским уголовно-процессуальным законодательством (так называемая «передача под наблюдение по месту жительства» близка к применяемому в России домашнему аресту), то подход к определению и применению последней (поручительству) китайского законодателя имеет ряд особенностей.

УПК РФ определяет личное поручительство как меру пресечения, состоящую в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым возложенных на него обязательств [3]. УПК РФ называет личное поручительство и залог в качестве самостоятельных мер пресечения, отличающихся по степени интенсивности. Из смысла ст. 66 Уголовно-процессуального закона КНР следует, что «поручительство» в определении китайского законодателя фактически подразумевает две альтернативные меры: обязательство лица, под поруку которого подозреваемый или обвиняемый может быть отпущен, либо предоставление денежной суммы, которую можно рассматривать как залог [4].

Рассмотрим первый вариант данной меры пресечения, который является наиболее близким к трактовке «поручительства» российского законодателя.

В соответствии со ст. 67 Уголовно-процессуального закона КНР поручителем может стать лицо, соответствующее следующим требованиям: не быть привлеченным к участию в том же деле, обвиняемым или подозреваемым по которому является лицо, в отношении которого назначено поручительство; иметь возможность исполнять обязанности, налагаемые на поручителя; не быть ограниченным в политических правах и не отбывать наказание, связанное с ограничением свободы; иметь фиксированный стабильный доход [4].

Отметим, что китайский законодатель прямо указывает условия, которым должен соответствовать поручитель, в то время как российский законодатель ограничивается обобщенным определением «заслуживающее доверия», не раскрывая смысл данного понятия. По мнению Головки Л.В. данное понятие подразумевает не наличие у поручителя безупречной репутации, а обладание реальной способностью обеспечить выполнение обвиняемым своих обязанностей, что предполагает особый характер взаимоотношений между поручителем и обвиняемым (подозреваемым) [2, с. 542–543].

Если говорить об обязательствах поручаемого лица, то в целом, в уголовно-процессуальном праве России и уголовно-процессуальном праве Китая они схожи: обязательства поручаемого лица состоят в том, что он не покидает постоянное или временное место жительства без разрешения уполномоченных органов и в назначенный срок является по их вызовам, иным путем не препятствует производству по уголовному делу. Причём китайский законодатель фактически раскрывает понятие «иных путей препятствования производству по уголовному делу», используемое российским законодателем, указывая, что поручаемое лицо обязано не оказывать влияние на лиц, привлеченных к делу в качестве свидетелей, не совершать действий, направленных на уничтожение либо повреждение доказательств, не вступать в сговор в отношении показаний с другими лицами, участвующими в деле.

К определению обязанностей, возлагаемых на поручителя российский законодатель, по сравнению с китайским, подходит менее конкретно. Так, в ст. 68 Уголовно-процессуального закона КНР прямо указана обязанность поручителя немедленно сообщить уполномоченному органу о нарушении или даже возможности нарушения поручаемым лицом требований, указанных в ст. 69. Причём, если поручитель не сообщил о нарушении, то он обязан выплатить штраф [4].

Важным отличием законодательного регламентирования вопросов назначения личного поручительства в России и Китае, является недостаточная регламентация китайским законодателем срока, в течение которых данная мера пресечения может применяться, срока принятия решения о передаче под поручительство до судебного разбирательства. Российскому уголовному процессу свойственно более конкретная регламентация процессуальных сроков.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о непопулярности личного поручительства как меры пресечения в РФ, что может быть объяснено как нежеланием лица, которое потенциально могло бы стать поручителем, нести ответственность за подозреваемого, обвиняемого,

так и сомнениями правоприменителя в эффективности данной меры. Что касается практики, сложившейся в Китае, то основной мерой пресечения остается заключение под стражу, а остальные, в том числе поручительство, применяются крайне редко [4]. В целом такой подход китайского правоприменителя скорее отрицательно влияет на нормальную жизнь подозреваемых, обвиняемых, а также их родственников [1, с. 87].

Основываясь на проведенном сравнительном анализе уголовно-процессуальных актов России и Китая, регламентирующих порядок применения в качестве меры пресечения личного поручительства, можно сделать следующий вывод: законодатель обоих государств недостаточно конкретизирует значимые для правоприменителя вопросы. Наличие неопределенности в отношении таких вопросов приводит к непопулярности меры пресечения в виде личного поручительства, которое могло бы эффективно применяться в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней части, что позволит соблюсти баланс прав участников уголовного процесса и избежать использования необоснованно строгих мер пресечения.

Литература

1. Ин, Ч., Мэйхуа М. Некоторые проблемы соблюдения прав подозреваемого и потерпевшего по уголовно-процессуальному законодательству КНР // Право и политика. — 2007. — № 9. — С. 86–90
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — Изд. 2, испр. — М.: Статут, 2017.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. — № 52 (ч. 1). — 24 дек. — Ст. 4921.
4. Criminal Procedure Law of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-procedure-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 23.04.2018)
5. The routledge Handbook of Chinese Criminology [Электронный ресурс]. — URL: <https://clck.ru/DEGox> (дата обращения: 23.04.2018).

Криминалистические методы следственного осмотра в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительный анализ

© С. Ю. Денис

магистрант 2 года обучения, факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров Академия управления при Президенте Республики Беларусь Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: denis-shd@mail.ru

Данная статья посвящена методам, применяемым в ходе проведения следственного осмотра в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Ключевые слова: следственный осмотр, методы, Российская Федерация, Республика Беларусь.

Расследование преступлений — это сложный и дифференцированный процесс установления значимых обстоятельств события и лиц, причастных к его совершению, который в большинстве случаев начинается с непосредственного познания и изучения материальной обстановки и следов происшествия.

Накопленный следственный опыт показывает, что использование только научно-технических средств и приемов, относящихся к области криминалистической техники и тактики, не позволяет успешно решать задачи, которые стоят перед сотрудниками правоохранительных органов при расследовании ими преступных деяний. Российский исследователь А. А. Бульбачева в своем научном труде «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия» отмечает следующее: «Осуществить раскрытие преступного деяния сразу после того, как оно было совершено, достичь решения всех остальных задач следственного характера, которые определяются УПК Российской Федерации, в те сроки, которые определяет уголовно-процессуальное российское законодательство, практически невозможно, если не использовать системные способы предупреждения и расследования преступных деяний, имеющие научное обоснование» [1, с. 80].

Определенные задачи в части научно-методического обеспечения расследования преступлений решаются так называемыми линейными службами.

В системе МВД России это, прежде всего, следственные подразделения, подразделения уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями и др. Как правило, такие службы

включают организационно-методические и научно-технические управления (отделы), которые оказывают соответствующую помощь подразделениям по линиям этих служб:

- производят выявление, обобщение и распространение передового опыта применения методов, рекомендаций и средств криминалистического обеспечения в раскрытии и расследовании преступлений;

- иницируют заказы на проведение научных исследований в целях разработки новых и совершенствования имеющихся криминалистических методов, средств и рекомендаций;

- разрабатывают и направляют в инстанции предложения по улучшению правового воздействия и организации криминалистического обеспечения, необходимого для работы с преступными деяниями;

- подготавливают обзоры практики использования методов, формируют рекомендации методического характера, организуют семинары и конференции научно-практического профиля [9, с. 80].

Аналогичную направленность в научно-методическом обеспечении при расследовании преступлений имеют и правоохранительные органы Республики Беларусь. К примеру, в перечне основных задач Следственного комитета Республики Беларусь прописано то, что данный правоохранительный орган совершенствует следственную работу, внедряет в практику достижения науки и техники, положительный опыт, прогрессивные формы и методы организации предварительного следствия [8, ст. 4].

Рассматривая участие Министерства внутренних дел Республики Беларусь в осуществлении научно-методического обеспечения и исследовательской деятельности в проведении предварительного следствия, отметим тот факт, что данному органу соответствуют определенные задачи (направления деятельности), которые возложены на УО «Академия МВД Республики Беларусь»:

- организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам правоприменительной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь, подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь;

- изучение зарубежного и международного опыта противодействия преступности, адаптация результативных форм и методов работы правоохранительных органов иностранных государств к условиям функционирования подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь и др. [6].

Основными задачами такого правоохранительного органа как Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь в рассматриваемой тематике работы являются:

- реализация единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности, включая ее научно-методическое обеспечение;

- подготовка, переподготовка и повышение квалификации судебных экспертов, научных работников, а также иных сотрудников в пределах компетенции;

- определение основных направлений совершенствования судебно-экспертной деятельности и их реализация, внедрение в практику достижений науки и техники, положительного опыта, прогрессивных форм и методов организации судебно-экспертных исследований и др. [7, ст. 4].

Методология криминалистики представляет собой систему методов, применяемых при расследовании преступлений, при производстве научной деятельности, при выполнении учебной подготовки криминалистов. «В данном случае сочетаются методы криминалистики: практической, научной и учебной. Эти три системы методов могут пересекаться, но не должны смешиваться», — утверждает белорусский ученый Г. А. Зорин. [2, с. 22]

Так, началу осмотра предшествует решения ряда методологических задач. Одна из них — выбор оптимального метода пространственного охвата территории осмотра. Возникающая при этом дилемма проста: криминалистике известны два метода осуществления данного действия — сплошной и выборочный.

Сплошной метод предполагает тщательное и планомерное исследование всей территории места события, выборочный — только отдельных «узлов», участков, секторов. Усилия следователя концентрируются там, где вероятность нахождения следов наиболее велика.

Как отмечает российский ученый А. И. Бастрыкин: «Результативное исследование места происшествия — задача не из легких. Осмотр не терпит хаотичности, неразберихи, суеты. Действия его участников должны быть планомерны, последовательны, целесообразны и вместе с тем чрезвычайно экономны» [10, с. 238].

Осмотр — действие динамичное, его участники находятся в постоянном движении. Тем важнее подчинить его определенной системе. Основу такой системы должны составить методы движения при осмотре. Разработанные криминалистикой, они образуют своеобразную триаду: концентрический, эксцентрический и фронтальный методы движения.

Концентрический осмотр ведется от периферии к центру места происшествия. Под центром понимают самый важный объект осмотра (труп, место взлома и др.). Преимущество данного метода — меньший риск повреждения следов, особенно периферийных.

Эксцентрический осмотр ведется в обратном направлении — от центра к периферии, по развертывающейся спирали. Сохранность следов при этом, конечно, меньше, зато их поиск более предметен: объект поиска обретает конкретные черты.

При использовании фронтального (линейного) метода осмотр ведется от исходной точки по прямым линиям секторов или квадратов. Участники осмотра движутся от края и до края участков [10, с. 239].

При статическом осмотре объект изучается в состоянии покоя (статике) — его не трогают, не перемещают. На этом этапе осмотра оценивается криминалистическое значение объекта, решается вопрос о способе его детального изучения, ведется визуальный поиск следов.

Данная классификация методов проведения осмотра рассматривалась многими российскими учеными, аналогично указанным А. И. Бастрыкиным, — а именно: В. П. Колмаковым [3, с. 151–152], Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкиным [9, с. 537] и др., в т. ч. и белорусскими учеными Г. Н. Мухиным [5, с. 140], Н. И. Порубовым, Г. И. Грамовичем [6, с. 193] и др.

Известно, что для изучения различных объектов следственного осмотра, применяется ряд научных методов: наблюдение, сравнение, измерение, описание, анализ, синтез, эксперимент и др. Однако следственный осмотр как специфическая исследовательская деятельность не ограничивается использованием только общенаучных методов [3, с. 142]. Криминалистика рекомендовала, а практика проверила, приняла и использует ряд частных методов и тактических приемов, обеспечивающих достижение осмотра его целей и задач.

Так, частные тактические (криминалистические) приемы и методы осмотра должны отвечать ряду требований:

- соответствовать уголовно-процессуальному закону;
- основываться на научно-технических данных;
- быть надежными и простыми в практическом применении их;
- обеспечивать объективность выявления и фиксации признаков и состояний осматриваемых объектов.

Если рекомендуемые криминалистами частные тактические приемы и методы не отвечают приведенным требованиям, то применение их в следственной практике недопустимо [3, с. 143].

Наряду с общенаучными или частными методами при осмотре места происшествия применяются и специальные, которые в свою очередь делятся на: заимствованные из других наук (моделирование, физические и химические методы) и собственно-криминалистические (методы обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения следов и различных доказательств, а также тактические приемы осмотра).

Белорусские исследователи Ю. П. Шкаплеров и И. В. Данько в своем пособии «Следственные действия» придерживаются точки зрения о том, что уголовно-процессуальный закон по общности операциональной структуры (совокупности приемов, средств, способов познания и удостоверения их хода и результатов) делит все следственные действия, в зависимости от метода использования, на четыре группы. Первая группа связана преимущественно с «непринудительным наблюдением» — это осмотр, эксгумация, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 23 УПК Республики Беларусь). Для второй группы следственных действий характерно изъятие предметов, документов и информации, хранящихся в малодоступных местах — обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, их осмотр и выемка, прослушивание и запись переговоров (гл. 24 УПК Республики Беларусь). В следственных действиях третьей группы широко используется метод воспроизведения вербальной информации — допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте (гл. 25 УПК Республики Беларусь). Четвертая группа состоит в исследовании скрытой информации — назначение и проведение экспертизы (гл. 26 УПК Республики Беларусь) [13, с. 7].

Отметим, что данная классификация находит свое отражение в применении ее на практике, т.е. при осуществлении правоохранительной деятельности (предварительного следствия).

Для сравнения приведем мнение российских исследователей К. Б. Калиновского и А. В. Смирнова: «Осмотр как следственное действие — это личное восприятие и процессуальная фиксация внешних признаков объектов, к которым, как правило, имеется свободный доступ. Термин «осмотр» свидетельствует о преимущественном применении метода визуального наблюдения. Однако при осмотре объекты воспринимаются всеми органами чувств. Так, в протоколе могут быть зафиксированы результаты прослушивания звукозаписи, температура объекта, резкий запах» [12].

Тактические приемы и методы осмотра носят общий характер для любого следственного осмотра места происшествия, наружного осмотра трупа и др. Но криминалистика рекомендует применять их, учитывая особенности, вид, способ совершения и сокрытия преступления. Таковы осмотры мест происшествия по делам об убийствах, о кражах, пожарах и поджогах, разбое и др. [3, с. 153].

Таким образом, согласимся с точкой зрения, выдвинутой российскими исследователями В. С. Мамоновым и В. В. Степановым в том, что методичность осмотра находит отражение в применении следователем и иными участниками следственного действия в процессе изучения материальной обстановки места происшествия и наиболее эффективных, рациональных приемов, методов и средств с учетом конкретной ситуации [6, с. 105]. Независимо от того, где располагается место происшествия, следователь должен обеспечить последовательность осмотра места происшествия, то есть такую организацию, которая гарантирует четкий, строго определенный порядок действий следователя и иных участников осмотра места происшествия.

Литература

1. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — Изд. 3, перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 944 с.
2. Бастрыкин А. И. Криминалистика. Современные методы криминалистического исследования: учебное пособие. — СПб.: Ольга, 2003. — 348 с.
3. Бульбачева А. А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.12. — М., 2017. — 230 с.
4. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. — Минск: Амалфея, 2000. — 416 с.
5. Колмаков В. П. Следственный осмотр. — М.: Юр. литература, 1969. — 196 с.
6. Мамонов В. С., Степанов В. В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения Мамонов. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 184 с.
7. Мухин Г. Н., Исютин-Федотков Д. В. Криминалистика: учеб. пособие. — Минск: ТетраСистемс, 2012. — 240 с.
8. Научно-исследовательская деятельность Академии МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Академия МВД Республики Беларусь. — URL: <https://www.amia.by/activities/scientific-activity> (дата обращения: 08.06.2018).
9. О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 293-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь / pravo.by.
10. О Следственном комитете Республики Беларусь: закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г., № 403-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — URL: pravo.by.
11. Порубов Н. И., Грамович Г. И., Порубов А. Н. Криминалистика: учеб. пособие; под ред. Н. И. Порубова. — Минск: Высш. шк., 2007. — 575 с.
12. Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный; под общ. ред. А. В. Смирнова. — Изд. 2, доп. и перераб. — СПб.: Питер, 2004. — 848 с.
13. Шкаплеров Ю. П., Данько И. В. Следственные действия: пособие; М-во внутр. дел Респ. Беларусь. — Могилев: Могилев. институт МВД, 2017. — 108 с.

Сравнительно-правовой анализ процессуального статуса государственного обвинителя в уголовном процессе РФ и США

© *Н. В. Непомнящих*

студентки 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: nepomnyashchikh.nadezhda@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ процессуального статуса государственного обвинителя в уголовном процессе России и США. В частности, рассмотрены основные вопросы, регламентирующие порядок осуществления государственными обвинителями России и США своей деятельности, перечень их полномочий. Приводятся сходства и некоторые различия в процессуальном статусе государственных обвинителей в представленных странах. Сходства объясняются, прежде всего, общими целями и задачами. Различия прослеживаются в сфере общей организации органов, поддерживающих обвинение. Сделаны определенные выводы, полученные на основе проведенного анализа.

Ключевые слова: процессуальный статус, уголовное преследование, функция обвинения, государственный обвинитель, атторнейская служба.

Функция обвинения в российском уголовном законодательстве занимает особое место. С помощью обвинительной деятельности специально уполномоченных на то органов и должностных лиц обеспечивается защита прав и законных интересов граждан, государственных учреждений и предприятий, государственного строя. Без этой функции фактически не будет реализован принцип состязательности сторон, закрепленный статьей 15 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ).

В отечественном уголовном судопроизводстве функцию обвинения осуществляет государственный обвинитель или потерпевший (ст. 246 УПК РФ) [4]. Говоря об уголовных делах публичного обвинения, следует отметить, что по ним государственное обвинение поддерживает государственный обвинитель. Его положение отличается от положения других участников уголовного процесса, в том числе и со стороны обвинения, тем, что он является представителем государства и поэтому не имеет в процессе личного интереса [5, с. 16].

Поскольку большинство разрешаемых в суде уголовных дел носят публичный или частично — публичный характер, в которых обязательным является участие государственного обвинителя, представляется интересным рассмотреть его процессуальный статус. Для большей ясности следует провести сравнительный анализ процессуального статуса государственного обвинителя в России и США, поскольку в США до последнего времени институт прокуратуры практически не развивался [3, с. 634].

Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ, «государственный обвинитель — поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры».

Как видно из определения, в России функцию обвинения выполняет должностное лицо прокуратуры — надзорного органа, осуществляющего от имени Российской Федерации контроль и надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Основные положения о деятельности и организации органов прокуратуры закреплены Федеральным законом РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5].

В США отсутствует такой государственный орган как прокуратура, а контрольные функции возложены на атторнейскую службу, которую традиционно, в силу схожести реализуемых функций принято называть прокуратурой [3, с. 124]. По этой причине нет правовой регламентации деятельности атторнейской службы в гражданском и уголовном судопроизводстве, как это принято у нас. Главным нормативным актом, регулирующим деятельность прокуратуры США, является Конституция, возлагающая на высший законодательный орган страны — Конгресс — полномочия принятия федеральных законов, в том числе и законодательства, регламентирующего деятельность атторнейской службы [8].

В контексте принципа разделения властей атторнейская служба США относится к исполнительной ветви власти. В свою очередь российская прокуратура как федеральный государственный орган, не входит ни в одну из трех ветвей государственной власти, обладая, вместе с тем, значительными по объему государственно-властными полномочиями. При этом прокуратура как никакой другой орган власти работает с разными властными органами, является необходимым балансом, нивелирующими другие ветви власти [1, с. 61].

В отличие от российской прокуратуры в основе организации деятельности атторнейской службы США не заложен принцип централизации. В ее структуре прослеживается три уровня органов: федеральный, уровень штата и местный. Федеральная служба функционирует на основе законов, принимаемых Конгрессом. Штат на основе собственного законодательства вправе самостоятельно определять организацию и объем полномочий атторнейской службы. На местах также имеется атторнейская служба, функции которой в целом идентичны атторнейским службам штата и федерального уровня.

Должностным лицом службы государственного обвинения в США является атторней, в России — прокурор. Однако, в связи со схожестью полномочий, выполняемых этими должностными лицами, атторнея также называют прокурором.

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. То есть, законодатель в процессуальном аспекте надзорную функцию прокурора ставит на второе место, определяя его первостепенную роль в уголовном преследовании.

Н. Г. Стойко отмечает, что «согласно устоявшейся в США концепции атторней имеет право осуществлять уголовное преследование и возбуждать уголовные дела по своему усмотрению» [3, с. 55]. Функция надзора же в уголовно — процессуальном законодательстве США в большей степени возложена на Генерального атторнея.

Ст. 37 УПК РФ также разграничивает полномочия прокурора на выполняемые им в ходе досудебного производства и в ходе судебного разбирательства. Перечень полномочий прокурора, осуществляемых им в ходе досудебного производства, обусловлен, прежде всего, реализуемой им контрольно — надзорной функцией. Так, согласно этой статье в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность [4].

Поддерживая государственное обвинение, прокурор может представлять доказательства, заявлять ходатайства, выступать в прениях с обвинительной речью, в которой он обосновывает виновность подсудимого, а также уголовно-правовую квалификацию преступления, предлагает вид и размер наказания. Вместе с тем обязанностью государственного обвинителя в суде первой инстанции является не только доказывание виновности подсудимого, но и предупреждение необоснованного, при отсутствии достаточных доказательств, признания подсудимого виновным и его осуждения, в том числе посредством отказа от обвинения [4].

Что касается американского уголовно — процессуального законодательства его особенностью является то, что американский процесс разграничивает следственный аппарат и лиц, осуществляющих обвинение в суде. За счет этого достигается процессуальная независимость обвинителей и объективность их перед проведенным следствием. То есть, в уголовном процессе США имеются такие должностные лица, как маршалы, которые производят аресты, обыски и изъятия по ордерам, выданным судом, обеспечивают порядок в судебном заседании, охраняют участников уголовного процесса (особенно это касается свидетелей), обеспечивают содержание под стражей и перевозку арестованных и осужденных до помещения их в исправительные учреждения. Непосредственное поддержание обвинения в судах осуществляет уголовное подразделение, возглавляемое первым заместителем атторнея.

Прокурор в российском судебном разбирательстве выступает в качестве государственного обвинителя. Однако, законодатель, определяя в ст. 37 УПК РФ полномочия прокурора, не разграничил полномочия прокурора и полномочия государственного обвинителя. Возникает вопрос о полномочиях государственного обвинителя. Безусловно, что они производны от процессуального статуса прокурора, но необходимо учитывать, что государственный обвинитель не обладает всеми правами прокурора, поэтому следует определить для него самостоятельный перечень полномочий, которыми он должен обладать при участии в уголовном судопроизводстве.

Определение полномочий государственного обвинителя связано с его задачами. Основной задачей государственного обвинителя в суде является обоснование на основе имеющихся в деле и проверенных в суде доказательств правильности предъявленного обвинения и несостоятельности иных версий, если они были выдвинуты в процессе судебного разбирательства. Данная задача, реализуемая на основе принципа состязательности, налагает на государственного обвинителя обязанность активного участия в доказывании [4].

Права и обязанности государственного обвинителя определены в различных нормах УПК РФ. Судебное разбирательство в соответствии с п. 51 ст. 5 УПК РФ представляет собой судебное заседание судов первой, второй и надзорной инстанций. Таким образом, государственный обвинитель обязательно должен участвовать в судебном заседании на предварительном слушании, в судебном заседании суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу, в судебном заседании суда апелляционной инстанции, в судебном заседании суда кассационной инстанции и в судебном заседании суда надзорной инстанции. В частности, положения ч. 1 ст. 246 УПК РФ предусматривают обязательное участие в судебном заседании обвинителя.

В деятельности по поддержанию государственного обвинения в США практикуется специализация. Часть сотрудников специализируется на поддержании обвинения по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, другие — по делам о половых преступлениях, о кражах, о преступлениях на почве ненависти и так далее.

В уголовном судопроизводстве США в настоящее время прокурор играет основную роль. Он руководит расследованием, координирует работу, обращается в суд за санкцией на проведение прослушивания, на арест. После принятия в 1984 году Акта о реформировании системы назначения приговоров, повлекшего издание инструкций по назначению приговоров, возросла роль прокурора и его усмотрения по вердиктам обвинения и привлечения граждан к сотрудничеству.

Прокурор вправе ограничить обвинение в суде, а также прекратить дело при его рассмотрении в суде до вынесения вердикта присяжных заседателей. Прокурор вправе использовать материалы полиции и ФБР, но может взять расследование на себя. Наряду с этим прокурор осуществляет также координацию деятельности правоохранительных органов и практически занимает в их системе главенствующее положение.

Таким образом, являясь частью государственного обвинения, атторней в США и государственный обвинитель в России, несмотря на ряд различий, которые прослеживаются в основном в сфере общей организации органов, поддерживающих обвинение, процессуальный статус атторнея и государственного обвинителя является схожим. В первую очередь это объясняется общими целями и задачами, которые определяются достижением справедливости, посредством борьбы с преступностью, осуществления уголовного преследования и поддержания обвинения в суде, наряду с реализуемыми ими контрольно — надзорными функциями по обеспечению законности и соблюдения прав и законных интересов граждан.

Литература

1. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения: 18.05.2018).
2. Деменкова Е. В. Прокуратура в системе органов государственной власти // Научно-практический журнал «Государство и право в XXI веке». — № 1/2016 — С. 61.
3. Махов В. Н., Пешков М. А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учеб. пособие, перераб. и доп.; под ред. В. Н. Махова — М.: ЗАО «Бизнес школа «Интел-Синтез», 2016. — 208 с.
4. Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс США: учебное пособие; под ред. Н. Г. Стойко. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2015. — 315 с.
5. Тюренкова К. А., Демидов А. С. Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Молодой ученый. — 2015. — № 21(101). — С. 633–635.
6. Якушева Т. В., Якушев И. И. Понятие и процессуальный статус государственного обвинителя // Экономика и социум. — 2016. — № 1(20). — С. 15–19.
7. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета. 1995. — № 229.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // Собрание законодательства РФ 24. 12. 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

Сравнительно-правовой анализ института мер процессуального принуждения в РФ и КНР

© Э. С. Окороков

курсант 3 курса Крымского филиала
Краснодарский университет МВД России
Россия, г. Симферополь
E-mail: edik.okorokov@mail.ru

В статье представлена картина правовой регламентации мер пресечения в России и Китае, а также выявлены недостатки этой регламентации в КНР и выработаны предложения по их устранению.

Ключевые слова: меры пресечения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, задержание, личное поручительство, Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики, Россия, Китай.

На китайский народ, один из крупнейших и древних на Востоке, на протяжении многих лет обращают внимание различные исследователи и видные правоведы. В первую очередь это связано со скоростью развития Китая, который в кратчайшие исторические сроки превратился в одного из лидеров международной арены. У Китая и России сложились дружественные отношения, поэтому и изучение внутренней политики, проводимой Китайской Народной Республикой (далее КНР), имеет большое значение для российского законодателя. Именно это, на наш взгляд, объясняет актуальность исследования института мер процессуального принуждения в РФ и КНР, специфики и отличительных особенностей.

На протяжении всей истории человечества, основной проблемой является защита свободы и личной неприкосновенности человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина составляют неотъемлемую часть отношений личности и государства. Отношения государства к правам и свободам человека и гражданина, уровень их защиты — напрямую показывает развитость демократического и правового государства. По нашему мнению соблюдение прав и свобод при реализации мер процессуального принуждения путем, как минимум, соблюдения требований действующего УПК РФ, является одним из основных требований [2].

Конституция РФ закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [3]. Конституция РФ в ту же очередь утвердила важный аспект правового механизма охраны свободы человека, в котором немалую роль занимает институт мер процессуального принуждения. Он должен осуществлять сложную задачу: при минимальном ограничении прав участников процесса максимально защитить граждан и организации, потерпевших от преступлений.

Условием соблюдения прав человека является применение уголовно-процессуального принуждения. В связи с тем, что ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно «только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», российский законодатель предусматривает ряд гарантий законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения.

В российском уголовном процессе меры процессуального принуждения разделены на три группы: задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения [4]. В свою очередь китайский законодатель выделяет лишь одну группу — меры пресечения [1].

Меры процессуального принуждения по уголовно-процессуальному законодательству Китая представляют собой предусмотренные УПК КНР средства ограничения или лишения личной свободы подозреваемого и обвиняемого на определенный срок, которые применяются органом общественной безопасности, органом государственной безопасности, народной прокуратурой, народным судом для обеспечения проведения уголовного судопроизводства.

В качестве мер пресечений китайский законодатель предусматривает: задержание, передачу под поручительство досудебного разбирательства, наблюдение по месту жительства, арест (т.е. заключение под стражу).

Задержание, согласно УПК КНР может производиться органом общественной безопасности, а также любым гражданином КНР. Орган общественной безопасности может задержать преступника, совершающего активные действия или подозреваемого в деле о серьезном преступлении, при наличии любого из следующих обстоятельств:

- в случае, если он готовится совершить преступление, находится в процессе совершения преступления или обнаружен немедленно после совершения преступления;
- если он опознан как лицо, совершившее преступление пострадавшим или очевидцем;
- если свидетельство преступления найдено на его теле или в его доме;
- если он пытается совершить самоубийство, или сбежать после совершения преступления или является лицом, укрывающимся от правосудия;
- если имеется вероятность того, что он уничтожит или сфальсифицирует улики;
- если он не называет свое подлинное имя и адрес и его личность не установлена;
- если есть серьезные основания подозревать о совершении им преступлений в разных местах, неоднократно или в составе преступной группы.

При задержании орган общественной безопасности должен представить ордер о задержании. Также в течение 24 часов после задержания, семья задержанного, или организация, к которой он принадлежит, должна быть поставлена в известность о причинах задержания и месте содержания под стражей, за исключением случаев, когда извещение воспрепятствует проведению расследования или, если нет способа известить семью или организацию. Кроме того, должен допросить задержанного в течение 24 часов после задержания. В случае обнаружения, что лицо не должно было подвергаться задержанию, оно должно быть немедленно освобождено с выдачей ему свидетельства об освобождении. Если органы общественной безопасности считают необходимым арестовать задержанного, при отсутствии на данный момент достаточных доказательств, они могут отпустить задержанного под поручительство или поместить его под наблюдение по месту жительства. В случае, если орган общественной безопасности полагает необходимым арест задержанного, то он, в течение 3 дней после задержания посылает запрос в Народную прокуратуру для проверки и утверждения. При наличии особых обстоятельств, время подачи запроса для проверки и утверждения может быть увеличено на 1-4 дня. В отношении ареста подозреваемого в серьезных преступлениях, совершенных в разных местах, неоднократно, или в составе преступной группы, время подачи запроса для проверки и утверждения может быть увеличено до 30 дней. Народная Прокуратура должна решить вопрос о выдаче или невыдаче разрешения на арест в течение 7 дней с момента получения от органов общественной безопасности письменного запроса о разрешении на арест. В случае, если Народная прокуратура не разрешает произвести арест, орган общественной безопасности, получив извещение, немедленно выпускает задержанного и незамедлительно информирует об это прокуратуру.

Любой гражданин КНР может задержать любое нижеперечисленное лицо и доставить в органы общественной безопасности, Народную прокуратуру или Народный суд:

- лицо, пойманное на месте преступления или обнаруженное немедленно после преступления;
- лицо, разыскиваемое для произведения ареста;
- лицо, сбежавшее из тюрьмы;
- лицо, преследуемое с целью ареста.

При сравнении с задержанием, регламентированным УПК РФ, стоит отметить, что российский законодатель более точно и понятно определяет основания задержания, а также в УПК КНР не регламентирован минимальный срок задержания.

Следующая мера пресечения, рассмотренная нами это — передача под поручительство до судебного разбирательства. Согласно УПК КНР передача под поручительство включает в себя поручительство и залог. Поручительство представляет собой в предоставлении поручителя, который должен обладать определенными признаками:

- не быть вовлеченным в рассматриваемое дело;
- быть способным выполнять обязанности поручителя;
- обладать всей полнотой политических прав, и свобод;
- иметь постоянное место жительства и твердый источник доходов.

Залог в свою очередь это передача денежных средств с одновременным письменным обязательством подозреваемого или обвиняемого:

- не покидать город или уезд, в котором он проживает, без разрешения на то исполнительных органов;
- своевременно приходить в суд по повестке;
- никаким образом не мешать свидетелю во время дачи показаний;
- не уничтожать и не фальсифицировать доказательства.

В случае, если подозреваемый или подсудимый, освобожденный под поручительство до окончания слушаний, нарушает письменное обязательство, уплаченные в залог деньги будут конфискованы. Кроме того, в зависимости от конкретных обстоятельств подозреваемый или подсудимый получит предписание письменно выразить свое раскаяние в содеянном, вновь заплатить залог или взять поручителя или быть взятым под надзор по месту жительства или подвергнуться аресту. В случае, если подозреваемый или подсудимый не нарушал положений письменного обязательства в течение всего периода, когда он был освобожден под поручительство до окончания слушания, а по окончании этого периода ему возвращается внесенная в качестве залога денежная сумма.

Можно провести параллели между передачей под поручительством и личным поручительством, предусмотренным ст. 103 УПК РФ. Однако существуют отличия, которые заключаются в том, что обвиняемый или подозреваемый в совершении преступления по китайскому законодательству кроме того, что обязан предоставить поручителя, должен внести залог. Также обязанность обвиняемого, подозреваемого не покидать без разрешения места жительства, связана с ограничением свободы передвижения, что напоминает домашний арест, предусмотренный ст. 107 УПК РФ.

Следующая рассмотренная мера пресечения — наблюдение по месту жительства. Заключается она в том, что подозреваемый или обвиняемый, находящийся под наблюдением по месту жительства, должен соблюдать следующие правила:

- не покидать постоянное место жительства без разрешения исполнительного органа, или, при отсутствии постоянного места жительства, не покидать назначенное ему место жительства без разрешения;

- не встречаться с другими людьми без разрешения исполнительного органа;

- своевременно приходить в суд по повестке;

- никаким образом не мешать свидетелю во время дачи показаний;

- не уничтожать и не фальсифицировать доказательства.

В случае, если подозреваемый или подсудимый, находящийся под наблюдением по месту жительства, нарушил положения данной меры пресечения он, если случай представляется серьезным, подлежит аресту.

В российском законодательстве существует такая мера пресечения как домашний арест, предусмотренная ст. 107 УПК РФ. Данная статья более точно расписывает порядок нахождения по месту жительства, а именно помимо, выхода за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или подсудимый, и общения с определенными лицами, УПК РФ расписывает также запрет или ограничение на отправку и получение почтово-телеграфных отправок, а также использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Последние нормы отсутствуют в китайском законодательстве.

Перейдя к последней рассматриваемой мере пресечения — арест (заключение под стражу) стоит отметить, что заключение под стражу по УПК КНР — самая строгая мера уголовно-процессуального принуждения и наиболее распространенная после задержания. Она представляет собой, в отличие от остальных мер процессуального принуждения по УПК КНР, полное лишение свободы подозреваемого или обвиняемого и содержание его под стражей в течение определенного срока в специальных изоляторах до вынесения приговора Народного суда с санкции Народной прокуратуры или по постановлению Народного суда в законном порядке в целях обеспечения их надлежащего поведения при уголовном судопроизводстве.

Данная мера пресечения применяется при наличии некоторых обстоятельствах, а именно:

- в отношении подозреваемого и обвиняемого существуют фактические данные, доказывающие его причастность к совершенному преступлению;

- за данные преступления, подозреваемый или обвиняемый, может быть приговорен к наказанию в виде лишения свободы;

- если принятие передачи под поручительство до судебного разбирательства, наблюдения по месту жительства либо других меры процессуального принуждения будет недостаточно для предотвращения возникновения опасности для общества и, если существует необходимость в заключении лица под стражу.

Кроме этого УПК КНР предусматривает, что к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления, подлежащим заключению под стражу, в случае, если они страдают тяжелой болезнью либо ими являются беременные женщины, женщины, кормящие грудью, может быть приме-

нена передача под поручительство до судебного разбирательства либо наблюдение по месту жительства.

Таким образом, из анализа российского и китайского законодательства следует, что система уголовно-процессуального права должна совершенствоваться, опираясь на удачный опыт законодательства зарубежных стран. На наш взгляд, несмотря на то, что Китай и Россия имели сходный политический режим и правовую систему, в настоящее время Россия установила более демократический правовой институт.

Меры пресечения в уголовном процессе Китая недостаточно регламентированы на законодательном уровне. По нашему мнению, КНР необходимо ориентироваться на УПК РФ. Для начала, считаем необходимым в первую очередь, взять пример с законодательной техникой УПК РФ, аналогично составить логическую и ясную структуру всех норм УПК КНР. В свою очередь предлагаем систематизировать статьи УПК КНР по логичному порядку. Приведем пример по законодательной регламентации УПК КНР о применении мер процессуального принуждения. В главе 6 «Меры процессуального принуждения» раздела 1 «Общие положения» УПК КНР статья 59 и статья 60 установили общие процедуры и основания по применению меры процессуального принуждения в виде заключения под стражу, статьи 61–65 предусматривали все вопросы, касающиеся задержания в качестве меры процессуального принуждения, а статьи 66–72 опять предусматривали процедуру избрания заключения под стражу, и другие вопросы, касающиеся меры процессуального принуждения в виде заключения под стражу, причем первая и вторая часть статьи 69 УПК КНР установили срок задержания и его продление органом общественной безопасности. Мы также предлагаем, назвать каждую статью УПК КНР собственным именем, которое может четко отразить главную идею данной статьи, а внутри статьи по возможности разделить на части, обозначенные соответственными номерами. Поскольку нынешняя система УПК КНР, которая просто пронумеровала статью, затрудняет возможности ученых и юристов в исследовании УПК КНР и мешает простым гражданам ознакомиться с основными положениями уголовного судопроизводства.

По сравнению с Российским законодательством уголовное судопроизводство Китая содержит множество недоработок, однако, учитывая высокий темп развития общественных отношений КНР, процессуальное законодательство совершенствуется и развивается.

Литература

1. Журба О. Л., Гутник О. В. Задержание: вопросы обеспечения прав и свобод. Таврический научный обозреватель. — № 5(10). — 2016.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.
3. Уголовно-процессуальный кодекс КНР (Принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 года, с поправками, внесенными Постановлением, принятым на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 17 марта 1996 года «О внесении изменений в «Уголовно-процессуальный кодекс КНР Китайской Народной Республики»).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. — № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). — 24 дек. — Ст. 4921.

Институт поддержания государственного обвинения в России и Китае: сравнительно-правовой анализ

© *А. Н. Рампилова*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Adelina0709@mail.ru

В статье автором проведен подробный сравнительно-правовой анализ действующих норм, определяющих правовой статус прокуратуры, статус прокурора в уголовном судопроизводстве и особенности поддержания государственного обвинения в России и Китае.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, государственное обвинение, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, сравнительно-правовой анализ.

Одним из приоритетных направлений деятельности современной российской прокуратуры является участие в предусмотренных федеральным законодательством процессуальных формах в конституционном, гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве. Основной функцией прокурора, участвующего в рассмотрении судами уголовных дел, является осуществление уголовного преследования, реализуемое посредством поддержания государственного обвинения.

Правовой статус прокуратуры Российской Федерации и Китайской Народной Республики, правовой статус прокурора в уголовном судопроизводстве, особенности поддержания государственного обвинения, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства РФ и КНР, в совокупности, представляют научный и практический интерес для сравнительного права.

Ст. 129 Конституции РФ подтверждает самостоятельность прокуратуры РФ как вида государственных органов, и закрепляет ее правовой статус. В названной статье сформулированы полномочия по назначению на должность прокуроров, а также имеется отсылка к Федеральному закону от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», отражающему правовую основу деятельности прокуратуры. Необходимо также отметить, что согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ, прокуратура РФ признается объектом исключительного ведения Российской Федерации [3].

Совершенно аналогичным образом в Конституции КНР содержатся основополагающие нормы и принципы деятельности народной прокуратуры КНР и определен ее правовой статус [2].

Из анализа положений Конституций двух стран следует, что прокуратура КНР отличается от Российской прокуратуры системой ее органов, зависящей, в первую очередь, от формы государственного устройства. КНР является унитарным государством, состоящим из административно-территориальных единиц, не обладающих самостоятельностью. В структуре прокуратуры КНР отсутствует пласт, нижестоящих высшему органу прокуратуры, прокуратур «субъектов», как такое деление существует в РФ.

Организация, функции, порядок и обеспечение деятельности прокуратуры, полномочия прокуроров и особенности их деятельности определены в соответствующих законах РФ и КНР.

Согласно ч. 4 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством Российской Федерации [6].

Поддерживая обвинение, прокурор приобретает статус стороны в процессе уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [5].

Согласно ст. 6 Закона КНР «О государственных прокурорах» государственный прокурор выступает государственным обвинителем от имени государства и ведет прямое расследование уголовных дел, принятых, согласно закону, народной прокуратурой [1].

Исходя из вышеназванной нормы, можно ошибочно предположить, что прокуратура КНР самостоятельно осуществляет предварительное расследование по всем уголовным делам. Положения Уголовно-процессуального кодекса КНР наиболее подробно разграничивает функционал и взаимодействие народной прокуратуры и органов общественной безопасности, осуществляющих производство предварительного следствия. Но, в соответствии с ст. 131–135 УПК КНР, народная прокуратура Китая, в отличие от российской прокуратуры, правомочна самостоятельно осуществлять предварительное расследование [4].

Участие в судебном разбирательстве обвинителя по уголовно-процессуальному законодательству обеих стран обязательно, однако если дело в соответствии со статьей 175 УПК КНР рассматривается по упрощенной процедуре, то народная прокуратура Китая может не отправлять своего представителя для участия в судебном разбирательстве.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России и Китая стороне обвинения и стороне защиты предоставлены равные процессуальные права.

Порядок судебного разбирательства в РФ и КНР идентичен. Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного обвинения. В стадии предварительного слушания прокурор участвует в решении судом вопросов о необходимости вызова новых свидетелей и иных участников судопроизводства, об истребовании вещественных доказательств

и документов, возможности предварительного слушания дела в отсутствие кого-либо из участвующих. Наиболее значимо активное участие прокурора в судебном следствии.

Выполняемая прокурором функция уголовного преследования наиболее полное выражение находит в обвинительной речи — последним этапом осуществления деятельности, направленной на поддержание государственного обвинения. Также как и в России, УПК КНР предусматривает право государственного обвинителя на обжалование судебных решений.

Поддержание государственного обвинения, как в России, так и в Китае играет немаловажную роль в противодействии преступности и в назначении справедливого наказания.

Для эффективности осуществления деятельности по поддержанию государственного обвинения необходимо разработать на основе проведения анализа законодательства других стран Азиатско-тихоокеанского региона и изучения опыта работы государственных обвинителей, методические рекомендации по поддержанию государственного обвинения по определенным категориям уголовных дел.

Литература

1. Закон КНР «О государственных прокурорах» [Электронный ресурс]. — URL: <http://law.uglc.ru/prosecutor.htm>
2. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — 14 июля.
4. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. — URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // СЗ РФ. 2001. — № 52 (ч. 1). — 24 дек. — Ст. 4921.
6. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Рос. газ. 1995.
8. Гармаев Ю. П. Проверка содержания обвинения, изложенного в обвинительном заключении, и рекомендации по составлению проекта обвинительного приговора // Администратор суда. — № 3. — М. — 2013. — С. 29–33.

Право граждан на пересмотр приговоров, постановленных на основе вердикта коллегии присяжных заседателей: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и США

© *Ю. В. Садикова*

аспирант кафедры уголовного процесса
ГОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Россия г. Краснодар
E-mail: Jewell19@mail.ru

В данной статье сопоставлены институты присяжных заседателей в России и США, а именно возможность и процедура их дальнейшего пересмотра.

Ключевые слова: институт присяжных заседателей, суд присяжных, пересмотр вердикта, Россия, США.

Пожалуй, самым значительным событием в практике уголовного процесса в России является расширение применения института присяжных заседателей за счет введения его в районных судах общей юрисдикции. Также не утихают дискуссии об оправданности расширения составов уголовных дел, подсудных такому суду. Кроме того, на рассмотрении Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (ГД РФ) находится законодательная инициатива о реформировании системы судов общей юрисдикции. В указанных обстоятельствах особую актуальность приобретают вопросы, связанные с реализацией права на пересмотр приговоров, постановленных с народным участием. Опыт других стран, мог бы стать полезным при оценке возможных последствий таких законодательных изменений.

Из всех стран общего права, для которых характерно применение дифференцированных форм уголовного судопроизводства, предполагающих участие в отправлении правосудия коллегии присяжных заседателей, Соединенные Штаты Америки в наибольшей степени отвечают задаче сравнительно-правового исследования в силу федеративного государственного устройства и

сопоставимости масштабов территории. Кроме того, институт присяжных заседателей в американских судебных органах имеет длительный исторический опыт функционирования и широкое применение.

Следует отметить, что как в Российской Федерации, так и в США, суд присяжных как правовой институт закреплён на конституционном уровне. Примечательно, что практически все уголовные дела в Соединённых Штатах Америки подсудны суду присяжных, и это прямо закреплено в основном законе. Так ст. 3 Раздела II Конституции США декларирует: «разбирательство в судах всех преступлений, за исключением случаев импичмента, производится судом присяжных; и такое разбирательство должно производиться в том штате, где упомянутые преступления совершены» [13].

В Конституции Российской Федерации в ч. 2 ст. 20 и в ч. 2 ст. 47 также закреплено личное (гражданское) право на суд присяжных обвиняемого в совершении преступления, за совершение которого возможно назначение высшей меры наказания [8]. Вместе с тем, согласно Конституции РФ, подсудность дел суду присяжных устанавливается федеральным законом, а именно Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Среди проблем реализации права обвиняемого на рассмотрение его дела с участием коллегии присяжных, влекущих за собой пересмотр приговора в апелляционном порядке, в США исследователи выделяют принятие решений присяжными не в соответствии с законом, а «в произвольном порядке», под воздействием красноречия адвокатов в пользу одной из сторон [13, с. 130]. Как указывает С. А. Коломенская, «...комиссии по проверке деятельности системы правосудия с участием присяжных заседателей и подготовке предложений по усовершенствованию этой системы сошлись во мнении, что основной проблемой является пассивность присяжных заседателей, что препятствует качественному установлению фактов» [3]. Кроме того, американский исследователь Кевин Кросби полагает, что для суда присяжных в США характерна проблема доступа присяжных к «несанкционированным доказательствам», полученным из интернет-источников (здесь имеется в виду влияние СМИ на мнение присяжных), и в этой связи он ставит вопрос о том, насколько верна реализация идеи о том, что «истинный» суд присяжных возможен только при условии, что присяжные выведены из-под судебного контроля. И поднимает вопрос о границах контроля над вердиктом коллегии в инклюзивной модели суда присяжных [7, с. 89].

Исследователи российского уголовного процесса отмечают в качестве основной проблемы реализации права обвиняемого на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей низкое качество расследования уголовных дел, что безусловно, влияет на наличие доказательств в суде, определяющих решение коллегии присяжных [16, с. 92].

Ввиду наличия указанных проблем, особую значимость имеет гарантия справедливого судебного решения, принятого с участием коллегии присяжных заседателей, — право на пересмотр этого вида решений. Важность данной правовой гарантии подтверждается закреплением ее на уровне международных правовых документов. Так п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией согласно закону [6].

Следует отметить определенное сходство форм и оснований пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей в России и США. В США, как указывает А. С. Камнев, основанием для апелляционного пересмотра приговора стороной защиты по общему правилу, «является «существенная правовая ошибка», допущенная судом первой инстанции» [10, с. 167]. Седьмой поправкой к Конституции США предусмотрено, что «ни один факт, рассмотренный судом присяжных, не может быть пересмотрен каким-либо судом Соединённых Штатов иначе как в соответствии с нормами общего права» [6]. Исследователи также отмечают, что в случае апелляционного обжалования приговора стороной защиты, презюмируется, что все факты, положенные в основу вердикта присяжных, считаются доказанными и проверке не подлежат, а также предполагается правильность применения ими норм права при постановлении приговора [2, с. 213].

Право на пересмотр всех без исключения приговоров прямо закреплено в ч. 3 ст. 50 Конституции РФ. Также российским уголовно-процессуальным законодательством определено, что предметом апелляционного пересмотра приговоров, постановленных в дифференцированных формах судопроизводства — не могут быть вопросы факта, что вызывает оживлённые дискуссии в научной среде об обоснованности и целесообразности существования апелляции для такого вида приговоров.

Следует отметить, что в отличие от США, в России в апелляционной инстанции у сторон существует право на предоставление суду новых доказательств, а также возможность повторного заслушивания свидетелей и вызов новых свидетелей. Исследование новых доказательств осуществляется судом непосредственно и в соответствии с условиями, определенными законом для судебных заседаний, проводимых в общем порядке. В США в апелляционном порядке пересмотра приговоров судом исследуются опосредованные письменные доказательства и не предусмотрено повторное заслушивание свидетелей. Кроме того, при пересмотре такого рода приговоров суд оценивает достоверность доказательств в поддержку вердикта присяжных. И как отмечает Е. В. Миряшева: «При определении «существенности доказательств» апелляционный суд должен быть осторожен, чтобы не подменить точку зрения присяжных своей собственной точкой зрения» [11, с. 32].

Именно по этой причине, автор считает оправданным мнение Б. Т. Безлепкина о том, что «уголовное дело, судебный процесс по которому начался с рассмотрения его с участием присяжных заседателей, должно быть разрешено по существу с обязательным участием присяжных заседателей, сколь бы ни была сложна его биография, какие бы инстанции оно не проходило» [1, с. 185].

Обоснованность введения апелляционного производства в уголовное судопроизводство Российской Федерации обусловлена специфичным предметом обжалования, отличным от иных форм контрольно-проверочных производств, где проверке подлежит соответствие решения нормам материального и процессуального права, особенность апелляционного производства заключается в повторном рассмотрении уголовного дела по существу. Предложенный законодателем порядок позволяет установить новые факты и предоставлять новые доказательства.

Таким образом, для российского гражданина, обвиняемого в совершении преступления, апелляционное обжалование — в большей степени ординарная процедура, позволяющая реализовать конституционное право на повторное рассмотрение дела, независимо от формы судопроизводства при рассмотрении дела в суде первой инстанции. В США, напротив, по смыслу Конституции, реализация права на обжалование приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных — скорее исключение, нежели правило, поскольку механизм обжалования затруднен. Как отмечают исследователи, апелляционный пересмотр приговоров в США, «пожалуй, один из самых сложных и неупорядоченных процессуальных институтов» [5, с. 285], а основания отмены такого приговора по общему правилу может служить «существенная правовая ошибка», допущенная при рассмотрении дела судом первой инстанции, при условии, что она причинила ущерб правам и интересам обвиняемого. Кроме того, решение апелляционной инстанции зависит от практически ничем не ограниченного усмотрения суда [Там же, с. 286–287].

В Российской Федерации основания отмены приговора в апелляционном порядке перечислены в специальном законе, однако, указанный перечень остается открытым для судебного толкования. УПК РФ содержит безусловные основания отмены приговора судом апелляционной инстанции специфичные для суда присяжных (п. 2 и п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ [15]). Тарасов А. А. отмечает, что указанные нарушения носят процессуальный характер и не имеют связи с обстоятельствами уголовного дела, в связи с чем, не противоречат требованию закона о невозможности пересмотра таких приговоров по мотивам несоответствия выводов суда установленным фактическим обстоятельствам дела (ст. 389.27 УПК) [14].

Т. Владыкина, приходит к выводу, что в значительном числе случаев приговоры подлежат отмене из-за несоблюдения председательствующим требования обязательности вердикта присяжных заседателей. Нельзя не согласиться с исследователем, что «если постановленный судьей приговор противоречит вердикту, можно утверждать, что нарушены не только закон, но и правила логики, поскольку двух противоположных истин об одном предмете в одно и то же время в одном и том же отношении быть не может» [4, с. 78].

По итогам анализа основных законов США и России, — можно сделать вывод о том, что право на пересмотр приговора вышестоящим судом, в том числе приговора постановленного на основании вердикта коллегии присяжных, прямо закреплено в Конституциях обеих держав. В США круг оснований пересмотра приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей не определен Конституцией, кодифицированное законодательство отсутствует, в связи с чем основания пересмотра оставлены в большей степени на судебное усмотрение, более того судебная ошибка должна быть не только существенной, но и причинить ущерб интересам обвиняе-

мого, что ограничивает основания пересмотра. Российская Конституция в решении данных вопросов отсылает к уголовно-процессуальному закону.

По результатам проведенного анализа, можно сделать вывод, что между российскими и американскими источниками правовых норм, регламентирующих производство в суде присяжных, существуют различия, обусловленные принадлежностью указанных государств к различным правовым семьям. В России, помимо Конституции, производство в суде с участием коллегии присяжных заседателей регламентировано кодифицированным законом, в Америке — судопроизводство регулируется уголовно-процессуальными законами штатов и судебной практикой.

В США суд присяжных — один из важнейших демократических институтов, отражающих американскую систему ценностей, чем объясняется широкий круг дел, подсудных суду с участием коллегии присяжных заседателей. На наш взгляд, в рамках существующей тенденции к расширению применения института присяжных, в РФ необходимо с осторожностью подходить к различного рода инициативам, касающимся расширения количества уголовных преступлений, подсудных рассмотрению и разрешению по существу в суде с участием коллегии присяжных заседателей. Как нам, кажется сохранение данного вида дифференцированного судопроизводства в качестве экстраординарного в России более оправдано, поскольку обратное повлечет за собой необходимость масштабного реформирования законодательства в отношении системы пересмотра такого вида приговоров, ввиду того, что судебная практика не способна устранить существующие законодательные пробелы.

Литература

1. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. — Изд. 4. — М.: Проспект, 2014. 400с.
2. Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. — М.: НОРМА, 1997. — 333 с.
3. Валова Н. Е., Нагих С. И. Суд присяжных в американской системе правосудия // Успехи в химии и химической технологии. Том XXVIII. — 2014. — № 7. — С. 130.
4. Владыкина Т. Обязательность вердикта коллегии присяжных заседателей // Уголовное право. — 2012. — № 4. — С. 78–84.
5. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс в западных государствах. — М.: Зеркало-М, 2001. — 480 с.
6. Камнев А. С. Формы и основания пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в США // Вестник Томского государственного университета. 2014. — № 378. — С. 167.
7. Коломенская С. А. Формирование коллегии присяжных заседателей в России и США. — М.: Юрлитинформ, 2011 [Электронный ресурс] / Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: https://edu.petsu.ru/files/upload/5941_1477384221.pdf (дата обращения: 31.05.2018).
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31–14 июль.
9. Кругликов А. П. Суд присяжных: тенденция его действия в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 5. Юриспруденция. — 2013. — № 3(20). — С. 92.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
11. Миряшева Е. В. Правовые институты США и Франции: от суда до прокурора. — М.: РАП, 2010. — 152 с.
12. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова; пер. В. И. Лафитского. — М.: Прогресс, Универс, 1993 [Электронный ресурс]. — URL: <http://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения: 31.05.2018).
13. Соединенные Штаты Америки: конституция и законодательство [Электронный ресурс] / под ред. О. А. Жидкова; пер. В. И. Лафитского. — М.: Прогресс, Универс, 1993. — URL: <http://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения: 31.05.2018).
14. Тарасов А. А. Об апелляционном производстве решения суда присяжных // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 3. — С. 18–20.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). — 24 дек. — Ст. 4921.
16. Crosby K. Jury independence and the general verdict. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester. — 2013. — 265 p.

Судебно-товароведческая экспертиза, в сфере дистанционной торговли по законодательству России и Китая

© А. Х. Сам

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алтайского государственного университета,

Россия, г. Барнаул

E-mail: sataidyn@yandex.ru

Статья посвящена эффективности проведения экспертиз в расследовании преступлений в сфере электронной торговли в России и Китае. Поднимается проблема производства контрафактной продукции.

Ключевые слова: судебно-товароведческая экспертиза, электронная торговля, контрафактная продукция, Россия, Китай.

В последние годы наблюдается рост покупок продовольственных товаров в Интернете. Согласно проведенным опросам [8], уже больше половины россиян (55-60%), делающих покупки в Интернете, освоили зарубежные онлайн-магазины. Подавляющее число покупок (до 88%) совершается в китайских магазинах. В 2017 году в Россию в рамках трансграничной торговли поступило более 500 млн. посылок. Однако, ситуация разнится в зависимости от видов алкоголя: больше всего попрос импорт вина и пива — эти отрасли весьма ощутимо прибавили в среднем по 20%. На рисунке 1 представлены каталоги интернет-магазинов алкогольной продукции Russian.alibaba.com «Amboguos» (поставщик — КНР) и Cn.shopotam.ru (склад находится в США). В ассортименте китайские ликеры, водка и бренди из Китая.

Товарооборот между Россией и Китаем более чем удвоился за шесть лет с 40 млрд. долларов до 90 млрд.

Рост электронной торговли с Китаем объясняется наличием правовых коллизий в законодательстве, касающемся Интернет-торговли.

Теневая экономика в Китае достигает 261 млрд. долл. США [8, с. 138].

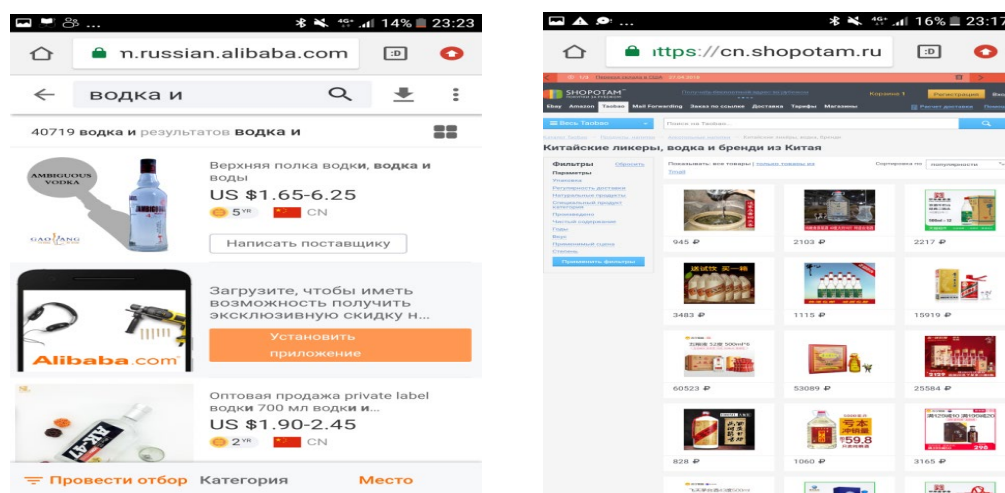

Рис. 1. Электронный каталог интернет магазина а) «Amboguos» и б) Cn.shopotam.ru

Формально Интернет-торговля алкоголем запрещена [4], но санкций за нарушение практически не предусмотрено. В итоге легализованные продавцы вести онлайн-бизнес не могут, но в Интернете присутствуют магазины с контрафактной продукцией (более 2,5 тыс. в 2016 г. по оценкам экспертов). В России ее не проверяют, поскольку она приходит в посылках частным лицам.

Российский потребитель оказывается совершенно незащищенным перед китайскими поставщиками.

Проблема производства и оборота контрафактной продукции — это уже не просто негативное явление, а угроза экономической безопасности, как России, так и Китая. Экономическая безопасность — развивающееся направление совместной экономической деятельности двух государств. Товароведческие исследования, судебно-товароведческие экспертизы являются составными частями этой системы защиты экономической безопасности [3, с. 251].

Важно отметить, что судебно-товароведческая экспертиза — это не только исследование товаров, но и исследование, проводимое в соответствии с процессуальным законодательством лицами (экспертами), сведущими в области судебной экспертизы, криминалистики. Таким образом, используя все существующие и жизненно важные технологии, следователь должен действовать на опережение и тем ограничивать возможности тех, кто совершает правонарушения [4].

При проведении судебно-товароведческой экспертизы объектами идентификации являются изделия стандартизированного промышленного производства, для установления их родовой принадлежности могут использоваться свойства изделий, предусмотренные стандартами и техническими условиями.

В то же время необходимо отметить, что китайские товары, поступающие на потребительский рынок РФ, должны иметь сертификат или декларацию, подтверждающий качество и безопасность товара. Особое внимание необходимо уделять установлению обстоятельств, связанных с криминальным продуктом качество продукции (согласно международному стандарту ИСО 9000:2000) [1, с. 36]. Подделка является серьезной проблемой в Китае. Это особенно характерно для фирменного алкоголя, продукта, который относительно легко подделать, трудно обнаружить и как проглоченный продукт, что может иметь серьезные, опасные для жизни последствия. Это обычная практика в клубах по всему Китаю, где бутылки с контрафактным алкоголем и подают посетителям. Инновационным решением по борьбе с контрафакцией в настоящее время в Китае является технология «умной бутылки», которая позволяет использовать свой смартфон, чтобы проверить, была ли открыта бутылка [2].

В Китае существует ряд структур, которые могут проводить независимую экспертизу импортируемых или экспортируемых товаров. К таким организациям относятся: Китай сертификация и инспекционная группа.

Анализ практики судебной экспертизы Китая показывает, что в Китае распространенным видом при расследовании экономических преступлений является судебно-экономическая экспертиза. В связи с ростом преступности в сфере финансовых отношений становится все более необходимым создание и совершенствование новых видов экономической экспертизы.

Более того, создание и развитие судебно-экономической экспертизы в Китае обусловлено потребностями следственной и судебной практики в получении специальных знаний в любой области для эффективного раскрытия преступлений.

Научно-техническое направление в Китае постоянно открывает новые возможности использования науки и техники в уголовном судопроизводстве.

По нашим наблюдениям, организация практики применения китайских специалистов как «умные бутылки» в Китае достойна самого пристального изучения и последующей интеграции передового опыта в практику в целях минимизации экономических преступлений. Это могло бы способствовать развитию и совершенствованию нашей отрасли.

По мнению Ю.Г. Плесовских: «УПК КНР и в нынешнем виде вполне справляется с той ролью, которая ему отведена в правовой системе Китая» [8, с. 27]. Но вместе с тем очевидно и то, что детальная правовая разработка вопросов назначения и производства судебных экспертиз, подобная содержащейся в российском законодательстве, была бы полезной. Представляется, что китайские специалисты в области уголовно-процессуального законодательства — вполне могли бы использовать российский опыт для совершенствования законодательства КНР. Тем более, что, учитывая общность корней законодательства наших стран, интеграция многих новаций в действующее законодательство Китая не вызвала бы затруднений.

Литература

1. Бертовский Л. В. Расследование преступлений экономической направленности: научно-практическое пособие. — М., 2016. — 304 с.
2. Ответственность за продажу контрафакта [Электронный ресурс]. — URL: <http://ugolovnyi-expert.com/otvetstvennost-za-prodazhu-kontrafaktnoj-produkcii> (дата обращения: 01.06.2018).
3. Ищенко Е. П. Криминалистика: учебное пособие. — М.: Проспект, 2011. 504 с.
4. Колдин В. Я. Судебная идентификация. — М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.
5. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности: учебное пособие. — М.: Проспект, 2017. — 272 с.
6. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Рос.газ. 2003. — № 9. — 18 янв.
7. Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом: постановление правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612 (ред. от 04.10.2012) // СЗ РФ. 2007. — № 41. — Ст. 4894.

8. Плесовских Ю. В. Судебная экспертиза как инструмент защиты прав человека в уголовном судопроизводстве России и Китая Вестник ХГАЭП. — 2010. — № 4–5. (49–50).

9. Criminal Law of the People's Republic of China, adopted by the Second Session of the Fifth National People's Congress on July 1, 1979 and amended by the Fifth Session of the Eighth National People's Congress on — March 14, 1997.

Зарубежный опыт становления и развития следственного действия — опознани

© *Д. Г. Филоненко*

курсант 4 курса Крымского филиала
Краснодарский университет МВД России
Россия, г. Симферополь
E-mail: edik.okorokov@mail.ru

В статье автором рассматриваются актуальные вопросы опознания как самостоятельного следственного действия в России; проанализирован международный опыт предъявления для опознания на примере США, КНР и Польши.

Ключевые слова: следственное действие, опознание, Россия, США.

Несмотря на то, что применение в правосудии опознания имеет многовековую историю, процессуальную форму следственного действия оно обрело только в наше время. В дореволюционной России опознание применялось как элемент очной ставки либо же как розыскное мероприятие. Статус опознания не изменился и в первые годы советской власти, поскольку недостаток тактических рекомендаций предъявления для опознания не только в России, но и на Западе приводил к серьезным судебнo-следственным ошибкам. Лишь принятый в 1960 году новый Уголовно-процессуальный кодекс определил опознание как самостоятельное следственное действие и регламентировал порядок его проведения.

Теорией уголовного процесса выработано понятие «предъявления для опознания», под которым понимают самостоятельное следственное действие, которое проводится с целью идентификации ранее воспринимавшегося объекта, содержанием которого является восприятие обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим, а также свидетелем предъявленных им объектов. Порядок проведения данного следственного действия регламентирован ст. 193 УПК РФ [6]. Лицо, которому, предъявляются объекты для опознания, является опознающим, а лицо, которое опознают — опознаваемым.

Объектами предъявления для опознания являются не только вещи, человек, животные, но и некоторые другие предметы материального мира, которые в процессе расследования уголовных дел необходимо будет опознать.

Н. В. Тербиев определил предъявление для опознания как «судебно-следственное действие, имеющее своей целью путем предъявления конкретного объекта потерпевшему, свидетелю, обвиняемому, подсудимому или стороне в гражданском процессе установить, является ли данный объект тем самым, который это лицо в прошлом знало или наблюдало в определенной обстановке» [5].

Предъявление для опознания занимает одно из важнейших мест в системе следственных действий при расследовании любых преступлений [3, с. 186–189]. В то же время в уголовно-процессуальном законодательстве, такого государства как Корейская Народная Республика (далее КНР), об опознании как следственном действии нет ни слова [1]. Ни на стадии предварительного следствия, ни на судебных стадиях предъявление для опознания не используется.

Что касается процессуального порядка производства данного следственного действия в России, то перед самим опознанием, следователь обязан допросить опознающего о характерных чертах и особенностях опознаваемого лица или предмета, а также указать обстоятельства, при которых он его наблюдал ранее.

У потенциального опознающего узнаются все признаки внешности человека с помощью методики «словесного портрета». Достаточно серьезной проблемой, которая может отразиться на результате допроса и, как следствие, на всём следственном действии является то, что следователь часто узнаёт только отдельные, наиболее запоминающиеся признаки внешности человека, ведь без комплексного выделения признаков внешности, предъявление для опознания теряет свой смысл как идентификационное следственное действие.

Данное требование существует и при опознании в Соединённых Штатах Америки. Если взглянуть на опыт работы полицейских в США, то наблюдается, что допросы, предшествующие опознанию, нередко проводятся с присутствием так называемых «полицейских художников-профессионалов», которые намного лучше анализируют описание внешности человека, полученное из показаний допрашиваемого, а также составят портрет предполагаемого преступника. Это, несомненно, способствует наиболее полному сбору информации о внешности лица, описанию, а также дальнейшей идентификации объекта опознания.

В настоящее время, в России существует три вида опознания человека: лично, по фотографии, в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Во всех трёх разновидностях опознания применяются одни и те же правила — предъявление в группе лиц, по возможности, схожих с опознаваемым, в количестве не менее трёх.

В США также выделяется три разновидности опознания, однако они совершенно иные по своему смыслу: оперативное опознание, процессуальное и опознание по фотографии [2].

Что касается оперативного опознания, то оно производится тогда, когда с момента совершения преступления прошло очень мало времени. В данном случае потерпевшему или свидетелю предъявляется только одно лицо (требование о предъявлении в группе не применяется). Производится оно зачастую на месте происшествия. Однако существуют требования, которые предъявляются к данному виду опознания. Одно из них — «подозреваемого нельзя предъявлять в той одежде, в которой был преступник», но ему может быть предложено произнести отдельные фразы или совершить определённые действия, которые идентичны тем, которые совершил преступник. Также важным требованием является «фиксация степени уверенности опознающего в своих показаниях», что несомненно влияет на результат следственного действия.

Мы считаем, что данный вид опознания носит немного наводящий характер, поскольку у опознающего нет варианта выбора, а также имеет место элемент подсказки, даже несмотря на то, что при производстве любого и трёх видов опознания запрещено использовать жесты, произносить слова, которые могут послужить подсказкой или стать прямым указанием на конкретное лицо.

«Процессуальное опознание» в США носит гораздо менее наводящий характер, так как задействовано большее количество участников. При производстве опознания в отделах полиции опознающему предлагается выбор из шести и более лиц, среди которых находится опознаваемый. Все лица должны быть, по возможности, внешне похожи друг на друга и находиться в одинаковой одежде. Опознающий имеет право требовать от предъявленных ему для опознания лиц произнести одинаковые слова или фразы. Следует отметить, что в Польше, при опознании, группа, в которой предъявляется опознаваемый, должна состоять из не менее четырёх человек, поскольку с психофизиологической точки зрения опознающий гораздо чаще склонен указывать на лицо, находящееся в центре, что не всегда означает действительно правдивое опознание.

Интересным фактом является то, что при производстве опознания в США, в отличие от России и Польши [4], отсутствуют понятые. Объясняется это тем, что функции понятых выполняют пятеро лиц, которые предъявляются опознающему вместе с опознаваемым (статисты), а за законностью и объективностью опознания следит защитник.

С одной стороны, то, что статисты выступают одновременно и понятыми, является разумной и полезной практикой и могло бы быть использовано в нашей стране, поскольку в российском уголовном процессе при опознании, помимо опознающего и опознаваемого присутствуют два посторонних человека — статиста, которые также могли бы и выполнять функции понятых.

С другой стороны, такое большое количество статистов (не менее пяти) может нарушить способность опознающего воспринимать предъявленные объекты и привести в итоге к ошибочному результату.

Таким образом, между предъявлением для опознания в России и аналогичным следственным действием в других странах существуют как общие моменты, так и существенные различия. Одни из них (такие как участие в предшествующем опознанию допросе специалиста художника, роль статистов при опознании) являются разумной практикой, которую можно было бы перенять в отечественный уголовный процесс, а другие только негативно влияли на результат данного следственного действия (группа, предъявляемая опознающему из количества не менее шести лиц).

Литература

1. Груза Э. Опознание человека в польском уголовном процессе / Воронежские криминалистические чтения: сб. трудов. — Воронеж: ВГУ, 2010.

2. Журба О. Л., Доросинская А. М. Проблемные вопросы проведения отдельных следственных действий: теория и практика. Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы всерос. науч.-практ. конф., 16 июня 2016 г. / под общ. ред. С. А. Буткевича. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. — 370 с.
3. Криминалистика США: теория и практика её применения / Гусаков А.Н. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. — 128 с.
4. Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности: учебное пособие / М-во высш. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. — М.: [б. и.], 1956. — 131 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (дата обращения: 11.05.2018).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Институт представления сведений о доходах и расходах государственных служащих как мера противодействия коррупции в России и Китае

© **Н. В. Хлызова**

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: nata_hl@mail.ru

В статье рассмотрен институт представления сведений о доходах и расходах государственными служащими как мера противодействия коррупции. Проведен сравнительный анализ нормативного правового регулирования порядка контроля и представления декларации о доходах и расходах государственными служащими в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: институт представления доходов и расходов государственными служащими, коррупция, противодействие коррупции, зарубежный опыт.

Декларирование имущества в России и Китае является особо важным звеном в системе борьбы с коррупцией. Институт представления сведений о доходах и расходах является сравнительно молодым. Его возникновение связано с появлением антикоррупционного законодательства, в связи с необходимостью прозрачного контроля подаваемой служащими информации о доходах и расходах не только при поступлении на государственную службу, но и по окончании каждого отчетного года [4]. Учитывая, что данный институт только проходит свое становление, некоторые нормативные акты несовершенны и требуют глубокой доработки, устранения двойного толкования норм и противоречий.

Важную роль в антикоррупционном законодательстве Российской Федерации играет Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон № 273-ФЗ), который не только закрепил основные понятия, но и определил источники правового регулирования, содержащие нормы по противодействию коррупции. В рамках указанного закона в целях эффективного противодействия коррупции государством вводятся антикоррупционные стандарты, создается система разрешений, запретов и ограничений, согласно которой будут применяться эти запреты и ограничения для государственных служащих. Это не позволит государственным служащим занимать соответствующие должности, в случае, если в поданных ими декларациях будет присутствовать информация о наличии у них бизнеса, объектов предпринимательской деятельности, а также высоких необоснованных доходов или расходов. Согласно ст. 7.1 Закона № 273-ФЗ, лицам, замещающим государственные должности, запрещается хранить наличные деньги или ценности в банках иностранных государств, действующих за пределами Российской Федерации, а также открывать в них счета и сберегательные вклады. Этот запрет касается всех чиновников, замещающих государственные должности в Российской Федерации, высоких должностей прокуратуры, членов совета директоров Центрального Банка Российской Федерации, иных государственных должностей федеральной государственной службы, заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти, работающих на должностях в органах федеральной государственной службы, государственных корпораций, публичных государственных организаций и государственных фондов, созданных Правительством Российской Федерации, де-

путатов, глав муниципальных образований, а также их супругов и несовершеннолетних детей указанных лиц.

В случае несоблюдения действующих запретов и ограничений, выявленных при проверках подаваемой ими информации, лица, на которых распространяются ограничения, обязаны досрочно сложить свои полномочия и уволиться по статье об утрате доверия на основании действующих нормативных актов. В ст. 8 Закона № 273-ФЗ намеренно регламентирован порядок декларирования, который впоследствии стал основополагающим в создании действующих законодательных рамок для этой процедуры. Позднее был принят комплекс нормативных правовых документов, обеспечивающих базовые правовые нормы, регулирующие декларирование имущества. Так, Федеральным законом от 01.07.2017 № 132-ФЗ [7] были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части размещения в государственной информационной системе в области государственной службы сведений о применении взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений, впоследствии будет сформирован единый информационный ресурс — реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений.

В рамках принимаемых мер по предупреждению и противодействию коррупции, сформирован единый подход к обеспечению работы по профилактике коррупции. В связи с допускаемыми «ошибками» при декларировании имущества, в марте 2015 года указом Президента Российской Федерации № 120 «О некоторых вопросах противодействия коррупции», Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации определено разработчиком методических рекомендаций по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки [8]. В результате чего, в апреле 2015 года, на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции федеральным государственным органам, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления, государственным корпорациям (компаниям), фондам и иным организациям, созданным Российской Федерацией на основании законов, а также организациям, созданным для выполнения задач, поставленных перед федеральным государственными органами, поручено при реализации требований законодательства о противодействии коррупции руководствоваться издаваемыми Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации методическими рекомендациями [4].

Государственные служащие Китайской Народной Республики и приравненные к ним лица также каждый год представляют в налоговые органы декларации о доходах, в которых указывается информация о наличии у государственного служащего недвижимости, банковских вкладов, иного имущества. Служащий государственного органа Китайской Народной Республики заполняет декларацию на себя и на своих близких родственников (супругу, детей). При этом в декларации указывается, занимаются ли государственный служащий или его родственники коммерческой деятельностью, проживают ли за границей [5].

Для государственных служащих Китая существует Кодекс правил, в котором прописано, что следует делать, чтобы избежать получения взятки. Все государственные служащие, чиновники обязаны знать Кодекс в целях профилактики и предупреждения коррупции. Коррупцию, как и другие преступления, важно и нужно предупреждать. За государственными служащими, которые указывают в своих декларациях недостоверные сведения, скрывают то, чем владеют, ведется наблюдение. Зачастую такие «коррупционеры» открывают счета в зарубежных банках и сбегают за границу, но у Правительства Китайской Народной Республики есть конкретные способы борьбы с коррупцией для таких граждан. Результаты общедоступной информации указывают, что в Китае декларации государственных служащих о доходах и имуществе нигде не публикуются в отличие от Российских государственных служащих. В научной литературе отмечено, что по мере развития антикоррупционного законодательства в Китае, для усиления профилактики коррупции упор делается на обеспечение прозрачности деятельности органов управления и их должностных лиц [2].

Подводя итоги сравнения, следует отметить, что сходство российской и китайской систем декларирования имущества заключается в следующем: обе страны в качестве особо важного инструмента борьбы с коррупцией активно внедряют декларирование имущества государственных служащих. Российская Федерация и Китайская Народная Республика активно перенимают проверенный опыт других стран, совершенствуют свое антикоррупционное законодательство и его реализацию. Система декларирования имущества, которая в настоящее время действует в сравнива-

емых странах, выступает в качестве меры противодействия коррупции и выявления конфликта интересов.

Различия в системах проанализированных стран очевидны: разные требования к нормативным документам, регулирующим декларирование имущества, его содержание, степень открытости декларируемой информации, различные методы проверки декларируемой информации и методы определения ответственности.

Литература

1. Методические рекомендации «По вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2018 году (за отчетный 2017 год)» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/anticorruption/Methods/12> (дата обращения: 13.05.2018).

2. Русецкий А. Практика надзора за соблюдением государственным служащими законодательства о противодействии коррупции [Электронный ресурс]. — URL: http://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/f62/prok_01.pdf. (дата обращения: 1.06.2018).

3. Севальнев В. В. Противодействие коррупции: опыт КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 1.

4. Коррупция в системе государственной службы [Электронный ресурс] / Е. П. Тавокин [и др.]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/korruptsiya-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby> (дата обращения: 23.05.2018).

5. Трощинский П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы современного китайского государства с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 2.

6. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2008. — № 52 (1 ч). — Ст. 6228.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части размещения в государственной информационной системе в области государственной службы сведений о применении взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений: Федеральный закон от 1 июля 2017 № 132-ФЗ // СЗ РФ. 2017. — № 27. — Ст. 3929.

8. О некоторых вопросах противодействия коррупции: указ Президента РФ от 08 марта 2015 № 120 // СЗ РФ. 2015. — № 10. — Ст. 1506.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
<i>Антонов А. И.</i> Неуплата налогов в КНР и Российской Федерации.....	9
<i>Баиров А. С.</i> Сравнительно-правовой анализ подготовки государственных служащих в Российской Федерации и Японии	12
<i>Галецкая Г. С.</i> Взаимодействие органов муниципального контроля при организации и проведении проверок в России и Китае: сравнительно-правовой анализ	15
<i>Евсикова Е. В.</i> Проблемы установления и введения курортного сбора в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовой анализ)	17
<i>Елизова А. С.</i> Порядок внесения изменений в конституции стран АТР.....	20
<i>Жалсанов Б. Ц.</i> Сравнительно-правовой анализ административно-деликтного законодательства Вьетнама и России.....	23
<i>Никитина А. В.</i> Принцип пропорциональности (соразмерности) конституционно-правовой ответственности: практика Конституционного суда Республики Корея.....	25
<i>Очирова Д. З.</i> Возникновение и становление налоговых отношений в Восточной Сибири: сравнительный анализ налогообложения.....	28
<i>Разбейко Н. В.</i> Использование деволюционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе... ..	30
<i>Чимитдоржиева В. Ж.</i> Экологическая ответственность в КНР и РФ.....	33
II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Кряжева Е. Е.</i> Установление суверенитета Российского государства в Северной Америке.....	37
<i>Лян Минь Янь.</i> Проблема подготовки юристов со знанием языка и права зарубежных стран.....	39
<i>Мадаев Е. О.</i> Политико-правовая доктрина евразийства.....	42
<i>Маркова О. А., Кошелев М. С.</i> Особенности внутренней и внешней миграции в Китае и России... ..	45
<i>Норбоева Т. В.</i> Правовые аспекты трудовой миграции в России, КНДР и Республики Корея.....	47
<i>Суворова А. С.</i> Международный коммерческий арбитраж в России и КНР: сравнительно-правовой анализ.....	50
<i>Чагдурова С. В.</i> Сфера действия международных договоров по вопросам налогообложения: действие договора на примере дела ПАО «Северсталь»	54
III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР	
<i>Амгаланова Д. А., Балданова Е. Э.</i> Сравнительный анализ гражданского кодекса Монголии и России	59
<i>Антонов К. Н., Тугдумова С. С.</i> Защита имени, достоинства, чести и деловой репутации гражданина в Гражданском кодексе РФ и Монголии.....	64
<i>Баиров Б. Ж., Еноткина Ю. Н.</i> Охрана труда в России и Китае.....	68
<i>Бахаев А. Н., Шатаева А. А.</i> Сравнительно-правовой анализ правоспособности и дееспособности в Российской Федерации и Монголии.....	71
<i>Будаева М. Б.</i> Сравнительно-правовой анализ становления предпринимательства в РФ и КНР во второй половине XX века.....	73
<i>Ван Синьчао</i> К вопросу о финансировании покупки недвижимости родителями одного из супругов в период брака.....	75
<i>Васильева В. В., Пыхтина С. Г.</i> Проблема безработицы в России и Китае.....	77
<i>Герасимова К. С., Волокитина А. А.</i> Сравнительный анализ системы социальной защиты на примере Канады и РФ.....	81
<i>Дальхеев А. А.</i> К вопросу о вещной природе права аренды по законодательству РФ и КНР.....	82
<i>Елкибаева Л. Г.</i> Правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве в Китае... ..	84
<i>Ефремова И. О., Загвозкина Ю. Д.</i> Сравнительно-правовой анализ института компенсации за нарушение исключительных прав в Российской Федерации и Республике Сингапур.....	87
<i>Жамбалова Ж. Т., Калашикова В. И., Петрова А. С.</i> Основания, защита и осуществление гражданских правоотношений: сравнительный анализ гражданских кодексов России и Монголии.....	89
<i>Жэнь Линлин.</i> Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей: сравнительный анализ законодательства Китайской Народной Республики и Российской Федерации.....	93

<i>Косарев О. Н.</i> Правовое регулирование потребительского кредитования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	96
<i>Ласточкина А. А.</i> Отдельные особенности патентования достижений генетики в России, США и Японии.....	99
<i>Ласточкина А. А.</i> Сравнительный анализ правового статуса эмбриона в России, США и Японии.....	103
<i>Лукьянова Л. А.</i> Сравнительно-правовой анализ обязательства пожизненного содержания с иждивением в Монголии и России.....	106
<i>Маркова О. А., Кошелев М. С.</i> Медиация в сфере защиты прав потребителей: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Китая	108
<i>Надольная Е. Н., Попова К. А., Тимошевская Е. В.</i> Сравнительно-правовой анализ семейного законодательства России и Китая.....	110
<i>Немчинова Д. А., Гребенщикова Е. П.</i> Место жительства. Признание гражданина безвестно отсутствующим. Объявление гражданина умершим по гражданскому кодексу России и гражданскому кодексу Монголии.....	113
<i>Непомнящих Н. В.</i> Сравнительно-правовой анализ ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным по ГК России и Монголии.....	116
<i>Пинигин В. А.</i> Особенности предоставления отпусков педагогическим работникам в РФ и КНР... ..	119
<i>Савельева Т. А.</i> Институт диффамации в России и США: сравнительный анализ.....	121
<i>Склярков Е. Ю.</i> Сравнительно-правовой анализ института реорганизации и ликвидации юридического лица в России и Монголии.....	125
<i>Цыденов Д. Б.</i> Отдельные аспекты правового регулирования возобновляемых источников энергии в России, США, Японии и Китае.....	130
<i>Шоболова А. У.</i> Сравнительно-правовой анализ правового регулирования потребительского кредитования в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	133
<i>Эпова А. В.</i> Некоторые различия в применении способов обеспечения исполнения обязательств по гражданскому законодательству России и Монголии.....	136
<i>Эпова А. В.</i> Усыновление в России и США: сравнительный анализ.....	138

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

<i>Бадиева О. С.</i> Квалификация предметов преступления на примере России и Китая.....	141
<i>Би Чжююн.</i> Новая норма о процессуально-правовом положении органов народной прокуратуры в «Разъяснениях относительно применения закона при рассмотрении судебных споров по искам органов народной прокуратуры, поданным в целях защиты общественных интересов»	143
<i>Васильев Б. И.</i> Развитие наказания в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	145
<i>Догоржапова Д. Д.</i> Сравнительная уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями в сфере нотариальной и аудиторской деятельности на примере России и Китая.....	148
<i>Дугарова Б. Ш.</i> Опыт борьбы с коррупцией в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и возможности его применения федеральной службой исполнения наказания России.....	152
<i>Еремеева А. А.</i> Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних на примере России и Китая.....	154
<i>Качурова Е. С.</i> Консерватизм уголовной политики Китая как положительный пример сохранения эффективности современной системы наказаний.....	156
<i>Ковзунович Ю. Н.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства в сфере борьбы с подделкой денег.....	158
<i>Куклин О. Б.</i> Уголовное законодательство в сфере охраны интеллектуальной собственности в России и США: сравнительно-правовой анализ.....	161
<i>Ламуев Б. Б.</i> Уголовная ответственность лиц, находящихся в состоянии опьянения, за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта в России и Китае: сравнительно-правовой анализ.....	164
<i>Линхоева Е. М.</i> Сравнительно-правовой анализ противодействия коррупции в России и Китае... ..	167
<i>Лубсанов Т. Р.</i> Сравнительный анализ института присяжных заседателей в странах АТР на примере России и США.....	170
<i>Луценко Н. С.</i> Судебный штраф в уголовном законодательстве РФ и штраф как наказание в США: сравнительно-правовой анализ.....	172
<i>Лю Жуйшу.</i> Новая норма о смертной казни в поправках к Уголовному кодексу КНР (№ 8)	176
<i>Лю Хунфэн.</i> Анализ современной ситуации в сфере сетевых финансовых преступлений в Китае	177
<i>Пастушенко А. А.</i> Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств в России и отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	184

<i>Петров Д. А.</i> Нормативное регулирование преступлений в сфере компьютерной информации в странах Китайской Народной Республики и Японии.....	187
<i>Романова Л. И.</i> Криминологические проблемы борьбы с преступностью на российском Дальнем Востоке и в странах АТР.....	189
<i>Сверкунов С. П.</i> Противодействие коррупционным преступлениям в Республике Казахстан.....	193
<i>Селиверстов А. Э.</i> Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание в уголовном праве России и Монголии.....	195
<i>Татаринев Р. А.</i> Предупреждение дачи взяток сотрудникам уголовно-исполнительной системы России и меры уголовной ответственности в сравнении с законодательством Китайской Народной Республики и Республики Корея.....	199
<i>Темников Д. И.</i> Сравнительно-правовой анализ закона о стрелковом оружии РФ и КНР.....	204
<i>Цзюй Ди.</i> Защита прав несовершеннолетних в Российской Федерации: законодательные аспекты	207
<i>Цивилев Д. Г.</i> Меры противодействия рецидивной преступности: российский и американский опыт.....	208
<i>Щедрин Д. Н.</i> Уголовное преследование: некоторые проблемы теории и практики.....	211

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

<i>Балданова Е. Э., Буторин И. В., Калашикова В. И.</i> Особенности применения полиграфа в уголовном процессе России и США.....	217
<i>Бахаев А. Н., Шатаева А. А.</i> Контроль и запись телефонных переговоров в уголовном процессе РФ и США: правовая регламентация и особенности производства.....	220
<i>Бертовский Л. В.</i> Соглашение о сотрудничестве с обвинением в странах АТР (компаративный анализ).....	223
<i>Бохач Д. Е.</i> Участие адвоката в уголовном судопроизводстве РФ и США.....	230
<i>Бочкарева В. В., Тугулов Т. Б.</i> Сравнительно-правовой анализ института поручительства в уголовно-процессуальном законодательстве России и Китая.....	232
<i>Денис С. Ю.</i> Криминалистические методы следственного осмотра в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительный анализ.....	234
<i>Непомнящих Н. В.</i> Сравнительно-правовой анализ процессуального статуса государственного обвинителя в уголовном процессе РФ и США.....	238
<i>Окороков Э. С.</i> Сравнительно-правовой анализ института мер процессуального принуждения в РФ и КНР.....	241
<i>Рампилова А. Н.</i> Институт поддержания государственного обвинения в России и Китае: сравнительно-правовой анализ.....	244
<i>Садикова Ю. В.</i> Право граждан на пересмотр приговоров, постановленных на основе вердикта коллегии присяжных заседателей: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и США.....	246
<i>Сат А. Х.</i> Судебно-товароведческая экспертиза, в сфере дистанционной торговли по законодательству России и Китая.....	250
<i>Филоненко Д. Г.</i> Зарубежный опыт становления и развития следственного действия — опознания.....	252
<i>Хлызова Н. В.</i> Институт представления сведений о доходах и расходах государственных служащих как мера противодействия коррупции в России и Китае.....	254

Научное издание

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ
В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА — IX**

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
с участием ведущих российских и зарубежных ученых*

(Улан-Удэ, 27–30 июня 2018 г.)

Оформление обложки
М. Д. Гармажаповой
Компьютерная верстка
Т. А. Олоевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 22.10.18. Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 26,81. Усл. печ. л. 15,11. Тираж 100. Заказ 176.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а